Фрэнсис Фукуяма

Великий разрыв

Москва. 2003

Содержание

Благодарности
Часть первая. Великий Разрыв
Глава 1. Игра по правилам
Глава 2. Преступность, семья, доверие: что произошло
Глава 3. Причины — с точки зрения здравого смысла
Глава 4. Причины — демографические, экономические и культурные
Глава 5. Особая роль женщин
Глава 6. Последствия Великого Разрыва
Глава 7. Был ли Великий Разрыв неизбежен?
Часть вторая. О генеалогии морали
Глава 8. Откуда появляются нормы?
Глава 9. Человеческая природа и социальный порядок
Глава 10. Происхождение сотрудничества
Глава 11. Самоорганизация
Глава 12. Технология, сети и социальный капитал
Глава 13. Границы спонтанности и неизбежность иерархии
Глава 14. За пределами Пещеры 76
Часть третья. Великая Реконструкция
Глава 15. Истощает ли капитализм социальный капитал?
Глава 16. Реконструкция: прошлое, настоящее и будущее
ПРИЛОЖЕНИЕ. Дополнительные данные и источники
Примечания автора
Литература
Василий Кузнецов. Об авторе

Моей матери, Тосико, и в память о моем отце, Йосио Фукуяма

Naturam expelles furca, tamen usque recurret, et mala perrumpet fiirtim fastidia victrix.

Вилой природу гони, она все равно возвратится. Тайно прорвавшись, она победит пресыщенье больное.

Гораций, Послания (I. x. 24—25)*

* Перевод Н. Гинцбурга. — *Примеч. пер.*

Благодарности

Части этой книги были прочитаны в качестве Тэннеровских лекций 1997 года в Брейзноз-колледже, Оксфорд. Версия главы 12, «Технология, сети и социальный капитал», была прочитана как Красновская лекция в Бизнес-школе Стерна при Нью-йоркском университете в феврале 1997 года. Тэннеровские лекции были опубликованы в Великобритании Фондом социального рынка отдельной брошюрой под заглавием «Конец порядка». Я благодарен Фонду Тэннера, сотрудникам Брейзноз-колледжа, Школы Стерна и Фонду социального рынка за их поддержку моих начинаний.

Очень полезными для меня были два семинара, на которых я сопредседательствовал: первый был посвящен новым проблемам науки, а второй — двойной революции: в информационных технологиях и в биологии. Они проводились сначала в Институте внешней политики при Школе передовых международных исследований Джонса Хопкинса, а затем в корпорации РЭНД и Университете Джорджа Мэйсона.

У меня есть очень длинный список людей, которых я должен поблагодарить за их советы и комментарии по поводу этого проекта, дававшиеся и когда эта книга существовала в форме лекций, и когда она приняла свой нынешний вид. Он включает следующих людей (хотя и не ограничивается ими): Кармен Боумен, Доминик Бруер, Леон Кларк, Марк Кордовер, Тайлер Кауэн, Рарта Дасгупта, Джон Дилулио, Эстер Дайсон, Ник Эберштадт, Джин Бетке Элштайн, Робин Фоке, Билл Гэлстон, Чарльз Грисволд, Лоренс Гаррисон, Джордж Холмгрен, Энн Халберт, Дон Кэш, Майкл Кеннеди, Тьоборн Кнутсен, Эндрю Кохут, Джессика Корн, Тиниур Куран, Эве-ретт Лэдд, С.М. Лиспет, Джон Л. Лок, Эндрю Маршалл, Пит Моллой, Дэвид Майерс, Дэвид Поупноу, Брюс Портер, Вен-ди Ран, Марцелла Рей, Стив Роудс, Ричард Роуз, Эйб Шулски, Марчелло Сайлс и группу интересов социального капитала штата Мичиган: лорд Роберт Скиделски, Торн Смит, Макс Стэкхаус, Нейл Стефенсон, Ричард Сведберг, Лайонел Тайгер, Эрик Услейнер, Ричард Велкли, Кэролайн Вагнер, Джеймс К. Уилсон, Клэр Волковиц, Майкл Вулкок и Роберт Райт.

Данные о преступности и семейных отношениях, использовавшиеся в этой книге, были собраны при помощи множества национальных статистических агентств. Я благодарю бесчисленное количество людей в этих учреждениях, которые ответили на мои запросы — часто горами крайне полезной информации.

Я благодарю научных сотрудников, которые помогали мне в ходе написания этой книги, это: Дэвид Маркус, Карлос Ариэйра, Мишель Брагг,

Санджей Марва, Бенджамин Эйлиен и Никилеш Прасад. Дэвид Маркус великодушно вызвался помогать безвозмездно; работа остальных пяти была поддержана грантом Фонда Линды и Гарри Брэдли. Я также благодарен моим ассистентам, Люси Кеннеди и Келли Лоулер, за всю их работу во время подготовки этой рукописи, и Цинтии Пэддок, Ричарду Шаму и Данило Пеллетье за помощь с научно-исследовательскими группами.

Я благодарен Адаму Беллоу, бывшему руководителю издательства «Фри Пресс», который согласился издать книгу первым, и Полу Голобу, нынешнему руководителю «Фри Пресс», который унаследовал проект и довел его до конца, помогая мудрыми редакторскими замечаниями. Эндрю Фрэнклин из «Проуфил Букс» в Великобритании является моим старым другом, много сделавшим в качестве редактора этой книги, как и двух предыдущих. Эстер Ньюберг и Хетер Шредер из «Интернэшнл криэйтив менеджмент» управляли делом на протяжении длительного времени и до завершения — как всегда превосходно.

Моя жена, Лаура, терпеливо читала все версии рукописи, а ее суждения, по мнению моего редактора, были намного более бесспорными, чем мои собственные.

Большая часть рукописи была подготовлена на собранном мною двухпроцессорном NT-компьютере с 232 Мб оперативной памяти и с быстрым графическим open-GL акселератором. Эта конфигурация была, конечно, избыточной для текстового редактора, но она очень хорошо подходила для запуска AutoCad и 3D Studio Max в фоновом режиме.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЕЛИКИЙ РАЗРЫВ

Глава 1
Игра по правилам

После индустриальной эры

В течение второй половины XX века в США — так же, как и в других экономически развитых странах — постепенно был осуществлен переход к тому, что получило название «информационное общество», «век информации» или «постиндустриальная эра»'. Футуролог Элвин Тоффлер дал этому переходу название «Третья волна», полагая, что в конечном итоге" она будет так же логична и последовательна, как и две предыдущие

волны в человеческой истории: переход от охоты и собирательства к земледелию, и далее — переход от земледелия к промышленному производству[2].

Этот переход состоит из ряда связанных друг с другом, элементов. В экономике производство как источник богатства все в большей степени заменяет сфера обслуживания. Типичный работник информационного общества занят не в, сталелитейном цехе или на автомобильной фабрике, а в банке, в фирме программного обеспечения, в ресторане, университете или в агентстве социального обслуживания. Роль информации и интеллекта, воплощенных как в людях, так и во все более умных машинах, становится всеобъемлющей, а умственный труд все в большей степени заменяет труд физический. Производство глобализируется по мере того, как недо рогие информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи — телевидение, радио, факс и электронная почта — размывают границы устойчиво существовавших в течение долгого времени культурных сообществ.

Общество, базирующееся на информации, все в большей степени способствует возрастанию свободы и равенства — двух вещей, которые люди в современной демократии ценят больше всего. Свободы выбора — будь то свобода выбора кабельных каналов, дешевых торговых центров или друзей в Интернете — приобретает все более неограниченный характер'. Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, предписаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации. Как раз такие негибкие корпорации, как старые «Интернэшнл бизнес машине» и «Американ телефон энд телеграф», дали дорогу меньшим, легче управляемым конкурентам; то же самое относится и к упадку СССР и Восточной Германии, произошедшему из-за их неспособности контролировать и использовать в собственных целях знания своих граждан.

Сдвиг в сторону информационного общества приветствовался практически всеми, кто о нем писал или говорил. Такие разные в политическом отношении авторы, как Джордж Джилдер, Ньют Гингрич, Эл Гор, Николе Негропонте, Элвин и Хейди Тоффлеры, рассматривали эти изменения как благо-приятные.для процветания, благотворные для демократии, для свободы и для общества в целом. Конечно, многие

преимущества информационного общества очевидны, но все ли его последствия носили такой уж позитивный характер?

Люди связывают информационный век с появлением в 90-х годах Интернета, но отход от индустриальной эры начался более чем на поколение раньше — с деиндустриализации Пояса Ржавчины в США и с подобного же отхода от промышленности в других индустриальных странах. Этот период, начиная примерно с середины 60-х годов и кончая началом 90-х, был также отмечен серьезным ухудшением социальных условий в большей части индустриализированного мира. Стали расти уровень преступности и социальная дезорганизация, в результате чего центральные районы городов богатейших стран становились почти непригодными для проживания. Продолжавшийся более двухсот лет упадок родственных связей как социального института резко ускорился во второй половине XX века. Рождаемость в большинстве европейских стран и в Японии упала до такого низкого уровня, что население этих государств в следующем столетии (при отсутствии подпитки иммиграцией) сократится; браки и рождения детей стали более редкими; увеличилось количество разводов; каждый третий ребенок в США рожден вне брака, это же относится к более чем половине всех детей в Скандинавии. Наконец, доверие к общественно-политическим институтам претерпевает глубокий упадок, длящийся уже сорок лет. В конце 50-х годов большинство населения США и Европы выражало доверие своему правительству и своим согражданам, но только незначительное меньшинство сделало это в начале 90-х. Характер участия людей в жизни друг друга также изменился. Хотя нет данных, подтверждающих, что люди стали меньше общаться, их взаимные связи имеют тенденцию становиться менее постоянными, налагающими меньше обязательств и включающими меньшее количество участников.

Эти перемены носили драматический характер, все они имели место во многих странах, находящихся примерно на одинаковом уровне развития, и происходили примерно в один и тот же период истории. Они и создали Великий Разрыв в социальных ценностях, преобладавших в обществе индустриального века в середине XX века, и выступают предметом первой части этой книги. Такие быстрые изменения в различных социальных показателях в одно и то же время являются в высшей степени нетипичными; даже не зная, почему так произошло, мы имеем основания подозревать, что перемены могут быть связаны друг с другом. Хотя консерваторы — например, Уильям Дж. Беннетт — часто подвергались критике за их зацикленность на теме морального упадка, они, по сути дела, правы: размышления о развале социального порядка — это не только

следствие ностальгии, недолговечной памяти или неосведомленности о гиперкризисах прошедших веков. Упадок легко видеть в статистике количества преступлений или детей, растущих без отца, пониженного качества и возможностей образования, подорванного доверия и т.п.

Было ли всего-навсего случайностью то обстоятельство, что все эти негативные социальные тенденции, которые в совокупности отражают деградацию социальных связей и общих ценностей, объединяющих на Западе людей, имели место именно тогда, когда экономика в этих обществах совершала переход от индустриальной эры к информационной? Гипотеза этой книги заключается в том, что данные тенденции на самом деле тесно связаны, и вместе со всеми благодеяниями, проистекающими из более сложной экономики, основанной на информации, в нашей социальной и моральной жизни произошли также определенные неблагоприятные изменения. Связи между двумя тенденциями были технологическими, экономическими и культурными. Меняющаяся сущность труда вела к замене физического труда умственным, побуждая тем самым миллионы женщин искать работу и подрывая традиционные представления, на которых была основана семья. Инновации в медицинских технологиях, такие как противозачаточные таблетки и увеличивающееся долголетие, уменьшили роль семьи и продолжения рода в жизни людей. На рынке и в лаборатории культура радикального индивидуализма способствует прогрессу и инновациям, но ведь она распространилась и в сфере социальных норм, где, в сущности, привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации. Полная картина, конечно, гораздо более сложна и различается от страны к стране. Но, говоря в общем, технологические изменения, которые на рынке способствуют тому, что экономист Йозеф Шумпетер назвал «творческим разрушением», повлекли за собой подобный же разрыв в мире социальных отношений. Было бы удивительно, если бы это было не так.

Однако в этом есть и своя положительная сторона: социальный порядок, однажды подорванный, стремится переустроиться заново, и имеется немало признаков того, что сегодня именно так и происходит. Подобного можно ожидать по одной простой причине: человеческие существа *по своей природе* — создания социальные: их наиболее глубокие побуждения и инстинкты ведут их к тому, чтобы творить моральные правила, которые связывали бы их вместе, образуя общности. Они также по природе существа еще и рациональные, и их рациональность позволяет им спонтанно создавать различные способы сотрудничества друг с другом. Религия часто способствует этому процессу, но она не является

обязательным условием социального порядка, как то полагают многие консерваторы. Не является им и сильное государство, расширяющее свою сферу влияния, как утверждают многие левые. Естественное состояние человека — не война «всех против всех», как полагал Томас Гоббс, а скорее гражданское общество, упорядоченное наличием множества моральных правил. Более того, эти утверждения эмпирически подтверждаются огромным количеством данных недавних исследований в таких разнообразных областях естественных наук, как нейрофизиология, генетика поведения, эволюционная биология и этология, а также в рамках биологически ориентированных подходов в психологии и антропологии. Изучение того, как возникает порядок — в том случае, если он появляется не в результате указа сверху, рожденного иерархической властью, политической или религиозной, но как результат самоорганизации независимых индивидов, — является одним из наиболее интересных и важных интеллектуальных процессов нашего времени. Поэтому во второй части этой книги мы отходим от непосредственных социальных проблем, поставленных Великим Разрывом, и задаемся более общими вопросами, например: откуда проистекает социальный порядок и как он развивается при меняющихся условиях?

Представление о том, что социальный порядок должен возникать благодаря централизованной, рациональной, бюрократической иерархии, тесно связано с индустриальным веком. Социолог Макс Вебер, исследуя индустриальное общество XIX века, утверждал, что рациональная бюрократия была, по сути, самой сердцевиной жизни общества. Однако сегодня мы знаем, что в информационном обществе ни правительства, ни корпорации не будут полагаться исключительно на формальные, бюрократические правила для того, чтобы организовывать людей, над которыми они имеют власть. Вместо этого они должны будут прибегнуть к децентрализации и распределению властных полномочий и положиться на самоорганизацию людей, над которыми они имеют номинальную власть. Предпосылкой подобной самоорганизации являются интернализированные правила и нормы поведения, которые предполагают, что мир XXI века будет в значительной степени зависеть от таких неформальных норм. Иными словами, хотя переход к информационному обществу и разорвал социальные нормы, современное высокотехнологическое общество не сможет без них обойтись и ощутит настоятельные побуждения к их воспроизводству.

В третьей части книги в поисках источников этого порядка мы бросим взгляд как на прошлое, так и в будущее. Мнение, что состояние морали общества уже долгое время находится в упадке, давно

поддерживается некоторыми консерваторами. Британский государственный деятель Эдмунд Берк утверждал, что само Возрождение, с его стремлением к замене традиции и религии разумом, является первичным источником этой проблемы, и современные наследники Берка продолжают утверждать, что секулярный гуманизм есть корень сегодняшних социальных проблем. Но, хотя консерваторы могут быть правы относительно того, что существовали важные факторы, из-за которых мораль на протяжении последних двух поколений падала, они склонны игнорировать тот факт, что социальный порядок — если рассматривать долгосрочные циклы — не только не приходит в упадок, но и улучшается. Так было в Британии и Америке на протяжении XIX века. Нельзя не заметить, что период с конца XVIII века до середины XIX был временем резко возросшего морального разложения в обеих странах. Уровень преступности практически во всех главных городах повышался, семьи распадались, и количество незаконнорожденных детей росло; люди были социально изолированы; потребление алкоголя, особенно в США, увеличилось и оказалось, в расчете на душу населения в 1830 году, примерно в три раза большим, чем сегодня. Но потом, с каждым десятилетием, начиная с середины столетия и до его конца, практически все эти социальные показатели начали демонстрировать позитивную динамику: уровень преступности упал; укрепились семьи; алкоголики стали бросать пить; появлялись все новые добровольные ассоциации, дающие людям ощущение принадлежности к социальной общине.

Сегодня имеются подобные же признаки того, что Великий Разрыв, который свершался с 60-х по 90-е годы, начинают идти на убыль. Уровень преступности в США и в других странах, в которых она в свое время стала эпидемией, резко упал. Количество разводов начиная с 1980-х годов уменьшилось, и есть признаки того, что, по крайней мере в США, число детей, рожденных вне брака, более не растет. В 1990-х годах доверие к институтам государства укрепилось, и гражданское общество кажется процветающим. Более того, имеется множество иногда даже анекдотических свидетельств возвращения консервативных социальных норм и выхода из моды наиболее крайних форм индивидуализма, которые появлялись на протяжении 70-х годов. Слишком рано утверждать, что ныне эти проблемы уже позади, но не следует также делать вывод, что мы не способны социально адаптироваться к технологическим и экономическим условиям эры информации.

Еще раз об общине и обществе

Разрыв в социальной организации вследствие технологического прогресса — это не новый феномен. В частности, с начала промышленной революции, по мере того как один производственный процесс сменялся другим, человеческие общества подвергались воздействию безжалостной модернизации.[3] Истоки нарушений социального порядка в Америке и в Британии в конце XVIII —начале XIX века можно проследить вплоть до последствий разрыва в эпоху так называемой первой промышленной революции, когда появление парового двигателя и механизации позволило создать новые производства в текстильной, железнодорожной и других отраслях промышленности. Сельскохозяйственные общины в течение, может быть, каких-то ста лет преобразовались в городские промышленные общества, и на смену всем накопленным социальным нормам и обычаям, присущим деревенской жизни, пришли ритмы фабрики и города.

Этот сдвиг в нормах и явился источником самой, вероятно, известной концепции современной социологии — разделения, проведенного Фердинандом Теннисом между тем, что он назвал Gemeinschaft (община) и Gesellschaft (общество)[4]. По Теннису, община (Gemeinschaft), которая была характерна для типичного старого европейского крестьянского уклада, характеризовалась сетью тесных личных связей, основанных в большой степени на родстве и на непосредственном, лицом к лицу, контакте, который имел место в небольшой изолированной деревне. Нормы были большей частью неписаные, а индивиды были связаны друг с другом узами взаимной зависимости, которые затрагивали все стороны жизни, от семьи и работы до тех немногих видов досуга, которые существовали в подобных общинах. Общество же (Gesellschaft) являлось структурой, характеризующейся законами и другими формальными правилами, присущими большим городским индустриальным сообществам. Социальные связи здесь были более формальными и безличными; индивиды были независимы от взаимной поддержки друг друга и, таким образом, имели друг перед другом намного меньше моральных обязательств.

С тех пор идея о том, что неформальные нормы и ценности со временем будут заменены на рациональные, формальные правила и законы, стала главным стержнем современной социологической теории. Английский правовед сэр Генри Мейн доказывал, что в старых обществах люди были связаны друг с другом отношениями, которые он назвал отношениями «статуса». Отец был на всю жизнь связан со своей семьей, господин — со своими рабами и слугами, и эта связь состояла из множества неформальных, негласных и часто не определенных четко взаимных обязательств. Никто не мог просто отказаться от этих отношений, если они

ему или ей не нравились. Мейн утверждает, что в современном капиталистическом обществе отношения, напротив, базируются на «контракте» — к примеру, формальном соглашении, согласно которому работающий по найму предоставляет определенное количество услуг в обмен на определенную заработную плату. Все обговаривается в трудовом контракте, который узаконивается государством; не существует каких-либо давно возникших обязательств или долга, которые бы сопутствовали обмену денег на услуги. Другими словами, в отличие от отношений статуса отношения контракта не являются моральными:

каждая сторона может разорвать его в любой момент, если только этим не нарушаются условия контракта[5].

Последствия перехода от сельскохозяйственных обществ к индустриальным так сильно сказались на социальных нормах, что породили совершенно новую академическую дисциплину — социологию, которая стремится описать и понять эти изменения. Практически все великие социальные мыслители конца XIX века — включая Тенниса, Мейна, Вебера, Эмиля Дюркгейма, Георга Зиммеля — посвятили свои исследования выяснению природы этого перехода. Американский социолог Роберт Нисбет однажды даже охарактеризовал все дальнейшее развитие своей дисциплины как один длинный комментарий к теме общины и общества.

Во многих типичных социологических текстах, написанных в середине XX века, переход от общины к обществу рассматривается так, как если бы он был однократным событием: общества были либо «традиционными», либо «современными», а «современные» общества каким-то образом завершили собой путь социального развития. Но американский средний класс 50-х годов — это отнюдь не вершина социальной эволюции, так что индустриальные общества скоро стали преобразовываться в то, что Даниел Белл охарактеризовал как постиндустриальное общество, или в то, что нам известно как информационное общество. Если эта трансформация имеет такое же важное значение, как и предыдущая, то нас вряд ли должно удивлять, что воздействие на социальные ценности окажется столь же огромным.

Почему общественный порядок важен для будущего либеральной демократии

Перед сегодняшней демократией информационного века стоит серьезнейший вызов — поддержать общественный порядок перед лицом технологических и экономических перемен. С начала 70-х до начала 90-х годов по Латинской Америке, Европе, Азии и по бывшему коммунистическому миру неожиданно прокатилась волна возникновения

новых демократических режимов, которую Сэмюэль Хантингтон нарек другой «третьей волной», на этот раз волной демократии[6]. Как я утверждал в своей книге «Конец истории и последний человек», за эволюцией политических институтов по направлению к современной либеральной демократии стоит жесткая логика, которая основана на корреляции между экономическим развитием и стабильной демократией[7]. В самых экономически развитых странах мира имеется совершенствующееся со временем соответствие друг другу политических и экономических институтов, и никаких очевидных альтернатив для либеральных политических и экономических институтов мы что-то не наблюдаем.

Однако совсем не очевидно, что из этого должна вытекать подобного же рода прогрессивная тенденция в моральном и социальном развитии. Возможно, что самое уязвимое место современной либеральной демократии, которое еще долго будет таковым оставаться, заключается в том, что она может стать жертвой чрезмерного индивидуализма; это особенно заметно в самой индивидуалистической демократии из всех — в США. Предпосылкой основания современного либерального государства было представление, что в интересах политического мира правительство не станет поддерживать каких-либо моральных требований со стороны религии и традиционной культуры. Церковь и государство должны были быть отделены друг от друга; необходим плюрализм мнений по поводу наиболее важных моральных и этических вопросов, касающихся окончательных целей или природы добра. Основной ценностью должна стать толерантность. Место морального консенсуса полагалось занять понятным законам и общественным институтам, обеспечивающим политический порядок. Такая политическая система не требовала от людей, чтобы они были особенно уж добродетельными, лишь бы они вели себя рационально и следовали закону в своих собственных интересах. Подобным же образом основанная на рынке капиталистическая экономическая система, идущая рука об руку с политическим либерализмом, требовала лишь того, чтобы люди принимали во внимание свои собственные долгосрочные интересы, которые заключаются в достижении результатов, оптимальных для общества, производства и распределения товаров.

Общества, созданные на этих индивидуалистических началах, функционировали чрезвычайно успешно, и сегодня, когда XX век завершился, вряд ли можно говорить о реальных альтернативах либеральной демократии и рыночному капитализму как фундаментальным принципам организации современного общества. Собственные интересы индивида — это менее благородная, но более стабильная основа для

общества, чем добродетели. Утверждение власти закона — одно из самых великих достижений западной цивилизации; достижение, преимущества которого становятся тем более очевидными, когда мы имеем дело с такими странами, как Россия или Китай, которые его лишены.

Но хотя формальный закон, а также сильные политические и экономические институты являются необходимыми, самих по себе их еще не достаточно для того, чтобы гарантировать преуспевание современного общества. Нормальная работа либеральной демократии всегда зависела от наличия определенных культурных ценностей, принимаемых обществом. Легче всего в этом можно убедиться, сравнивая между собой США и страны Латинской Америки. Когда в XIX веке Мексика, Аргентина, Бразилия, Чили и другие латиноамериканские страны добились независимости, многие из них приняли формальные демократические конституции и юридические системы, которые имели в качестве образца президентскую систему США. Однако с тех пор ни в одной латиноамериканской стране не удалось достичь политической стабильности, экономического роста и эффективной работы демократических институтов, характерных для США, хотя, к счастью, большинство из этих стран к концу 80-х годов вернулось к демократическому правлению.

Для такого положения дел было множество сложных исторических причин, но самая важная из них — это культурный фактор: США были основаны в первую очередь Британией и унаследовали не только британские законы, но и британскую культуру, в то время как Латинская Америка получила в наследство разнящиеся друг от друга культурные традиции Пиренейского полуострова. Хотя Конституция США устанавливает отделение церкви от государства, американская культура в годы своего формирования создавалась в значительной степени протестантскими сектами. Протестантизм усилил как американский индивидуализм, так и то, что Алексис де Токвиль назвал американским «искусством объединяться» — то есть тенденцию общества самоорганизовываться в мириады добровольных ассоциаций и общин. Жизненная сила американского гражданского общества была необходимой как для стабильности демократических институтов США, так и для их развивающейся экономики. Имперские же и римско-католические традиции Испании и Португалии, напротив, усиливали зависимость от крупных, централизованных институтов — таких, как государство и церковь, ослабляя, соответственно, независимое гражданское общество. Подобные же различия мы видим между северной и южной Европой — различие в способности заставить работать современные общественно-политические

институты также явилось результатом влияния религиозного наследия и культурной традиции. Проблема большинства современных демократий заключается в том, что они не могут принять свои культурные предпосылки как нечто незыблемое. Наиболее процветающим из них, включая США, повезло в том, что они сочетают сильные официальные учреждения с гибкой неформальной культурой, обеспечивающей устойчивость. Однако само по себе наличие таких государственных институтов еще не гарантирует, что упорядочиваемое ими общество под давлением технологических, экономических и социальных перемен будет продолжать пользоваться именно правильным видом культурных ценностей и норм. Имеет место как раз обратное: индивидуализм, плюрализм и толерантность, встроенные в формальные институты, обычно способствуют культурному разнообразию и, таким образом, несут в себе угрозу подрыва моральных ценностей, унаследованных из прошлого, а динамичная экономика технологических инноваций может, в силу своей природы, разрывать существующие социальные связи.

В таком случае вполне возможно, что общественная жизнь является в большей мере циклической, хотя крупные политические и экономические институты эволюционируют по долгосрочному секулярному пути. Социальные нормы, действующие на протяжении одного исторического периода, разрушаются в результате успехов технологии и экономики, и общество вынуждено сыграть в догонялки, чтобы переустроить себя в изменившихся условиях.

Ценность правил

Культурная связь между социальным разрывом и переходом в век информации символически проявилась в серии телевизионных рекламных передач, которыми был нашпигован телеэфир во время Олимпийских игр 1996 года в Атланте, штат Джорджия. Спонсируемые главной телефонной компанией Америки, они демонстрировали ряд мускулистых атлетов в хорошей физической форме, совершающих весьма неординарные вещи: взбегающих, например, вверх по стенам зданий, прыгающих со скалы в тысячефутовые каньоны и перепрыгивающих с крыши одного небоскреба на крышу другого. Голики были выстроены вокруг темы, которая в конце возникала на экране: «Пределов нет». Намеренно или нет, но совершенное телосложение атлетов напоминало о ницшеанском сверхчеловеке, богоподобном существе, не стесненном нормами обычной морали, таком, какого могла бы любовно изобразить Лени Рифеншталь — нацистский кинорежиссер.

Телефонные компании, которые спонсировали эти видеоролики, и рекламные агентства, которые их создавали, очевидно, стремились к тому, чтобы создать обращенный в будущее позитивный образ: в новом веке информационных технологий старые нормы рушатся, а компания-спонсор находится на передовой линии этой разрушительной работы. Подспудный смысл заключался в том, что старые нормы (по всей видимости — те, которые правили системами коммуникации до создания Интернета и телефонными монополиями) были ненужным и вредным ограничением не только для телефонных служб, но и для человеческого духа вообще. Даже и предсказать невозможно, каких высот мог бы достичь чело-иск, если бы только эти нормы были сняты, и компания-спонсор была бы совершенно счастлива помочь своим клиентам достичь этой земли обетованной. Как и те атлеты, мы могли бы тогда стать подобными богам.

Сознательно или нет, но создатели этих роликов исходили из весьма действенной культурной темы: освобождения индивида от ненужных, стесняющих его социальных ограничений. Начиная с 60-х годов по Западу прокатился ряд движений за либерализацию, которые добивались того, чтобы сделать индивида свободным от ограничений, налагаемых множеством традиционных социальных норм и правил морали. Сексуальная революция, требование равных возможностей для женщин и феминистское движение, движение за права геев и лесбиянок распространились по всему западному миру. Освобождение, которого добивается каждое из этих движений, касается социальных прав, норм и законов, которые неправомерно ограничивают возможности индивидов и их право выбора, будь то право молодых людей выбирать сексуального партнера, право женщин делать карьеру или возможность геев добиваться признания своих прав. Поп-психология, начиная с движения за человеческие возможности 60-х и кончая движением за чувство собственного достоинства 80-х, добивается освобождения личности от удушающих общественных ожиданий. Каждое из этих движений вполне могло бы принять девиз «Пределов нет» как свой собственный.

В этих усилиях по освобождению индивида от сковывающих его правил принимали участие как левые, так и правые, но акцент они ставили на разных вещах: левые заботились о стиле жизни, а правые заботились о деньгах. Первые не хотели, чтобы традиционные ценности безосновательно сковывали выбор женщин, меньшинств, геев, бездомных, людей, обвиненных в преступлениях, или каких угодно других групп, отторгаемых обществом. Правые же не хотели, чтобы сообщества налагали путы ограничений на то, что они могли делать со своей собственностью, или — в частности, в случае США — на то, что они могли делать со своим

огнестрельным оружием. Не случайно, что ролик, содержащий призыв «Пределов нет», был создан частной корпорацией высоких технологий, старающейся максимально увеличить свои прибыли, поскольку для процветания современного капитализма необходим отказ от старых социальных отношений, общественных образований и технологий в пользу новых, более эффективных. Как левые, так и правые обвиняли друг друга в чрезмерном индивидуализме. Те, кто поддерживал свободу выбора в вопросах планирования семьи, были склонны противодействовать свободе приобретения огнестрельного оружия или жгущих бензин автомобилей; тех же, кто желал неограниченной экономической конкуренции, устрашала перспектива подвергнуться нападению распоясавшихся преступников по дороге в дешевый супермаркет. Однако ни одна из сторон не желала ограничить свою сферу свободного выбора ради того, чтобы ограничить сферу другой стороны.

Как вскоре обнаружилось, с культурой неограниченного индивидуализма, в которой ломка правил становится в некотором смысле единственным правилом, связаны серьезные проблемы. Первая из проблем заключалась в том, что моральные ценности и общественные правила — не просто деспотические ограничения выбора, налагаемые на индивида, а скорее необходимые условия совместной деятельности любого типа. Действительно, социологи начали говорить о разделяемых обществом ценностях как о *социальном капитале.* Как и физический капитал (земля, строения, машины), как и человеческий капитал (способности и знания), социальный капитал производит богатство и, таким образом, является экономической ценностью национальной экономики. Он является также предпосылкой всех форм совместного предпринимательства, которые существуют в современном обществе, — от работы универмага на углу до лоббирования в Конгрессе и воспитания детей. Индивиды расширяют свои собственные возможности и способности, следуя правилам сотрудничества, которые, хотя и стесняют их свободу выбора, позволяют им вступать во взаимодействие с другими индивидами и координировать свои действия. Социальные ценности — такие, как честность, взаимность, выполнение обязательств — не являются предметом выбора, каким являются этические ценности; они имеют осязаемую стоимость в долларах и помогают группам, которые их придерживаются, достигать общей цели.

Вторая проблема, возникающая в связи с культурой крайнею индивидуализма, — это то, что он влечет за собой оторванность от общества. Общность не образуется каждый раз, когда группе людей случается взаимодействовать друг с другом; истинную общность скрепляют ценности, нормы и опыт, которые члены данной общности

разделяют. Чем глубже заложены эти общие ценности, тем сильнее чувство общности. Однако ограничение личной свободы ради принадлежности к группе многим не кажется необходимым. По мере того как люди освобождаются от традиционных связей со своими супругами, семьями, соседями, рабочими местами и церковью, они начинают думать, что смогут сохранить социальное общение, но теперь уже посредством тех связей, которые они сами для себя выбирают. Однако оказалось, что такое общение по выбору, которое они по собственному желанию могли бы начинать и прекращать, рождает в них чувство одиночества и дезориентации, тоски по более глубоким и постоянным отношениям с другими людьми.

Таким образом, лозунг «Пределов нет» оказывается сомнительным. Нам хочется нарушить правила, которые являются ненужными, несправедливыми, неправильными или устаревшими, и мы добиваемся максимального увеличения нашей личной свободы, но в то же время мы постоянно нуждаемся в новых правилах, которые дали бы возможность возникнуть новым формам сотрудничества и позволили нам чувствовать себя связанными друг с другом в общности. Эти новые правила всегда влекут за собой ограничение индивидуальной свободы. Общество, ориентированное на то, чтобы постоянно действовать наперекор нормам и правилам во имя роста индивидуальной свободы выбора, окажется все более и более дезорганизованным, атомизированным, изолированным и неспособным выполнять общие цели и задачи. То общество, которое не хочет «никаких пределов» для своих технологических инноваций, сталкивается с этим же самым «никаких пределов» и для многих форм индивидуального поведения, с ростом преступности, с распадом семей, с пренебрежением людей родительскими обязанностями, с отчуждением соседей, с отказом граждан от участия в общественной жизни.

Социальный капитал

Если даже мы в общем согласимся с тем, что человеческое общество испытывает необходимость в ограничениях и правилах, то тут же возникает вопрос: «Какие правила должны быть главными?»

В богатом, свободном и разнообразном обществе, сложившемся в США в конце XX века, слово *культура* стало ассоциироваться с идеей выбора. Другими словами, культура — это нечто, что художники, писатели и другие одаренные богатым воображением люди создают по подсказке внутреннего голоса; для тех же, кто менее склонен к творчеству, это то, что они выбирают для потребления в качестве искусства, кулинарии или видов развлечений. Довольно распространено, хотя и несколько поверхностно,

понятие культуры, которое ассоциируется с едой, особенно в ее этническом разнообразии:

иметь культурное разнообразие — это значит иметь большой выбор среди китайских, итальянских, греческих, тайских или мексиканских ресторанов. Более важные культурные выборы, в конце концов, тоже являются предметом хищнического потребления: в качестве примера можно привести героя Вуди Аллена, который, узнав, что у него рак на последней стадии, отчаянно пытается решить, будет ли он искать утешения как буддист или как кришнаит, как католик или как иудей.

Более того, нас учили, что в споре между конкурирующими культурными направлениями ни одно Не может считаться лучше других. В иерархии моральных ценностей толерантность оценивается весьма высоко, а морализаторство — стремление оценивать людей по своим собственным моральным или культурным меркам — считается смертным грехом. De gustibus non est disputandum[1]* — как и в случае вкуса национальной кухни, не существует способа оценки того, лучше один набор моральных правил другого или хуже. Этому учат не только сто-

* О вкусах не спорят *(лат.). — Примеч. ред.*

ронники мультикультурализма среди левых, но и либеральные экономисты из правых, которые сводят все человеческое поведение к преследованию индивидуальных «предпочтений», несводимых к какому-то одному из них[8].

Именно для того, чтобы обойти проблему культурного релятивизма, я сосредоточился не на основополагающих культурных нормах, а на некотором их подмножестве, образующем социальный капитал. Социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы. Если члены группы смогут рассчитывать на то, что другие будут вести себя честно и на них можно будет положиться, то они смогут доверять друг другу. Доверие подобно смазке, которая делает работу любой группы или организации более эффективной.

Само по себе принятие группой людей общих ценностей и норм не производит социальный капитал, потому что ценности могут быть и ложными. Взгляните, к примеру, на южную Италию, регион мира, для которого характерной чертой является недостаток социального капитала и всеобщего доверия, хотя там и существуют строгие социальные нормы. Социолог Диего Гамбетта рассказывает следующую историю:

Удалившийся от дел глава мафии вспоминал, что — когда он был маленьким мальчиком — его отец-мафиозо заставил его взобраться на

стену, а потом сказал ему, чтобы он спрыгнул, обещая поймать его. Мальчик сначала отказывался, но отец настаивал до тех пор, пока тот не прыгнул — и не растянулся ничком. Мудрость, которую его отец хотел до него донести, заключалась в следующем: «Ты должен научиться не доверять даже своим родителям»[9].

Для мафии характерен чрезвычайно строгий внутренний кодекс поведения, 1'omerta, о членах мафии говорят как о «людях чести». Тем не менее эти нормы не применяются вне узкого круга мафиози; суть большей части норм, которые исповедует остальная часть сицилийского общества, можно определить следующим образом: «старайся при каждом удобном случае обмануть людей, не являющихся членами твоей семьи, иначе они первыми обманут тебя», — но, как показывает приведенный Гамбеттой пример, возможно, даже на членов семьи нельзя положиться. Очевидно, что такие нормы не способствуют сотрудничеству в обществе, и существование негативных последствий, как для эффективного правления, так и для экономического развития, находит широкое эмпирическое подтверждение[10]. Южная Италия до сих пор является рассадником коррупции, заражающей политическую систему страны, она же является и одной из беднейших частей Западной Европы.

Нормы же, которые производят социальный капитал, должны, напротив, включать в себя такие ценности, как: правдивость, выполнение обязательства, сотрудничество с другими людьми. Неудивительно, что эти нормы в значительной степени совпадают с теми пуританскими ценностями, о которых Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» писал как о решающем для развития западного капитализма факторе.

Все общества имеют некоторый запас социального капитала; реальные различия между ними связаны с тем, что можно назвать «радиусом доверия»". Другими словами, нормы сотрудничества, такие как честность и взаимность, могут разделяться членами ограниченной группы людей, но не другими членами того же общества. Очевидно, что в любом случае семья — важный источник социального капитала. Какого бы низкого мнения ни придерживались американские родители насчет своих детей-тинейджеров, гораздо более вероятно, что члены одной семьи будут доверять друг другу, а не посторонним, и сотрудничать друг с другом будут больше, чем с по сторонними. Это причина того, что практически любой бизнес начинается как семейный.

Однако крепость семейных связей различается от общества к обществу и меняется в зависимости от других типов социальных обязательств. Иногда кажется, что существует нечто вроде обратной

зависимости между связями доверия и взаимности внутри и вне семьи: когда одно очень сильно, другое имеет тенденцию быть слабым. В Китае и в Латинской Америке семьи сильны и сплоченны, но трудно доверять незнакомцам, поэтому уровень честности и сотрудничества в общественной жизни невысок, следствием чего оказываются кумовство и повсеместное разложение общества. Вебер придавал важное значение протестантской Реформации не столько потому, что она поощряла честность, взаимные обязательства и бережливость среди предпринимателей, сколько потому, что эти ценности были в первую очередь широко распространены вне семьи[12].

Вполне возможно сформировать эффективно работающую группу при отсутствии социального капитала, применяя разнообразные механизмы формальной координации — такие, как контракты, иерархии, конституции, юридические системы и т.п. Но неформальные нормы весьма уменьшают то, что экономисты называют стоимостью сделки, — стоимость контроля, заключения контрактов, судебных тяжб, принудительного осуществления формальных соглашений. При определенных условиях социальный капитал может обеспечивать также и более высокую степень инноваций и групповой адаптации.

Социальный капитал дает преимущества, которые распространяются далеко за пределы экономической сферы. Он является необходимым условием создания здорового гражданского общества, то есть множество групп и объединений, занимающих место между семьей и государством. О гражданском обществе, которое со времени падения Берлинской стены привлекает к себе значительный интерес в бывших коммунистических странах, говорят как о решающем для успеха демократии факторе. Социальный капитал позволяет различным группам внутри неоднородного общества объединяться друг с другом, чтобы защищать свои интересы, которыми в противном случае может пренебречь могущественное государство[13]. Действительно, связь между гражданским обществом и либеральной демократией так тесна, что покойный Эрнест Гелнер утверждал, что последняя является реальным выражением гражданского общества'[4].

Несмотря на то что о социальном капитале и о гражданском обществе часто говорят как о полезной вещи, которой хорошо обладать, они не всегда приносят пользу. Координация необходима для любой социальной деятельности: как для полезной, так и для вредной. «Государство» Платона — это дискуссия между Сократом и группой его друзей о смысле справедливости. В первой книге Сократ указывает Трасимаху на то, что даже банда разбойников должна обладать чувством

справедливости среди них самих, иначе они не преуспеют в грабежах. Мафия и ку-клукс-клан являются составными частями американского гражданского общества; обе организации владеют социальным капиталом, но обе приносят ущерб здоровью общества в целом. В экономической жизни групповая координация необходима для одной какой-то формы производства, но когда меняются рынки или технологии, возникает необходимость в ином типе координации, возможно, с каким-то другим набором членов. Узы социального сотрудничества, которые поначалу способствуют производству, потом становятся для него помехой, как то было в случае многих японских корпораций в 90-х годах. Продолжая использовать экономическую метафору, с этой точки зрения о социальном капитале можно сказать, что он обесценивается и необходимо понизить его цену в балансе капитала страны.

Тот факт, что социальный капитал при случае может быть использован для разрушительных целей или что он может обесцениться, не входит в противоречие с общепринятым мнением, что вообще для общества им обладать желательно. Физический капитал, в конце концов, тоже не всегда полезная вещь. Он может не только обесцениться, но и быть использован для того, чтобы производить оружие, талидомид*, безвкусные развлечения и весь спектр других социальных зол. Однако в обществе имеются законы, запрещающие производство — с помощью физического или социального капитала — наихудших из социальных зол, поэтому мы можем допустить, что в большинстве случаев применение социального капитала даст не худший результат с точки зрения общества, чем результат использования физического капитала.

Именно такого взгляда придерживалась большая часть тех, кто применял это понятие. Впервые, насколько известно, термин «социальный капитал» был использован в 1916 году Лидой Джадсон Хэнифэн для описания школьных центров сельских общин[15]. Джейн Джейкобс использовала данный термин в своей классической работе «Жизнь и смерть великих американских городов», где указывала, что плотная сеть социальных связей, которые существовали в более старых кварталах смешанного городского типа, образовывала форму социального капитала, которая способствовала общественной безопасности[16]. Экономист Глен Лаури, так же как и социолог Айвен Лайт, использовала термин «социальный капитал» в 70-х годах для анализа проблемы экономического развития внутри городов: афроамериканцы испытывали недостаток связей доверия и социальной причастности (имевшихся у азиатских американцев и других этнических групп), что в значительной мере объясняло относительно слабое развитие негритянского предпринимательства[17]. В 80-

х термин «социальный капитал» был введен в более широкое употребление социологом Джеймсом Коулманом[18] и политологом Робертом Патнамом, последний из которых стимулировал оживленную дискуссию по по-

* транквилизатор с вредными побочными действиями. — *Примеч. ред.*

воду роли социального капитала и гражданского общества в Италии и в США[19].

Самый, пожалуй, главный теоретик социального капитала никогда не употреблял этого термина, но с большой ясностью понимал его важность: это был французский аристократ и путешественник Алексис де Токвиль. В своей работе «Демократия в Америке» Токвиль отметил, что Америка резко отличается от его родной Франции тем, что владеет богатым «искусством объединения», то есть население Америки привыкло для разных целей — как обыденных, так и серьезных — объединяться в добровольные ассоциации. Американская демократия и ее система ограниченного управления работала именно потому, что американцы столь успешно формировали ассоциации — как для гражданских, так и для политических целей. Эта способность самоорганизовываться, в сущности, означала не только то, что правительство не должно навязывать организацию в иерархической, сверху вниз, манере; гражданская ассоциация была еще и «школой самоуправления», которая учила людей совместному образу действий, который они перенесли с собой в общественную жизнь. Наверное, Токвиль согласился бы с утверждением, что без социального капитала не могло бы быть гражданского общества и что без гражданского общества не может быть эффективно работающей демократии.

Как измерить социальный капитал?

Ни социологи, ни экономисты не были довольны распространением термина «социальный капитал»; первые — потому, что рассматривают его как часть общей тенденции поглощения социальных наук экономикой, а вторые — потому, что питают его расплывчатым понятием, которое трудно, если не невозможно, сделать предметом измерения. И действительно, измерение полного запаса социальных отношений сотруд ничества, основывающихся на нормах честности и взаимности, — непростая задача. Раз мы утверждаем, что Великий Разрыв оказывал и продолжает оказывать воздействие на социальный капитал, необходимо найти эмпирическую основу для проверки, так ли это на самом деле.

Роберт Патнам утверждал, что качество руководства в различных регионах Италии коррелирует с социальным капиталом и что социальный

капитал в США начиная с 60-х годов находился в упадке. Что касается эмпирической обоснованности его заявления относительно США, то этот вопрос я рассмотрю в следующей главе. Его работа, однако, может послужить иллюстрацией некоторых трудностей измерения социального капитала. Патнам использует для измерения социального капитала два типа статистических данных. Первый — это информация о группах и о членах групп, от спортивных клубов и хоровых обществ до групп по интересам и политических партий, а также показатели степени политического участия — такие, как число участников голосования и читателей газет. Кроме того, существуют более детализированные опросы относительно бюджета времени и другие данные о том, на что люди тратят часы своего бодрствования. Второй тип — это исследования на основе опросов, таких, как Общий социальный опрос (ОСО) для США и Мировой опрос по ценностям (МОЦ) для других сорока стран по всему миру, которые включают ряд вопросов, касающихся ценностей и поведения.

Утверждение, что американский социальный капитал на протяжении двух последних поколений убывает, было подвергнуто резкой критике. Многие ученые либо указывали на противоречащие этому данные, показывающие, что в действительности количество групп и членов групп на протяжении двух последних поколений увеличивается, либо доказывали, что доступные данные просто не отражают реальности жизни групп в таком сложном обществе, как США[20]. Эти данные будут рассмотрены в главе 2.

Помимо вопроса, возможно ли осуществить исчерпывающий подсчет количества групп и их членов, с таким подходом связаны еще по меньшей мере три проблемы, касающиеся измерения. Первая заключается в том, что социальный капитал имеет важные качественные характеристики. Лига боулинга или клуб садоводов могут быть, как пишет Токвиль, школами сотрудничества и общественного служения, но очевидно, что с точки зрения видов коллективной деятельности, которую они осуществляют, эти институты весьма отличаются от корпуса морской пехоты США или мормонской церкви. По меньшей мере Лига боулинга не способна к высадке десанта. Адекватное измерение социального капитала требует принимать в расчет природу коллективной деятельности, на которую данная группа способна, что включает в себя: степень сложности выполняемых действий; ценность продукта, производимого группой; возможность производства продукта при неблагоприятных условиях.

Вторая проблема касается того, что экономисты назвали бы позитивной экстернальностью участия в группах или что может быть названо «позитивным радиусом доверия». Экстер-нальность — это прибыль или расход, выпадающие на долю тех, кто не участвовал в данной

деятельности. Стрижка вашего газона и уход за домом, чтобы он хорошо выглядел, — это примеры позитивной экстернальности, которые выгодны вашим соседям. Загрязнение окружающей среды — классический пример цены, которую должны платить люди, в нем неповинные. Хотя все группы нуждаются в социальном капитале, чтобы функционировать, некоторые создают узы доверия (а значит, и социальный капитал) не среди собственных членов. Как показал Вебер, пуританизм предписывал честность не только по отношению к другим членам своей религиозной общины, но и по отношению ко всем человеческим существам. С другой стороны, возможен случай, когда нормы взаимности распространяются только на членов какого-то под разделения внутри группы. Нет оснований полагать, что в так называемой членской группе — такой, например, как Американская ассоциация пенсионеров, насчитывающей свыше 30 миллионов членов, любые два ее члена будут доверять друг другу или совершат координированные действия только потому, что они платят ежегодные взносы в одну и ту же организацию.

Последняя проблема касается негативных экстернальнос-тей. Некоторые группы проявляют нетерпимость, ненависть и даже жестокость по отношению к тем, кто не является членом группы. Ку-клукс-клан, «Черные мусульмане» и Милиция Мичигана владеют социальным капиталом, но общество, состоящее из таких групп, будет не особенно привлекательным и может даже перестать быть демократией. Таким группам трудно сотрудничать друг с другом, и закрытость может сделать их менее приспосабливаемыми, изолируя от влияний окружающей действительности.

Должно быть ясно, что практически невозможно прийти, исходя из переписи групп, к правдоподобным цифрам, в которых бы выражался запас социального капитала такого большого и сложного общества, как США. У нас есть эмпирические данные различной степени надежности только для некоторой части групп, которые существуют в действительности, и нет никаких универсальных средств для оценки их качественных различий.

Как, в таком случае, можем мы судить о том, увеличивается или уменьшается социальный капитал в данном обществе? Одним из решений было бы в большей мере полагаться на второй из двух источников данных — на данные опросов по доверию и ценностям. Во многих долгосрочных общественных опросах респондентам прямо задаются вопросы, относящиеся к социальному сотрудничеству, такие как: доверяют ли они своим согражданам, готовы ли брать взятки или лгать в собственных интересах. С данными опросов, конечно, связа

но множество проблем — начиная с зависимости ответов от того, как сформулированы вопросы, и от того, кто их задает, и кончая отсутствием надежных данных для многих стран и многих периодов времени. Общий вопрос типа «Могли бы вы сказать, что в целом большинству людей можно доверять или что не следует быть слишком доверчивыми, имея дело с людьми?» (такой вопрос содержится как в ОСО, так и в МОЦ) даст не слишком много точной информации о радиусе доверия среди респондентов или об их склонности к взаимодействию с семьей, с людьми той же этнической или религиозной принадлежности, с совершенно незнакомыми людьми и т.п. Тем не менее такие данные существуют и будут здесь использованы в той мере, в какой они позволяют выявить общие тенденции.

Существует и другой, альтернативный подход. Вместо измерения социального капитала как позитивной ценности может быть легче измерить отсутствие социального капитала через традиционные измерения нарушений в функционировании общества — таких, как уровень преступности и наркомании, количество судебных разбирательств, самоубийств, распавшихся семей и случаев уклонения от уплаты налогов. В качестве допущения здесь принимается, что социальные отклонения ipso facto* отражают недостаток социального капитала, поскольку социальный капитал отражает существование норм сотрудничества. Хотя с показателями социальных дисфункций тоже скорее всего связаны определенные проблемы, эти данные в отличие от сведений по принадлежности к группам имеются в изобилии, и их можно сравнивать. Такая стратегия была применена Национальной комиссией по гражданскому обновлению для того, чтобы оценить степень гражданской свободы[21].

Нужно сразу же заметить, что с применением данных о социальных дисфункциях как негативной меры социального

* в силу самого факта *(лат.). — Примеч. ред.*

капитала связана одна весьма серьезная проблема: в них игнорируется распределение. Точно так же, как обычный капитал в обществе распределен неравномерно (как это отражается исследованиями распределения богатства и доходов), так и социальный капитал тоже, по всей видимости, должен быть распределен неравномерно: прослойки глубоко социализированных, самоорганизующихся индивидов могут сосуществовать с очагами крайней атомизации и социальной патологии. Использование социальных отклонений как заместителя меры социального капитала в определенной степени подобно оценке богатства всего общества

по данным об уровне нищеты (при таком подходе США оказались бы одной из наиболее бедных среди развитых стран).

С учетом этих различных соображений в данной книге будут рассмотрены три наиболее важных типа данных для измерения тенденций в изменениях социального капитала в развитом мире начиная с 50-х годов: (1) данные о преступности, основанные по большей части на самоотчетах агентств национального уголовного правосудия; (2) данные о семейном положении, включая рождаемость, браки, разводы, незаконнорожденных детей, опять-таки взятые из отчетов национальных статистических агентств;. (3) данные опросов по доверию, ценностям и гражданскому обществу. После приведения перечисленных данных в главе 2 глава 3 рассматривает общепринятые объяснения Великого Разрыва, большинство которых оставляют желать лучшего. В главах 4 и 5 обсуждаются специфические причины для каждого из феноменов, о которых идет речь.

Включение в список показателей социальных дисфункций данных по семьям многим покажется спорным. Некоторые утверждают, что не существует «нормального» типа семьи и что те огромные изменения, которые произошли в структуре семьи начиная с 50-х годов, просто отражают переход от одной формы организации семьи к другой. Семьи могут образовывать социальный капитал, но, как показывают приведенные выше примеры с семьями в Китае и странах, где распространен католицизм, они также могут быть препятствием для сотрудничества за пределами семьи. Моя позиция заключается в том, что нормы семьи образуют социальный капитал и в то же время являются решающим фактором для передачи социального капитала последующим поколениям и что такие феномены, как быстрый рост числа семей, возглавляемых одинокими женщинами, — весьма негативный социальный фактор. Обоснования этих положений приводятся в главе 6.

Имеются и другие типы показателей социального капитала, которые могут быть рассмотрены, но не включены сюда. К ним, например, относится число судебных разбирательств. Американцы известны своей склонностью к тяжбам и имеют намного большее количество юристов надушу населения, чем чюбое другое развитое общество. Вопросы, которые некогда улаживались рукопожатием, сейчас доводятся многими американцами до суда. Явный взлет количества судебных исков по поводу дел, которые кажутся тривиальными или абсурдными — вроде случая с женщиной, которой компанией «Макдоналдс» был компенсирован ущерб, возникший из-за того, что она пролила на себя кофе, оказавшийся слишком горячим, или случаев с детьми, которые обвиняют родителей в своей «тяжелой жизни» (возникшей из-за того, что те не сделали аборт), —

является свидетельством упадка уровня доверия в обществе, не говоря уже о здравом смысле.

К сожалению, трудно получить сравнительные данные о количестве судебных процессов и даже еще более трудно их интерпретировать, учитывая важнейшие различия в уголовном законодательстве и гражданских кодексах различных стран. Более того, не очевидно, что растущее количество тяжб п США непременно свидетельствует о более низком уровне социального капитала. В США имеется тенденция применять гражданский закон как замену государственному регулированию — к примеру, вместо того чтобы иметь правительствен ные учреждения инспектирования общественных бассейнов и американских горок, в этой стране полагаются на возможность частных лиц подать иск в суд на операторов бассейна или аттракциона, благодаря чему те должны воздерживаться от действий, угрожающих общественной безопасности. Таким образом, рост количества исков в США на самом деле может быть позитивным показателем социального капитала: вместо того чтобы для решения спора апеллировать к иерархическому источнику власти, частные стороны добиваются того, чтобы выработать справедливое соглашение между собой, хотя бы и при помощи легионов высокооплачиваемых юристов.

Замечание по поводу сравнительной методологии

В последующих главах будут представлены социологические данные по США, Великобритании, Швеции и Японии, а также использованы более обширные данные примерно по десяти другим развитым странам, включая Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Францию, Германию, Нидерланды, Италию, Испанию, Финляндию и Корею. Выбор первых четырех стран для диаграмм книги — просто иллюстративный; читателю, который желает ознакомиться с более подробными данными по другим странам, следует обратиться к приложению. Все эти страны являются членами Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР. (Данные по другим странам можно получить в Интернете по адресу: http:// www.mason.gmu/~ffukuyam/)

Изучая такие феномены, как неожиданный сдвиг в социальных нормах, чрезвычайно важно сравнивать данные по различным странам. В отличие от ученого-естествоиспытателя социолог не может произвести лабораторный эксперимент, в котором процесс проходил бы при контролируемых условиях, для того чтобы точно понять, какая причина какое следствие вызывает. Самое большее, что мы можем сделать, —

сравнить два общества, которые сходны во многих отношениях, но различны в какой-то одной частной области. Например, если мы хотим понять влияние более низких налогов на экономический рост, мы можем сравнить Новую Зеландию с Австралией 80-х годов. Сопоставление Новой Зеландии с Папуа Новой Гвинеей с точки зрения последствий налоговой политики не имело бы смысла. Эти две страны не только весьма различны в культурном отношении, но и находятся на таких совершенно различных, несоизмеримых уровнях экономического развития, что любые различия в экономическом росте были бы, как говорится, детерминированы в высшей степени избыточно.

Сравнительная методология в социальных науках имеет долгую историю, начиная с классических исследований — таких, как «Самоубийство» Эмиля Дюркгейма, который развил концепцию аномии, рассматривая количество самоубийств в ряде различных европейских стран в конце XIX века. Только сравнивая опыт одной страны с опытом других, подобных ей, мы можем надеяться найти объяснения для сложных феноменов и избегнуть чрезмерной узости. Американцы, к примеру, часто приписывают появление таких феноменов, как упадок уважения к власти, национальному опыту вроде вьетнамской войны или скандала Уотергейта. Хотя в некоторой степени уто, может быть, и так — но, как только мы узнаем, что уважение к власти пришло в упадок практически во всех других развитых странах, данное объяснение кажется уже менее правдоподобным.

Поскольку все социальные явления находятся в тесной сиязи с уровнем развития общества (если его измерять как величину валового внутреннего продукта — ВВП — на душу населения), развитые страны имеет смысл сравнивать только с другими развитыми странами. Как будет показано в следующих главах, азиатские страны с того времени, как они достигли такого же уровня развития, что и Британия или Франция, обнаружили весьма отличный от них уровень социальных дисфункций, а это говорит о том, что причина такого контраста лежит скорее в культуре, а не в уровне развития. Это объясняет и то, почему я не включил в эту книгу данные обо всех развитых странах. Не потому, что их опыт не является важным, а потому, что он во множестве аспектов настолько расходится с опытом США и других рассматриваемых здесь развитых стран, что оказывается не особенно полезным для интерпретации нашего собственного опыта.

Глава 2
Преступность, семья, доверие: что произошло

Начиная примерно с 1965 года большое количество показателей, которые можно использовать в качестве негативной меры социального капитала, в одно и то же время устремились вверх. Эти показатели подпадают под три общие категории: преступность, семья, доверие. Данные изменения имели место практически во всех развитых странах, за исключением Японии и Кореи. Как мы увидим, в этих изменениях существует множество закономерностей: скандинавские страны, англоязычные нации (США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия) и страны, где распространен католицизм (такие, как Испания и Италия), вели себя сходным образом. В некоторые страны эти изменения пришли позже, в разных странах они достигали различного уровня; что же касается США, то в этой группе они чаще всего представляли собой исключение в силу высокого уровня социальных отклонений. Однако все западные общества, раньше или позже, оказались подвергнуты воздействию Великого Разрыва.

Преступность

Существует тесная зависимость между социальным капиталом и преступностью. Если определить социальный капитал как норму взаимного сотрудничества, характеризующую отношения внутри группы людей, то преступность ipso facto отражает недостаток социального капитала, потому что она представляет собой нарушение норм сообщества. Другими словами, формальное уголовное право определяет минимальный набор социальных установлений, которых люди в обществе согласны придерживаться. Нарушить такой закон — значит нанести ущерб не только конкретной жертве преступления, но и более широкому сообществу и его системе норм. Вот почему, согласно уголовному законодательству, функция задержания и наказания нарушителя осуществляется государством, а не индивидом.

Конечно, мы определяем социальный капитал не как набор формальных законов, а как совокупность неформальных норм, способствующих поведению в духе взаимного сотрудничества. На этом уровне также существуют явные, хотя и несколько более сложные отношения между социальным капиталом и преступностью. Сообщества имеют как формальные, так и неформальные средства установления норм, а также контроля и наказания за преступления. В идеале, лучшая форма контроля за преступностью — это не многочисленные репрессивные полицейские силы, а сообщество, которое воспитывает своих молодых людей так, чтобы они, живя в обществе, в первую очередь подчинялись

закону, и посредством неформального общественного давления возвращает нарушителей на праведный путь.

В своей книге «Жизнь и смерть великих американских городов» Джейн Джейкобс говорит о способности социальных образований в старых городских кварталах обеспечивать общественную безопасность'. Такой район, как Норд-Энд Бостона, в первой половине XX века был населен в большой степени итальянскими эмигрантами и их потомками. Для стороннего наблюдателя он выглядел как запущенный и беспорядочный. Однако, хотя по сравнению с другими районами Бостона это сообщество и в самом деле было бедным, оно имело большой запас социального капитала, возникшего из отношений между семьями, которые жили в одном квартале. Джейкобс обращает внимание на то, что контроль за преступностью по большей части осуществлялся надзором взрослых в буквальном смысле слова: несколько взрослых всегда находились на улице, приглядывая за молодыми людьми, которые могли попасть в неприятности, и за чужаками, которые могли сбить их с пути. В таком плотно заселенном городском районе люди были на улице постоянно: работали, делали покупки, ели, выполняли поручения. Торговцы в особенности интересовались тем, что происходило возле лавок, поскольку преступность вредила их бизнесу. Смешанный характер района — он был частично жилым, частично коммерческим, с некоторым количеством легкой индустрии — был решающим фактором для увеличения числа «глаз на улице» в любой данный момент дня или ночи.

Джейкобс иллюстрирует власть такого рода социальной общности, описывая случай, который произошел под окнами ее дома в Манхэттене, когда какой-то мужчина пытался увести с собой маленькую девочку, а ребенок сопротивлялся этому:

Пока я наблюдала за сценой из нашего окна на третьем этаже, пытаясь сообразить, как вмешаться, если потребуется, я увидела, что необходимость в этом отпала. Из мясной лавки, расположенной в подвале многоквартирного дома, появилась женщина, которая со своим мужем содержит магазин; она находилась достаточно близко от нарушителя порядка, ее руки были сложены на груди, лицо выражало решимость. Джо Корнаккья, который со своими зятьями содержит лавку деликатесов, в тот же момент появился на другой стороне улицы. Несколько человек выглянули из окон, один из свидетелей происшествия тут же спустился и встал в дверях позади обидчика девочки. Двое посетителей бара рядом с мясной лавкой подошли к дверному проему и ждали, чем дело кончится. На моей стороне улицы я увидела слесаря и владельца прачечной — они вышли из своих мастерских;

1. за сценой наблюдали также из некоторых окон, помимо нашего. Мужчина не знал этого, но он был окружен. Никто не собирался позволить утащить девочку, даже если никто и не знал, кто она такая[2].

Джейкобс замечает, что девочку, как оказалось, тащил ее отец.

Соседи вроде тех, что были у Джейкобс в Манхэттене и в Норд-Энде, полагаются не на формальный полицейский контроль или на сильные социальные связи, которые существуют внутри семьи или в деревне. Соседи и прохожие на улицах — это не обязательно друзья или даже знакомые. Тем не менее даже в таком многолюдном, городском окружении общей заботы о порядке и общественных нормах было достаточно для того, чтобы сохранять низкий уровень преступности. Впоследствии многие такие районы были снесены ради плановой застройки, часто во имя урбанистического модернизма, который видел в аккуратных геометрических формах городов свою эстетическую цель[3]. Смешанные районы сменились монофункциональными пространствами, так что жилые районы сделались пустынными в рабочие часы, а на месте многолюдных улиц оказались огромные безлюдные парки и площадки для игр, которые бандиты и наркодельцы быстро прибрали к рукам. Взрослые ушли с тротуаров в свои квартиры в многоэтажных домах, и в результате уровень преступности стал резко повышаться. Некоторые наиболее кишащие преступностью жилые районы в Америке, такие, как Кабрини-Грин и Роберт Тейлор Хоумс в южной части Чикаго, — это результат проекта городского обновления 50-х и 60-х годов, не учитывавшего фактор социального капитала, вложенного в старые районы, которые они заменили. Неудивительно, что стратегия городского обновления в 90-х годах предусматривала снос многих из этих построек 50-х.

Обратная зависимость между социальным капиталом и уровнем преступности давно уже признана в криминологической литературе, хотя при этом и не обязательно используется данный термин. Роберт Парк и Чикагская школа социологии доказывали, что юношеские правонарушения связаны с социальными неурядицами, созданными урбанизацией, и что их предотвращение требует включения индивидов в детском возрасте в социальные структуры — такие, как церковь или школа[4]. Другие исследователи, например, современные криминологи Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, указывают на социальные нормы, которых неформально придерживаются сообщества за пределами семьи, как на источник социального порядка. В одном из исследований Сэмпсон, Стефан Рауденбуш и Фелтон Эрлз использовали данные опросов для того, чтобы измерить то, что они называют «коллективной действенностью» городских районов. В анкетах содержались такие вопросы: насколько вероятно, что

кто-нибудь в районе вмешается, если дети будут прогуливать школу или околачиваться на углу улицы; уважительно ли ведут себя дети в отношении взрослых; доверяют ли друг другу соседи. Анализируя данные о нескольких сотнях районов в Чикаго, исследователи показали, что переменные социального капитала строго коррелируют с отсутствием насилия в районах[5].

В полицейских государствах важность неформальных социальных норм в деле контроля над преступностью становится очевидной, когда формальный контроль ослабевает. Люди в авторитарных или тоталитарных обществах часто следуют закону более строго, чем в демократических обществах, но не стоит думать, что их законопослушание необходимо отражает изобилие социального капитала[6]. Оно может быть просто отражением страха перед драконовскими наказаниями, назначенными всеохватывающим репрессивным государством. При таких условиях преступность часто возрастает, когда государство приходит в упадок и люди больше не боятся полиции. Это случилось по всему бывшему коммунистическому миру, когда прирост уровня преступности весьма заметно увеличился после падения Берлинской стены в 1989 году. То, что мы наблюдали, было не обвальным падением социального капитала в России, Венгрии, Польше и других странах, а скорее обнаружением того, что уровень социального капитала при коммунистах уже был низким или исчерпанным. Это не должно нас удивлять, поскольку целью марксизма-ленинизма было уничтожение гражданского общества и горизонтальных связей между гражданами, на которых гражданское общество основано.

Преступность: общая картина

Американцам известно, что начиная с некоторого момента в 60-х годах уровень преступности начал расти — заметная перемена по сравнению с ранним послевоенным периодом, когда количество убийств и грабежей в США даже уменьшилось[7]. Подъем послевоенной волны преступности может быть датирован приблизительно 1963 годом, а с тех пор он быстро ускорялся. Неудивительно, что конец 60-х стал периодом, когда консерваторами в качестве главной политической цели выдвигался лозунг «Закон и порядок»; Ричард Никсон пришел к победе над Хьюбертом Хамфри в 1968 году отчасти потому, что он апеллировал к страху американцев перед растущей преступностью.

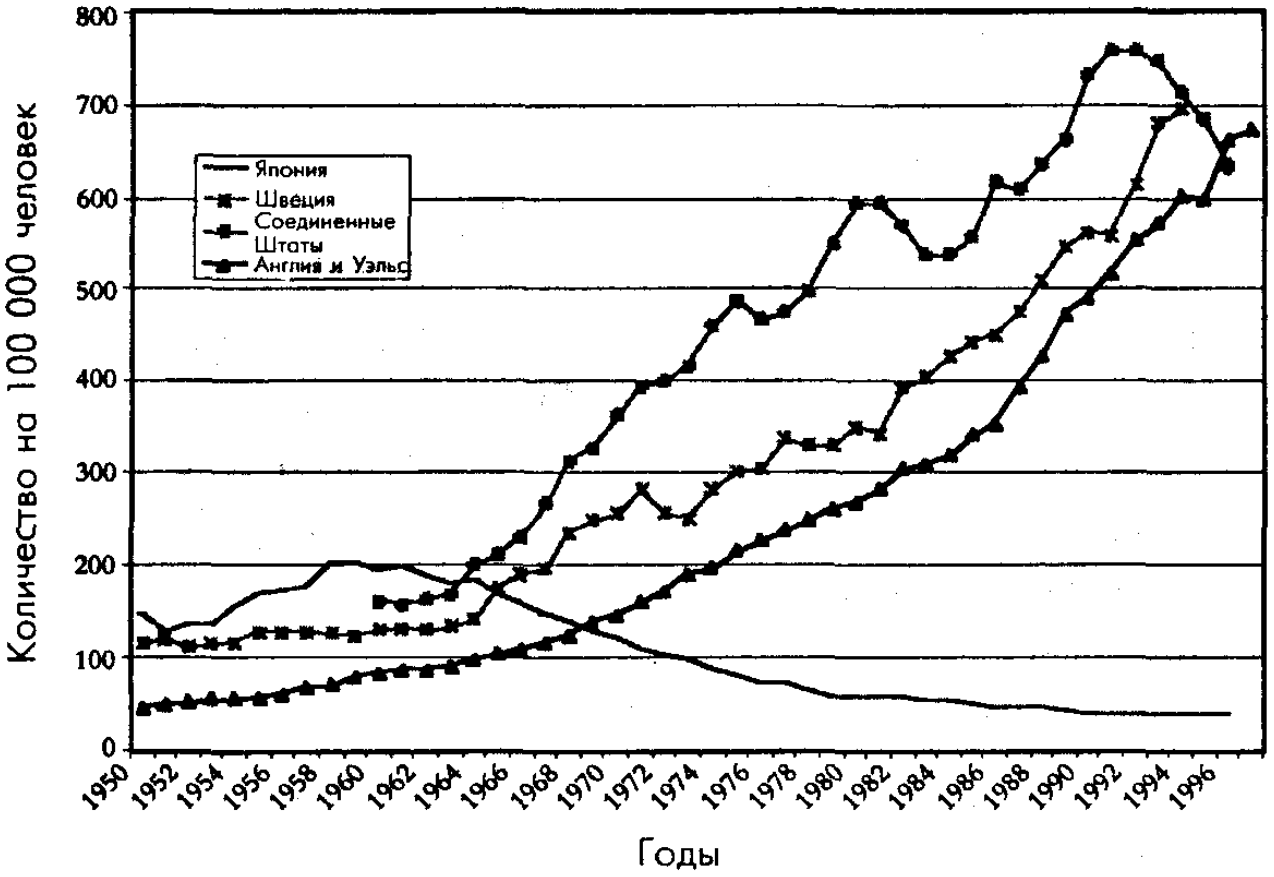
После некоторого спада в середине 80-х годов преступность в США в конце 80-х снова рванула вверх и достигла пика в 1991—1992 годах. С того времени и уровень насилия, и количество преступлений против

собственности в значительной степени снизились, причем снизились заметнее всего там, где в 60-е, 70-е и 80-е годы росли быстрее всего — в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Лос-Анджелесе и других больших городах. Сегодня количество убийств в Нью-Йорке снова такое же, каким оно было в 60-х годах, когда начался Великий Разрыв. Заметим, что скачок уровня преступности совпал с достижением взрослого состояния послевоенным поколением, родившимся в результате «беби-бума», — так же как и период упадка доверия и гражданской ответственности.

Американцы могут не осознавать, что точно такой же прирост преступности приблизительно в тот же период времени имел место практически во всех других неазиатских развитых странах. Диаграмма 2.1 показывает, что количество преступлений, связанных с насилием, быстро выросло в Швеции, в Англии и Уэльсе, в то время как в Японии оно снизилось. Уровень преступности, связанной с насилием, быстро увеличивался также в Канаде, Новой Зеландии, Шотландии, Финляндии, Ирландии и Нидерландах (см. Приложение). Состав насильственных преступлений в этих странах был разным; в США доля убийств в общем количестве преступлений, связанных с насилием, гораздо больше, чем в других странах, так что в целом американский рекорд, по всей видимости, был печальнее, чем это можно увидеть из диаграммы 2.1. Азиатские страны с высоким доходом населения — такие, как Япония и Сингапур — в этот период характеризуются уменьшающимся количеством насильственных преступлений.

Диаграмма 2.1

Общий уровень преступлений, связанных с насилием, 1950—1996 гг.



Источник: информацию см. в Приложении.

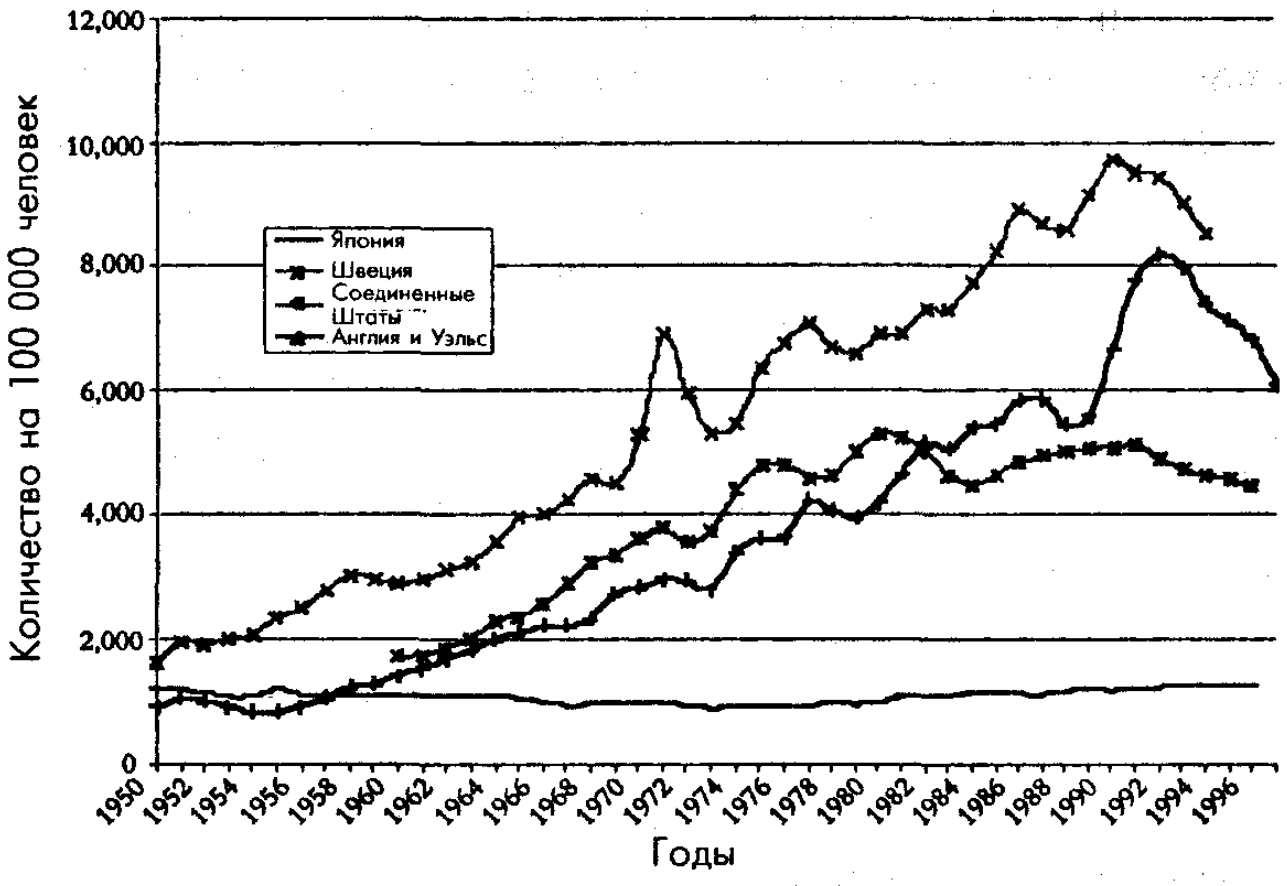
Пожалуй, преступления против собственности являются более удобной негативной мерой для социального капитала, чем преступления, связанные с насилием. Последние, убийства в особенности, — это относительно нечастые, индивидуальные акты, которые затрагивают относительно небольшую часть населения. Преступления против собственности, напротив, распространены гораздо шире и отражают поведение более широкой части населения. В 1996 году, к примеру, в США на каждое убийство приходилось 632 преступления против собственности. Этот факт усугубляет то обстоятельство, что насильственные преступления обычно в большей степени подаются средствами массовой информации как сенсации и, таким образом, вносят непропорциональный вклад в общественное восприятие общественной безопасности, а следовательно, и в состояние общественного доверия. Как показывает диаграмма 2.2, количество преступлений против собственности резко возросло в Англии и Уэльсе, в Швеции, так же как и в США. Многие другие страны, включая Шотландию, Францию, Новую Зеландию, Данию, Норвегию, Финляндию и Нидерланды, столкнулись с резким ростом количества краж. США здесь не являются чемпионом — за время жизни последнего поколения количество

краж в Новой Зеландии, Дании, Нидерландах, Швеции и Канаде оказалось больше, чем в США. И снова Сингапур, Корея и Япония выбиваются из этого ряда, отличаясь относительно низким количеством преступлений данного вида и отсутствием заметного роста количества преступлений против собственности за тот же период.

Как показывает диаграмма 2.2, в течение 90-х годов количество преступлений против собственности уменьшилось в США, Англии и Уэльсе, а также в Швеции. Уровень преступности упал и в Новой Зеландии, Канаде, Финляндии, Франции и Дании (см. Приложение).

Диаграмма 2.2

Общий уровень краж, 1950—1996 гг.



Источник: информацию см. в Приложении.

Количество преступлений «белых воротничков» может оказаться полезной мерой социального капитала, так как они часто совершаются не столько бедными маргинализирован-ными индивидами, сколько преуспевающими членами общества. К сожалению, данные о конторской преступности гораздо труднее использовать, чем данные по преступлениям, связанным с насилием, и по преступлениям против собственности. Степень точности сильно различается от страны к стране, а количество собранных данных и отчетов просто бездонно. Соответственно, они здесь не используются.

Помимо преступлений насильственных, преступлений против собственности и преступлений «белых воротничков» существует еще и четвертая категория нарушений, по которой имеется весьма немного статистических данных, но которая в действительности имеет поистине решающее значение для запаса социального капитала в конкретном обществе. Это то, что некоторые криминологи стали называть социальной дезорганизацией — то есть такие действия, как бродяжничество, расписывание стен, пьянство в общественных местах и попрошайничество[8]. Сорок лет назад, перед началом Великого Разрыва, большинство этих поступков в США и других развитых странах рассматривались как преступление; действительно, департаменты муниципальной полиции некогда тратили свое время по большей части на аресты пьяниц и на выдворение нищих. В серии судебных постановлений на глазах последнего поколения почти все эти виды деятельности в США перестали признаваться нарушением закона на том основании, что уголовные санкции нарушают права индивидов на свободу слова, надлежащую правовую процедуру и т.п. В Сан-Франциско, к примеру, количество арестов за пьянство снизилось с 60—70 % всех арестов в 50-е годы до 17 % в 1992-м; расцвело публичное пьянство, а также попрошайничество и бродяжничество[9]. Кроме того, в 70-х годах из клиник, в которых они прежде находились, были выпущены многие психически больные; хотя замысел состоял в том, чтобы обеспечить им более гуманное окружение, в результате городские улицы оказались заполнены толпами бездомных людей с психическими отклонениями. Нечто похожее имело место и в Британии, когда люди с серьезными расстройствами были выпущены под лозунгом «общественной заботы». Следствием этих изменений был рост чувства социальной дезорганизации во многих городах, что оказалось, как показал криминолог Уэсли Скоугэн, предвестником роста преступности[10].

В Азии картина сильно отличается от таковой в западных развитых странах. Четыре самых богатых государства на Дальнем Востоке — Япония, Южная Корея, Сингапур и Гонконг, ВВП на душу населения которых (по крайней мере перед азиатским экономическим кризисом 1997—1998 годов) был сравним с ВВП в Европе и Северной Америке — имели уровень преступности, который был ниже, чем практически во всех европейских странах. Динамика уровня преступности в Японии особенно интересна — там он не только существенно ниже, чем в любой другой стране ОЭСР, но и все показатели его к тому же падали в течение первой половины данного периода, причем и количество преступлений, связанных с насилием, на протяжении всего этого периода снижалось.

Данные на диаграммах 2.1 и 2.2 и в Приложении основаны на отчете национальных министерств юстиции или внутренних дел". Любой криминолог тут же заметит, что с использованием этих данных связано немало проблем даже для оценки действительного уровня преступности, не говоря уже о таком намного более аморфном понятии, как социальный капитал[12]. Наиболее серьезная проблема связана с тем, что показатели в отчетах полиции занижаются (или, в гораздо более редких случаях, завышаются). Полиции сообщается только о части преступлений, которые в действительности имели место (по одной из оценок, ограбления, о которых было заявлено, составляют только 44—63 % от всех совершенных); а количество преступлений, о которых полиция, в свою очередь, докладывает национальным статистическим агентствам, — это только часть преступлений, о которых ей было сообщено[13]. Нередко местные полицейские агентства разбираются с преступлениями, о которых было заявлено, на неформальной основе, без бумажной работы или отчетности. Криминологи согласны, что в большинстве стран достоверность отчетов полиции выросла, как только была усовершенствована система хранения записей, а правила регистрации преступлений систематизированы. Многие криминологи для того, чтобы определить реальный уровнь преступности в обществе, стали прибегать к опросам о виктимизации, а не к отчетам полиции[14]. Случайному набору респондентов задавался вопрос, были ли они когда-нибудь жертвами преступления; таким образом, подобные опросы оказываются независимы от полицейских данных. К сожалению, многие страны не ведут систематиче ские опросы о виктимизации, а те, которые их ведут (как США), делают это только с 70-х годов[15]. Полученные данные показывают, что занижение в отчетах полиции данных о преступлениях за прошедшие десятилетия могло быть существенным. С другой стороны, одно недавно проведенное британское сравнительное исследование показывает, что изменение уровня виктимизации более или менее повторяет уровень изменений в отчетности полиции, возрастая в нескольких странах на протяжении конца 80-х годов и после этого падая[16].

Методологические проблемы, связанные с имеющимися данными о преступлениях, побудили многих криминологов отойти от сравнительного анализа преступности или тенденций в динамике преступности на протяжении долгого периода времени[17]. Однако за деревьями они не видят леса. Даже если мы предположим, что в большинстве наиболее развитых стран имеет место постепенный рост качества полицейской отчетности, общий уровень роста преступности остается трагически впечатляющим. Трудно представить, что широкий подъем в столь большом количестве разных стран на протяжении достаточно длительного периода времени —

это всего лишь статистический артефакт, соответствующий общественному мнению, согласно которому преступность переживает подъем. Историк преступности Тэд Роберт Герр скептически относится к идее, что причина роста количества преступлений после Второй мировой войны может корениться в изменениях методологии отчетности полиции; он замечает, к примеру, что в экономически наиболее развитых странах уровень преступности падал между 1840 годом и началом XX века даже тогда, когда методы отчетности совершенствовались. Он утверждает, что реальное объяснение роста уровня преступности, отраженного в отчетах, может быть простейшим: «угрожающее социальное поведение... начало расти гораздо быстрее, чем оно до того уменьшалось»[18]. Действительно, многие исследования виктимизации показали, что от четы полиции довольно точно соответствуют общественному восприятию уровня преступности, когда эти преступления носят серьезный характер'[9]. Более того, трудно объяснить, почему четыре богатейших государства Азии кажутся избавленными от этой тенденции. Неужели они являются единственными развитыми странами, которые не усовершенствовали свои методы отчетности о преступности на протяжении последних двух поколений?

Семья

Наиболее заметные перемены в социальных нормах, которые и составили Великий Разрыв, произошли в области, связанной с рождаемостью, семьей и отношениями между полами. Сексуальная революция и рост феминизма в 60-е и 70-е годы затронули практически всех людей на Западе и привнесли огромные перемены не только в жизнь семьи, но и в отношения в офисах, на фабриках, с соседями, в добровольных объединениях, образовании и даже в армии. Изменения во взглядах на полоролевые особенности оказали серьезное воздействие на природу гражданского общества.

Между семьей и социальным капиталом имеется тесная связь. Во-первых, именно семьи образуют основную социальную единицу совместной деятельности, ту клеточку, в которой матери и отцу необходимо действовать сообща для создания ребенка, его воспитания и социализации. Джеймс Коулман, социолог, благодаря которому термин «социальный капитал» и вошел в широкое употребление, определил его как «набор ресурсов, заложенных в семейные отношения и социальную организацию сообщества, способствующих умственному или социальному развитию ребенка»[20]. Сотрудничеству внутри семьи способствует тот факт,

что оно необходимо биологически: все животные склонны к семейному существованию и готовы делиться ресурсами с генетическими родственниками, что в значительной степени увеличивает шансы на взаимность и долговременное взаимодействие внутри группы родственников. Склонность членов семьи к кооперации облегчает не только воспитание детей, но и другие виды социальной активности — например, предпринимательство. Даже в сегодняшнем мире больших обезличенных бюрократических корпораций доля мелких предприятий, большинство которых является семейными, составляет 20 % частного сектора занятости в американской экономике, и именно мелкий бизнес играет решающую роль в качестве инкубатора новых технологий и практик бизнеса[21].

С другой стороны, излишняя зависимость от семейных уз может иметь и негативные последствия для более широких общественных образований. Многие культуры, от Китая до Южной Европы и Латинской Америки, поощряют семейственность — то есть обычай ставить обязательства перед семьей и родственниками выше других видов социальных обязательств, что является источником двухуровневой морали, в которой моральные обязательства по отношению к общественной власти всех видов уступают таковым по отношению к родственникам. В случае такой культуры, как Китай, семейственности способствует преобладающая этическая система — конфуцианство. Для культуры такого типа характерен высокий уровень социального капитала внутри семьи и относительный недостаток социального капитала вне родственного круга.

Во многих классических социальных теориях, созданных в конце XIX века, предполагалось, что по мере того, как общество будет модернизироваться, семья будет играть все более незначительную роль и окажется заменена более безличными видами социальных связей. Это было одним из основных различий между обществом и общиной: в современном обществе, когда вы нуждаетесь в займе или хотите нанять бухгалтера, вы идете в банк, даете объявление или заглядываете в справочник «Желтые страницы», а не обращаетесь к своему кузену или дяде. Семейственность ведет к кумовству. Поэтому экономическая эффективность требует, чтобы партнеры но бизнесу, клиенты и банкиры выбирались без оглядки на чувства — на основании квалификации и способностей, а не по принципу кровной связи. Современная бюрократия (по крайней мере в теории) комплектуется не из членов семьи и приятелей, а из тех, кто отвечает объективным критериям работы или сдал квалификационный экзамен.

Итак, действительно, роль семьи уменьшилась практически во всех модернизирующихся обществах. В колониальной Америке, когда подавляющее большинство американцев жило на семейных фермах, семья

была основной производственной единицей, производя не только продовольствие, но и многие предметы домашнего хозяйства. Семья воспитывала детей, заботилась о престарелых и, принимая во внимание изоляцию и недостаток транспортных средств на большинстве ферм, сама являлась и главным источником развлечений. В последующем почти все из этих функций оказались переданы кому-то. Сначала мужчины, а потом и женщины стали искать работу вне домашнего хозяйства, на фабриках и в офисах; дети были отосланы в школы для получения образования, бабушки и дедушки — отправлены на пенсию или в дома престарелых, а развлечения стали обеспечиваться такими компаниями, как «Уолт Дисней» или «Метро-Голдвин-Майер». К концу XX века семья обрела нуклеарную форму, состоя из родителей и их детей, а в ее исключительном ведении осталась лишь репродуктивная функция.

Теория модернизации, популярная в социальных науках в середине XX века, не рассматривала семейную жизнь в качестве проблемы, заслуживающей особого внимания: в результате эволюции расширенные семьи должны были распасться на нуклеарные, которые больше соответствовали условиям жизни в индустриальном обществе. Но развитие семьи не закончилось в 1950 году. Во время Великого Разрыва даже нуклеарной семье стал грозить упадок, поставив тем самым под угрозу базовую функцию семьи — продолжение рода. В отличие от экономического производства, образования, проведения досуга и других функций, которые были вынесены за пределы семьи, в отношении производства потомства далеко не ясно, существует ли для него хороший заменитель вне нукле-арной семьи, а это, в свою очередь, объясняет, почему изменения в семейной структуре имели столь далеко идущие последствия для социального капитала.

Те изменения, которые произошли в семьях на Западе, знакомы большинству людей и отражаются в статистике по уровню рождаемости, количеству браков, разводов и внебрачных детей.

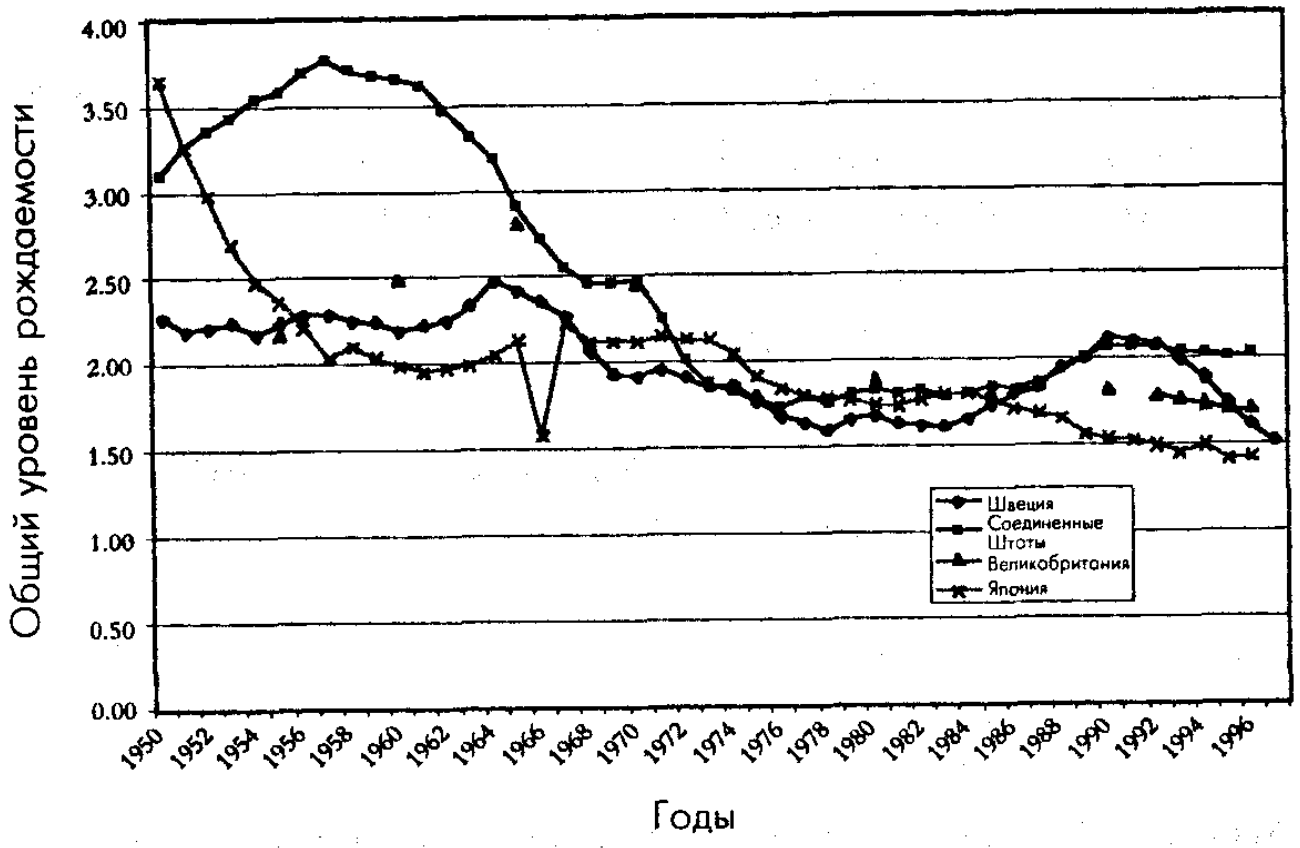
Рождаемость

Хотя кому-то и может показаться глупым обращать внимание на столь очевидные вещи, но социальный капитал не может существовать без людей, а западное общество не справляется с задачей воспроизводства себя самого в достаточной степени. Поколение, достигшее совершеннолетия в Америке и Европе в 60-х и 70-х годах, выросло, постоянно слыша о демографическом взрыве и о глобальном экологическом кризисе, и у многих до сих пор сохраняется твердое убеждение, что «перенаселение» —

это одна из основных угроз существованию человека в будущем. Наверное, для многих стран третьего мира так оно и есть, но перед всеми развитыми странами стоит прямо противоположная проблема — их население сокращается.

К 80-м годам практически все развитые страны испытали так называемый демографический переходный период, в течение которого общий уровень рождаемости (ОУР — среднее число детей, приходящееся на одну женщину в течение всей ее жизни) упал ниже уровня (немного больше двух), необходимого для поддержания стабильного уровня популяции[22]. Диаграмма 2.3 показывает общий уровень рождаемости для США, Великобритании, Швеции и Японии. В некоторых странах — таких, как Испания, Италия и Япония — уровень рождаемости опустился настолько ниже уровня восполнения, что их население в каждом последующем поколении будет в целом более чем на 30 % меньше, чем в предыдущем". При отсутствии крупномасштабной иммиграции из менее развитых стран население Японии и большей части Европы будет уменьшаться значительно больше, чем на 1 % в год — и так год за годом, пока к концу XXI века не останется только небольшая часть его нынешней численности. Япония была первой развитой страной, испытавшей быстрое снижение рождаемости, — обвал начался уже в 50-е годы. В результате в то время как благодаря демографической инерции общая численность населения в следующем столетии все еще будет расти, число трудоспособных жителей Японии уже к концу 90-х годов стало сокращаться, и к 2015 году при отсутствии массовой иммиграции снизится до 10 миллионов[24].

Диаграмма 2.3
Общий уровень рождаемости, 1950—1996 гг.



Источник: информацию см. в Приложении.

Переход к низкому ОУР в последние два десятилетия XX века имел и будет иметь особенно разрушительные социальные последствия в силу того, что он наступил за периодом относительно высокой рождаемости во время послевоенного «беби-бума». По причинам, которые мало кто из демографов может объяснить, «беби-бум» был особенно резко выражен в некоторых англоговорящих странах — таких, как США, Новая Зеландия и Австралия, однако только этими странами не ограничивался: Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия, Франция и Германия — все они после войны испытали прирост рождаемости. «Беби-бум» в англоговорящих странах начался в конце 40-х и достиг вершины в конце 50-х или в начале 60-х годов; Италия, Швеция и Франция достигли своего пика послевоенного уровня рождаемости только в середине 60-х годов или даже позже.

Низкие показатели рождаемости — это не новое явление, хотя уровень рождаемости, который находится настолько ниже уровня восполнения, прецедентов не имеет. Рождаемость во Франции начала падать уже в XIX веке и была предметом озабоченности французских политиков, обеспокоенных ее отставанием от уровня рождаемости в находящейся на подъеме Германии перед Первой мировой войной. Уровень был низким по всей Европе и в 30-е годы, когда некоторые интеллектуалы

начали дискуссию о значении и последствиях депопуляции[25]. Многие европейские страны — например, Франция и Швеция — пытались проводить политику поощрения рождаемости, предпринимая такие шаги, как выдача семье субсидии за каждого ребенка, вместе с социальными благами — например, обеспечением присмотра за детьми в дневное время и длительным материнским (и, все чаще, отцовским) отпуском для ухода за новорожденным. В большинстве случаев такие меры чрезвычайно дорогостоящи и к тому же оказывают весьма незначительное влияние на уровень рождаемости. Несмотря на значительную поддержку семей, уровень рождаемости во Франции остается низким. Швеция потратила в десять раз больше, чем Италия или Испания, чтобы побудить своих граждан заводить детей, и добилась, что в период между 1983 годом и началом 90-х годов рождаемость снова поднялась почти до уровня восполнения; но в середине 90-х она опять начала падать и сейчас находится на низкой отметке — 1,5.

Браки и разводы

Помимо того, что западные семьи стали меньше по размеру и перестали себя восполнять, они начали еще и распадаться, следствием чего был рост количества детей, рожденных вне брака или переживших в какой-то момент своего детства распад брака своих родителей. В свете многочисленных свидетельств того, что уже долгое время нуклеарная семья находится в упадке и что это имеет серьезные последствия для детей, остается только удивляться, как социологи пытались на протяжении столь долгого времени утверждать, будто никаких значимых изменений не произошло. Социолог Дэвид Поупноу отмечает, что в те самые годы, когда происходил Великий Разрыв, для учебников по социологии было обычным делом осыпать насмешками «миф об упадке семьи»[26]. В 50-е годы и начале 60-х это могло отражать тот факт, что сплоченность семьи в США и в Западной Европе увеличилась, как и уровень рождаемости во время «беби-бума». Депрессия и Вторая мировая война оказались причиной значительных нарушений в структуре семьи, но к концу 50-х годов стабильность вернулась и даже поднялась выше довоенного уровня.

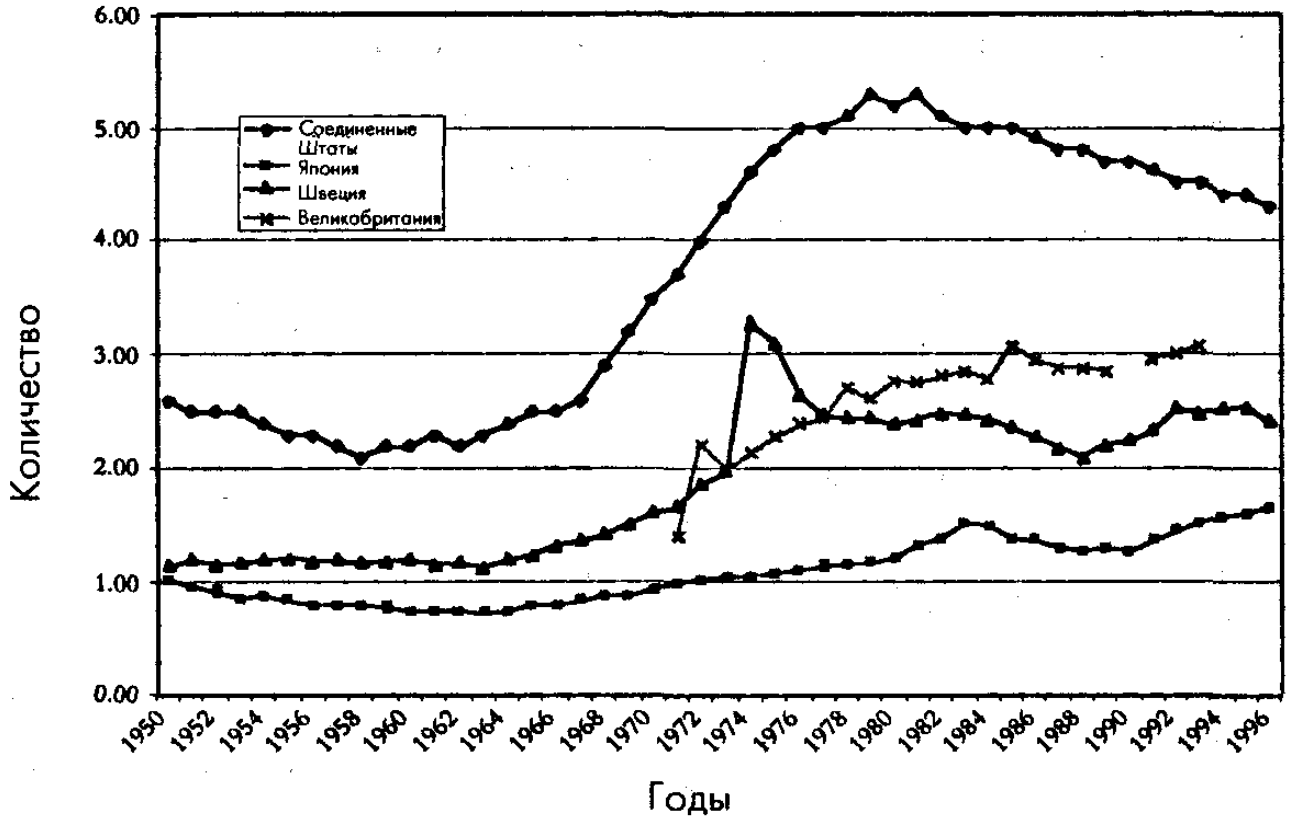
Однако к 70-м и 80-м годам показатели начали резко снижаться. Люди стали вступать в брак в более позднем возрасте, оставались в браке менее продолжительное время, количество же повторных браков уменьшилось. Как и в случае с уровнем рождаемости, в 60-е годы в США, Нидерландах, Новой Зеландии, Канаде и в других странах наблюдалось увеличение количества браков; однако начиная с 70-х годов оно резко

снизилось. Со времен Гражданской войны количество разводов в Америке возрастало каждые десять лет, но с середины 60-х темпы изменений стали значительно ускоряться. Хотя рост количества разводов в 80-х годах выровнялся, это отражает не столько увеличение стабильности брака, сколько выход поколения «беби-бума» из того возраста, когда развод наиболее вероятен. Можно было ожидать, что в США разводом закончится примерно половина всех браков, заключенных в 80-е годы; соотношение же числа разведенных и состоящих в браке подскочило даже до более высокого уровня благодаря тому, что этот процесс сопровождался еще и снижением количества браков. На протяжении последних тридцати лет в США в целом этот уровень вырос более чем в четыре раза[27].

Как и в случае с преступлениями, связанными с насилием, США далеко опережают другие страны по склонности населения к разводам. И в начале периода Великого Разрыва, и в конце его количество разводов там было значительно выше, чем в других развитых странах, хотя резкий рост числа разводов был характерен и для большинства европейских стран. Диаграмма 2.4 иллюстрирует это. После выравнивания в 1950-е годы относительно высокого уровня разводов военного времени во второй половине 60-х семьи в Нидерландах, Канаде, Британии и практически во всех скандинавских странах начали распадаться чаще. Есть некоторые индивидуальные варианты: Германия и Франция имели относительно низкие показатели, в то время как скандинавские страны и Британия отмечались более высокими цифрами числа разводов. В таких европейских католических странах, как Италия, Испания и Португалия, развод не был узаконен почти до конца этого периода (изменения в законодательстве произошли лишь в 1970-м, 1981-м и 1974 годах соответственно), и в них сохраняется относительно низкий, хотя и растущий уровень числа разводов[28]. Япония также стоит особняком, лишь ненамного опережая в этом отношении католические страны южной Европы.

Диаграмма 2.4

Общий уровень разводов, 1950—1996 гг. (на 1000 человек)



Источник: информацию см. в Приложении.

Рождаемость вне брака

Устойчиво растет процент детей, рожденных вне брака. В США отношение числа детей, рожденных незамужними женщинами, к числу новорожденных в полноценных семьях подскочило с менее чем 5 % в 1943 году до 31 % в 1993-м[29]. Уроне нь внебрачной рождаемости значительно меняется в зависимости от расовой и этнической принадлежности. В 1993 году у белых она составила 23,6 %, а у афроамериканцев — 68,7 %[30]. Безотцовщина — это условие жизни значительного большинства черных американских детей, а в наиболее бедных районах очень редко можно встретить ребенка, отец которого являлся бы мужем матери.

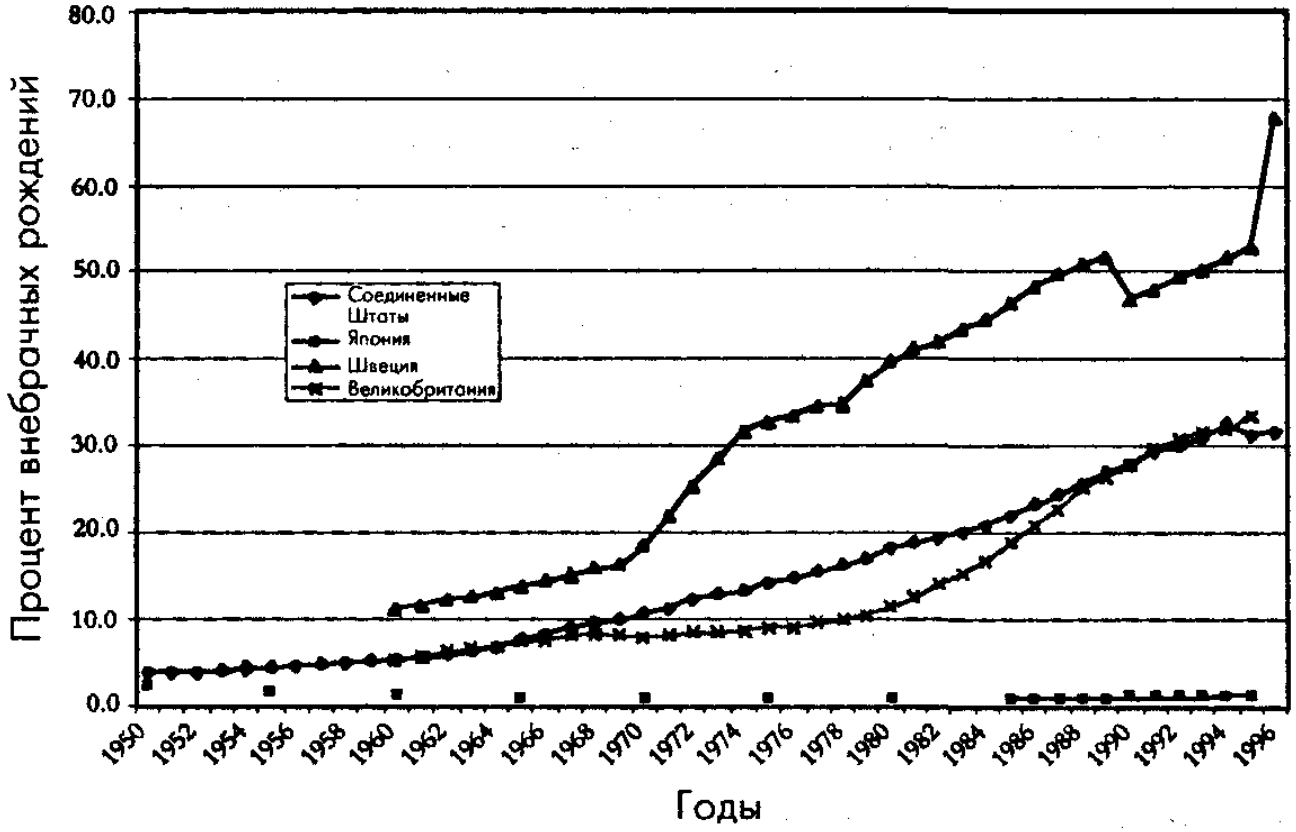
Следует заметить, что с 1994-го по 1997 год процент одиноких матерей в США перестал возрастать и стабилизировался[31]. Падение количества рождений у тинейджеров, подавляющее большинство которых не состоит в браке, было более заметным: от 62,1 на 1000 женщин в возрасте 15—19 лет в 1991 году до 54,7. Падение уровня стало особенно значительным у черных тинейджеров, составив между 1991-м и 1996 годами 21 %[32]. Хотя эти изменения не так заметны, как падение уровня преступности в 90-е годы, они наводят на мысль, что взрыв внебрачной

рождаемости, может быть, и не является улицей с односторонним движением.

Некоторые исследователи считают, что причиной такого заметного роста соотношения числа рождений вне брака и рождений в браке является не столько увеличение числа детей, рожденных незамужними женщинами, сколько резкое падение уровня рождаемости у замужних женщин[33]. Этот факт часто приводят в качестве доказательства того, что относительно высокий процент внебрачной рождаемости в США не должен вызывать беспокойства. На самом деле не вполне ясно, почему нас должен утешать тот факт, что те самые женщины, которые больше всего способны правильно заботиться о детях и растить их, решили иметь меньше детей, тогда как те, которые менее способны к этому, имеют больше детей. Рост рождаемости у незамужних женщин после середины 70-х годов не был незначительным, более того, с тех пор он вырос более чем в два раза, хотя в 1990 году выровнялся и после этого стал уменьшаться[34].

Если мы теперь перейдем от США к остальным членам ОЭСР, то увидим, что Америка не является таким уж из ряда вон выходящим случаем: фактически все индустриализированные страны, опять-таки за исключением Японии и католических стран — таких, как Италия и Испания, — испытали чрезвычайно быстрый рост уровня внебрачной рождаемости (см. диаграмму 2.5 и Приложение). Хотя некоторые страны — например, Франция и Великобритания — испытали рост этого уровня несколько позже, чем США, этот рост, когда он произошел, был даже более заметным. В Скандинавии процент внебрачных детей — самый высокий в мире, причем он значительно выше, чем в США. В Европе Германия и Нидерланды, с их относительно большой долей католического населения, имеют относительно низкий процент внебрачных рождений, а в Италии этот процент еще меньше. По показателям внебрачной рождаемости особняком стоит Япония — соответствующий уровень в ней и значительно ниже, чем в любой европейской стране, и к тому же не обнаруживает заметной тенденции к росту.

Диаграмма 2.5
Внебрачная рождаемость, 1950—1996 гг.



Источник: информацию см. в Приложении.

Внебрачная рождаемость в Европе несет в себе другой смысл, нежели в США, поскольку в большинстве европейских стран значительно распространено внебрачное сожительство. Между двадцатью и двадцатью четырьмя годами 45 % датских женщин, 44 % шведских и 19 % голландских состоят 11 фактическом браке — против только 14 % американок[35]. В США приблизительно 25 % всех рождений вне брака происходит в сожительствующих парах; во Франции, Дании и Нидерландах этот процент намного выше, а в Швеции число таких рождений достигает 90 %[36]. Очень трудно получить точные статистические данные по количеству сожительствующих пар в различных странах и по динамике этого количества в процентном отношении ко всем парам, но все исследователи сходятся в том, что переход от брака к сожительству был значительным[37]. В Швеции количество заключенных браков сегодня так низко (3,6 на 1000 населения), а количество сожителей так велико (30 % всех пар), что можно утверждать: институт брака там переживает долговременный упадок[38]. США стоят особняком как по числу детей, рожденных матерями-одиночками, так и по подростковому материнству[39].

Число детей, живущих только с одним родителем, по данным за любой год, — следствие нескольких факторов: внебрачной рождаемости,

распространенности сожительства, количества разводов и распавшихся сожительствующих пар, количества повторных браков и повторного сожительства. Соответственно, в США широко распространены семьи с одним родителем, поскольку там имеет место высокий уровень внебрачной рождаемости, высокий уровень разводов и низкая распространенность сожительства.

То, что многие европейские пары, имеющие детей, чаще сожительствуют, чем состоят в браке, не значит, что семейная жизнь продолжается без каких-либо потрясений, которые испытали американские семьи. Сожительство является более нестабильным образованием, чем брак. Демографы Ларри Бампас и Джеймс Суит обнаружили, что союзы, которые возникли как сожительство, не только распадаются через десять лет с вероятностью в два раза большей, чем первые браки, но и браки, в которые вступают после периода сожительства, также являются менее стабильными, чем браки без предшествующего сожительства[40]. Это противоречит распространенному мнению, что предварительное сожительство благоприятствует браку, потому что партнеры могут лучше узнать друг друга до того, как принять на себя обязательства. Другие исследования показали, что сожительство также в большей мере коррелирует с домашней агрессией и социальной изоляцией, чем брак[41].

Швеция отличается как высоким уровнем внебрачной рождаемости, так и высоким процентом сожительствующих пар. Таким образом, шведский ребенок с гораздо большей вероятностью будет жить в семье с обоими биологическими родителями, чем маленький американец. С другой стороны, за последнее время количество разводов в Швеции быстро растет и страна по этому показателю занимает первое место среди европейских стран. Поскольку в Швеции так мало людей заботятся о том, чтобы заключить брак, уровень распада сожительствующих пар является более значимой мерой стабильности семьи, чем уровень разводов. Впрочем, эти статистические данные чрезвычайно трудно оценить. Обследование группы из 4300 шведских женщин, рожденных между 1936-м и 1960 годами, показало, что вероятность того, что сожительствующие пары с одним ребенком окажутся распавшимися, в три раза больше, чем для пар, состоящих в браке. Представляется естественным, что союзы при сожительстве будут менее устойчивыми, чем браки. По всей видимости, причина, по которой пары выбирают сожительство, заключается в отсутствии согласия на пожизненное партнерство. Так или иначе, сожительство создает меньше законных препятствий к тому, чтобы разорвать отношения. Это приводит Дэвида Поупноу, как и других исследователей, к заключению, что, возможно, в индустриализированном

мире Швеция сегодня находится на первом месте по количеству распавшихся семей[42].

Ни количество разводов, ни уровень внебрачной рождаемости, ни количество семей с одним родителем сами по себе не отражают действительной ситуации с детьми, испытавшими распад семьи и жизнь в семье с одним родителем или без родителей вообще. Из 67 % детей, рожденных в 90-е годы в США родителями, состоящими в браке, не менее 45 % к тому времени, когда им исполнится 18, будут свидетелями развода своих родителей[43]. В некоторых этнических популяциях — таких, как афроамериканцы — этот процент намного больше, в результате чего случаи жизни ребенка с обоими родителями на протяжении всего детства там относительно редки.

Не следует думать, что эти показатели совсем не имеют исторических прецедентов. В колониальной Америке менее чем половина всех детей достигали возраста 18 лет, живя с обоими еще живущими биологическими родителями[44]. Отличие, конечно, в том, что в XVIII веке в подавляющем большинстве случаев потеря родителей была обусловлена болезнью или ранней смертью, тогда как в конце XX века это случается в большой степени в результате выбора родителей. Некоторые исследователи используют данный прецедент для доказательства того, что современное количество семей с одним родителем не является таким уж злом для детей, как это обычно считается, — весьма странный аргумент. Несомненно, в прошлые столетия смерть одного из родителей была травматическим событием для ребенка, событием, чреватым большим риском для шансов ребенка выжить; то, что с тех пор продолжительность жизни резко возросла, — одно из величайших достижений современного здравоохранения. Вряд ли стоит со спокойствием воспринимать тот факт, что в конце XX века мы ухитрились воспроизвести условия жизни колониальной Америки. Более того, имеются важные свидетельства в пользу того, что психологическая травма, созданная добровольным разрывом семейных отношений, больше, чем в том случае, когда он бывает вынужденным[45].

Трудно не прийти к выводу о повсеместном ослаблении нуклеарной семьи, причем те функции, которые у нее еще остались — такие, как продолжение рода, — также выполняются хуже[46]. Это неизбежно должно оказать серьезное воздействие на социальный капитал, поскольку семья — не только источник, но и передатчик социального капитала.

Следующий набор данных касается измерения социального капитала вне семьи.

Доверие, моральные ценности и гражданское общество

Каждый, кто жил в десятилетия между 50-ми и 90-ми годами в США или других западных странах, вряд ли мог не заметить огромные перемены в ценностях, которые имели место на протяжении этого периода. Эти перемены в нормах и ценностях сложны, но могут быть подведены под общую рубрику *возрастающего индивидуализма.* Применяя терминологию Ральфа Дарендорфа, традиционные общества имеют мало возможностей выбора и много связей (то есть социальных связей одних людей с другими): личные предпочтения человека мало что значат при выборе партнера по браку, работы, в отношении того, где жить и во что верить; люди часто стеснены угнетающими узами семьи, племени, касты, религии, феодальных обязательств и т.д.[47] В современных обществах степень свободы выбора для индивидов чрезвычайно возросла, в то время как узы, связывающие их с системой социальных обязательств, заметно ослабли.

По наиболее оптимистическому сценарию, в современной жизни связи не упраздняются в полной мере. Вместо этого принудительные связи и обязательства, основанные на унаследованной принадлежности к социальному классу, религии, полу, расе, национальности и т.д., заменяются связями, принимаемыми добровольно. Люди не становятся меньше связанными друг с другом, просто они поддерживают отношения только с теми, кого сами выбирают. Трудовые союзы или профессиональные ассоциации заменяют касты с предписанной профессией; кто-то вступает в секту пятидесятников или становится методистом, вместо того чтобы посещать государственную церковь; сами дети, а не их родители выбирают партнера по браку. Интернет в некотором смысле предоставляет технологию, дающую возможность развить добровольные социальные связи до степени, о которой раньше нельзя было даже мечтать: можно общаться с людьми со всего земного шара, основываясь Практически на любых общих интересах, от дзен-буддизма до эфиопской кухни, вне зависимости от физического местонахождения.

Проблема с этим оптимистическим сценарием состоит в том, что, как было замечено многими исследователями — такими, например, как Питер Бергер, Аластайр Макинтайр и сам Дарендорф, — распад не ограничивается сковывающими связями, характеризующими традиционные и авторитарные общества, но продолжает разъедать социальные связи, лежащие в основе тех самых добровольных институтов, на которых держится современное общество. Таким образом, люди подвергают сомнению власть не только тиранов и первосвященников, но и демократически избранных должностных лиц, ученых и учителей. Их

раздражают налагаемые браком ограничения и семейные обязательства, хотя они и были добровольно приняты. И они не хотят быть чрезмерно связанными моральными узами, налагаемыми религией, хотя они совершенно свободны вступить в церковь данного вероисповедания и в любой момент выйти из нее по собственному желанию. Индивидуализм, фундаментальная ценность современного общества, незаметно начинает переходить от гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого эгоизма, для которого целью становится максимизация персональной свободы без оглядки на ответственность перед другими людьми.

В обществе, в котором люди пользуются большей свободой выбора, чем когда-либо в истории, они тем более возмущаются теми немногими оставшимися узами, которые их еще связывают. Опасность для таких обществ заключается в том, что люди вдруг обнаруживают себя находящимися в социальной изоляции; они вольны общаться с кем угодно, но не способны принимать на себя моральные обязательства, которые бы связывали их с другими людьми в истинные сообщества. Споры, которые вспыхнули в 90-е годы по поводу социального капитала, фактически являются спорами об условиях создания и поддержания даже добровольных связей, которые делали бы возможными совместные действия групп населения, преследующих цели как утилитарные, так и возвышенные.

Наметить общие контуры перемен в социальных нормах но время Великого Разрыва нетрудно, гораздо труднее эмпирически задокументировать эти перемены. Имеется по меньшей мере два способа сделать это: первый — посредством опросов, в которых содержатся прямые вопросы о ценностях, разделяемых людьми, и об их поведении, и второй — с помощью непосредственной оценки количества и качества социальных институтов, ассоциаций и организаций, которые образуют современное гражданское общество.

Роберт Патнам утверждает, что в США показатели обоих типов смещаются в одном и том же направлении — люди с течением времени проявляют все меньше доверия к общественным институтам и друг к другу, количество групп и число их членов также снижается. Он считает, и не без оснований, что следует объединить данные: ведь доверие необходимо людям для того, чтобы работать вместе и входить в группы в гражданском обществе; таким образом, оба типа информации в одинаковой степени являются мерилом социального капитала[48].

Данные, однако, говорят о том, что доверие и участие в группах не обязательно связаны друг с другом. Хотя совершенно определенно имеется

снижение уровня доверия в обществе, существуют многочисленные свидетельства того, что на самом деле многие виды групп и участие в них переживают подъем.

Подобного же рода феномен мы можем наблюдать и за пределами США. В большинстве развитых стран Запада доверие ко многим традиционным институтам власти — таким, как правительство, полиция и армия — понижается, как и отраженная в данных опросов степень соответствия собственного поведения этическим нормам, которое лежит в основе отношений доверия. Однако показатели говорят о том, что, хотя сами группы и членство в них подвержены изменениям, в целом имеет место рост участия в группах.

Как может быть, что проявления цинизма заметно возросли, а гражданское общество кажется здоровым? И как последний факт совместим с движением в сторону большего индивидуализма? Ответ заключается в эффекте *моральной миниатюризации:* в то время как люди продолжают участвовать в групповой жизни, авторитет самих групп и связанный с ним радиус доверия уменьшились. Таким образом, общих ценностей, которые бы разделялись членами общества, стало меньше, а соперничества среди групп — больше.

Доверие: Соединенные Штаты

Доверие — это ключевой побочный продукт социальных норм сотрудничества, которые образуют социальный капитал[49]. Если можно рассчитывать, что люди будут выполнять обязательства, чтить нормы взаимности и избегать оппортунистского поведения, то группы будут образовываться более легко, а те, которые образуются, будут способны достигать общих целей более эффективным способом.

Если доверие — значимая мера социального капитала, то имеются отчетливые признаки того, что последний находится в упадке. Многим американцам известно, что доверие к общественным институтам всех видов, начиная с правительства США[50], с течением времени неуклонно падает и в 90-е годы достигло беспрецедентно низкого уровня. В 1958 году 73 % опрошенных американцев заявили, что они доверяют федеральному правительству и характеризуют его действия как правильные либо «в большинстве случаев», либо «почти всегда». К 1994 году это количество упало до 15 % (по данным подсчета голосов), хотя к 1996—1997 годам уровень доверия снова вырос, так что сравнялся с уровнем периода с середины и до конца 20-х годов. Соответственно, количество тех, кто не доверял правительству либо «вообще никогда», либо «только иногда»,

возросло с 23 % в 1958 году до 71—85 % в 1995 году (опять-таки несколько снижаясь в последующие годы)".

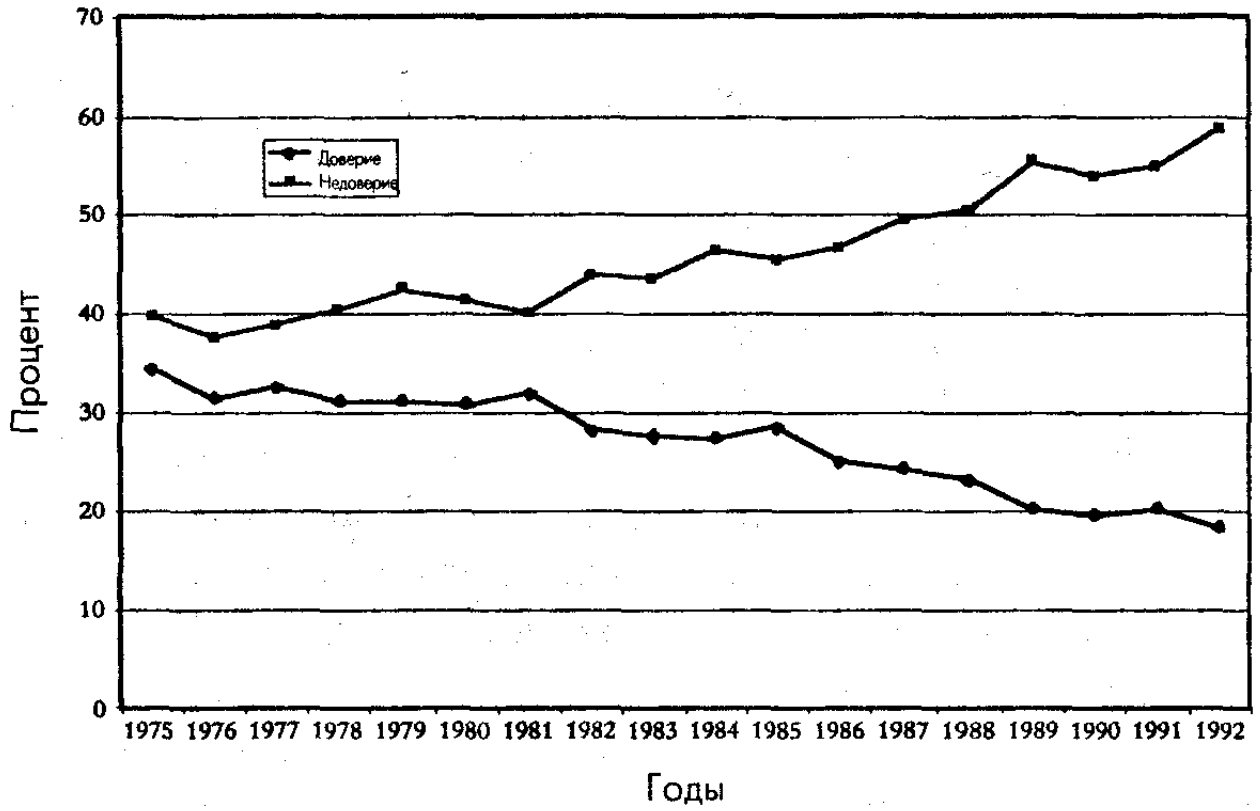
С большинством американских институтов дело обстоит лишь немногим лучше. Корпорации, организованный труд, банки, медицинский персонал, религиозные организации, армия, образовательные учреждения, телевидение и пресса — ко всем доверие населения уменьшилось в период между началом 70-х и началом 90-х годов[52]. В самом правительстве только Верховный Суд вызывает скорее «значительное» доверие, чем «едва ли какое-либо»; в случае же исполнительной власти ситуация обратная, а для Конгресса еще хуже. Только научное сообщество пользуется относительно стабильным доверием[53].

В то время как общественное доверие разрушалось, оказалось, что частное доверие — побочный продукт отношений сотрудничества между гражданами — также снизилось. Ответы на вопрос «Могли бы вы сказать, что в целом большинству людей можно доверять или Не следует быть слишком доверчивыми, имея дело с людьми?» при опросах показывают, что, если в начале 60-х годов на 10 % больше американцев выказывали доверие, чем недоверие, положение дел начало меняться в последующие десятилетия и к 90-м годам выражающих недоверие стало на 20 % больше тех, кто выражал доверие. Несмотря на предположение, что недоверие — это феномен, специфический для поколения «беби-бума», на самом деле это не так: диаграмма 2.6 демонстрирует сравнительный рост недоверия среди студентов, рожденных в 1958—1972 годах. Сходные данные получены Венди Ран; они показывают, что представители «поколения X» имеют более низкий уровень доверия, чем представители поколения «беби-бума», а последние, в свою очередь, — более низкий, чем поколение их родителей[54]. В США для различных расовых и этнических групп характерен различный уровень доверия. Афроамериканцы проявляют гораздо больше недоверия, чем другие группы: 80,9 % черных считают, что людям не стоит доверять, по сравнению с 51,2 % белых, причем 60,6 % черных считают других людей нечестными по сравнению с 31,5 % среди белых[55]. Испано-язычные жители США меньше склонны к недоверию, чем черные, а американцы — выходцы из Азии — еще меньше. Люди старшего возраста имеют тенденцию проявлять больше доверия, чем молодые, а религиозные — больше, чем нерелигиозные, хотя фундаменталистам свойствен более высокий уровень недоверия, чем членам основных вероисповеданий. Доверие находится в зависимости от уровня доходов и даже еще более выражение — от образования: люди с уровнем образования от колледжа и выше склонны иметь относительно мягкий взгляд на мир[56].

Наконец, жители пригородов гораздо более склонны проявлять доверие, чем жители больших городов.

Диаграмма 2.6

Уровень доверия среди студентов, 1975—1992 гг.



Источник: Tom W. Smith, «Factors Relating to Misanthropy in Contemporary American Society», Social Science Research, 26 (1997): 170—196.

Стоит напомнить, что доверие само по себе не является моральной ценностью, а скорее ее побочным продуктом; оно возникает, когда люди разделяют нормы честности и взаимности в отношениях и, таким образом, способны сотрудничать друг с другом. Доверие подрывается чрезмерным эгоизмом или оппортунизмом. Трудно непосредственно измерить уровень эгоизма, но мнение, что люди стали более эгоистичными, в последнее время среди американцев определенно крепнет. К примеру, в исследовании нравственности среднего класса, проведенном социологом Аланом Вольфом и заключавшемся в углубленных интервью с самыми разными представителями американской нации, подавляющее большинство согласились с утверждением, что по сравнению с тем, что было двадцать лет назад, «американцы стали более эгоистичными»[57]. Кроме вопроса, касающегося доверия, в рамках Общего социального опроса (ОСО) спрашивалось, являются ли люди честными и готовыми прийти на помощь. Ответы на первый вопрос показывают слабую тенденцию в сторону уменьшения восприятия людей честными в период с 1972 до 1994 год; ответы на вопрос по поводу готовности оказать помощь не показывают

вообще никаких изменений в этом отношении. С другой стороны, опрос старшеклассников показал, что в период между 1976-м и 1995 годами происходило неуклонное падение доверия к людям, веры в их честность и готовность прийти на помощь[58].

Гражданское общество: Соединенные Штаты

То изобилие данных, которые Роберт Патнам собрал, чтобы продемонстрировать упадок участия населения США в ассоциациях, очень впечатляет и включает в себя, помимо результатов опросов, на которые мы ссылались выше, данные по количеству членов отдельных организаций, от бойскаутов до ассоциации родителей и учителей, популяционные данные различных лонгитюдных исследований и детальные исследования бюджета времени — того, как американец тратит свое время в течение недели. Патнам указывает на снижение участия во многих традиционных обществах — таких, как «Лоси», «Кивание», «Храмовники», и других ассоциациях и на данные ОСО, которые показывают уменьшение числа членов групп среди респондентов примерно на четверть между 1974 годом и серединой 90-х годов.

В целом позиция Патнама находит подтверждение только в том случае, если провести важное качественное различие между видами связей, скрепляющими различные виды групп, — тем, что ранее было названо мною «позитивным радиусом доверия». Другими словами, интересы табачной промышленности могут привести к возникновению группы лоббирования в Конгрессе для проталкивания более низких налогов на сигареты, но большинство американцев согласятся с тем, что этот вид деятельности весьма отличен от деятельности религиозных объединений, например, «Обители человечества», которая организует строительство жилищ в бедных городских кварталах. Первая группа имеет запас социального капитала и достигает некоторых совместных целей, но можно предположить, что мотивация большей части участвующих в ней индивидов связана по большей части с тем вознаграждением, которое им предложено, и у них вряд ли возникнет побуждение к сотрудничеству вне данной преследующей конкретные интересы группы. С другой стороны, членов объединения «Обитель человечества» в большей степени связывают общепринятые моральные ценности, которые распространяются за пределы собственно группы; таким образом, в целом возникает значительно больший социальный капитал. Нельзя отрицать рост больших лоббистских групп, представляющих интересы банковской системы, здравоохранения,

страхования, но сомнительно, что они порождают другие виды связей сотрудничества среди своих членов.

Рассуждение, основанное на здравом смысле и общепринятой морали, скажет нам, что имеется другое важное отличие между группой лоббирования табачной фирмы и «Обителью человечества». Членов первой группы не смущает тот факт, что они защищают интересы табачных промышленников в Вашингтоне. Кто-то может утверждать, что при демократической политической системе иметь политическое представительство — право всех крупных групп, представляющих определенные интересы. С другой стороны, очевидно, что в политике групповых интересов имеется и обратная сторона: покупка политического влияния через взносы на избирательную кампанию способствует росту циничного отношения избирателей к демократическому политическому процессу. Как отмечает экономист Манкур Олсон, рост числа таких обособленных групп интересов может вести к образу жизни рантье и к другим паразитическим формам поведения, которые препятствуют экономическому росту[59]. С другой стороны, объединение «Обитель человечества» не стремится увеличить свое влияние или добиться субсидий со стороны федерального правительства; ее ясно выраженная цель — строить дома, которые были бы по карману бедным, нуждающимся в жилье. Действительно, наличие групп обоих типов важно для успеха современного общества, но наш взгляд на здоровье гражданского общества весьма изменился бы, если бы оно состояло исключительно из групп коммерческого интереса, а не благотворительных добровольных ассоциаций. Любое доказательство того, что американское гражданское общество находится в упадке, должно учитывать различия между этими двумя группами.

Эверетт Лэдд из Коннектикутского университета, который руководил Роперовскими исследованиями на протяжении многих лет, в своей книге «Доклад Лэдда»[60] подверг критике данные Патнама о гражданском обществе США практически по каждому пункту. Он начинает с обвинения в том, что Патнам не учел множество новых групп в американском обществе — огромная задача, принимая во внимание размер и разнообразие этой страны. Некоторые из примеров, на которые Лэдд ссылается, особенно показательны. Патнам, к примеру, заметил, что участие в родительско-учительских ассоциациях (PTA) резко снизилось от максимума 12,1 миллиона в 1962 году до минимума 5,3 миллиона в 1982 году, но впоследствии несколько возросло; падение участия на протяжении тридцатилетнего периода наблюдается при соотнесении числа участников PTA с численностью учеников в школах США[61]. Лэдд, однако, показывает,

что уменьшение участия в РТА во многом происходит не из-за выхода из них родителей, а скорее из-за переключения их на так называемые родительско-учительские организации (РТО). РТО не посылают свои взносы в национальные организации, менее связаны с учительскими профсоюзами и в целом менее формально организованы. Опрос, проведенный Лэддом и Ропер-центром, продемонстрировал, что доля РТА в общем числе родительских организаций в большинстве школьных округов составляет примерно одну четверть. Таким образом, оказывается, что участие родителей в образовании детей на самом деле монотонно увеличивалось на протяжении всех трех последних десятилетий — факт, который подтверждают данные опроса, основанного на самоотчете родителей об их деятельности, связанной со школой.

То, что происходит с РТА, верно и в отношении многих других типов организаций. Чисто мужские ассоциации, носящие имена животных («Лоси» и им подобные), находятся в упадке; с другой стороны, в прошедшее десятилетие имел место взрыв числа неформальных групп поддержки больных СПИДом, количество которых не может быть достоверно оценено. Американские дети сегодня чаще играют в соккер, чем в бейсбол малой лиги, но нет свидетельств, что произошло повсеместное уменьшение количества времени общения при занятиях спортом.

Было предпринято несколько попыток произвести перепись групп и ассоциаций в США. Одна из них была организована Департаментом коммерции США в 1949 году; по полученным данным, имелось 201 000 некоммерческих добровольных торговых и предпринимательских организаций, женских групп, профсоюзов, групп гражданских услуг, ленч-клубов и профессиональных групп на всех уровнях американского общества[62]. Лестер Саламон, директор Сравнительного проекта некоммерческого сектора, полагал, что в США к 1989 году имелось 1,14 миллиона некоммерческих организаций, демонстрирующих гораздо более высокий общий уровень роста, чем уровень роста популяции в целом[63]. Исследование «Янки Сити», в результате которого в общине из 17 000 членов было насчитано около 22 000 различных групп", показывает, что перепись, которая бы учитывала полный спектр неформальных сообществ и групп в современном обществе, почти невозможна. Технологические изменения меняют и формы ассоциаций. Как мы оценим, к примеру, распространение он-лайновых дискуссионных групп, чатов и групп общения по электронной почте, которые расцвели с распространением персональных компьютеров в 90-е годы[65]?

Данные ОСО не говорят однозначно об уменьшении количества членов групп. Опрос включает серию конкретных вопросов о членстве в

определенных типах организаций — таких, как профсоюзы, профессиональные ассоциации, группы по интересам, спортивные клубы, братства и церковные группы. Здесь трудно уловить какую-либо устойчивую тенденцию: некоторые виды организаций — например, профсоюзы — испытывают упадок, а другие — например, профессиональные ассоциации — находятся в стадии роста[66]. Иные источники данных тоже показывают растущий уровень гражданской активности. В частности, подсчет, проведенный в 1998 году Американской телерадиовещательной корпорацией и газетой «Вашингтон пост», показывает, что доля респондентов, сообщавших, что они в истекшем году выполняли добровольную работу, выросла с 44 до 55 % в период 1984—1997 годов. Данные другого опроса, в котором содержался вопрос, участвовали ли респонденты в какой-нибудь благотворительной или общественно-полезной деятельности, показывают увеличение доли участников с 26 % в 1977 году до 54 % в 1995 году. Основываясь на интервьюировании представителей среднего класса Америки, Алан Вулф делает вывод, что респонденты склонны преуменьшать свое участие в группах, так как они не включают сюда клубы по интересам, группы социальной поддержки, которые рассматривают как менее серьезные. Сами интервьюируемые выражают мнение, что люди имеют все меньше и меньше времени для добровольческой деятельности, но потом противоречат этому обобщению в оценке своей собственной жизни, которая наполнена социальной активностью всех видов. Более того, типы организаций, к которым люди принадлежат, чаще оказываются гражданскими или религиозными, чем просто общественными или товарищескими[67]. Любопытное расхождение между социальным доверием и участием в группах подтверждается как результатами опроса старшеклассников, согласно которому участие в общественных делах и добровольной работе возросло при одновременном снижении доверия[68], так и данными исследования, проведенного в Филадельфии Исследовательским центром Пью[69].

Доверие: другие развитые страны

Весьма трудно найти сравнимые данные относительно упадка доверия на протяжении последних сорока лет для других стран, помимо США. Единственный опрос, который содержит подборку последовательных вопросов, связанных с ценностями, и охватывает многие страны, — это Мировой опрос ценностей (МОЦ), проводимый под руководством Рональда

Инглхарта из Мичиганского университета. К сожалению, используя эти данные, очень трудно оценить тенденции динамики, поскольку опрос проводился всего три раза — в 1981-м, 1990-м и 1995 годах (данные 1995 года в момент, когда писалась эта книга, не были доступны). Мы не слишком много можем узнать об общей направленности процессов, когда в нашем распоряжении имеются данные только для двух моментов времени для каждой страны — между 1965-м и 1981 годами произошло много важных изменений, причем не только в области ценностей, но и в сфере преступности, а также в семейной сфере.

Несмотря на ограниченный набор данных, если мы взглянем на вопросы МОЦ, касающиеся проблемы доверия, мы все-таки сможем выделить некоторые закономерности, не так уж сильно отличающиеся от таковых для США[70]. Имеются две категории относящихся к этой проблеме вопросов — вопросы, касающиеся доверия к главным социальным институтам, и вопросы, касающиеся этических ценностей. Повторим, доверие — это побочный продукт разделяемых норм этичного поведения. Если люди признаются в том, что они ведут себя мало заслуживающим доверия образом — то есть готовы брать взятки, лгать о тарифах на такси, фальсифицировать налоговые декларации, — то имеется меньше объективных оснований доверять другим, вне зависимости от того, как люди отвечают на прямые вопросы, касающиеся доверия.

Данные МОЦ для четырнадцати развитых западных стран, включая США, показывают, что между 1981-м и 1990 годами доверие к большинству общественных институтов во многих странах снизилось; удивительно, но в большинстве стран наблюдается рост доверия только к прессе и крупным компаниям[71]. Что же касается более традиционных источников влияния, в частности церкви, вооруженных сил, правовой системы и полиции, то в подавляющем большинстве стран показатели говорят об уменьшении доверия к ним[72]. Имеются также данные МОЦ по этическим ценностям, которые могут быть связаны с доверием: например, думал ли когда-нибудь респондент о том, чтобы совершить такие действия, как использование льгот, которые для него не предназначены, уклонение от платы за билет в общественном транспорте или фальсификация налоговой декларации[73]. Оказалось, что показатели собственных заявлений об отказе от совершения нечестных поступков для большинства развитых стран упали.

Если мы примем во внимание политические традиции Америки, направленные на противостояние государству, то нас не должно удивлять, что американцы выражают более глубокий уровень недоверия правительству, чем европейцы[74]. Исследование, проведенное

Исследовательским центром Пью, показывает: в 1997 году 56 % американцев заявили, что они не доверяют правительству, по сравнению с 45 % (в среднем) европейцев в пяти странах, где проводился опрос. Больше американцев, чем европейцев — 64 % против 54 %, — согласилось также с тем, что правительство неэффективно или бесполезно. Однако имеются данные о том, что отношение европейцев к правительству в некоторых отношениях начинает приближаться к отношению американцев. Между 1991-м и 1997 годами число европейцев, соглашающихся с утверждением, что «правительство контролирует слишком много в нашей повседневной жизни», возросло с 53 % до 61 % (по сравнению с 64 % американцев в 1997 году)[75].

Эти изменения частично соответствуют тому, что Рональд Инглхарт называет переходом к «постматериальным» ценностям — который, по его мнению, происходит в развитом мире повсеместно[76]. Согласно Инглхарту, материалисты ценят экономическую и физическую безопасность, в то время как постматериалисты ценят свободу, самовыражение и улучшение качества жизни. Основываясь не только на данных МОЦ, но и на данных опроса «Евробарометр» Европейской комиссии (European Commision's Eurobarometer), Инглхарт утверждает, что начиная с 70-х годов этот переход имеет место во всех главных европейских странах и что там, где он произошел в виде роста политического участия и интереса к вопросам общественной политики, он в общем должен помочь качественному развитию демократии.

Данные Инглхарта, однако, можно интерпретировать несколько по-другому, чем это делает он сам. Ярлыки, которые он использует, — *материализм* и *постматериализм* — могут вводить в заблуждение, поскольку предполагают, что люди первой группы эгоистично преследуют свои экономические и личные нужды, в то время как люди второй группы больше интересуются общими вопросами — такими, как социальная справедливость и экология. Тем не менее определить первую группу можно и так: это люди, которые согласны уступить власть разнообразным общественным институтам — таким, как полиция, корпорации и церковь, — в то время как вторые являются гораздо большими индивидуалистами, поскольку требуют признания своих прав за счет общества. Конечно, индивидуализм является краеугольным камнем современной демократии, но чрезмерный индивидуализм может иметь негативные последствия, делая социальную сплоченность менее достижимой. Таким образом, переход к постматериалистическим ценностям, по всей видимости, означает упадок определенных типов социального капитала.

Гражданское общество: другие развитые страны

Если мы обратимся от ценностей к участию в группах, то в остальном мире мы обнаружим во многом ту же картину, что и в США: хотя имеются убедительные свидетельства падения уровня доверия к главным общественным институтам, как и уровня этичного поведения, по собственным словам респондентов, оказывается, однако, что уровень участия в различных группах гражданского общества растет.

Главный сторонник взгляда, что гражданское общество по всему миру находится на подъеме, — это Лестер Саламон, который в своем сравнительном исследовании некоммерческого сектора (Comparative Nonprofit Sector Project) постарался подтвердить эмпирическими данными выводы о тенденциях изменений в гражданском обществе по всему миру[77]. Согласно его выводам, «на пути к превращению в глобальный феномен находится настоящая «революция ассоциаций», которая может стать таким же значительным социальным и политическим событием конца XX века, каким был рост национальных государств в конце XIX»[78]. Саламон приводит обширный набор эмпирических данных, свидетельствующих о росте числа неправительственных организаций (НПО) в США, и утверждает, что то же самое происходит и в Европе: «Подобным же образом во Франции число частных ассоциаций ракетой устремилось ввысь. Только в 1987 году возникло более 54 000 таких ассоциаций, тогда как в 60-х годах ежегодно возникало всего 10 000—12 000. Рост дохода британских благотворительных организаций в период между 1980-м и 1986 годами оценивался в 221 %. По последним данным, в Великобритании насчитывается около 275 000 благотворительных организаций, при приросте валового национального продукта более чем на 4 процента»[79]. Число НПО стремительно растет не только в Европе; по некоторым свидетельствам, оно бурно растет по всему третьему миру[80].

Имеется ряд причин, заставляющих относиться скептически к некоторым утверждениям Саламона по поводу глобального гражданского общества и социального капитала. Начнем с того, что новые организации, которые Саламон рассматривает как некоммерческие, обычно являются организациями, которые столкнулись с проблемой законной регистрации. Вполне может быть, что наблюдается глобальный переход от неформальных сообществ и групп к формальным, но гражданское общество — это сумма тех или других, и не очевидно, что в целом имел место прирост. Более того, многие организации, которые считаются частью гражданского общества, — университеты, госпитали, исследовательские лаборатории, образовательные фонды и т.п. — на самом деле являются

очень большими бюрократическими машинами, которые хотя и проходят по данным налоговой службы по разряду некоммерческих организаций, тем не менее неотличимы ни от правительственных бюрократических институтов, ни от корпораций, созданных с коммерческой целью. Действительно, один из тезисов Саламона — заключение, что правительства США и других стран все в большей степени передают огромное количество работы, которую в прошлом делали непосредственно правительственные учреждения, в организации «третьего сектора», благодаря чему в значительной степени и произошел их рост. Эти группы не возникли спонтанно, а были созданы указом правительства, их и следует рассматривать как подразделения правительственных учреждений[81].

Второе основание для скептицизма по поводу глобального роста числа ассоциаций имеет отношение к качеству данных. Как мы видели, из детальной проверки эмпирических показателей, представляемых участниками дискуссий вокруг утверждений Патнама, весьма трудно понять, находится ли гражданское общество на подъеме, в упадке или изменяется сразу в обоих направлениях, даже для США — страны, имеющей наиболее богатые источники данных о себе самой. Те же проблемы, которые возникают в связи с данными об Америке, еще в большей степени относятся к ситуации в других странах. Нам нужно знать не только число новых организаций, но и то, сколько их прекратило существование, какие тенденции проявлялись в характере участия их членов в совместной деятельности и каково было качество общественной жизни[82].

Тем не менее есть основания думать, что в других развитых обществах по крайней мере не происходит общего снижения числа добровольных организаций, а во многих случаях наблюдался и рост. Опросник МОЦ содержит вопрос о том, являются ли респонденты членами организаций различных категорий — таких, как церкви, политические партии, союзы или организации общественного благосостояния — и выполняли ли они бесплатную работу для каждой категории организаций в истекшем году. Наблюдаются тенденции движения в обоих направлениях сразу. Одни категории организаций — профсоюзы и группы общественного содействия — в большинстве стран пришли в упадок, в то время как другие — образовательные, художественные, правозащитные и экологические — в подавляющем большинстве развитых стран переживают рост. Те же тенденции верны для количества времени, которое тратится на совершение неоплачиваемой работы. В подавляющем большинстве стран происходит рост добровольного труда (за исключением молодежного) в каждой категории.

Великий Разрыв с очевидностью проявляется на протяжении жизни последнего поколения в смене ценностей во всех развитых странах; происходящие перемены лишь неполно отражаются доступными эмпирическими данными. Несмотря на то что для каждой развитой западной страны существует своя история динамики доверия, ценностей и гражданского общества, имеются и некоторые общие паттерны. Прежде всего практически во всех странах, в которых проводился опрос, наблюдается тенденция к более низкому уровню доверия к общественным институтам и в особенности давно существующим, которые ассоциируются с властью и принуждением, — таким, как полиция, армия и церковь. Кроме того, имеется тенденция в сторону более низкого уровня этичного поведения, по собственным оценкам респондентов, служащего основой для доверия, — в большинстве стран в 1990 году больше людей, чем в 1981 году, признали, что желали бы вести себя нечестно в том или ином отношении. Оба этих показателя отмечаются также и в США.

С другой стороны, в большинстве стран показатели числа групп и участия в них имеют тенденцию к росту. Конечно ситуация для разных стран различна, и пропорция групп разных типов со временем претерпевает изменения, но тем не менее потеря доверия к институтам и снижение распространенности этичного поведения не причинили, кажется, особенного ущерба способности людей объединяться друг с другом на *некотором* уровне[83].

В обоих отношениях США остаются лидером: они отличаются наиболее высоким уровнем недоверия к официальным инстанциям *и* высочайшим уровнем участия в группах и добровольной общественной деятельности.

В свете сравнительных данных о ценностях, которые нам доступны, азиатские развитые страны не кажутся резко отличающимися от своих западных партнеров. Как в Японии, так и в Корее (единственные две азиатские страны с высоким доходом, включенные в МОЦ) обнаруживается упадок доверия к общественным институтам, что характерно и для их европейских или североамериканских партнеров. По собственным оценкам японских респондентов, вера в этические ценности переживает общий подъем (как то было в случае Ирландии и Испании); данные по Корее неполны. В плане же участия в группах не имеется какой-то четко выраженной тенденции: участие в группах в Японии (в частности, в профсоюзах) имеет тенденцию уменьшаться, а участие в группах в Корее (в особенности в религиозных организациях) имеет тенденцию расти.

Выводы

Великий Разрыв характеризуется растущим уровнем преступности и социальной дезорганизации, упадком семьи и родственных отношений как источников социальной сплоченности и снижающимся уровнем доверия. Начиная с 60-х годов все эти изменения стали происходить в большинстве развитых стран и протекали очень быстро по сравнению с изменениями общественных норм, происходившими в более ранние периоды. Отмечено несколько устойчивых моделей поведения: для Японии и Кореи характерны значительно более низкий уровень роста преступности и распада семей и в то же время недостаток доверия; в римско-католических странах, таких, как Италия и Испания, имел место относительно низкий уровень распада семей в сочетании с тенденцией к резкому падению рождаемости. Без сомнения, имеются и другие показатели уменьшения социального капитала, которые мы могли бы использовать, но и приведенные данные рисуют поразительную картину растущей дезорганизации. Теперь нам нужно исследовать возможные причины этих перемен.

Глава 3
Причины — с точки зрения здравого смысла

Столь грандиозные изменения, подобные тем, что были описаны в предыдущей главе, очевидно, имеют разнообразные причины и не поддаются попыткам простых объяснений. Однако тот факт, что многие различные социальные показатели начали меняться в большой группе индустриализированных стран примерно в одно и то же время, некоторым образом упрощает аналитическую задачу, подводя к объединениям на более общем уровне. Если одни и те же феномены имели место во многих странах, то можно исключить объяснения, специфичные для одной отдельной страны.

Ниже будет приведен взгляд с позиций здравого смысла на причины различных аспектов Великого Разрыва, которые рассматривались социологами-теоретиками. Я начну с основных объяснений, которые претендуют на то, чтобы дать истолкование сразу всем проявлениям Великого Разрыва, а потом перейду к тем, которые касаются того или другого его частного аспекта. Некоторые из этих объяснений я рассматриваю как правдоподобные, другие же считаю неправильными или недостаточными.

Американская исключительность

Один из вопросов, которые нужно рассмотреть в первую очередь, заключается в следующем: имел ли место Великий Разрыв вообще? Многие европейцы склонны утверждать, что ухудшающийся социальный порядок — чисто американский феномен и что им удалось избежать большей части тех крайних социальных патологий, которыми заражены США. Как показывают данные, представленные в предыдущей главе, США всегда имели значительно более высокий уровень разводов, преступности, неравенства и других зол, обладая в то же время превосходством в экономическом росте, инновациях, технологии и сплоченности гражданского общества'. Американская исключительность особенно очевидна на примере уровня преступности, связанной с насилием, — США отличаются наивысшими в мире показателями убийств, изнасилований и преступлений с отягчающими обстоятельствами. Количество убийств в США на порядок больше, чем во многих европейских странах и в Японии; в какой-то момент количество убийств, произошедших в одном только Нью-Йорке, превышало таковое во всей Британии или Японии[2].

Если бы Великий Разрыв имел место только в США, мы бы испытывали искушение сказать, что он укоренен в специфических условиях американской истории и культуры, а также в событиях, которые имели место в США начиная с 60-х годов — вьетнамской войне, Уотергейте или рейганизме. Такие исследователи, как Роберт К. Мертон и Сеймур Мартин Липсет, со всеми подробностями описали специфические аспекты американской культуры — противостояние государственным институтам, враждебность к власти, готовность к экономической мобильности и т.п., — которые делают общество особенно подверженным нестабильности в семейных отношениях, преступности и социальной инертности[3]. Американские национальные меньшинства, более многочисленные, чем в других развитых странах, также вносят искажения в цифры. Уровень внебрачной рождаемости для белых американцев неиспанского происхождения, к примеру, находится в середине распределения для Европы.

Какова бы ни была обоснованность этих кросс-культурных объяснений американской исключительности, они не могут объяснить рост количества разводов, внебрачной рождаемости, преступности и недоверия, который имел место начиная с 60-х годов в большинстве развитых стран в одно и то же время. Действительно, темпы роста распада семей и показателей преступности для многих европейских стран были выше, чем для США (хотя они стартовали с более низких показателей)[4]. Это, в свою очередь, означает, что данные изменения были вызваны не

специфическими факторами, присущими США, а скорее факторами, общими для западных развитых стран как группы.

Более того, согласно более широкому набору показателей, США совсем не представляют такого исключения, как это многим кажется. Мы видели, что большинство скандинавских стран отличается более высоким уровнем внебрачной рождаемости, чем США, а другие англоязычные страны — такие, как Британия, Канада и Новая Зеландия — имеют вполне сопоставимый уровень. То же верно и для преступности. Криминолог Джеймс Линч указывает на тот факт, что если брать серьезные преступления против собственности, то в 1988-м и 1992 годах количество грабежей со взломом в Австралии было на 40 %, в Канаде на 12 %, а в Англии и Уэльсе на 30 % выше, чем в США. С падением уровня преступности в США в течение 90-х годов количество европейских стран с уровнем преступлений против собственности большим, чем в США, выросло. Распространенное мнение, что США имеют самую жесткую карательную криминально-уголовную систему, также не соответствует истине — хотя в США число заключенных на душу населения достаточно высоко, но высок также уровень преступности, носящей главным образом насильственный характер. Вероятность заключения в тюрьму за конкретное преступление и продолжительность срока наказания за совершение убийства для США ненамного выше, а в некоторых случаях даже и ниже.

В США есть то, чего нет в Европе: многочисленная прослойка населения — то есть отличный от рабочего класса слой общества концентрированной хронической бедности, — для которой характерны преступность, связанная с насилием, употребление наркотиков, безработица, низкое образование и распад семьи. Начало формирования подобной прослойки заметно не только в центральных районах, но и в предместьях многих европейских городов, особенно в районах с высокой концентрацией иммигрантов из стран третьего мира. Однако европейская беднота имеет тенденцию к большему соблюдению порядка, чем американская, и является скорее структурированной, нежели культурной по природе[5].

Общие причины

Для того чтобы объяснить, почему феномены, которые мы связываем с Великим Разрывом, имели место, было выдвинуто по меньшей мере четыре соображения: первое — они были вызваны ростом бедности и/или неравенства в доходах; второе, противоположное, — их причиной было увеличение богатства; третье — они были продуктом современной системы

государственного социального обеспечения; и четвертое — они были результатом общих изменений в культуре, включавших упадок религии и приоритет индивидуалистических интересов по отношению к общественным обязанностям.

На мой взгляд, все эти утверждения в качестве единственного объяснения несостоятельны, ибо оставляют непонятным, почему начиная с 1965 года произошли такие быстрые изменения в социальных нормах. Безусловно, изменения коренятся в принятых в обществе ценностях и, таким образом, неразрывно связаны с общими изменениями в культуре, описанными в первой главе, однако вопрос о том, почему изменение культурных ценностей произошло именно тогда, когда оно произошло, а не поколением раньше или поколением позже, остается. В сфере сексуальных или семейных норм эти перемены, на мой взгляд, могут быть объяснены двумя факторами. Первый фактор — это общее изменение в природе труда, происходящее по мере того, как общество совершает переход от экономики индустриального века к экономике информационного; второй — это конкретное технологическое нововведение: противозачаточные таблетки. Эти специфические причины будут рассмотрены в следующих главах.

Объяснение 1. Причиной Великого Разрыва были бедность и *неравенство в доходах*

Все согласны с тем, что имеется тесная зависимость между распадом семей, бедностью, преступностью, недоверием, социальной разобщенностью, наркоманией, низким уровнем образования и низким социальным капиталом. Аргументы, выдвинутые правыми и левыми в чрезвычайно идеологизированной дискуссии, касаются того, какие факторы — экономические или культурные — являются причиной, а какие — следствием. Левые доказывают, что преступность, распад семей и отсутствие доверия имеют своей причиной безработицу, отсутствие возможностей и образования и экономическое неравенство вообще. Многие наблюдатели добавили бы в качестве факторов расизм и предрассудки по отношению к национальным меньшинствам. Такие взгляды привели в США к призывам ввести, по образцу европейских стран, государственные социальные обязательства, гарантирующие беднякам рабочие места или минимальный доход, и к обвинениям в том, что проблема усиливающегося распада семей вызвана тем, что не удалось адекватным образом «модернизировать» американскую систему государственной социальной помощи[6]. Предположение, что такие большие изменения в социальных нормах могли быть вызваны экономическими лишениями в странах,

которые богаче, чем любые другие общества в человеческой истории, может привести в замешательство. Бедняки в США имеют сегодня более высокий абсолютный стандарт жизни, чем американцы прошлых поколений, и на душу населения приходится больше богатства, чем у многих людей в совре менных странах третьего мира с более цельной структурой семьи. США не стали беднее за последнюю треть XX века: доход на душу населения возрос с поправкой на инфляцию между 1965-м и 1995 годами с $ 14 792 до $ 25 615, в то время как расходы на личное потребление увеличились от $ 9257 до $ 17 403[7]. Уровень бедности, после того как он ощутимо падал на протяжении 60-х, а потом снова несколько возрос, не увеличился настолько, что мог бы послужить объяснением ощутимому росту социальной дезорганизации (см. диаграмму 3.1).

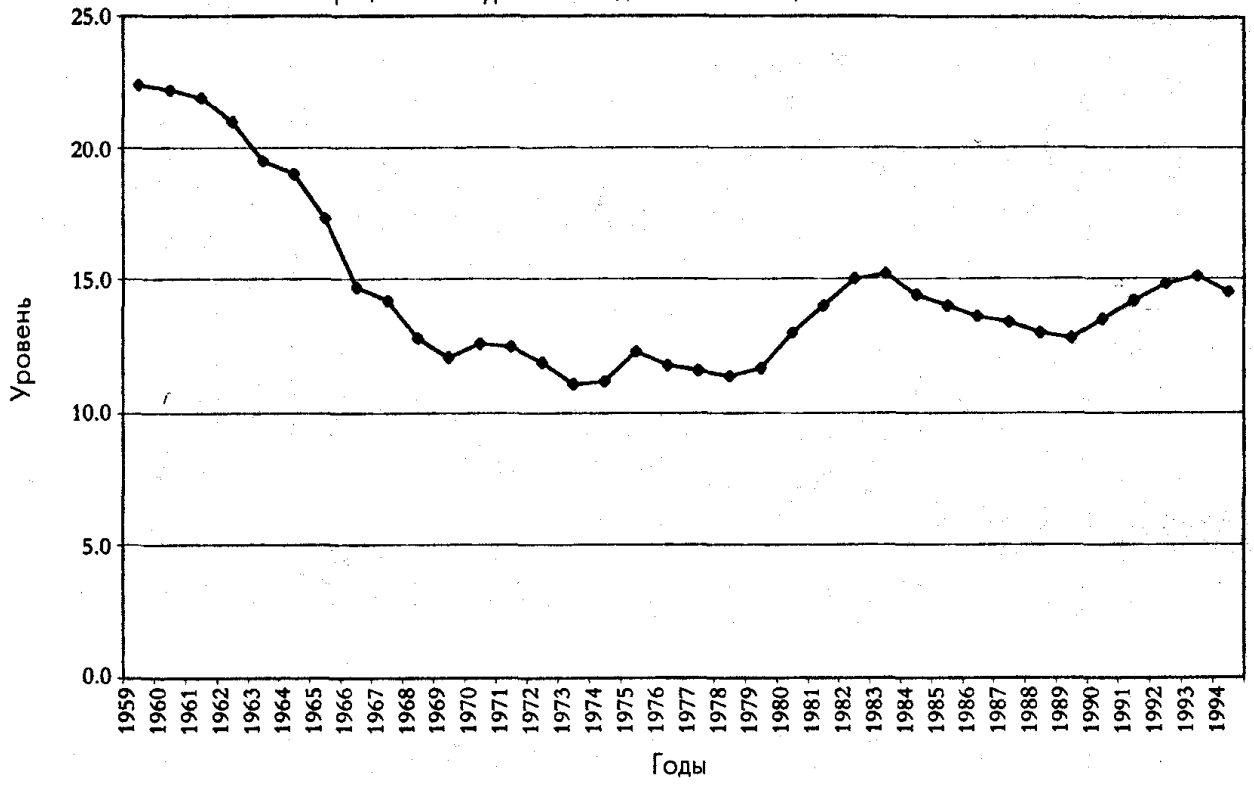
Те, кто предпочитает экономическую гипотезу, утверждают, что не абсолютный уровень бедности является источником рассматриваемых проблем. Современные общества, помимо того что стали в целом богаче, стали также более неоднородными или испытали экономические потрясения и сокращение числа рабочих мест, что привело к социальным дисфункциям. Относительно распада семей даже беглый взгляд на сравнительные данные по разводам и внебрачной рождаемости показывает, что это не может соответствовать действительности. Для стран ОЭСР не наблюдается положительной корреляции между уровнем социального обеспечения, направленного к росту экономического равенства, и стабильностью семьи. Действительно, имеется слабая корреляция между высоким уровнем социального обеспечения и внебрачной рождаемостью, что может подтвердить утверждение, выдвинутое американскими консерваторами о том, что система государственной социальной помощи — это причина распада семей, а не средство от него. Наиболее высокий уровень внебрачной рождаемости обнаруживается в эгалитарных скандинавских странах — таких, как Швеция и Дания, — в которых свыше 50 % ВВП обращается через государственные институты[8]. Это сравнимо с США, в которых менее чем 30 % ВВП расходуется правительством и которые имеют более высокий уровень неравенства, хотя и более низкий уровень внебрачной рождаемости. Япония и Корея, тратящие относительно небольшой процент бюджета на системы государственной социальной помощи бедным, также отличаются одним из самых низких уровней разводов и внебрачной рождаемости в ОЭСР[9].

Это правда, что связь между распадом семьи и бедностью гораздо слабее для тех стран, которые имеют развитую систему государственной социальной помощи. Уровень бедности для семей с одним родителем имеет тенденцию быть выше в США, чем в других странах ОЭСР с более мощной

государственной системой социального обеспечения, что говорит о том, что различные программы поддержки семьи оказались действенными[10]. Многие европейцы, видя данные вроде этих, верят, что государственная система социальной помощи избавила их от американских социальных проблем.

Однако более внимательное рассмотрение данных показывает, что государственная система социального обеспечения не решила *более глубокой* социальной проблемы. Государство просто приняло на себя роль отца, обеспечивающего безопасность матери и детей и предоставляющего средства на воспитание потомства; этот процесс антрополог Лайонел Тайгер назвал «бюрогамией»[11]. «Государство всеобщего благосостояния» не возмещает социального урона, связанного с распадом семьи, но скорее заставляет расплачиваться не индивидуумов, а налогоплательщиков, потребителей и безработных. Весьма сомнительно, что государство является адекватным заместителем отцов, которые не только обеспечивают своих детей ресурсами, но еще и играют роль в социализации и воспитании. Более того, в 90-х годах европейские «государства всеобщего благосостояния» столкнулись с серьезными экономическими проблемами, связанными с устойчиво растущим уровнем безработицы практически во всех континентальных странах. Контраст с Японией, которая не страдает от фундаментальной проблемы распада семьи, поучителен и будет рассмотрен в последующих главах.

Диаграмма 3.1
Официальный уровень бедности в США, 1959—1994 гг.



Источник: U.S. Bureau of the Census, *Statistical Abstract of the United States, 1997* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1997), p. 472.

То же верно и в отношении преступности. Представление с том, будто бедность и неравенство порождают преступность, широко распространено среди политиков и избирателей в демократических обществах, которые ищут оправдания программам по поддержке благосостояния и борьбе с бедностью. Но, хотя имеется множество данных об общей корреляции между неравенством в доходах и преступностью[12], это вряд ли дает убедительное объяснение быстрому росту уровня преступности на Западе. В период между 60-ми и 90-ми годами не было депрессии, которая могла бы объяснить внезапный рост преступности; более того, великая американская послевоенная полна преступности началась в период полной занятости и всеобщего процветания (более того, в период Великой Депрессии 30-х годов в США даже наблюдалось снижение уровня насильственных преступлений). Неравенство доходов в США выросло в последующие годы, но преступность выросла и в других развитых западных странах, которые остались более эгалитарными, чем США. В то время как большее экономическое неравенство в Америке может объяснить в некоторой степени, почему уровень преступности там выше, чем, скажем, в Швеции, в любой отдельный год, оно не объясняет, почему уровень преступности в Швеции начал расти в тот же самый период, что и в США. Более того, неравенство доходов в США в течение 90-х годов продолжало увеличиваться, тогда как уровень преступности падал; с этого момента корреляция между этими двумя показателями становится для этого периода отрицательной".

Бедность коррелирует также с отсутствием доверия. Однако раз существенного роста бедности в США, соответствующего Великому Разрыву, не наблюдалось, то маловероятно, что нищета может объяснить растущий уровень недоверия в этот период. В любом случае наличие относительно небольшой прослойки американцев, живущих ниже уровня бедности, не объяснило бы, почему значительное большинство американцев начало выражать недоверие к общественным институтам и к другим американцам. С другой стороны, возможно, что экономические потрясения и рост неравенства доходов сами по себе вели к росту цинизма. Великий Разрыв совпал с возникновением у американцев неуверенности в своем экономическом положении. В 1970-х годах произошла серия экономических кризисов, связанных с нефтью и инфляцией; в начале 80-х — серьезный спад в Поясе Ржавчины и рост безработицы в связи с конкуренцией заокеанских стран. В начале 90-х компании США провели резкое сокращение рабочих мест, и пожизненный наем в больших американских корпорациях стал делом прошлого.

Опрос, проведенный Аланом Вольфом, может проиллюстрировать, как экономические изменения оказывались причиной роста недоверия. В отличие от многих европейцев американцы не склонны думать, что экономическое неравенство само по себе есть нечто несправедливое или говорит о фундаментальной несправедливости социальной системы. Многие респонденты выражали понимание действий тех корпораций, которые сокращали рабочие места, замечая, что они должны были сделать это, чтобы оставаться конкурентоспособными; многие также были скептически настроены насчет профсоюзов, добивавшихся сохранения рабочих мест и социальных выплат без повышения производительности труда. Однако все они были недовольны исчезновением корпоративной солидарности из-за возникшей безжалостной конкуренции и поведением руководителей компаний, которые наделили себя огромными полномочиями и уменьшили фонд заработной платы вдвое[14]. Обеднение и скупость компаний 90-х годов означали, что люди оказывались вынуждены ограничивать свою лояльность в отношении коллег в гораздо большей степени, чем предыдущее поколение. В новом мире работы на полставки или временной работы, мире консультантов и частой смены места работы человек обретал больше связей, но они стали слабее.

Объяснение 2. Причиной Великого Разрыва были большее богатство и безопасность

Парадокс, но второе общее объяснение изменения ценностей, которое произошло во время Великого Разрыва, попарно противоположно первому: отнюдь не бедность и неравенство в доходах были причиной Великого Разрыва — он возник по причине растущего богатства. Этот аргумент был выдвинут исследователем, проводившим опросы общественного мнения, Дэниелом Янкеловичем, чьи данные говорят о переходе от общественно-ориентированных ценностей к индивидуалистическим начиная с 50-х годов[15]. Этот взгляд так-же неявно присутствует в работе Рональда Инглхарта, чья концепция «постматериалистических ценностей» предполагает, что удовлетворение базовых экономических потребностей порождает другие наборы приоритетов по мере того, как люди движутся вверх по иерархии потребностей.

Янкелович рассматривает трехступенчатый «эффект богатства». На первой стадии, когда люди только недавно стали богатыми, но еще продолжают помнить о прошлой неуверенности в своем экономическом положении, они слишком обеспокоены каждодневным выживанием, чтобы

думать о самовыражении, личностном росте или самоудовлетворении. На второй стадии, когда они делаются уверенными в своем процветании, они начинают больше потворствовать своим прихотям, что проявляет себя в меньшем желании жертвовать собой ради своих детей и в большей готовности рисковать. Как распад семьи, так и рост преступности могут быть следствиями этой второй стадии. Наконец, с возрастом люди обнаруживают, что не могут считать изобилие гарантированным, и понимают, что им необходимо подумать о долгосрочных перспективах. Янкелович утверждает, что многие американцы достигли этой третьей стадии во время спада 1991—1992 годов, что и объясняет спад в показателях социальных нарушений, который имел место в 90-х годах. vice versa*[19]. Многие консерваторы утверждают, что преступность начала расти в 60-е годы потому, что общество стало терпимее, а юридическая система «разбаловала преступников». По их мнению, более жесткая позиция, повсеместно занятая местными властями в США в 80-х годах — большие сроки наказания, большее количество тюрем и, в некоторых случаях, большее число полицейских на улицах, — стала одной из важнейших причин снижения уровня преступности в 90-е годы. В США в 1997 году было в два раза больше случаев заключения под стражу, чем в 1985 году, и в три раза больше, чем в 1975 году[20]. Даже не учитывая влияния устрашения и просто подсчитав количество преступлений, которые были бы совершены рецидивистами в данной популяции, если бы они не находились в тюрьме, можно объяснить существенное снижение уровня преступности в 90-х годах[2']. Джеймс К. Уилсон считает, что более быстрое по сравнению с Британией падение уровня преступности в США в 90-е годы связано с проводимой в Америке политикой усиления санкций[22]. Помимо того, что полицейские методы стали более жесткими, основной упор был сделан на патрулировании жилых районов — нововведении, которое могло иметь позитивный эффект и способствовать снижению уровня преступности.

Трудно усомниться в том, что социальные пособия создают то, что экономисты называют «моральным риском», и отбивают охоту к работе". Влияние же их на структуру семьи менее очевидно. Сравнительные же данные на первый взгляд в гораздо большей степени подтверждают гипотезу Марри о пособиях как о причине распада семей, чем мнение его левых оппонентов: государства с более развитыми системами социального обеспечения — такие, как Швеция и Дания — имеют более высокие уровни внебрачной рождаемости, чем государства с низкими социальными пособиями — такие, как Япония. Однако от этой закономерности имеются многочислен-

* наоборот *(лат.). — Примеч. ред.*

нные отклонения — например, США, в которых уровень социальных выплат значительно ниже, чем, скажем, в Германии, имеют намного более высокий уровень внебрачной рождаемости. Детальные экономометрические исследования вышла из пособий в США выявили подобные же расхождения при соотнесении размеров пособий с уровнем внебрачной рождаемости в разных штатах (которые могут устанавливать свои собственные уровни выплат) или в разные моменты времени[24]. В последнем случае реальные выплаты стабилизировались, а потом начали понижаться в 80-х годах, в то время как количество случаев распада семей не уменьшалось до середины 90-х[25]. Некоторые аналитики считают, что ответственность за распад семей в США может быть возложена на ПСНД и другие социальные программы не более чем в 15 % случаев[26].

Более фундаментальная слабость аргументов консерваторов состоит в том, что внебрачная рождаемость представляет собой только часть гораздо более широкой проблемы ослабления семейных связей — проблемы, включающей падение рождаемости, увеличение числа разводов, сожительство вместо брака и распад сожительствующих пар. В США и в большинстве других стран внебрачная рождаемость в первую очередь, хотя и не исключительно, ассоциируется с бедностью. Во всем западном мире такие явления, как разводы и сожительство, гораздо в большей степени распространены среди представителей среднего и высшего класса. Очень трудно возложить ответственность за стремительно растущее количество разводов и снижающееся количество браков на правительство, если не считать того, что государство легально сделало развод более доступным.

Несмотря на то что совершенствование полицейских мер и ужесточение наказаний могли сыграть роль в снижении уровня преступности в 90-е годы, гораздо труднее утверждать, что волна преступности 60-х годов была просто результатом попустительства полиции. Это правда, что суды США сдержи вали полицию и прокуроров ради защиты прав преступников-подсудимых посредством серии решений Верховного Суда в 60-х годах, самое известное из которых — «Миранда против Аризоны», но департаменты полиции быстро приспособились к требованиям сделать полицейские процедуры более соответствующими закону. Как будет видно из последующих глав, многие современные криминологические теории приписывают преступность недостаткам социализации и контроля за побуждениями в относительно раннем возрасте. Дело не в том, что потенциальные преступники не реагируют на возможное наказание как рациональные существа; на склонность к совершению преступных актов и на реакцию на данный уровень наказания

сильное влияние оказывает воспитание. Для понимания причин неожиданного всплеска преступности имеет значение скорее не уровень наказаний, а изменения, произошедшие в этот период в таких общественных институтах, как семья, школа, отношения с соседями, а также те сигналы, которые получала молодежь от культуры в целом.

Объяснение 3. Причиной Великого Разрыва послужили общие изменения в культуре

Культурологическое объяснение представляется наиболее основательным из всех здесь рассмотренных. Рост индивидуализма и потеря общественного контроля, несомненно, оказали огромное воздействие на семейную жизнь, сексуальное поведение и готовность подчиняться закону. Проблема, связанная с данным подходом, заключается не в том, что культура не имеет влияния, а в том, что невозможно объяснить временные рамки произошедших перемен: почему культура, которая обычно имеет тенденцию развиваться чрезвычайно медленно, неожиданно мутировала с необыкновенной быстротой во второй половине 60-х годов?

В Британии и США максимум общественного социального контроля приходился на викторианский период последней трети XIX века, когда широкими слоями общества принимался идеал патриархальной супружеской семьи, а подростковая сексуальность находилась под строгим запретом. Культурный сдвиг, который подорвал викторианскую мораль, можно считать многослойным. В верхнем слое находится сфера абстрактных идей, распространяемых философами, учеными, художниками и преподавателями — а также иногда дельцами и мошенниками, — которые заложили интеллектуальный фундамент для более всеобъемлющих изменений. Второй слой — уго уровень массовой культуры, включающий простые версии сложных абстрактных идей, которые подаются более широкой аудитории через книги, газеты и другие формы масс-медиа. Наконец, имеется слой собственно поведения, которое меняется по мере того, как новые нормы, неявно подитоженные в абстрактных или широко распространившихся идеях, начинают определять действия большой популяции.

Упадок викторианской морали явился следствием ряда интеллектуальных нововведений, имевших место в конце XIX — начале XX века; вторая волна отрицания викторианства началась в 40-е годы. Западный рационализм, достигший своего высшего развития, начал подрывать себя самого благодаря выводу, что рациональные основания, на

которых могли бы базироваться универсальные нормы морали, отсутствуют. Нигде это не нашло более яркого выражения, как в творчестве Фридриха Ницше, отца современного релятивизма. Ницше, по сути, утверждал, что человек, «зверь с красными щеками», — это животное, создающее ценности, и что множество «языков добра и зла», на которых говорят различные человеческие культуры, продукты воли, не коренящейся в истине или разуме. Просвещение не принесло самоочевидных истин о праве и морали; скорее оно выявило бесконечную измененность моральных норм. Попытки найти основу ценностей 11 природе или в Боге были обречены оказаться разоблаченными как акты воли со стороны создателей этих ценностей. Афоризм Ницше «Нет фактов, есть только интерпретации» стал лозунгом для последующих поколений релятивистов под знаменем деконструкции и постмодернизма.

В социальных науках подрыв викторианских ценностей в первую очередь был работой психологов. Джон Дьюи, Уильям Джеме и Джон Уотсон, основатель школы бихевиоризма в психологии, — все они по разным причинам оспаривали викторианское и христианское представление, что человеческая природа греховна от природы, и поэтому считали, что строгий социальный контроль над поведением не является необходимым для социального порядка. Бихевиористы утверждали, что человеческое сознание — это локковская tabula rasa*, готовая быть заполненной культурным содержанием; из этого следовал вывод: человеческие существа гораздо легче поддаются социальному и политическому давлению, чем считалось ранее. Зигмунд Фрейд и основанная им школа психоанализа настойчиво продвигали идею о том, что причина неврозов лежит в чрезмерном социальном подавлении сексуальных влечений. В результате распространения психоанализа для целого поколения стало привычным говорить о сексе и рассматривать каждодневные психологические проблемы с точки зрения либидо и его подавления.

Легко слишком упростить то, что было чрезвычайно сложной интеллектуальной тенденцией. Последователи Джемса, бихевиористы и фрейдисты имели совершенно определенные взгляды на роль инстинкта, на культуру и человеческую природу вообще. Наверное, более важным, чем влияние любой конкретной психологической школы, был подъем психологии как таковой — и как дисциплины, и как способа смотреть на себя. Можно с уверенностью сказать, что американцы XIX века (так же как и европейцы) не тратили время на интроспективное проникновение в глубины своих самых сокро-

* Tabula rasa *(лат.)* — буквально: чистая доска. Джон Локк обозначил так доопытную пустоту человеческого сознания. — *Примеч. ред.*

генных чувств в терапевтических целях. Люди если и были принуждаемы к тому, чтобы обращать взгляд внутрь себя, то исключительно с целью приведения мыслей и поведения в соответствие с задаваемыми извне нормами и правилами, которые объединяли их с обществом и его институтами. В XX же веке увлечение психологией, напротив, привело к узакониванию погони за индивидуальными удовольствиями и вымыслами. Результатом этой «психологизации» современной жизни явилось возникновение того, что социолог Джеймс Подан назвал «терапевтическим государством»[27], в котором правительство стремится удовлетворять внутренние психологические нужды своих граждан и остается у власти или падает в зависимости от своих возможностей сделать так, чтобы они чувствовали себя более комфортно. Калифорнийское движение «Чувство собственного достоинства», в рамках которого государственные школы должны были стремиться поднимать самооценку молодых людей, освобождая их от беспокойства но поводу того, что они не способны соответствовать неоправданным стандартам поведения, — это просто еще один отголосок интеллектуальных веяний, которые начались примерно на три поколения раньше.

В первой четверти XX века антропология стала вторым источником новых идей, касающихся сексуальности. Колумбнйский антрополог Франц Боас подверг критике ранние соцнально-дарвинистские теории расовой и этнической иерархии, а также этноцентризм, который проявлялся в попытках Запада судить о примитивных культурах. Ученица Боаса Маргарет Мид в 1928 году написала книгу «Взросление на Самоа», содержавшую приложение концепции культурного релятивизма к распространенным в США сексуальным практикам. Она писала, что девушки Самоа — в отличие от их посчитанных в пуританских и викторианских традициях американских сверстниц — могут выражать свою сексуальность, еще будучи подростками; из-за отсутствия репрессивных норм самоанское общество в целом намного более свободно от чувств вины, ревности и соперничества[28]. Трудно переоценить влияние Мид — не столько благодаря ее книгам, сколько ее постоянной колонке в журнале «Лайф» и выступлениям по радио и телевидению.

Что касается уровня массовой культуры, то историк культуры Джеймс Линкольн Кольер указывает на годы, ближайшие к 1912-му, как на критические для ломки викторианских сексуальных норм в США. Именно в это время получили широкое распространение по всей стране новые танцы,

а также мнение, что порядочным девушкам позволительно посещать танцевальные клубы; вырос уровень потребления алкоголя; слово «джаз» впервые появилось в печати, что сопровождалось растущей среди белых популярностью негритянских народных музыкальных жанров — таких, как регтайм и, позднее, диксиленд; серьезно развернулось феминистское движение; получили распространение кинофильмы и другие виды массовых развлечений; набрал обороты литературный модернизм, ядром которого было непрекращающееся развенчивание признанных культурных ценностей; а сексуальные нормы (судя по тем немногим эмпирическим данным, которые мы имеем об этом периоде) начали меняться[29]. Кольер утверждает, что интеллектуальная и культурная основа сексуальной революции 60-х годов была заложена в среде американской элиты уже к 20-м годам. Ее распространение среди остальной части населения было, однако, задержано депрессией и войной; невзгоды вынуждали людей больше сосредоточиваться на проблемах экономического выживания и семейной жизни, нежели на самовыражении и удовлетворении потребностей, чего большинство в любом случае не могло себе позволить.

Главным вопросом, касающимся изменений, которые произошли в социальных нормах во время Великого Разрыва, является не то, имеют ли они культурные корни — они очевид

но их имеют, — но как мы можем объяснить момент и скорость последовавших трансформаций. Мы точно знаем: куль-іура в отличие от таких факторов, как перемены в экономических условиях, общественной политике или идеологии, обычно изменяется очень медленно. Там, где культурные нормы изменялись быстро — например, в модернизирующихся обществах третьего мира, — эти изменения определялись изменениями в экономике и, таким образом, не являлись автономным фактором.

Что касается Великого Разрыва, то ко времени его начала отход от викторианских ценностей уже имел место на протяжении двух или трех поколений, а потом темп перемен неожиданно чрезвычайно ускорился. Трудно поверить, что люди но всех развитых странах просто решили поменять свое отношение к таким фундаментальным явлениям, как брак, раз-под, воспитание детей, власть и общество, поменять радикально на протяжении двух-трех десятилетий, причем сдвиг в ценностях произошел без вмешательства иных могущественных сил. Те объяснения, согласно которым изменения в культурных установках произошли в связи со специфическими событиями в американской истории — такими, как Вьетнам, Уотергейт или контркультура 60-х, — демонстрируют провинциальную ограниченность: почему социальные нормы так и

вменились и в других странах от Швеции и Норвегии до Новой Зеландии и Испании?

Если рассмотренные общие объяснения Великого Разрыва оказываются неудовлетворительными, то следует рассмотреть различные элементы Великого Разрыва по отдельности и задаться вопросом: не были ли они каким-то образом связаны друг с другом?

Глава 4
Причины — демографические, экономические и культурные

Откуда рост преступности?

Предположив, что рост уровня преступности — не просто статистический артефакт, возникший после улучшения полицейской отчетности, следует задать несколько вопросов. Почему уровень преступности возрос столь драматично за относительно короткий период времени и в столь многих странах? Почему уровень стал снижаться или выравниваться в США и нескольких других западных странах? И почему азиатские развитые страны кажутся исключениями из этого паттерна?

Как и в случае с растущим уровнем разводов, первое и, наверное, наиболее прямолинейное объяснение росту уровня преступности, происходившему с 60-х до 80-х годов и после этого снизившемуся, — просто демографическое. В подавляющем большинстве случаев преступления совершаются молодыми мужчинами в возрасте 14—25 лет. Для этого, несомненно, существует генетическое основание, связанное с расположенностью мужчин к насилию и агрессии; следовательно, при увеличении рождаемости уровень преступности через 15— 25 лет также должен вырастать'. В США число молодых людей в возрасте от 14 до 24 лет между 1950-м и 1960 годами выросло на 2 миллиона, а в следующем десятилетии к этому добавилось еще 12 миллионов представителей данной возрастной группы — скачок, который сравнивали с нашествием варваров[2]. Огромный прирост числа молодых людей не только увеличил количество потенциальных преступников; их преобладание в молодежной культуре могло привести к более чем пропорциональному росту попыток оказывать неповиновение властям. Можно выявить влияние роста определенной возрастной группы, сравнивая количество преступлений не по всей популяции, а среди молодых мужчин в данном обществе. Если это сделать, большая часть кривых на диаграммах 2.1 и 2.2 сделается более пологими как на участках возрастания, так и на участках убывания. Действительно,

тот факт, что в период «беби-бума» рождаемость в США возрастала более быстрыми темпами, чем в других развитых странах, частично объясняет более высокий уровень преступности в США в период между 60-ми и 90-ми годами[3]. Новая Зеландия, которая испытала еще более стремительный рост рождаемости после Второй мировой войны, чем США, также столкнулась с тем, что количество преступлений против собственности стало там возрастать быстрее в 70-х и 80-х годах.

Но «беби-бум» только частично может послужить объяснением растущему уровню преступности в 60-х и 70-х годах. Один криминолог подсчитал, что прирост количества убийств о США был в 10 раз выше, чем можно было ожидать, учитывая изменения только в демографической структуре населения страны". По данным исследований во многих странах, изменения в возрастной структуре населения не коррелируют в достаточной степени с ростом преступности[5].

Второе объяснение связывает уровень преступности с модернизацией и связанными с ней феноменами — урбанизацией, увеличением плотности населения и наличием возможностей для совершения преступлений. Даже здравый смысл говорит нам, что в больших городах будет больше краж автомобилей и краж со взломом, чем в сельскохозяйственных районах, потому что преступникам легче найти автомобили и безлюдные дома в первом случае, нежели во втором. «Экологические» теории — такие, как теория Генри Шоу и Клиффорда Маккея, выдвинутая в 40-х годах[6], или более поздняя теория Родни Старка — связывают преступность со специфическим видом окружающей среды: плотно заселенными городскими районами, территориями, где, кроме жилых домов, имеются производственные помещения, или кварталами, в которых отмечается большая текучесть населения[7]. Эти типы окружающей среды имеют тенденцию возникать по мере того, как общества экономически модернизируются, поэтому есть основания ожидать, что и уровень преступности будет расти по мере того, как люди переселяются с ферм и из деревень в городские районы.

Урбанизация и меняющаяся среда обитания — слабые объяснения растущему уровню преступности в развитых странах после 60-х годов. К I960 году рассматриваемые страны были уже индустриализированными, урбанизированными обществами; в 1965 году не происходило никакого внезапного переселения из деревни в город. В США гораздо больше убийств совершается на Юге, чем на Севере, более урбанизированном и более густонаселенном. Действительно, насилие на Юге — это в большой степени сельский феномен, и большинство наблюдателей полагают, что

объяснения этому скорее культурные, чем экологические[8]. Япония, Корея, Гонконг и Сингапур входят в число наиболее многолюдных, перенаселенных урбанизированных стран в мире, и тем не менее там развитие не сопровождалось ростом преступности. На самом деле если согласиться с Джейн Джейкобс, считающей, что уровень преступности обратно пропорционален числу «глаз на улицах», то как раз такие типы городской среды, которые считаются порождающими преступность, — многолюдные улицы и кварталы, сочетающие жилые и производственные функции, — должны обнаруживать прямо противоположную тенденцию и высокий уровень социального капитала. Это говорит о том, что социальная среда играет гораздо более важную роль в порождении преступности, чем физическая, — одни и те же городские кварталы могут приходить в упадок и обновляться, когда их население меняется. Другими слонами, мы вернулись к признанию влияния социального капитала: преступность растет, потому что социальный капитал кпартала или общества уменьшается, и наоборот.

Третью категорию объяснений иногда называют «социальная гетерогенность»[9]. Иными словами, во многих обществах преступность имеет тенденцию концентрироваться среди расовых или этнических меньшинств; по мере того как общества становятся этнически более разнообразными (что происходит практически со всеми западными развитыми странами на протяжении жизни последних двух поколений), можно ожидать, что уровень преступности будет возрастать. Причина того, что уровень преступности часто более высок среди представителей национальных меньшинств, весьма вероятно сиязана, как считают криминологи Ричард Клоуард и Ллойд Один[10], с тем фактом, что легальные пути социального про-лнижения для них в отличие от большинства членов общества перекрыты. В других случаях причиной может служить сам факт гетерогенности — поселения, жители которых слишком отличаются друг от друга в культурном, лингвистическом, религиозном или этническом плане, никогда не образуют сообществ, способных заставить своих членов соблюдать неформальные нормы. И наконец, не все меньшинства, поступательное развитие которых блокировано обществом большинства, порождают преступность в одной и той же степени. Более высокий уровень niK-ступности в определенных общинах может просто быть продуктом собственной культуры данного сообщества.

I) качестве универсального объяснения роста преступности социальная гетерогенность — вероятно, более влиятель ный фактор для Европы, чем для США. В США этническое разнообразие увеличилось в результате новой иммиграции, особенно из Латинской Америки и Азии. Не очевидно, однако, что общий уровень преступности среди испаноязычных иммигрантов значительно выше, чем среди родившихся в США; в любом случае начи ная с 60-х годов преступность увеличивалась среди групп коренных жителей так же, как и среди выходцев из-за рубезка. В Европе антииммигрантские настроения, которые эксплуатируют правые группы — такие, как Национальный фронт Жана-Мари Ле Пена во Франции и партия республиканцев в Германии, — в значительной мере питаются представлением, что иммигранты в гораздо большей степени, чем коренное население, ответственны за преступность. Но и здесь уровень преступности возрастает также и среди групп коренных жителей".

Следующее объяснение касается наркотиков. Исходя только из времени достижения зрелости поколением «беби-бума», мы должны были бы ожидать, что снижение преступности будет иметь место скорее в конце 80-х годов (как начало выравниваться количество разводов), нежели в конце 90-х. Одно из объяснений, почему число преступлений, связанных с насилием, оставалось высоким, а потом неожиданно быстро упало в конце 90-х годов, связано с появлением крэк-кокаи-на в американских городах в середине 80-х годов и с последующей стабилизацией рынков крэка[12]. Этот фактор, однако, объясняет не первоначальный рост преступности, а только продление ее волны.

Принимая во внимание ограниченность этих объяснений, мы вынуждены спросить: может быть, рост уровня преступности связан с другими аспектами Великого Разрыва — в частности, с более или менее одновременными изменениями в семье? В настоящий момент господствующая школа современной американской криминологии придерживается взгляда, что ранняя социализация детей — один из наиболее важных факторов, определяющих последующий уровень преступности. Другими словами, большинство людей не делают каждый день, основываясь на соотношении выгоды и риска, выпор — совершить преступление или нет, как иногда полагают представители школы рационального выбора. Подавляющее большинство людей подчиняются закону (особенно это касается серьезных преступлений), в силу сложившейся в достаточно юном возрасте привычки. Напротив, большинство преступлений совершается преступниками, которые уже совершали их неоднократно и у которых не был развит этот базовый уровень самоконтроля. Во многих случаях они действуют не рационально,

а исходя из импульса. Поскольку они не способны предвидеть последствия, часто их не удерживает ожидание наказания.

Одним из наиболее известных криминологических исследований, которое продемонстрировало важность социализации в раннем детстве, — является работа Шелдона и Элеоноры Глюк, результаты которой были опубликованы в их книге «Разгадать юношеское правонарушение»[13]. Авторы проводили лонгитюдное исследование, наблюдая за одной и той же группой мальчиков из бедного района Бостона вплоть до достижения ими зрелости, стараясь выявить причины того, почему одни из них совершили преступления, а другие — вели продуктивную жизнь. Один из факторов, обнаруженных при исследовании, заключался в том, что мальчики, которые совершили преступления, продолжали иметь проблемы и в зрелом возрасте — последующее криминальное поведение, неудачи с браком, склонность к алкоголю или наркотикам, неспособность сохранить работу и т.п. Это заставляет предположить, что эта способность к самоконтролю развивается относительно рано и что это одна из наиболее важных сфер, в которых проявляется наличие или отсутствие создаваемого семьей социального капитала.

К такому же выводу пришли криминологи Тревис Хирши и Майкл Готтфредсон, которые считают, что более оправдан но говорить скорее о «криминальной карьере», чем об отдельных преступных актах, поскольку жизненное направление определяется социализацией в семье детей в относительно раннем возрасте[14]. Предпринятый Рольфом Лёбер и Магдой Сто-ухамер-Лёбер обзор многочисленных исследований связей между семьей и преступностью подтвердил то, что большинству людей известно на основании здравого смысла: родители оказывают влияние на последующее криминальное поведение своих детей пренебрежением к ним и конфликтами с ними, собственным девиантным поведением, супружескими конфликтами или отсутствием одного из родителей[15].

Данные исследования Глюков были снова проанализированы в 90-х годах Робертом Сэмпсоном и Джоном Лаубом, которые обнаружили подтверждение важности того, что они назвали «ранжированным по возрасту неформальным социальный контролем», а также тот факт, что у детей, социализация которых не совершалась должным образом, криминальное поведение продолжается на протяжении всей жизни[16]. Позиция Сэмпсона и Лауба несколько отличается от взглядов Глюков и других теоретиков «контроля»: они пришли к выводу, что более поздние социальные отношения (например, в школе, на рабочем месте, со сверстниками и т.п.) также могут оказывать влияние на склонность индивида к криминальной карьере. Они считают, что не только семьи

являются важным источником социального капитала; социальный капитал общины также может влиять на количество преступлений, хотя и не оспаривают базовую связь между семьей и преступностью или важность семьи для поддержания уровня социального капитала.

Может ли причина общего роста преступности в развитых странах после 1965 года корениться в распаде семьи? Не приходится сомневаться, что ухудшение семейной жизни, которое началось в этот период, в значительной мере ответственно за рост уровня преступности; имеется достаточное количество эмпирических данных, которые это подтверждают[17]. Распад семьи часто оказывается важным промежуточным звеном в связи между бедностью и преступностью[18]; бедные семьи — это не просто семьи, хорошему трудоустройству которых мешает недостаток образования или неудачное местожительство; часто это семьи, в которых нет отца, который мог бы дисциплинировать ребенка, поощрить его, послужить ролевой моделью или иначе способствовать его социализации.

С другой стороны, статистические соотношения между распадом семьи и преступностью не так очевидны, как могло бы показаться на первый взгляд, поскольку распад семьи часто коррелирует со множеством других факторов — таких, как бедность, плохая школа и неблагоприятное местожительство, которые также отражаются на социализации детей[19]. Трудно разобраться в значимости отдельных факторов, которые к тому же различаются от страны к стране. В Швеции, к примеру, окружение вне семьи — соседи, другие взрослые, работники детских дошкольных учреждений, учителя и т.п., — возможно, играют значительно большую роль в социализации детей, чем в США. Таким образом, негативные последствия воспитания детей в семье с одним родителем смягчаются.

Даже для США проблематично использовать данные о распаде семьи для объяснения растущего уровня преступности в 60-х годах. Если бы распад семьи был главным фактором, ответственным за преступность, можно было бы ожидать, что уровень преступности будет возрастать с отставанием на 15— 20 лет от роста числа разводов и внебрачной рождаемости, поскольку предположительно именно дети из распавшихся семей были бы на вершине криминальной волны. Однако преступность, количество разводов и внебрачная рождаемость начали расти в одно и то же время. Те молодые люди, которые совершали преступления в конце 60-х и начале 70-х годов, родились в период с 1945-го по 1960 год, во время послевоенного «беби-бума», когда стабильность американской семьи укреплялась. Очевидно, под оболочкой семейного уюта 50-х годов скрывалось что-то не совсем правильное, поскольку поколение, выросшее в нем, оказалось больше обычного склонно поддаваться искушениям зрелого

возраста. Распад семьи, несомненно, имел какое-то отношение к сохранявшемуся высокому уровню преступности начала 90-х годов, но, по-видимому, начало Великого Разрыва нужно соотносить с факторами, общими как для преступности, так и для распада семьи.

И все же связь между семьей и преступностью, очевидно, существует и, как я подозреваю, в США является более тесной, чем в Европе или Японии. Вообще говоря, центральная проблема, с которой сталкивается любое общество, — это контроль за агрессией, честолюбием и потенциальным насилием со стороны своих молодых членов, направление их в безопасное и продуктивное русло. В большинстве человеческих обществ эту задачу почти всегда выполняют старшие мужчины, пытающиеся ритуализировать агрессию, ограничить доступ к женщинам и в целом установить нормы и правила, которые бы делали поведение молодых мужчин социально приемлемым[20]. Старший мужчина, который играет эту роль, может быть биологическим отцом молодого мужчины, но он также может быть старшим братом, дядей или взрослым членом семьи с материнской стороны. В современном американском обществе в таком качестве выступают инструкторы по строевой подготовке в морской пехоте, которые, как показал Томас Рикс в своей книге «Создать отряд», превосходно зарекомендовали себя, принимая неуправляемых мальчиков из распавшихся семей и превращая их в целеустремленных дисциплинированных мужчин[21].

Я полагаю, что связь между распадом семьи и социальной дезорганизацией в Европе слабее, чем в Америке, не только потому, что там имеется более развитая система государственных социальных пособий, поддерживающая семьи с одним родителем, но также потому, что вокруг имеется больше мужчин, участвующих в социализации и воспитании мальчиков. В некоторых случаях это биологический отец, который продолжает сожительствовать с матерью, даже если он не состоит с ней в браке. В других случаях нормы поведения прививаются соседями, более отдаленными родственниками или просто другими членами данного сообщества. Намного меньшая степень физической, не говоря уже о социально-экономической, мобильности европейцев по сравнению с американцами означает, что население вообще и местные общины в частности более стабильны и гомогенны. Говоря словами Джейн Джейкобс, в типичном европейском городе имеется больше «глаз на улице», чем в типичном американском. Одинокие матери в Европе, таким образом, получают большую помощь в деле воспитания своих сыновей, чем в Америке.

Если мы перейдем от общего уровня преступности к распространенности жестокого обращения с детьми, то связь между возрастающим числом таких случаев и изменениями в структуре семьи станет гораздо более очевидной. Фонд защиты детей утверждает: если основываться на результатах опросов работников детских учреждений, то число детей, получивших серьезные травмы в результате насилия, между 1986-м и 1993 годами увеличилось почти в четыре раза — поистине удивительный рост для семилетнего периода[22]. Исследование министерства здравоохранения и социальных служб США показывает менее драматический, но все же значительный рост количества случаев физического, сексуального и эмоционального насилия над детьми в 1980—1993 годах[23]. Хотя склонная к сенсациям пресса часто преувеличивает болезненность восприятия публикой этих проблем[24], имеются основания полагать, что число случаев насилия над детьми во время Великого Разрыва и в самом деле возросло.

С биологической точки зрения нас не должно было бы удивлять, что растущий уровень разводов и внебрачной рождаемости привел к жестокому обращению с детьми со стороны замещающих родителей, особенно мужчин, которые заинтересованы прежде всего в сексуальных отношениях с матерью и для которых дети в лучшем случае неудобство. Как пишут Мартин Дэйли и Марго Уилсон, двое психологов-эволюционистов, которые подробно изучали этот вопрос, «воз можно, наиболее точным предсказанием дарвинизма в отношении родительских мотивов является следующее: родители-заместители, как правило, будут заботиться о детях менее основательно, чем биологические родители»[25]. Они ссылаются на существование рассказов о Золушках, страдающих от злых отчимов и мачех, в фольклоре практически каждой культуры по всему миру. В городах с хорошей полицейской отчетностью, отдельно фиксирующей насилие, совершенное родителями-заместителями и биологическими родителями, ребенок имеет шанс пострадать от первого в 10—100 раз больше, чем от второго. Исследование, проведенное в Британии Фондом семейного воспитания, дает основания для подобных же выводов: вероятность того, что ребенок, живущий с обоими биологическими родителями, испытает жестокое обращение, в два раза меньше, чем для детей в среднем; для тех, кто живет только с матерью, вероятность этого больше в 1,7—2,3 раза, а для тех, кто живет с матерью и с отчимом, — больше в 2,8—5 раз[26]. Исследование жестокого обращения с детьми и пренебрежения родительскими обязанностями, проведенное министерством здравоохранения и социальных служб США, показало, что дети, живущие с одним родителем, страдают от жестокого обращения на уровне, который

«по стандарту ущерба в 1,75 раза превышает средний уровень для детей, живущих с обоими родителями». Уровень пренебрежения родительскими обязанностями в семье с одним родителем был в 2,2 раза выше, чем в семьях с двумя родителями[27]. Иногда насилие, направленное на детей, выплескивается и на мать, становясь фактором риска и для нее тоже[28].

Верно, что жестокое обращение с детьми в высокой степени коррелирует с доходом семьи и с другими показателями социально-экономического статуса, однако ни одно из упомянутых выше исследований не включало комплексного многофакторного анализа, который выявил бы вклад структуры класса и структуры семьи по отдельности. Бедность, конечно, играет свою роль в распространении жестокого обращения с детьми, однако следует отметить, что уровень бедности (по крайней мере в США) имеет тенденцию меняться соответственно динамике экономических циклов и роста уровня бедности, который соответствовал бы значительному росту числа случаев жестокого обращения с детьми, не отмечено[29]. Как и другие аспекты Великого Разрыва, эти драматические сдвиги в социальных показателях трудно объяснимы изменением одних только общих экономических факторов.

Конечно, в мире имеется очень много заботливых отчимов и мачех, которые воспитывают своих приемных детей с не меньшей любовью и вниманием, чем если бы те были их собственным биологическим потомством[30]. Люди могут предпочитать кровных родственников, но обладают также способностью привязываться к другим созданиям, от детей до домашних животных. Более того, многие приемные родители проявляют повышенную заботу и тратят дополнительные усилия на своих приемных детей именно для того, чтобы показать, что у них нет любимчиков. Деликатность ситуации в заново образованных семьях, включающих приемных родителей, может привести к прямо противоположной проблеме, когда отчим не желает вмешиваться и проявлять строгость, так как считает, что не имеет права это делать, потому что не является биологическим родственником ребенка[31].

Почему растет недоверие?

Говоря о доверии, ценностях и гражданском обществе, нужно объяснить два отдельных феномена: во-первых, почему произошел широко распространенный упадок доверия как к общественным институтам, так и к другим людям; во-вторых, как согласовать сдвиг в сторону уменьшения числа общеприемлемых норм с явным ростом количества и объема групп и сплоченности гражданского общества. Причины снижения доверия в

американском контексте широко обсуждались. В свое время Роберт Патнам высказал мысль, что это снижение могло быть связано с распространением телевидения, поскольку первое поколение, выросшее глядя на экран, было поколением, которое пережило наиболее резкий упадок доверия[32]. Мало того, что содержание телевизионных передач, пропагандирующих секс и насилие, порождает цинизм, сам факт просмотра телепередач в уединении в собственной гостиной ограничивает возможности зрителей к личной социальной активности, поскольку средний житель страны смотрит телевизор более 4 часов в день.

Однако можно предположить, что общий феномен упадка доверия является комплексным и имеет различные причины, из которых телевидение лишь одна. Том Смит из Национального центра исследований общественного мнения провел многофакторный анализ данных опроса о доверии и нашел, как было отмечено выше (см. главу 2), что недостаток доверия коррелирует с низким социально-экономическим статусом, принадлежностью к меньшинствам, травматическими событиями в жизни, фундаменталистскими взглядами, принадлежностью не к основной церкви и принадлежностью к определенному поколению (т.е. поколению «беби-бума» или поколению X). Как легко догадаться, травматическими событиями в жизни, влияющими на степень доверия, являются совершенное против человека преступление и болезнь.

Какой из этих факторов изменился с 60-х годов столь резко, что это изменение могло бы объяснить уменьшение доверия? Неравенство доходов несколько возросло, и Эрик Ас-лейнер из Университета Мэриленда считает, что это могло послужить причиной некоторого роста недоверия[33]. Уровень бедности в этот период колебался, но в целом не вырос, и так называемое тяжелое положение среднего класса означало не столько падение реального дохода для огромного большинства американцев, сколько замораживание заработной платы.

Мы уже видели, что экономическая нестабильность этого периода — от нефтяного кризиса до сокращения рабочих мест — могла благоприятствовать росту цинизма.

Преступность претерпела заметный рост между 1965-м и 1995 годами, и есть веские основания полагать, что тот, кто некогда оказался жертвой преступления или видит по местным теленовостям калейдоскоп страшных криминальных историй, почувствует, наверное, недоверие не к близким друзьям и членам семьи, а к внешнему миру. Поэтому преступность может показаться важным фактором объяснения роста недоверия после 1965 года — вывод, вполне подтверждаемый более детальным анализом[34].

Другое значительное социальное изменение, которое привело к травматическому жизненному опыту, — рост числа разводов и распад семьи. Руководствуясь здравым смыслом, можно предположить, что у детей, которые пережили развод родителей или постоянно видят приятелей своей матери-одиночки, обнаружится склонность к цинизму по отношению к взрослым вообще, что в значительной мере объясняет рост недоверия, отмечаемый по данным опросов. Однако в анализе Смита разводы родителей или воспитание в неполной семье не рассматриваются как важные объясняющие факторы[35]. С другой стороны, существует множество непрямых связей: распад семьи связан как с преступностью, так и с бедностью, и то и другое, несомненно, порождает цинизм. Исследование Уэнди Ран и Джона Трэнсью показывает, что отсутствие отца в семье увеличивает вероятность того, что для ребенка будут иметь значение материальные ценности, которые, в свою очередь, коррелируют с недостатком доверия[36].

Религия, очевидно, имеет противоречивое воздействие на доверие; фундаменталисты, так же как и те, кто не посещает церковь, склонны проявлять меньше доверия, чем остальные. В то время как многие американцы верят, что их собственное общество стало более светским за последнее поколение, это справедливо прежде всего применительно к публичной сфере, где строгое разделение церкви и государства все больше усиливалось; но не очевидно, что в своей частной жизни американцы демонстрируют резкий упадок религиозной веры[37]. Однако возможно, что это уменьшение доверия частично может быть объяснено переходом к более светскому обществу — тенденция, которая парадоксальным образом усиливается одновременным ростом числа членов фундаменталистских церквей.

Тот факт, что представители более молодых поколений склонны проявлять меньше доверия, чем старшие, не объясняет роста недоверия; скорее возникает вопрос: почему молодые более циничны? С другой стороны, это показывает, что рост недоверия — не просто эффект жизненного цикла, т.е. нечто, свойственное людям на определенной стадии их жизни. Не является недоверчивость и характеристикой только одного поколения — скажем, поколения «беби-бума», — поскольку она, по-видимому, еще более характерна для представителей так называемого поколения X.

Можно доказать статистически, что растущая преступность и экономическая неуверенность имели негативное воздействие на доверие, и предположить, что распад семьи здесь также сыграл свою роль. Однако создается ощущение, что эмпирические измерения культурных изменений,

которые обсуждались выше, — довольно грубые инструменты, и требуется оценить происходящее в большей мере с точки зрения качества.

Миниатюризация сообщества

Тот факт, что группы и участие в группах могут расти даже тогда, когда общество отходит от общепринятых ценностей и уровень доверия снижается, можно объяснить несколькими способами, каждый из которых согласуется с приведенным в начале этой книги общим утверждением, что наиболее важным изменением в современном обществе является рост индивидуализма. Произошла действительно важная трансформация природы американского гражданского общества, что, вероятно, приложимо и к другим развитым западным странам. Но то важное изменение, которое произошло, не может быть отражено никаким измерением численных показателей числа и размера организаций, что было темой так называемой полемики Патнама. Важные изменения носят качественный характер и заключаются в природе групп, которые сегодня становятся преобладающими, и в тех моральных отношениях, которые существуют между индивидами в обществе вообще.

Наиболее очевидный способ согласовать низкий уровень доверия и высокий уровень участия в группах должен быть связан с уменьшением того, что я назвал радиусом доверия. Рассмотрим случай вступления семьи в организацию наблюдения за порядком в квартале, которая патрулирует улицы, поскольку имел место неожиданный рост частоты ограблений. Наблюдение в квартале служит одной из токвилевских школ гражданства; в результате возникает новая группа, которую можно рассматривать как часть более широкого гражданского общества. Ее члены учатся сотрудничать друг с другом и, таким образом, создают социальный капитал. С другой стороны, причина, по которой организации существуют, в первую очередь является результатом существования преступности и *недоверия,* которое жители испытывают к тем в обществе, кто внушает им чувство опасности. Если рост гражданского общества основан на распространении таких защитных групп небольшого радиуса, то вполне можно ожидать, что уровень общего социального доверия будет понижаться.

Ситуация, в которой люди находили бы убежище в нетерпимых или активно агрессивных группах, которые уменьшают запас доверия в большом обществе, была бы даже еще хуже. Писатель-фантаст Нил Стивенсон нарисовал мрачную картину будущего США в своем романе «Лавина»: страна поделена на сотни тысяч отдельных «бургклавов» — по

сути, представляющих собой объединения домовладельцев, которые превратились в суверенные территории, требующие для въезда паспорта и визы. В этом мире власть федерального правительства сведена к тем немногим обветшавшим строениям, которые оно по-прежнему занимает. Негры, байкеры, китайцы, даже расисты в закрытой коммуне под названием Новая Южная Африка — все ведут замкнутую жизнь, и отсутствие всяких знаний друг о друге порождает взаимную враждебность.

Современная Америка к этому еще не совсем пришла, но двигается в этом направлении. Трудно интерпретировать данные по ценностям или по гражданскому обществу как-либо иначе, кроме как заключить, что радиус доверия уменьшается — не только в США, но по всему развитому миру. Люди продолжают разделять общие нормы и ценности, в результате чего образуется социальный капитал, они вступают в группы и организации даже во все большем числе, но тип групп претерпел серьезные изменения. Авторитет большинства крупных организаций упал, а значение множества мелких ассоциаций в жизни людей возросло. Вместо того чтобы гордиться принадлежностью к большому и могущественному профсоюзу, работой в крупной корпорации или службой в армии, люди находят удовлетворение своей потребности в общении на занятиях аэробикой и в какой-нибудь новой секте, в группе взаимной поддержки или на чате Интернета. Вместо того чтобы признать авторитет церкви и пропагандируемые ею ценности, которые когда-то определяли культуру общества, люди сами выбирают свои приоритеты и объединяются в небольшие общины по принципу сходства во взглядах.

Этот переход к группам меньшего радиуса в политической сфере находит свое отражение в почти универсальном росте «групп по интересам» за счет политических партий, опирающихся на широкие слои населения. Политические партии — такие, как христианские демократы в Германии или лейбористская партия Британии — имеют последовательные идеологические позиции по всем проблемам, возникающим перед обществом, — от национальной обороны до социального обеспечения. Представляя, как правило, интересы определенного социального класса, партия объединяет представителей разнообразных течений и людей с разными взглядами. «Группа по интересам», с другой стороны, сосредоточивает внимание на отдельном вопросе — таком, как сохранение тропических лесов или развитие птицеводческих ферм в штатах Среднего Запада; она может быть международной по масштабам, но важность вопросов, с которыми она имеет дело, или число людей, которых она объединяет, гораздо менее внушительны.

Опросы, проведенные Аланом Вулфом среди представителей среднего класса, дают нам множество подтверждений, касающихся миниатюризации общества и морали в современном американском обществе. Вулф утверждает, что в современных Соединенных Штатах не идет никаких «культурных войн» между различными группами, непримиримо выступающими друг против друга. Причина того, что никто не находится в состоянии войны, в том, что, за исключением определенных вопросов — таких, как аборт или гомосексуальность, — большая часть среднего класса не верит ни во что достаточно сильно, чтобы навязывать свои ценности друг другу, и, таким образом, не имеет оснований для серьезного культурного противостояния. Многие из опрошенных Вулфом религиозны и озабочены моральными изъянами современного американского общества. Они также высоко ценят общность и могут быть довольно враждебными к тем, кто делает достижение общности более трудным, от проповедников расизма до увольняющих своих сотрудников корпораций. Однако они считают решительно невозможным судить о ценностях других людей. Они не стремятся навязывать свои религиозные или этические взгляды кому-либо другому и совершенно не приемлют идею о том, что внешняя власть в какой-либо форме должна предписывать им, как жить.

Вулф считает, что беззаботный моральный релятивизм — в конце концов, хорошая вещь: он ставит во главу угла терпимость, главную либеральную ценность, он принимает самые разные оттенки — от акций в поддержку особо защищаемых групп до феминизма и патриотизма; благодаря ему в центре американской моральной вселенной оказывается разделяемый всеми прагматизм. Вулф критикует консервативных интеллектуалов — таких, как Ирвинг Кристол и Роберт Борк — за утверждения, что большинство американцев хочет возврата к религиозной и моральной ортодоксии, на том основании, что, судя по данным опросов, американцы хотят выгод ортодоксии с ее сплоченностью общества и социальным порядком, но совершенно не намерены в сколько-нибудь значительной степени отказываться от личной свободы для достижения этих целей. Они сожалеют об утрате семейных ценностей, но не хотят лишиться свободы развода, они хотят приветливых семейных магазинов, но дорожат низкими ценами и широким выбором в торговых центрах. Как будто сбылось предсказание Эмиля Дюркгейма, что в современном обществе единственной ценностью, объединяющей людей, окажется ценность индивидуализма как такового: наибольшее негодование встречает морализаторство со стороны других людей[38].

Мы пока не будем рассматривать вопрос, что предвещает упадок морали для будущего демократических обществ. Ясно, однако, что моральный релятивизм — это ключевое связующее звено между очевидно противоречащими друг другу уменьшением доверия и растущим гражданским обществом. Последнее основывается на разделяемых ценностях: чем более непререкаемы и общепризнаны эти ценности, тем сильнее общество и выше уровень общего общественного доверия. Однако рост индивидуализма и стремление к максимальной личной автономии приводят к тому, что сомнению подвергается правомерность власти во всех сферах, в особенности авторитет больших общественных институтов, которые наделены значительной властью.

Современные американцы — и современные европейцы также — стремятся к противоречащим друг другу ценностям. Они все больше испытывают недоверие к любого рода авторитетам, политическим или моральным, которые ограничивали бы их свободу выбора, но они также хотят чувства сплоченности и тех хороших вещей, которые вытекают из сплоченности, — таких, как взаимное признание, участие, принадлежность к группе и общность интересов. Сплоченность должна быть найдена в маленьких и более гибких группах и организациях, при условии, что членство в одной не препятствует членству в других, а вступление и выход из них не связаны с большими затратами. Люди оказываются, таким образом, в силах удовлетворить свои противоречивые желания общности и автономности. Однако при этом общины и группы оказываются меньше и слабее, чем существовавшие ранее. Каждое сообщество имеет все меньше общего с соседними, не говоря уже о том, что не обладает особым влиянием на своих членов. Круг людей, которым американцы могут доверять, неизбежно сужается. Сущность сдвига ценностей, лежащего в основании Великого Разрыва, заключается, таким образом, в росте морального индивидуализма и вытекающей из него миниатюризации общества.

Глава 5
Особая роль женщин

Мы убедились, что преступность и, в меньшей степени, дефицит доверия могут быть связаны с изменениями, которые имели место в структуре семьи. То, что семья претерпела такие драматические изменения за последние тридцать лет, несомненно, связано с двумя основными потрясениями, пережитыми обществом в 60-х и 70-х годах, — сексуальной революцией и всплеском феминизма. Многие люди рассматривают эти

изменения как результат исключительно добровольного культурного выбора. Правые порицают упадок семейных ценностей, в то время как левые видят в существовании традиционных норм проявление эгоистических стремлений тех, кто не способен на большее. Однако изменения ценностей имели технологическое и экономическое развитие конца индустриальной эры, которое только и может объяснить время их возникновения. Это не значит, что люди не имеют свободы воли или не совершают морального выбора, но акты морального выбора имеют место в рамках определенного технологического и экономического контекста, что делает определенные исходы более вероятными в одни периоды времени, чем в другие.

Рождаемость

Доступность противозачаточных средств и легализация абортов во многих развитых странах начиная с б0-х годов — главное условие, объясняющее резкое падение рождаемости.

Однако противозачаточные средства и аборты — это только одна сторона дела. Многие страны — такие, как Франция и Япония — столкнулись с падением рождаемости еще до 60-х годов. Сама по себе возможность контроля за рождаемостью не объясняет того, почему рождаемость оказывается на определенном уровне. Почему общий уровень рождаемости Италии упал до 1,2, а не до 0,2? Ведь существование противозачаточных средств делает более низкую цифру столь же вероятной, как и ту, которая имеет место в действительности?

Демографы используют для объяснения уровня рождаемости, как правило, экономические модели. Их доводы таковы: родители желают детей так же, как они желают других экономических благ'. Конечно, они любят и ценят их, но не до такой степени, чтобы отказаться от всех других хороших вещей на свете. Стоимость ребенка состоит из ряда компонентов: прямых расходов на пищу, одежду, жилище и образование детей, и упущенной выгоды родителей, в особенности матерей, которые жертвуют временем и доходами на период воспитания ребенка. Расходы окупаются той любовью и привязанностью, которую родители питают к ребенку, а также, возможно, и напрямую, когда позднее он сможет зарабатывать деньги. Все же наличие детей означает односторонний перевод средств — от родителей к детям, и люди сопоставляют его с другими типами затрат.

В современном информационном обществе как прямые, так и косвенные расходы на детей значительно возросли. По мере того как благосостояние, выраженное в доходах на душу населения, увеличивается,

а технологическая усложненность экономики усиливается, профессиональное мастерство и образование (то, что экономисты называют человеческим капиталом) становятся все более важными для жизненного успеха молодого человека. В бедных странах, таких, как Индия, дети могут становиться источниками дохода для семьи, начиная работать с семи-восьмилетнего возраста. В США, напротив, имеется немного видов хорошо оплачиваемой работы, которую мог бы выполнять восьмилетний ребенок, и все меньше работы даже для тех, кто имеет один только школьный аттестат. В 90-х годах затраты на то, чтобы дать одному ребенку четырехлетнее образование в колледже, могли доходить до $ 100 000. В то же время родители, особенно матери, вероятно, были бы частью работающего населения и получали бы более высокий доход. Для женщин цена перерыва в работе на несколько месяцев или лет, необходимых для воспитания ребенка, может исчисляться десятками и сотнями тысяч долларов. Биологические причины побуждают родителей стремиться к максимальному успеху своего репродуктивного поведения, но люди мыслят рационально и понимают, что их дети смогут чего-то добиться лишь в том случае, если получат необходимые навыки, образование и другие блага, без которых невозможна жизнь в современном обществе.

Хотя сказанное в целом удовлетворительно описывает ситуацию с рождаемостью, имеется много специфических факторов и аномалий, которым оно не дает достаточного объяснения. Почему, например, общий коэффициент рождаемости во Франции начал падать еще в XIX веке — раньше, чем в других странах с сопоставимым уровнем развития? Почему Япония, которая в 50-х годах имела гораздо более низкий ВВП на душу населения и гораздо меньшую долю работающих женщин, чем США, Британия, Канада, испытала неожиданное и резкое сокращение рождаемости, в то время как последние три страны испытывали «беби-бум»[2]? Почему произошел сам «беби-бум»? И почему имеющая целью увеличение рождаемости политика Швеции, направленная на то, чтобы экономически поощрять многодетные семьи, дала результаты в 80-е годы, а в 90-е сделалась неэффективной?

Может показаться, что дополнительно к экономической модели рождаемость определяется также множеством других факторов, включая некоторые культурные, которые трудно подвергнуть количественной оценке. Культурные влияния зачастую оказываются сильнее экономических. В США имеются общины — такие, как иудеи-хасиды или мормоны, — уровень рождаемости в которых значительно выше, чем для нации в среднем, поскольку их религиозные верования предписывают многодетность. Послевоенный «беби-бум» объясняется отсроченным

исполнением желания иметь потомство представителями поколения, которое обзавелось бы семьями во время Депрессии и войны, и стремлением найти безопасность и уют семейной жизни после годов испытаний.

Подобным же образом трудно поверить, что падение рождаемости в Европе на протяжении последнего поколения не связано с изменениями культурных предпочтений относительно важности семейной жизни как таковой по сравнению с другими хорошими вещами, а является всего лишь поштучным подсчетом стоимости детей в плане затрат и упущенной выгоды[3]. Для многих образованных европейцев и американцев стало менее модным иметь детей и содержать семью. Одна молодая шведка, высказывание которой процитировала «Нью-Йорк тайме», объясняла: «Иногда мне кажется, что если у меня не будет ребенка, я, наверное, упущу что-то важное... Но ведь сегодня женщины наконец имеют столько возможностей жить так, как им хочется. Они путешествуют, работают, учатся. Это захватывает и требует многого. Вот я и не вижу, как все это совместить с обязанностями матери»[4].

Тенденции рождаемости, в свою очередь, в некоторой степени объясняют рост количества разводов, который характерен для Великого Разрыва. Имеется тенденция к более частым разводам в первые несколько лет брака; поэтому в странах, переживших «беби-бум», можно ожидать увеличения числа разводов, когда дети, родившиеся в эти годы, достигнут возраста 20—30 лет. К тому же рост продолжительности жизни означает, что браки будут длиться дольше и скорее закончатся разводом, чем смертью одного из супругов. Следовательно, паттерны рождаемости и смертности, описанные выше, заставляют ожидать увеличения числа случаев расторжения брака в 70-х и 80-х годах.

Распад семей, который имел место в действительности, носил, однако, гораздо более драматический характер, чем этого можно было бы ожидать на основании этих демографических факторов, поэтому нужно искать другие причины. Однако прежде чем мы сможем выявить искомые социальные факторы, нужно понять биологический контекст, внутри которого эти изменения происходят.

Биологическое происхождение семьи

Одной из основополагающих составляющих антропологии после Боаса является идея, что не существует такого явления, как естественная, или нормальная человеческая семья. Значительная часть усилий антропологов посвящена изучению огромного разнообразия,

существующего в системах родственных связей человека; выделить в них четко прослеживаемые универсальные закономерности трудно. Безусловно, тот тип семьи, который антропологи называют супружеской, или нуклеарной семьей из двух поколений и который был распространен в США в 50-х годах, не был характерным для большей части остального мира в тот период и не был типичным для многих западных обществ на ранних стадиях развития. Поэтому распад нуклеарной семьи на Западе начиная с 60-х не представлял ipso facto отклонения от определенной разновидности вековой нормы.

С другой стороны, если мы сравним родственные отношения человека в более широком контексте с таковыми у других видов животных, мы увидим, что они служат определенным целям эволюции, несмотря на все внешнее разнообразие. Мало кто стал бы спорить с мнением, что отношения между матерью и детьми имеют биологическое основание, как это имеет место и для других существ. При звуке плача новорожденного у матери начинает выделяться молоко, она инстинктивно кладет младенца на левую руку, поскольку звук сердцебиения матери ребенка успокаивает[5]. Множество исследований показывает, что мать и младенец спонтанно обмениваются информацией и взаимодействуют разнообразными способами, которые регулируются скорее генетически, нежели культурными традициями[6]. Присутствие матери жизненно важно для благополучия младенца; многие виды отклоняющегося поведения, которые проявляются в более поздние периоды жизни, могут иметь в своем истоке разрыв связи мать — ребенок в относительно раннем возрасте[7].

Роль мужчины в воспитании детей более проблематична, и у других видов участие самца в выращивании потомства носит самый различный характер. Как бы ни нравилось людям смотреть на моногамную семью у птиц как на естественную модель человеческой семьи[8], у подавляющего большинства видов, размножающихся половым путем, вклад самца в дело создания и выращивания потомства состоит немногим более чем в одном сперматозоиде. Это верно и для ближайших человеку высших приматов — человекообразных обезьян. Для шимпанзе, к примеру, характерен промискуитет, они не образуют устойчивых пар на сколько-нибудь заметный промежуток времени; хотя самцы обеспечивают защиту и пропитание зависящим от них членам родственной группы, детеныши шимпанзе растут фактически в семье с одним родителем. Степень участия самца в выращивании потомства для любого данного вида определяется характером ресурсов, которые необходимы для выживания молодняка в зависимости от среды обитания вида и способности самца их обеспечить[9].

Что касается человека, то для мужчин характерны противоречивые устремления. С одной стороны, человеческие дети требуют гораздо большего участия родителей в их воспита нии, чем детеныши других видов, чем и определяется важная роль отца. Человеческие существа имеют такой большой мозг, что, несмотря на довольно длительный период вынашивания, рождаются неспособными к самостоятельной жизни; большая часть процесса созревания, которая у других животных происходит в течение беременности, у человеческого детеныша совершается уже после его рождения. Таким образом, ребенок появляется на свет более беспомощным, чем потомство большинства других видов животных, включая всех человекообразных обезьян. Ребенку требуется чрезвычайно долгое время для того, чтобы стать способным к самостоятельной жизни, и в течение этого времени он слаб, уязвим и зависим от своих родителей. Мать, конечно, является sine qua поп* для выживания малыша, но потребности младенца так велики, что и мужчина играет очень важную роль в их удовлетворении. Во времена охотников-собирателей, когда сформировалась генетика современного человека, мужчины были необходимы для поставки протеина в виде мяса животных и для защиты племени как от других человеческих групп, так и от неблагоприятных природных факторов. Это делает понятным, почему моногамная семья гораздо более распространена у человека, чем среди других животных.

С другой стороны, семейные связи оказываются довольно хрупкими в силу биологических факторов: для мужчины побудительные мотивы оставаться со своими детьми гораздо слабее, чем для женщины. Самое глубоко заложенное стремление любого животного — передать свои гены следующему и дальнейшим поколениям. Для женщины, как и для большинства матерей в животном царстве, это значит обеспечить своим детям как можно лучший набор генов, а в дальнейшем предоставить им ресурсы, необходимые для того, чтобы сделать их жизнеспособными и способными размножаться. Самки, как правило, обеспечивают более высокий уровень того,

• Sine qua поп *(лат.)* — необходимое условие. — *Примеч. ред.*

что биологи называют «родительским вкладом», чем самцы. В частности, среди млекопитающих самки должны вынашивать плод, выкармливать детеныша, находить еду для своих детей и, часто, защищать их от хищников или неблагоприятных природных факторов. Несмотря на то что у человека мужские особи делают для своих детей больше, чем самцы других видов, их вклад в выращивание потомства (и цена) остается меньшим, чем вклад женщин. Имеется, к примеру, довольно низкий

естественный предел численности потомства, которое женщина способна выносить в течение жизни, по сравнению с числом детей, которых может зачать мужчина: женщина может родить в течение жизни примерно дюжину детей, в то время как мужчина может произвести тысячи. Женщина, таким образом, увеличит шансы передать свои гены, если предъявит к потенциальному супругу высокие требования — во-первых, чтобы обеспечить своим детям наилучшие гены из доступных, и, во-вторых, чтобы гарантировать им после рождения доступность ресурсов мужчины. Мужчины, с другой стороны, стремятся максимально увеличить свои шансы на передачу генов благодаря спариванию с как можно большим числом партнерш.

Тот факт, что женщины в своем выборе сексуального партнера, как правило, более избирательны, чем мужчины, верен не только практически для всех человеческих культур, но и для всех видов животных, которые размножаются половым путем.

По словам биолога Роберта Трайверса, «у большинства видов женские особи весьма разборчивы в своем выборе брачного партнера, в то время как мужские особи разборчивы намного менее. За самкой обычно ухаживает множество самцов, но она выбирает лишь одного или немногих. Этот выбор никоим образом не является случайным. Все исследования предпочтений самки в природе показывают, что ее выбор осуществляется строго определенным образом. Большинство самок одного и того же вида осуществ ляют свой выбор по одним и тем же критериям, в результате чего самка многократно спаривается с немногими самцами и совсем не спаривается со многими другими. Самцы же, напротив, ухаживают за многими самками и готовы совершить копуляцию с большинством из них или со всеми, если удастся. К тому же бывает, что самцы ухаживают и за неподходящими для этого объектами. К примеру, иногда можно наблюдать, как самцы ухаживают за другими самцами, за самками других видов, чучелами самок и за неодушевленными предметами. Иногда можно видеть, как они ухаживают за сочетаниями вышеперечисленных объектов[10].

Согласно Трайверсу, имеется только несколько известных видов, у которых выбор потенциального супруга происходит в обратном порядке. К ним относятся плавунчик, мормонский сверчок и некоторые виды морских коньков".

Иными словами, мужчины биологически предрасположены к тому, чтобы быть менее разборчивыми, чем женщины, и в большей степени склонны к промискуитету*. Этот факт

* Можно задаться вопросом, как возможно, что гетеросексуальные мужчины могут проявлять больший промискуитет, чем гетеросексуальные

женщины, если для каждого полового акта требуется партнер противоположного пола. Дело в том, что в большинстве обществ богатые или имеющие высокий статус мужчины имеют намного больше возможностей для сексуального общения с женщинами (и поэтому намного больше партнеров и детей от этих партнеров), чем имеющие низкий статус. Последние, вообще говоря, хотели бы иметь те же возможности, но просто не могут их получить. В некоторых выражение полигамных обществах (ацтекский император Монтесума имел предположительно четыре тысячи наложниц; индийский император Удаяма — шестнадцать тысяч, а китайский император — десять тысяч) это фактически означает, что существенная часть мужчин низкого статуса лишена возможности удовлетворять свои сексуальные потребности и иметь собственную семью. В современных обществах, где полигамия запрещена законом, имеющие высокий статус мужчины продолжают наслаждаться большими сексуальными возможностями. Единственное различие состоит в том, что главы американских корпораций имеют разных жен и детей от них последовательно, а не одновременно, как турецкие паши или китайские мандарины. Мужчины и женщины по-разному смотрят на физическую близость. Для мужчин это — возможность расстегнуть пояс; для женщин — шанс вовлечь мужчину в отношения большей близости. Даже если оба вступают в сексуальный контакт, их намерения различны, и один из участников в конце концов обычно остается обманутым. — *Примеч. авт.*

подтверждается повседневными наблюдениями мужской и женской сексуальности и объясняет, почему в основном мужчины, а не женщины являются потребителями проституции и порнографии. Оно объясняет и то, почему в среднем мужчины-гомосексуалы имеют намного больше партнеров, чем гетеросексуалы, а лесбиянки намного меньше; в первом случае причиной является не принадлежность геев к лицам с гомосексуальной ориентацией, а отсутствие женской избирательности, что и приводит к обилию партнеров[12].

Биология, таким образом, говорит нам, что мужчина играет в семье определенную роль, заключающуюся в том, чтобы поставлять ресурсы женщине и ее детям, но указывает и на то, что эта роль легко разрушается. То, что мужчины остаются в моногамной паре и принимают активное участие в воспитании детей, меньше зависит от инстинкта, чем от тех социальных норм, санкций и давления, которые исходят от' общества. Как указывают антропологи Лайонел Тайгер и Робин Фоке, хотя нормы родственных отношений сильно меняются от культуры к культуре, лежащая в основе структура остается постоянной: «Как бы ни различались социальные системы, они должны иметь какие-нибудь средства для того,

чтобы гарантировать связь матери с ребенком по меньшей мере до тех пор, пока ребенок не обретет способность самостоятельно передвигаться и не сможет выжить с реальным шансом достичь зрелости»[13]. Такие средства могут предоставлять отец, брат матери или другие члены сообщества, но это должно быть кем-то сделано. Проблема заключается в гарантиях выполнения этой функции: «Большая часть обществ создает детально разработанные и жесткие правила для того, чтобы удерживать соединяющиеся пары вместе. Эти правила вовсе не отражают естественности супружеских уз, а говорят о том, как на самом деле они ненадежны. Огромное разнообразие и власть обычаев, регулирующих родство и брак, — не выражение врожденной склонности образовывать семьи, а механизмы защиты матери и ребенка от потенциальной хрупкости супружеской связи»[14].

Противоположные биологические побуждения, испытываемые мужчинами — содержать семью и избегать семейных обязательств, — могут объяснить разнообразие форм семьи и сложности возникновения семьи нуклеарной. Последняя вовсе не является ни исторически новым и преходящим образованием, как полагают ее критики, ни универсальным и естественным, как хотелось бы думать ее защитникам. С одной стороны, в XIX веке было принято считать (такого же мнения многие придерживаются до сих пор), что нуклеарная семья — это современное изобретение и появилась в результате индустриализации[15]. Ранее, как полагают, существовали большего размера родственные группы, такие, как племя или клан, в которых нуклеарные семьи составляли лишь незначительную часть. Такие кланы все еще встречаются на юге Китая, на Среднем Востоке и в других странах третьего мира. Со временем эти кланы распались на расширенные или сложные семьи, в которых три или более поколений жили совместно и вели общее хозяйство; затем, с приходом индустриальной революции, расширенные семьи распались на нуклеарные. Нуклеарная семья с такой точки зрения — только промежуточная станция, которая в будущем вполне может уступить место семьям с одним родителем или более свободным по форме типам семейных объединений.

На самом деле нуклеарная семья, не будучи универсальной, фактически занимает ведущее положение на протяжении всей человеческой истории в гораздо большей степени, чем изложенный выше подход предполагает, и являлась господствующей формой родства уже во времена охотников и собирателей[16]. Согласно антропологу Адаму Куперу, «современные социальные антропологи скептически смотрят на модели, которые были в ходу до недавнего времени и в которых африканские, американские и тихоокеанские общества представлялись как ассоциации

родственных объединений, растворяющих семью и индивида в большем коллективе связанных родством людей. Наоборот, нуклеарные семьи обнаруживаются повсеместно и оказываются наиболее важным семейным институтом; их главы осуществляют практический выбор политического объединения»[17]. Австралийские аборигены, островитяне южной части Тихого океана, пигмеи, бушмены Калахари и туземцы Амазонии — все они живут нукле-арными семьями[18]. Большие развернутые системы родства, изучаемые антропологами, сложились в результате возникновения сельского хозяйства. В некотором смысле новое появление нуклеарной семьи, которое, как показал историк Питер Ласлетт, произошло в северной Европе задолго до промышленного переворота, обозначает собой возврат к очень древнему паттерну[19].

Таким образом, моногамные брачные отношения и нуклеарная семья не обязательно являются недавним историческим изобретением. Но, хотя отцы играют важную роль в человеческой семье и гораздо теснее связаны со своими детьми, чем это наблюдается у любой из человекообразных обезьян, характер этой роли сильно менялся с течением времени и в различных человеческих обществах. Другими словами, если с уверенностью можно сказать, что роль матери определена биологически, то роль отца в гораздо большей степени зависит от социальных факторов[20]. По словам Маргарет Мид, «когда-то на заре человеческой истории было осуществлено социальное нововведение: самцы стали кормить самок и малышей». Функцией мужчины, «который в человеческом обществе должен добывать пищу для женщин и детей», стало обеспечение ресурсами. Однако такое поведение является выученным, а потому легко может прекращаться: «Имеющиеся п нашем распоряжении данные показывают, что перед мужчинами и женщинами стоят разные задачи. Мужчинам нужно прививать желание обеспечивать других, и это поведение, будучи результатом научения, остается весьма неустойчивым и может легко прекратиться при социальных условиях, которые не обеспечивают эффективного научения»[21]. Другими словами, роль отца может быть самой различной в зависимости от культуры и традиции — от интенсивного участия в воспитании детей до сравнительно отстраненного присутствия в качестве защитника и строгого главы семейства или по большей части отсутствующего добытчика. Требуются большие усилия для того, чтобы разделить мать и новорожденного; напротив, обычно значительное количество усилий требуется для того, чтобы заставить отца принять участие в судьбе ребенка.

Контроль за рождаемостью и работающие женщины

Рассматривая родственные связи и семью в биологическом контексте, легче понять, почему за время жизни последних двух поколений начался столь быстрый распад нуклеар-ных семей. Семейные узы относительно неустойчивы, если оказываются своего рода обменом женского плодородия на ресурсы мужчины. До Великого Разрыва все западные общества имели соответствующие сложные наборы формальных и неформальных законов, правил, норм и обязательств для того, чтобы защитить мать и ребенка, ограничивая свободу отцов бросить одну семью и завести другую. Сегодня многие люди стали относиться к свадьбе как к публичному празднованию сексуального и эмоционального единения между двумя взрослыми людьми: поэтому-то в США и других развитых странах стали возможны однополые браки. Однако исторически институт брака сложился для того, чтобы дать законную защиту матери и ребенку и обеспечить предоставление отцом достаточных экономических ресурсов для того, чтобы ребенок смог превратиться в самостоятельного взрослого. Защита закона была дополнена также множеством неформальных норм.

Что ответственно за распад норм, ограничивающих свободу мужчины, и договора, на котором основывалась семья? Вскоре после окончания Второй мировой войны произошли два важных изменения. Первое касается новшеств в медицинских технологиях — в первую очередь появления противозачаточных таблеток, которые позволили женщинам лучше контролировать свой репродуктивный цикл. Второе — все увеличивающееся участие женщин в производственной деятельности в большинстве индустриальных стран и устойчивый рост их доходов по сравнению с доходами мужчин на протяжении следующих тридцати лет.

Значение противозачаточных средств состояло не просто в том, что они послужили причиной падения уровня рождаемости, поскольку рождаемость уже снижалась в некоторых странах еще с XIX века, до того как противозачаточные средства или аборты стали широко доступны[22]. В самом деле, если бы контроль за рождаемостью привел к уменьшению числа нежелательных беременностей, трудно было бы объяснить, почему доступность противозачаточных средств сопровождалась взрывом внебрачной рождаемости и ростом количества абортов[23] или почему применение противозачаточных средств положительно коррелирует с уровнем внебрачной рождаемости по всем странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[24].

Главное воздействие Таблетки и сексуальной революции, которая последовала за ее появлением, состояло в том, что (как показали экономисты Дженет Йеллен, Джордж Акерлоф и Майкл Кац) они резко

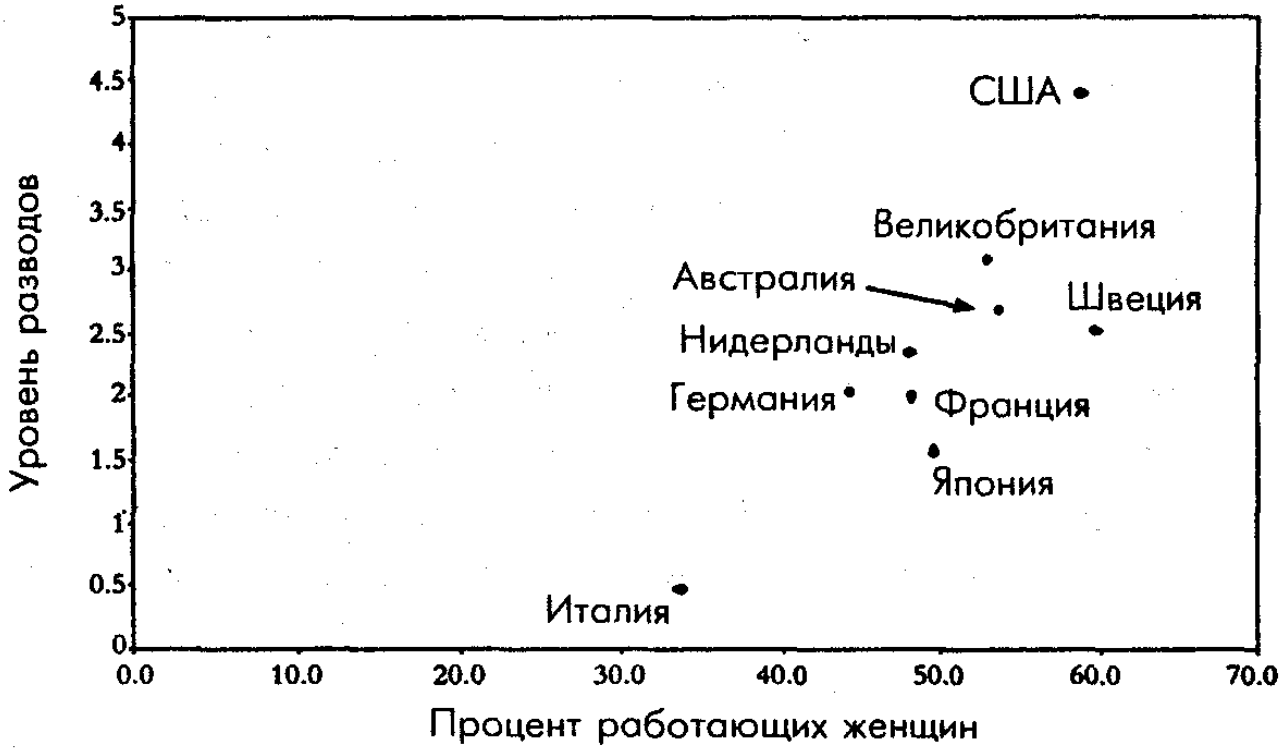
изменили представление о риске, связанном с сексом, и, таким образом, изменили поведение *мужчин*[15]. Причина того, что применение противозачаточных средств, количество абортов и число рожденных вне брака детей одновременно резко увеличились, заключается в падении четвертого показателя — числа вынужденных браков. По подсчетам экономистов, за периоде 1965-го по 1969 год пример но 59 % белых невест и 25 % чернокожих шли к алтарю уже беременными. Молодые люди в эти годы, очевидно, имели множество добрачных связей, но социальные последствия — такие, как появление незаконнорожденных детей — были смягчены нормами ответственности мужчины за детей, которых они произвели на свет. К периоду 1980—1984 годов эти пропорции снизились до 42 % и 11 % соответственно. Поскольку Таблетка и аборты впервые позволили женщинам вступать в сексуальные отношения, не беспокоясь о последствиях, мужчины почувствовали себя свободными от норм, требующих, чтобы они заботились о женщинах, которых они сделали беременными.

Второй фактор, который изменил поведение мужчин, — вступление женщин в ряды наемной рабочей силы. То, что доходы женщин должны отражаться на показателях распада семей, — мнение, разделяемое многими экономистами и наиболее полно отраженное Гэри Беккером в его «Трактате о семье»[26]. Предположение, которое стоит за этим соотношением, заключается в том, что многие браки заключаются на основе неполной информации: после свадьбы мужья и жены обнаруживают, что жизнь — это не бесконечный медовый месяц, что поведение их супруга изменилось по сравнению с тем, каким было до свадьбы, или что их собственные ожидания относительно партнера изменились. Замена супруга на более устраивающего или избавление от обременительного брака были ограничены тем обстоятельством, что многие женщины были неспособны содержать себя сами из-за отсутствия профессиональных навыков или опыта. По мере того как растут заработки женщин, они становятся более способными содержать себя и растить детей без мужа. Растущие доходы женщин увеличивают также косвенные расходы на детей и тем самым служат причиной снижения рождаемости. Меньшее число детей означает уменьшение того, что Беккер называет совместным капиталом в браке, а это делает развод более вероятным.

Убедительные эмпирические данные говорят о связи более высоких заработков женщин как с разводами, так и с внебрачной рождаемостью[27]. Диаграмма 5.1 отображает соотношение доли работающих женщин и уровня разводов в 1994 году для ряда стран ОЭСР. Точки лежат вдоль оси юго-запад — северо-восток, от Италии и Японии, которые имеют как

меньшую долю работающих женщин, так и меньший уровень разводов, к скандинавским странам, таким как Швеция, имеющим высокие уровни по обоим показателям. Подобные же результаты можно получить, если построить диаграмму соотношения доли работающих женщин и внебрачной рождаемости.

Диаграмма 5.1
Соотношение уровня разводов и процента работающих женщин, 1994 г.



Источник: International Labor Organization, Bureau of Statistics, *The Economically Active Population, 1950–2010* (Geneva, 1996); статистику разводов — см: Приложение see Appendix.

Более трудноуловимым следствием большего участия женщин в производственной деятельности было дальнейшее ослабление норм ответственности мужчин и усиление тенденции, созданной доступностью противозачаточных средств. Разводясь с зависимой женщиной, муж сталкивался с перспективой либо выплачивать алименты, либо видеть, как его дети скатываются к нищете. Теперь, когда жены получают доход, сопоставимый с доходом их мужей, такая перспектива волнует мужчин в меньшей степени. Ослабление норм мужской ответственности усиливает, в свою очередь, потребность женщин в том, чтобы получить специальность, чтобы не зависеть от все более безответственных мужей. Поскольку существует значительная вероятность того, что брак закончится разводом, современные женщины поступали бы глупо, не готовя себя к работе.

Имеется много факторов, характеризующих переход от экономики индустриальной эры к экономике информационной эры, но один из самых важных касается природы работы как таковой. Информационная экономика заменяет материальный продукт информацией: вместо строительства новых дорог разрабатываются транспортные схемы, благодаря которым водители более эффективно используют существующие трассы; вместо хранения больших запасов сырья системы управления обеспечивают своевременную доставку на фабрики именно того количества, которое необходимо, и именно в тот момент, когда нужно. В таком мире услуги образуют гораздо большую часть национальной экономики, а традиционное производство сокращается. Человеческий капитал оплачивается все выше и выше. Не низкоквалифицированный продавец супермаркета, считывающий информацию с магнитной полоски товара с помощью считывающего устройства, получает высокую зарплату, а программист, который разработал это считывающее устройство.

В эпоху, когда автоматизация охватила все сферы производства, легко забыть, какой физически трудоемкой была большая часть работы на протяжении большей части промышленной революции. Согласно Шошане Зубофф, которая тонко уловила сущность перехода от индустриальной к информационной экономике во времена промышленной революции, рабочим приходилось гораздо больше полагаться на свое тело. По ее словам, уголь добывался киркой и лопатой — «инструментами самого примитивного рода, требующими предельного количества телесных усилий». Добыча глины требовала работы тяжелой киркой. Огромную массу шлама нужно было размешивать и уплотнять до нужной консистенции. Пекарни производили хлеб почти полностью при помощи ручного труда, и тяжелейшей операцией было приготовление теста, «обычно выполняемое в одном темном углу мужчиной, раздетым до пояса, которому приходилось с трудом освобождать пальцы от клейкой массы, в которую он яростно погружал стиснутые кулаки»[28].

Не требующие высокой квалификации, сопряженные с тяжелым физическим трудом рабочие места имелись в изобилии. В 1914 году Генри Форд повысил в два раза обычный для того времени уровень заработной платы за час работы на своих автомобильных фабриках, предлагая пять долларов в день, потому что нуждался в привлечении низкоквалифицированной рабочей силы; Детройт был наводнен новыми рабочими и вырос в размере в несколько раз за первые несколько десятилетий XX века. Исследования показывают, что в начале столетия образование в колледже не давало больших преимуществ; заработная плата выпускников колледжа не только была ненамного выше заработной платы

тех, кто имел только диплом средней школы, но выпускники колледжа к тому же теряли заработки за четыре года, которые могли приносить им жалованье и прочие выгоды[29]. Появление профсоюзов гарантировало устойчивый рост реальной заработной платы, что делало 40-е и 50-е годы золотым веком низкоквалифицированного труда голубых воротничков в автомобильной, металлургической, консервной и в других отраслях промышленности.

Этот мир, изобилующий вакансиями для низкоквалифицированных голубых воротничков, исчез в 70—80-х годах. В результате международной конкуренции, дерегулирования и — что наиболее важно — технологических изменений было создано множество новых рабочих мест, требующих высокой квалификации, и множество видов низкоквалифицированного труда начало исчезать. Внимание к образованию и, соответственно, разрыв между теми, кто получает четырехлетнее или более продолжительное высшее образование, и теми, у кого есть только диплом средней или неполной средней школы, стали устойчиво углубляться. Таблица 5.1 демонстрирует значительное уменьшение количества рабочих мест на производстве, которое имело место в странах Большой Семерки между 1970-м и 1990 годами, наиболее заметное в США и Великобритании.

Таблица 5.1

Процент занятых на производстве от общего числа работающих для стран Большой Семерки

	Соединенные Штаты	Великобритания	Италия	Германия	Япония	Канада	Франция
1970	25.9	38.7	27.3	38.6	26	19.7	27.7
1990	17.5	22.5	21.8	32.2	23.6	14.9	21.3

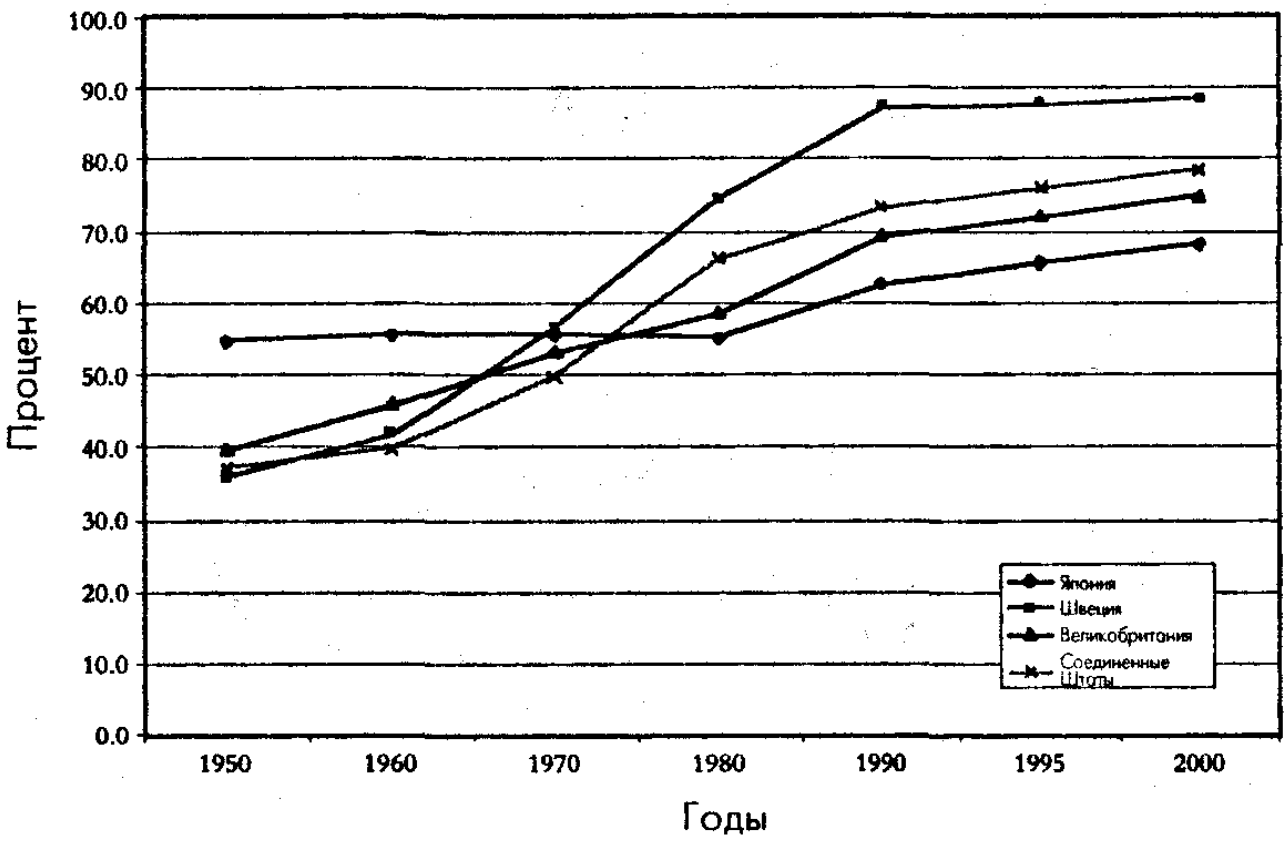
Источник: Manuel Castells, *The Rise of she Network Society* (Malden, Mass.: Blackwell, 1996).

В своей наиболее выраженной форме экономика эпохи информации заменяет физический труд умственным, а в таком мире женщинам неизбежно отводится гораздо большая роль. Между 1960-м и 1995 годами суммарная доля работающих женщин выросла в США с 35 % до 55 %; доля работающих женщин в возрасте от 20 до 29 лет в первые годы после рождения ребенка выросла с 40 % до 68 %. Доля работающих мужчин, с другой стороны, несколько снизилась: с 79 % до 71 %. Такие изменения имели место также по всему индустриализированному миру (см. диаграмму 5.2), особенно в Скандинавии. Доля работающих женщин в начале этого

периода в Японии была выше, чем в большинстве европейских стран (предположительно по причине недостатка мужских рабочих рук в результате Тихоокеанской войны), но потом росла гораздо медленнее.

Диаграмма 5.2

Процент работающих женщин (в возрасте от 20 до 39 лет), 1950—2000 гг.



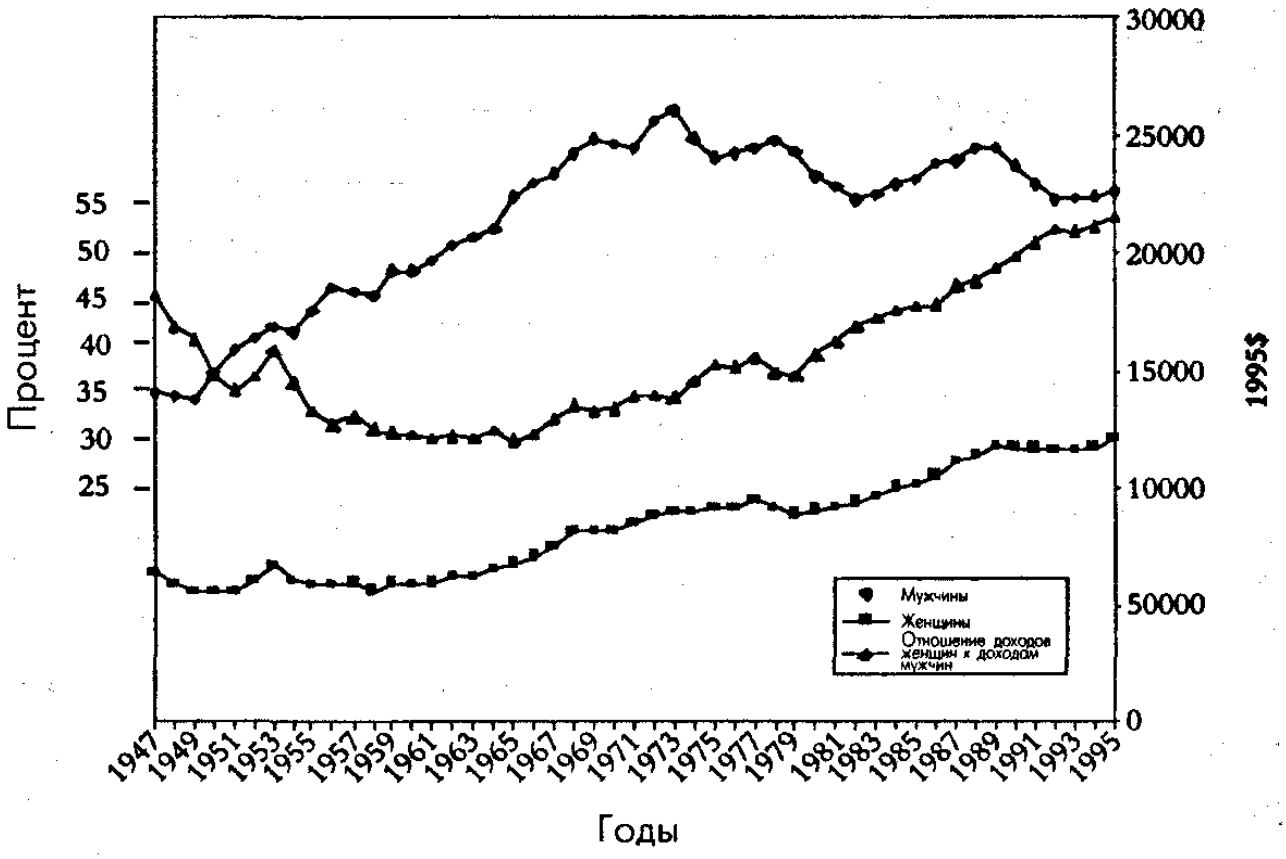
Источник: International Labor Organization, Bureau of Statistics, *The Economically Active Population, 1950—2010* (Geneva, 1996).

Помимо роста числа работающих женщин, доходы женщин тоже увеличивались. Диаграмма 5.3 показывает средние доходы мужчин и женщин, а также их соотношение в период между 1947-м и 1995 годами. Наблюдается устойчивый абсолютный прирост доходов у женщин на протяжении всего этого периода, хотя темп роста к 90-м годам несколько снизился. Экономисты, которые изучают этот феномен, относят увеличение доходов женщин за счет ряда факторов, включая опыт работы, связанное с ним повышение заработной платы, более высокий уровень образования и другие виды карьеры, выбираемые женщинами (скажем, юриста, а не школьного учителя)[30]. Скорее всего наиболее важный фактор — первый. Вместо того чтобы прерывать карьеру на несколько лет, чтобы растить детей, теряя таким образом трудовой стаж, опыт \ доступ к ответственной работе и руководящим должностям женщины стали рожать меньше детей и работать одновременно с воспитанием тех детей, которых все-таки родили Вместо того чтобы переходить на более традиционные дл? женщин

профессии машинистки или клерка, они стали конкурировать с мужчинами в продвижении по службе.

Диаграмма 5.3

Средние доходы мужчин и женщин в США, 1947—1995 гг.



Источник: U.S. Bureau of the Census web site [http://www.census.gov:80/hhes/income/histinc/p02.htm].

Период с конца Второй мировой войны до начала 70-х годов был в общем благоприятным для американских мужчин — реальный их доход достиг своего пика в 1973 году. Действительно, относительное увеличение доходов было та

ково, что в первые годы «беби-бума» в конце 40-х годов и в 50-х годах соотношение доходов женщин и мужчин изменилось в пользу последних. Однако после 1973 года мужчины начали уступать свои позиции, так что к середине 90-х их средний реальный доход упал более чем на 13 %[31].

Причины этого снижения, так же как и причины снижения доли мужчин в общем числе работающих, сложны. Последнее частично было следствием того обстоятельства, что большее число мужчин стало доживать до пенсии и, таким образом, добровольно оставлять работу в конце своей карьеры. Однако экономисты, изучающие рынок труда, обращают внимание и на другой важный фактор — молодые мужчины, особенно не имеющие достаточной квалификации и образования, все чаще

отказываются работать, даже при наличии рабочих мест[32]. Действительно, для мужчин этой группы кризис был гораздо более острым, что показывает совокупная диаграмма. Рост неравенства доходов ударил по мужчинам сильнее, чем по женщинам; хотя мужчины, находящиеся на вершине распределения доходов, на всех парах летели вперед, мужчины, находящиеся внизу, столкнулись с тем, что их реальные доходы падают с поразительной быстротой[33]. Деиндустриализация была преимущественно мужским феноменом, поскольку в 80-х годах работу голубых воротничков выполняли 41 % мужчин и только 9 % женщин[34]. Проигрыш мужчин, несомненно, напрямую был связан с выигрышем женщин. Особенно это касалось нижних страт рынка рабочей силы: женщины, поступающие на работу, оказались сообразительнее, упорнее, амбициознее и побеждали мужчин в конкуренции за рабочие места[35]. Хотя мало кто из менеджеров по персоналу признается в этом, в ситуациях, когда мужчина и женщина с формально одинаковой квалификацией претендуют на одну и ту же низкоквалифицированную, но не тяжелую физически работу, они обычно предпочитают взять женщи ну, потому что знают, что ее поведение будет создавать меньше проблем, чем поведение мужчины.

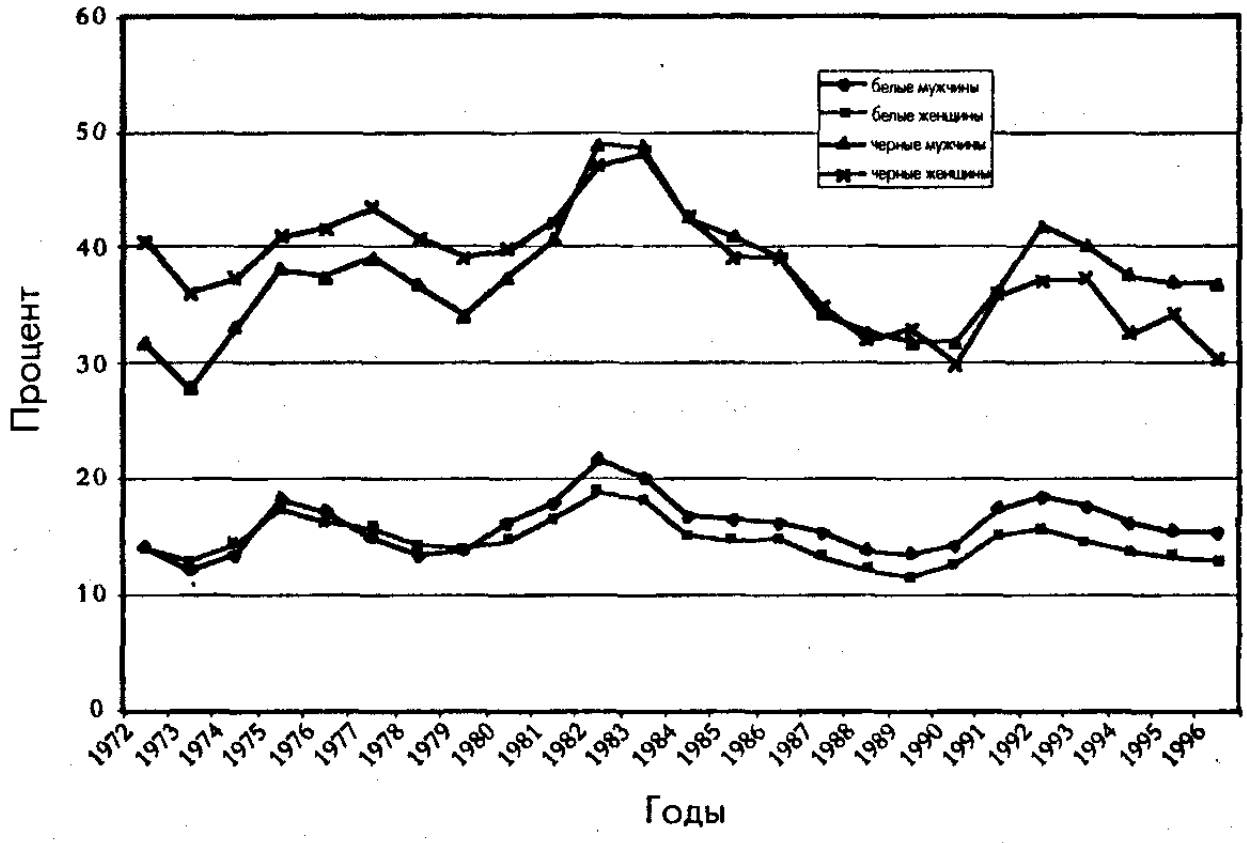
Влияние, которое эти изменения оказали на семейную ситуацию представителей рабочего класса, очевидно. Вопреки распространенному мнению, женщины, получившие постоянную работу и увеличившийся доход в 70-е и 80-е годы, были не высокооплачиваемыми телеведущими или юристами, а относительно низкоквалифицированными работниками с заработками в нижней половине распределения доходов[36]. Относительная ценность мужа-рабочего неожиданно рухнула вниз. В противоположность той ситуации, которая существовала на поколение раньше, многие женщины из рабочего класса вдруг обнаружили, что они приносят в дом больше денег, чем их мужья или бойфренды. Положение, вероятно, усугублялось для низкоквалифицированных мужчин еще и тем, что женщинам легче заключить брак, продвигающий их вверх по социальной лестнице, чем мужчинам, оставляя тем меньший выбор возможных партнерш. Относительная важность производства может в некоторой степени объяснить различия в показателях распада семей; по США и Британии деиндустри-ализация ударила гораздо сильнее, чем по Германии и Японии, и они испытали более резкий рост количества разводов и численности внебрачных детей.

Этот кризис был особенно тяжел для молодых черных мужчин. Как правило, безработица среди молодежи возрастала и уменьшалась соответственно экономическим циклам, однако после экономических неурядиц 70-х годов уровень безработицы среди молодых черных мужчин

поднялся, но не снизился так быстро, как можно было бы ожидать, когда в 80-е годы появилось много рабочих мест. На диаграмме 5.4 показаны уровни безработицы среди черных и среди белых тинейджеров. На протяжении большей части 70-х годов безработица среди черных мужчин была меньше, чем среди черных женщин; к 90-м годам она стала значительно выше.

Диаграмма 5.4

Уровень безработицы среди жителей США в возрасте от 16 до 19 лет в зависимости от расы и пола, 1972—1996 гг.



Источник: U.S. Department of Labor, Bureau of Labour Statistics web site [http://www.bls.gov/webapps/legacy/cpsatab2.htm].

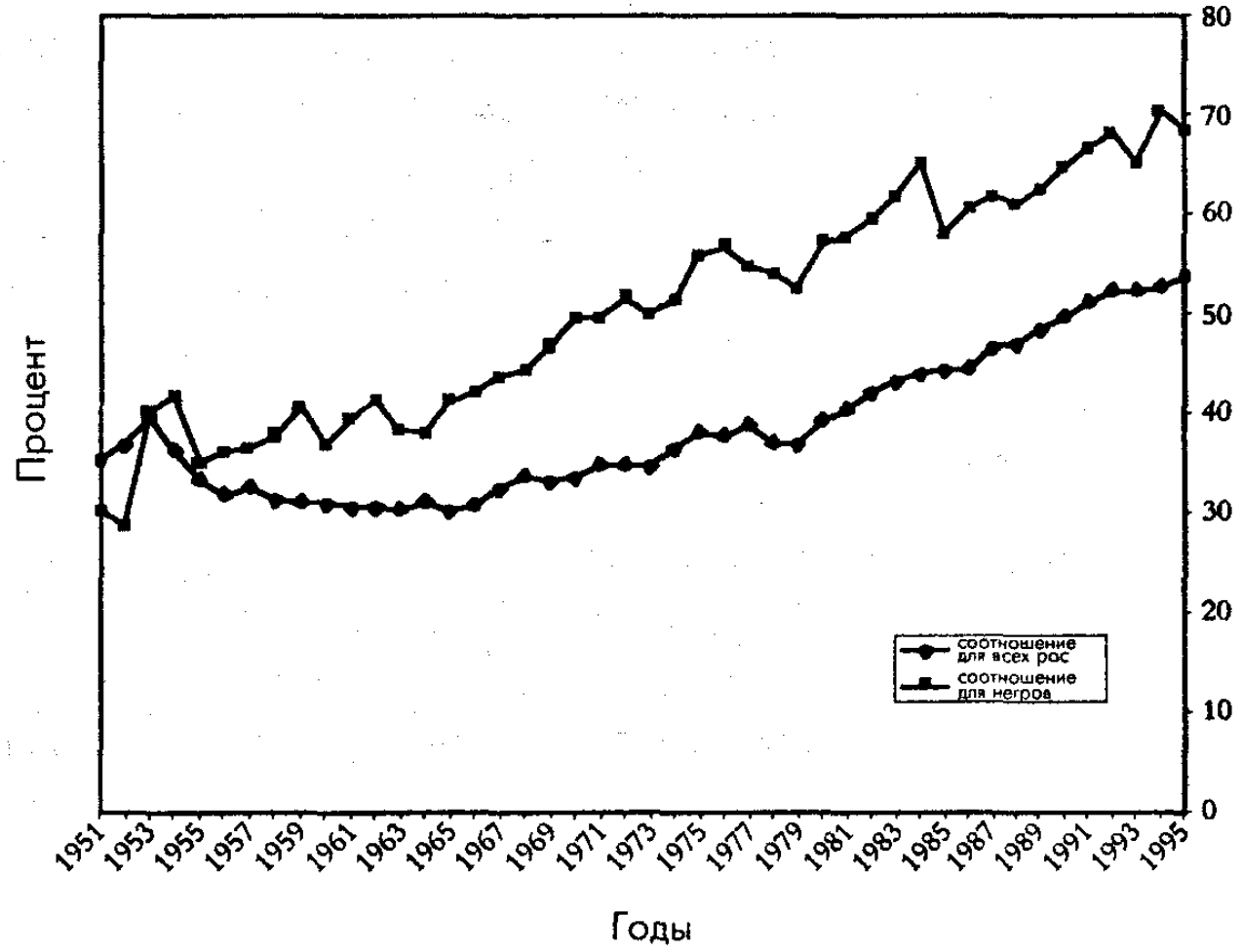
Обратной стороной медали безработицы среди черных мужчин и замораживания их доходов было значительное увеличение заработков черных женщин. К концу 90-х годов черные женщины в большой степени догнали своих белых соотечественниц с точки зрения доходов, уровня образования, жизненных перспектив и т.п., как раз тогда, когда разрыв между черными и белыми мужчинами увеличился. Почему этот процесс произошел именно таким образом, являлся ли он следствием расизма, структурного дефекта в экономике или культурных проблем, присущих мужчинам-афроамериканцам, — одна из самых больших загадок этого времени[37]. (Проблема существует также и для белых тинейджеров мужского пола, хотя она и не так резко выражена.) Имеются данные о том,

что рост участия черных женщин в работе по найму нельзя объяснить ничем, кроме влияния культурных факторов[38].

Как было показано в работе Герберта Гутмана, несмотря на то что среди черных уровень нестабильности семьи был выше, чем у белых, существующие показатели распада семьи не имеют исторических прецедентов[39]. Аналитики — такие, как социолог Уильям Джулиус Уилсон — подчеркивают роль высокого уровня безработицы среди черных молодых мужчин в распаде городских семей и, как можно заключить из анализа данных по безработице, приведенных выше, в этом много правды". Однако, хотя нестабильность семьи особенно характерна для бедных афроамериканцев, она также затронула черные семьи среднего класса. Для последних соотношение доходов женщин и мужчин может быть более важно, чем относительный уровень безработицы. Диаграмма 5.5 позволяет сравнить изменения в соотношении среднего дохода женщин и мужчин среди черных жителей США по отношению ко всем жителям США в период между 1951-м и 1995 годами. Среди черных это отношение изменяется в пользу женщин гораздо быстрее, чем среди представителей других рас. Сразу после окончания войны эти соотношения были примерно одинаковы среди черных и среди всех американцев; к концу рассматриваемого периода черные женщины по сравнению с населением в среднем обогнали черных мужчин на 15 %. Когда это изменение в относительных заработках для людей, имеющих работу, сочетается с ростом безработицы среди черных мужчин по сравнению с безработицей среди женщин, становится ясно, что черные мужчины как группа потеряли за время жизни последнего поколения огромную часть своих позиций.

В соответствии с экономической теорией семьи, соотношение доходов женщин и мужчин, изображенное на диаграмме 5.3, во многом отражает судьбу американской семьи. В конце 40-х годов и в 50-х годах — в период «беби-бума», роста рождаемости и возврата к семейной жизни после потрясений военного времени — соотношение изменилось в пользу мужчин. Однако начиная с середины 60-х годов соотношение

Диаграмма 5.5
Соотношение средних доходов женщин и мужчин, 1951—1995 гг.
(в процентах)



Источник: U.S. Bureau of the Census web site [http://www.census.gov:80/hhes/income/histinc/p02.htm].

стало меняться в пользу женщин, и этот более или менее непрерывный рост продолжался до середины 90-х годов, когда он начал несколько замедляться — по причинам, которые остаются загадкой для большинства исследователей[41]. Середина 60-х годов, как мы убедились, вполне может рассматриваться в качестве отправной точки Великого Разрыва.

Глава 6
Последствия Великого Разрыва

Я начал эту книгу с предположения, что преступность, распад семьи и снижение доверия явились негативной мерой социального капитала. Осталось разъяснить более точно, как изменения в нормах, подробно описанные в предыдущих главах, повлияли на способность людей объединяться, преследуя общие цели, и на их уровень доверия.

Последствия падения рождаемости для социальной связности

Падение уровня рождаемости обсуждается в первую очередь с точки зрения его угрозы социальной стабильности, возникающей из-за того, что представители старшего поколения уходят на пенсию и должны получать средства к существованию от все уменьшающегося числа более молодых работоспособных членов общества'. Как бы ни был важен данный вопрос, в этой книге в первую очередь рассматривается воздействие падения рождаемости на семейную жизнь и на социальный капитал. Его последствия и трудно прогнозируемы, и потенциально противоречивы. С одной стороны, очевидно, что падение уровня рождаемости должно усилить общественный порядок, поскольку его нарушения обычно совершаются молодыми горячими головами, доля которых в популяции все уменьшается. Через два поколения половина населения Европы и Японии достигнет возраста старше 50 лет. Никогда не наблюдалось, чтобы эта возрастная группа проявляла страсть к революционным преобразованиям или была склонна к совершению преступлений. С экономической точки зрения депопуляция также не должна вызвать нежелательных последствий: хотя абсолютный размер ВВП может начать сокращаться, доход на душу населения вполне может значительно возрасти. Страны с уменьшающимся населением и ВВП будут обладать меньшим влиянием на международную ситуацию, но едва ли их стареющие жители окажутся склонны к имперским амбициям и завоеваниям.

Увеличивающаяся продолжительность жизни, являющаяся одной из причин демографической ситуации, в которой оказались развитые страны, должна быть связана с увеличением социального капитала также и другим образом. Несколько лет назад французский социолог Жан Фурастье утверждал, что рост ожидаемой продолжительности жизни в значительной степени увеличивает число людей, доживающих до возраста, когда они могут получить образование и достичь вершины творческой жизни, что, по его мнению, происходит в 40—50 лет[2]. Поскольку современные общества больше не стоят перед необходимостью ограничивать число лиц, получающих высшее образование, гораздо большая доля населения, достигнув зрелости, сможет вести «третичную жизнь» (то есть жизнь взрослого хорошо образованного человека). Образование генерирует социальный капитал различными способами, поскольку студенты не только получают знания и умения, но и приобщаются к социальным нормам своей профессии или специальности. Поэтому взрослая часть популяции оказывается лучше со-циализована не только потому, что у нее меньше

юношеских гормонов, но и потому, что она лучше сформирована обществом.

С другой стороны, падение рождаемости порождает некоторые сложные проблемы, касающиеся социальной сплоченности, поскольку ослабляет родственные связи как источник социального капитала. Еще одной причиной роста числа разводов во время Великого Разрыва является большая продолжительность жизни. Брачные отношения сегодня должны длиться гораздо дольше, чем раньше. Несчастливые пары часто не разводятся до тех пор, пока их дети не вырастут и не покинут родительский дом. В XIX веке большинство пар не жило вместе столь долго в силу большей вероятности того, что к тому времени, когда их дети достигнут зрелости, один из супругов уже умрет.

Семьи стали меньше по размеру и будут продолжать становиться меньше в обозримом будущем. Через пару поколений большинство европейцев и японцев, может быть, будут связаны узами родства только со своими предками. Впервые в человеческой истории может стать обычным, чтобы в живых одновременно оказывались взрослые представители трех поколений. Согласно подсчетам демографа Николаса Эберштадта, если распространить современную ситуацию с рождаемостью на два поколения вперед, то три пятых детей в Италии не будут иметь ни братьев, ни сестер (ни родных, ни двоюродных), ни тетушек, ни дядюшек; только у 5 % всех детей будут и родные, и двоюродные братья или сестры[3]. Для жителей Италии, в которой так высоко ценятся семейные отношения, жизнь станет совсем другой. Число людей, которые живут одни, сильно возросло, чему способствует то обстоятельство, что женщины обычно живут значительно дольше, чем мужчины (см. таблицу 6.1). Скандинавия, в которой разложение нуклеарной семьи зашло дальше всего, имеет наибольший процент одиноких жителей, там почти половина семей состоит из одного индивида. (В Осло число людей, живущих в одиночестве, составляет примерно 75 % семей)[4]. Некоторые страны могут испытать искушение возместить недостаток коренных жителей, поощряя иммиграцию. Однако если США и Канада умело справляются с наплывом иностранцев — носителей иных культурных традиций, то в Европе и Японии их присутствие с гораздо большей вероятностью вызовет социальную нестабильность и недовольство. Могут появиться новые формы конфликтов и среди коренных жителей — к примеру, борьба между поколениями, если (или когда) представители старшего поколения откажутся дать дорогу молодым.

Таблица 6.1

Процент живущих в одиночестве от всех домовладельцев

Страна	Процент	Год
Австрия	29.2	1993
Дания	50.3	1997
Ирландия	21.5	1996
Нидерланды	31.8	1996
Норвегия	45.6	1997
Швейцария	32.4	1990
Великобритания	12.0	1995
Соединенные Штаты	25.1	1997

Источник: Различные национальные учреждения (см. Приложение).

Едва ли можно представить, к каким еще следствиям может привести фактический отказ общества себя воспроизводить.

Последствия распада семей

Упадок нуклеарной семьи на Западе оказал весьма негативное воздействие на социальный капитал и был связан с увеличением бедности людей, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии, с растущим уровнем преступности и в конце концов с упадком доверия.

Одно из наиболее важных последствий уменьшения социального капитала в семьях — уменьшение человеческого капитала для последующих поколений. Доклад Коулмэна 1966 года, заказанный министерством здравоохранения, образования и социального обеспечения США, основывается на результатах масштабного исследования, целью которого было выявить, что влияет на отношение к получению образования. Было обнаружено, что семьи и сверстники оказывают намного большее влияние на уровень получаемого образования, чем факторы, контролируемые обществом, — такие, как заработная плата учителей, размеры учебных помещений и траты на оборудование[5]. С тех пор данные доклада Коулмэна были подтверждены огромным количеством последующих исследований. Большая часть катастрофического снижения показателей тестов, который имел место в США после Великого Разрыва, является следствием распада семей, обнищания и неспособности родителей

обеспечить детям достойный уровень знаний и умений. Напротив, успешное выполнение тестов многими американскими детьми азиатского происхождения отражает относительно более цельную структуру семьи и передаваемые семьей культурные традиции этого сообщества.

Влияние, оказываемое разводами, внебрачной рождаемостью и семьями с одним родителем, на благополучие детей, растущих в таких условиях, — то есть на человеческий и социальный капитал, передаваемый от одного поколения к другому — исследовалось и подробно обсуждалось со времени публикации доклада Мойнихена в 1965 году[6]. В этом докладе, написанном, когда Дэниэл Патрик Мойнихен был сотрудником министерства труда в администрации Джонсона, утверждалось, что структура семьи является важной промежуточной переменной, которая объясняет бедность среди черного населения Америки. Этот доклад вызвал жаркие споры, поскольку оппоненты утверждали, что Мойнихен «возлагает вину на жертву» или что он навязывает ценности белой семьи среднего класса меньшинствам, структура семей которых была другой, но не обязательно более плохой[7].

Пожалуй, мало что можно добавить к дискуссии по этому вопросу; скажем только, что примерно через тридцать пять лет Мойнихен был оправдан. Я полагаю, что каждый, кто беспристрастно читает литературу по этим вопросам, приходит к выводу, что при прочих равных условиях гораздо лучше, если дети растут в традиционной семье с двумя родителями, а не в семье с одним родителем или вообще без родителей. Причина, по которой некоторые люди упорно продолжают утверждать, будто для благополучия детей структура семьи не имеет значения, заключается в том, что распавшиеся семьи или семьи с одним родителем тесно коррелируют со множеством других социальных зол: бедностью, низким качеством образования, опасным окружением по месту жительства, наркоманией. Очень трудно даже с помощью самого изощренного статистического анализа распутать цепь причинных связей между этими феноменами; можно показать, что при учете социально-экономического статуса (термин социальных наук, означающий доход и образование родителей) вклад развода родителей и проживания в семье с одним родителем в благополучие ребенка окажется не так уж велик[8].

Деньги, другими словами, в значительной мере могут смягчить дефицит человеческого и социального капитала, причиной которого является распад семьи. Я полагаю, что многие читатели этой книги лично знают детей, пострадавших в результате развода родителей или других неблагоприятных домашних обстоятельств, но у которых после периода тяжелых переживаний все закончилось «вполне нормально» и которые

выросли здоровыми взрослыми. Многие великие личности в истории были воспитаны няньками и гувернантками или выросли в, казалось бы, странном и нездоровом окружении. Однако благодаря наличию опытных наставников, хороших школ и правильных друзей эти домашние обстоятельства часто оказывались мелкими затруднениями, а позже могли даже сыграть позитивную роль в формировании характера.

С подобной ситуацией связаны три проблемы. Во-первых, не у каждого есть деньги. Распад семьи для бедняка может быть смягчен только посредством вмешательства государственной системы социальной поддержки; государство фактически принимает на себя роль отца, что несправедливо перекладывает финансовое бремя с отсутствующего отца на налогоплательщиков. Хотя государство может до некоторой степени смягчить остроту проблем для бедных семей с одним родителем, это удовольствие дорогостоящее и к тому же порождает нарушения морали, поощряя то самое поведение, на улучшение которого было нацелено. Чарльз Марри может преувеличивать воздействие социального обеспечения на распад семьи, но оно определенно делает свой вклад в проблему.

Вторая проблема заключается в том, что распад семьи сам по себе является причиной бедности. Множество исследований показало то же, что можно предположить, исходя из здравого смысла: семьи с одним родителем несут экономические потери, на их долю приходится лишь половина дохода, рабочей силы и социального капитала по сравнению с семьями с двумя родителями, и не получают выгод, проистекающих из разделения труда между двумя родителями. Эмпирические исследования подтвердили, что после развода семьи с детьми испытывают существенное падение доходов, независимо от социально-экономического статуса родителей до развода[9]. Проигравшей почти всегда оказывается женщина — в состоятельных семьях мать и дети получают в среднем менее чем 50 % полного семейного дохода до развода, в то время как реальный доход отца вырастает[10]. Таким образом, социально-экономический статус представляет собой скорее зависимую, нежели независимую переменную.

Третья проблема состоит в том, что при статистических исследованиях обычно не удается учесть важные качественные элементы воспитания и социализации детей, в частности роль отцов в этом процессе. Как мы видели, роль отца в гораздо большей степени задается социально, нежели роль матери, и варьируется в различных обществах и у различных индивидов от минимального участия — поставки спермы и доходов — до главенствующей роли в воспитании и социализации детей. Как минимум присутствие отца в семье позволяет матери проводить больше времени с детьми". Здравый смысл опровергает мнение о том, что для большинства

детей единственное, что требуется от отца, — оплачивать счета. Отец является важной ролевой моделью для своего сына — мужская агрессивность превращается в мужество, когда старший мужчина показывает младшему достойные способы соперничества и достижения главенства. Отец также существенным образом формирует ожидания дочери по поводу мужчин. Если муж матери (и в гораздо меньшей степени — ее приятели) выказывает ей мало уважения, то маловероятно, чтобы девушка предъявила высокие требования при собственном выборе партнера. В США в 90-е годы сложилось представление о том, что отцы должным образом свои обязанности не выполняют[12]; такое мнение вполне справедливо, если учесть нестабильность этой роли[13].

Хотя распад семьи сам по себе приводит к потерям социального капитала, он может привести к тому, что некоторые члены семей начнут более тесно взаимодействовать с людьми и группами за пределами семьи, будь то друзья, группы поддержки или организации, защищающие права женщин или мужчин. Точно так же, как крепкие родственные связи в обществах, высоко ценящих семью, — таких, как Китай или Латинская Америка — могут приводить к дефициту доверия по отношению к незнакомцам, возможно, что ослабление связей внутри современных западных семей ведет к увеличению социальных контактов за пределами семьи.

Имеются и другие аспекты, в которых изменения в семье могут отразиться на гражданском обществе. Данные большинства опросов показывают, что работающие женщины являются членами большего числа организаций, чем женщины, которые не работают[14]. Это не должно удивлять: одна из основных жалоб домохозяек из американских пригородов 50-х годов состояла в том, что они были социально изолированы — более изолированы, чем женщины предыдущих поколений, которые выполняли традиционные роли в деревенских общинах и имели возможность общаться с работающими рядом членами своей семьи и соседями. По-видимому, характер организаций, в которые вступают работающие женщины, довольно различен. Вместо того чтобы выполнять добровольную работу в церкви или школе, женщины сегодня вступают в союзы, профессиональные ассоциации и другие виды групп, связанные с работой. Но, хотя работа за пределами семьи увеличивает социальную приобщенность, статус матери-одиночки вредит ей — по той простой причине, что для того, чтобы растить детей в одиночку, требуется гораздо больше времени. Эта проблема также может быть решена — до некоторой степени, хотя и не полностью — с помощью денег. Даже дети богатых родителей нуждаются в том, чтобы проводить время со своими матерями и отцами.

Воздействие на социальный капитал тех изменений, которые имели место в семьях на Западе, неоднозначно. С одной стороны, социальный капитал, создаваемый семьями, уменьшается, но на доверие и социальные связи вне семьи перемены оказывают, возможно, благотворное влияние.

Впрочем, ослабление родственных связей может привести к важным изменениям в *качестве* отношений. Изречение «Можно выбирать друзей, но не родственников» говорит о том, что люди могут не любить своих родственников так уж сильно, но тем не менее чувствуют себя им в определенной мере обязанными. Рассмотрим испытание домом престарелых. Предположим, что некто, кого вы знаете, переселяется в дом престарелых или другое учреждение, потому что его физическое и умственное состояние оставляет желать лучшего. Этот человек больше не является сексуально привлекательным, не особенно интересен в общении и не в состоянии что-нибудь для вас сделать. Человек фактически стал так же беспомощен, но совсем не так мил, как ребенок. Были бы все готовы навещать его в доме престарелых каждую неделю, год за годом, в течение неопределенного времени в будущем? По-видимому, только у родственников — родителей, брата или сестры, супруга — есть шанс выдержать это испытание. От сотен или даже тысяч друзей и знакомых мы обычно требуем некоторого ответного внимания, иначе мы теряем к ним интерес или решаем, что наше время слишком дорого.

Рассмотрим различие в положении человека преклонного возраста, дряхлого и страдающего старческим слабоумием, в Европе или Северной Америке в начале XXI столетия по сравнению с положением старого человека триста лет назад, в начале XVIII века. В последнем случае просто дожить до семидесяти или восьмидесяти лет было большим достижением; половина всех детей не доживала до пятнадцати лет, и только небольшое меньшинство могло надеяться достичь старости — преклонного возраста в 52 года. Жан Фурастье пишет, что такие люди по заслугам пользовались почтением, поскольку дожить до таких лет было уже незаурядным достижением. Напротив, люди старше 52 в начале XXI столетия могут думать о себе как о «выживших», но на самом деле они образуют абсолютное большинство населения. Старый человек в прошлые времена скорее всего умер бы дома, окруженный двумя, тремя и даже более поколениями потомков и родственниками, с которыми он прожил большую часть жизни. Жизнь человека была полна больших и малых ритуалов — от ежедневной молитвы и традиций застолья до похоронной процессии в конце жизни.

Напротив, старый человек в начале XXI века — к примеру, представитель поколения «беби-бума», — дважды или трижды

разведенный, проведет свои последние годы в одиночестве в собственном доме или квартире, время от времени навещаемый сыном или дочерью, которые сами достигли пенсионного возраста и решают собственные проблемы, связанные с ухудшающимся здоровьем. Связь с этими родственниками будет слабой из-за долгой и беспорядочной личной жизни, которую он вел, когда был моложе, — разные браки и сексуальные партнеры, разные дома и конфликты, связанные с разделением собственности и опекой над детьми, вызовут в их потомках сентиментальное, но слегка отстраненное отношение, которое едва ли заставит преодолевать большие расстояния и отказываться от других занятий, более приятных, чем семейные обязанности. Может случиться, что внук или бывший супруг почувствуют внезапный интерес к тому, где старый человек находится и все ли у него благополучно, но это дело чистой случайности. Благодаря существованию компьютерных сетей старый человек имеет огромный круг друзей и контактов как в своей местности, так и в отдаленных странах, и ежедневно общается с людьми, чьи интересы пересекаются с его собственными в вопросах как серьезных, так и обыденных — от политики и религии до садоводства и кулинарии. Но именно то, что сделало современные коммуникации привлекательными — кажущееся уничтожение расстояния и разрушение культурных и политических границ, — все больше становится помехой. Переселяясь в дом для престарелых, старый человек неожиданно оказывается окруженным незнакомцами; друзья и знакомые по сети выражают сочувствие и беспокойство, но находят слишком затруднительным нанести визит. Жизнь человека полностью лишается всяких ритуалов. Переходы от одной фазы жизни к другой более не знаменуются привычными семейными церемониями, которые связывают индивида с поколениями ушедшими и идущими на смену; любые ритуалы теперь скорее являются делом импровизации. Способность обновиться и переделать себя, которая казалась таким ценным качеством на ранних стадиях жизни, теперь приводит лишь к невероятному одиночеству. Конец, когда он наступает, приходится встречать в одиночку.

Cui bono?*

Описанные выше негативные последствия изменений в семье для социального капитала никоим образом не означают, что ответственность за них должна быть возложена на женщин. Приобщение женщин к работе вне дома, устойчивое уменьшение разрыва в заработной плате с мужчинами и большие возможности контролировать рождаемость являются в целом

положительными фактами. Наиболее важным изменением норм было ослабление ответственности мужчины за жену и детей. Даже если это изменение было вызвано контролем за рождаемостью и ростом доходов женщин, именно мужчины ответственны за последствия. Не следует думать, будто мужчины до этого всегда вели себя должным образом. Стабильность традиционных семей часто покупалась дорогой ценой — эмоциональными и физическими страданиями, упущенными возможностями — ценой, непропорционально большую часть которой приходилось платить женщинам.

С другой стороны, огромные изменения в гендерных ролях не были однозначно положительными, как это утверждают некоторые защитники феминизма. Приобретения сопровождались потерями, и непропорционально большая их часть пала на плечи детей. Это никого не должно удивлять. Принимая во внимание тот факт, что роль женщины традиционно заключалась в продолжении рода и воспитании детей, вряд ли можно ожидать, что занятость женщин производительным трудом могла бы не иметь последствий для семей.

Более того, сами женщины часто оказываются проигравшей стороной в этой сделке. Основная часть прироста рынка труда для женщин в 70-х и 80-х состояла не в блистательных амплуа актрис и манекенщиц, а в непрестижных должностях обслуживающего персонала. В обмен на скудную финансовую независимость многие женщины получили семейные не-

* Кому на пользу? В чьих интересах? *(лат.) — Примеч. ред.*

урядицы: их мужья предпочли в качестве жен или подруг более молодых женщин. По причинам чисто биологическим (не очень молодые мужчины остаются более сексуально привлекательными, чем женщины — их ровесницы) брошенные жены имеют гораздо меньше шансов повторно выйти замуж, чем мужчины, которые их бросили, — повторно жениться. Увеличение разрыва между богатыми и бедными коснулось женщин не в меньшей мере, чем мужчин. Образованные, амбициозные и талантливые женщины преодолели барьеры, доказав, что они успешно могут работать в типично мужских областях, и их доходы выросли; но многие из их менее образованных, менее амбициозных и менее одаренных сестер обнаружили, что земля уходит у них из-под ног, когда они попытались растить детей в одиночку, работая на низкооплачиваемой, бесперспективной работе или живя на социальное пособие. Понимание ситуации обществом было искажено тем обстоятельством, что сторонницы феминизма, выступающие по телевидению, пишущие статьи в газетах и формирующие общественное

мнение по гендерным проблемам, почти исключительно принадлежат к первой категории.

Напротив, мужчины в целом остались при своем. Хотя многие из них потеряли в статусе и доходе, другие (а иногда — и те же самые) с радостью освободились от обременительной ответственности за жен и детей. Хью Хефнер не изобрел стиль жизни плейбоя в 50-х годах; свободным доступом к множеству женщин могли наслаждаться влиятельные и богатые мужчины с высоким статусом на протяжении всей истории, и именно возможность такого доступа служила главным мотивом стремления к власти, богатству и высокому статусу. После 50-х годов множество достаточно заурядных мужчин получило возможность на практике осуществить свою мечту о гедонизме и полигамии, что раньше выпадало на долю только очень маленькой группы мужчин на самом верху общества. Один из величайших обманов Великого Разрыва заключался в утверждении, что сексуальная революция дала равные возможности обоим полам, предоставив свободу как мужчинам, так и женщинам, и что она некоторым образом была родственна феминистской революции. На самом же деле сексуальная революция служила интересам мужчин и в конце концов резко ограничила те выгоды, которые женщины могли бы извлечь из своего освобождения от традиционной роли.

Последствия роста преступности для социального капитала

В то время как высокий уровень преступности может отражать отсутствие социального капитала, очевидно, что причина и следствие могут меняться местами. Другими словами, высокий уровень преступности может послужить причиной того, что обычно законопослушные и придерживающиеся норм члены общества начинают испытывать недоверие к другим, и потому менее охотно взаимодействуют с ними на самых различных уровнях. Как говорит Джеймс К. Уилсон:

Хищническая преступность не просто делает жертвой индивида; она препятствует и, в предельном случае, делает невозможным формирование и сохранение общества. Разрывая тонкую сеть связей, формальных и неформальных, которыми мы связаны с нашими соседями, преступность разбивает общество на атомы и делает из его членов просто индивидов-вычислителей, прикидывающих свою собственную выгоду, особенно свои шансы выжить среди своих собратьев. Совместные мероприятия становятся трудными или невозможными, за исключением тех, которые определяются общими стремлениями обрести защиту'[5].

Несомненно, люди, которые настолько боятся преступности, что не рискуют выходить ночью из дома, едва ли станут принимать участие в добровольных организациях — таких, как РТА или бойскауты (исключением является, как за метил Уилсон, дежурство в своем квартале). Как было указано ранее, имеется тесная зависимость между виктимизацией и доверием: рост уровня преступности начиная с 60-х годов — один из наиболее важных факторов, объясняющих упадок доверия. Даже когда окрестности дома не являются физически опасными (как это имеет место в подавляющем большинстве американских городов), знание о растущем уровне преступности, усугубляемое передачами местного телевидения, значительно повышает уровень цинизма индивида. В этом отношении средства информации часто играют большую и нежелательную роль.

То, как знания о преступности повлияли на способность людей объединяться, может быть проиллюстрировано примером жестокого обращения с детьми. Как было показано в главе 4, имеются свидетельства того, что случаи жестокого обращения с детьми в США, Британии и, возможно, других промышленно развитых странах на протяжении жизни последнего поколения участились. Но восприятие обществом размеров этой проблемы в США было в огромной степени искажено сенсационными судебными разбирательствами в 80-е годы, включающими в себя суд (и последующее оправдание) над сотрудниками детского сада в Манхэттен-Бич, Калифорния, дело Амирола в Массачусетсе и дело Сноудена в Майами. Как подробно описывала Дороти Рабинович в своих статьях в «Уолл-стрит джорнэл», многие из этих дел, включая те, которые закончились вынесением обвинительного приговора, были возбуждены чересчур старательными прокурорами и, возможно, привели к тюремному заключению многих невиновных людей[16]. Тем не менее шумиха в средствах массовой информации привела к возникновению убеждения, что имеет место эпидемия жестокого обращения с детьми. Сложившиеся в обществе взгляды имели самые разнообразные последствия для применяемых родителями методов воспитания. К концу 80-х годов каждому дошкольнику как главное правило поведения внушалось недоверие к любому постороннему человеку.

Общий эффект распространившегося убеждения в росте числа преступлений против детей придал социализации детей более индивидуалистический уклон. В крепко спаянных традиционных обществах социализация детей обычно является обязанностью общины. Даже в либеральной индивидуалистической Америке и другие взрослые, помимо родителей ребенка, обычно наставляли детей, присматривали за ними, награждали и даже наказывали за плохое поведение. Авторитет

взрослых за пределами семьи неуклонно уменьшался по мере того, как Америка урбанизировалась и отношения с соседями становились более далекими. После сенсаций 80-х годов по поводу жестокого обращения с детьми родитель, который видит, как незнакомец поощряет или наказывает его ребенка, скорее вызовет полицию, нежели будет рассматривать такое вмешательство как законное проявление общинного духа. Подобные взгляды также препятствуют проявлениям привязанности. Школьные учителя стараются не обнимать детей, потому что некоторые из них были обвинены в сексуальных домогательствах[17].

Понимание взаимосвязи между социальным капиталом и преступностью привело к некоторым весьма продуктивным нововведениям в полицейской практике в Америке в течение 80-х и 90-х годов. Начиная с 60-х годов происходил достигший своего пика в конце 80-х огромный рост «нарушений общественного порядка» — мелкой преступности вроде надписей на стенах, бродяжничества и мелкого вандализма практически в каждом американском городе. Этот рост был вызван отменой уголовного преследования за мелкое хулиганство и массовой выпиской душевнобольных из медицинских учреждений. В 80-х годах был период, когда практически каждый квадратный дюйм поверхности поездов нью-йоркского метрополитена был покрыт надписями и рисунками. Явная неспособность властей положить этому конец заставляла людей думать, что их общество вышло из-под контроля. В вызвавшей широкий отклик статье 1982 года Джордж Келлинг и Джеймс К. Уилсон призывали полицию обращать внимание на нарушения общественного порядка так же, как и на те изнасилования, убийства и вооруженные ограбления, описаниями которых полны газеты'[8]. Они утверждали, что оставленное без ремонта здание с разбитыми окнами провоцирует преступность, поскольку воспринимается как знак того, что люди, живущие в этом квартале, не заботятся о его внешнем виде и, следовательно, будут безразличны и к утверждению всех прочих норм. Келлинг и Уилсон высказывали мнение, что даже если подобные ситуации не оказывают влияния на уровень серьезной преступности, наведение порядка заставляет людей лучше себя чувствовать и таким образом способствует укреплению общества и росту социального капитала.

Общественный надзор возник из такого рода идей и к концу 90-х годов распространился на большую часть общин США[19]. Общественный надзор начал с попыток заставить полицейских отказываться от патрулирования только на машинах и вернуться к обходам улиц, что позволило бы им взаимодействовать с населением. При более тесном контакте полиция помогает объединять добровольцев в «сторожевые

группы» и спортивные объединения, а также принимает меры в случае возникновения даже мелких проблем — таких, как шумные вечеринки и лающие собаки. В 80-х годах власти Нью-Йорка начали принимать серьезные меры для того, чтобы отчистить вагоны метро от граффити, изгнать из парков поселившихся там бродяг и вообще дать понять людям, что правила будут соблюдаться повсеместно. Примером устаревших полицейских методов может служить деятельность полиции Лос-Анджелеса в те времена, когда ее возглавлял Дэрил Гейтс и наряды выезжали на место происшествия только после того, как правонарушение уже произошло, и только при самых серьезных преступлениях. Хотя такой подход и позволял экономить силы и ресурсы полиции, он приводил к отсутствию контакта полиции с населением, не позволяя властям получать ту оперативную информацию, которая проистекает из отношений доверия с местными жителями[20]. Придерживающиеся более традиционных взглядов полицейские были настроены скептически и даже пренебрежительно к такой форме поддержания порядка, которая якобы делает из полицейских социальных работников, но к 90-м годам положительные результаты общественного надзора за порядком стали делаться все более и более очевидными[21].

Может быть, изменения в уголовном праве и практике полиции действительно оказали гораздо более сильное воздействие на социальный капитал в США, чем мы до сих пор полагали. Имелось, конечно, много законных оснований для отмены уголовного преследования за нарушения общественного порядка, оснований, коренящихся в американской системе уважения прав и достоинства личности. Американский союз защиты гражданских свобод и другие борцы за права угнетенных утверждали, что законы, называющие преступлением бродяжничество, по сути, объявляют преступлением бедность. Тот факт, что представители среднего класса испытывают отвращение к грязи и мерзкому запаху бродяг, а детей пугают бездомные, разговаривающие сами с собой, не отражает, в соответствии с таким подходом, настолько существенных интересов общества, чтобы оправдать аресты или выдворение бродяг с общедоступных улиц и из парков. Граффити в метро, утверждают они, — это преступление без жертвы; те, кому надписи не нравятся, просто демонстрируют свои собственные культурные предпочтения. Виды деятельности, подпадающие под рубрику нарушений общественного порядка, по сути, воспринимались как пустяки не только правозащитниками и либеральными реформаторами, но и закаленными полицейскими, старающимися сдержать волну убийств, изнасилований и наркомании. Долгосрочное влияние нарушений общественного порядка оказалось гораздо более важным, однако именно с

точки зрения социального капитала в городах. Джордж Келлинг и Кэтрин Коулз ссылаются на многочисленные опросы, показывающие, что одним из наиболее важных факторов, побуждающих представителей среднего класса уезжать из центров городов, была не серьезная преступность, а отсутствие порядка — невозможность пересечь общественный парк без того, чтобы не пристал какой-нибудь попрошайка, нежелание, чтобы дети ходили мимо секс-шопов и проституток и т.п.[22] Конечно, было много других причин, мотивировавших бегство в пригороды, включая расовое окружение и качество школ, но одним из наиболее значительных из непредвиденных последствий ослабления контроля над мелкими нарушениями порядка был толчок к переселению из многих городских районов именно тех респектабельных жителей среднего класса, которые служили опорой должных стандартов поведения. Этот процесс продолжается в афроамериканских кварталах так же, как и в белых, особенно после отмены в 60-х годах формального разделения поселений по расовому признаку. Центральные районы многих американских городов — такие, как Гарлем в Нью-Йорке, Роксбери в Бостоне и Саут-Сайд в Чикаго, в буквальном смысле обезлюдели, по мере того как наиболее процветающие жители переселились в пригороды или в более безопасные районы[23]. Люди, которые остались, — это более бедные, менее образованные и больше склонные к совершению преступлений члены общества; в связи с их растущим преобладанием в населении общественные ценности, лежащие в основе социального капитала, начали быстро деградировать. Окольным путем мелкие нарушения общественного порядка привели к более опасным формам криминального поведения и к дезинтеграции сообществ.

Своего рода закрытые общины, отгороженные от других, которые стали расти как грибы в пригородах в 70-х и 80-х годах, рассматриваются многими как наглядные символы полной недоверия, распавшейся на мелкие единицы и изолированной Америки, Америки «Боулинга в одиночестве». Таковыми они и являются. Вместо заполненных народом городских улиц, описанных Джейн Джейкобс, или крылечек, выходящих на улицу маленького американского городка, жители закрытой общины проходят через пост проверки документов и идут прямо от своих автомобилей на диван перед своим телевизором, когда вечером приходят домой, не затрудняясь даже тем, чтобы поздороваться с соседями. Но причина, по которой этот вид общины возник, связана в первую очередь не с автомобилями, дешевым бензином и убожеством интересов ее членов. Закрытые общины пытаются воссоздать внутри своих стен подобие физической безопасности, которая некогда существовала в городских кварталах или маленьких городках, где многие из жителей пригородов

выросли. Если власти не собираются держать в узде попрошаек или тех, кто расписывает стены, то жители сделают это сами, огородившись при этом от остального общества. Когда же общественная безопасность и общественный порядок стали гарантированы, в конце 80-х и 90-х годов люди начали стекаться обратно в города, поскольку в городах, в конце концов, жить гораздо интереснее. В этом отношении общественный надзор за порядком и другие нововведения в работе полиции, влияющие на социальный капитал, может быть, оказали гораздо большее влияние на придание новой жизни Нью-Йорку и другим американским городам, чем об этом говорит одна лишь статистика преступлений.

Глава 7
Был ли Великий Разрыв неизбежен?

Тот факт, что отказ американской судебной системы преследовать нарушителей общественного порядка в 70-х и 80-х годах внес свой вклад в истощение социального капитала, а распространение общественного надзора, возможно, помогло восстановить его, внушает мысль, что общественная политика может играть роль как в подрыве общественных ценностей, так и способствовать их укреплению. В какой степени Великий Разрыв находился под контролем общества, и в какой степени он был побочным продуктом более масштабных проявлений экономического и технологического прогресса?

Контроль общества может проявляться двояко. Во-первых, общество стремится прямо влиять на развитие событий посредством общественной политики — то есть формальным вмешательством государственной власти с целью добиться определенных желательных результатов. Во-вторых, общество может воздействовать на социальные процессы с помощью культуры, через неформальные правила и обычаи, которые не находятся под чьим-либо официальным контролем. Часто имеют место оба процесса: общественная политика бывает направлена на поддержание культурных предпочтений — так, законодательство католических стран запрещает развод или аборты. Однако не менее часто этого не происходит; культурные факторы ограничивают общественную политику или, напротив, формируются ею.

Понимание того, какие социальные последствия являются результатом глубоких технологических и экономических изменений, а какие в большей степени находятся под контролем общества, помогает избежать двух распространенных ошибок. Первая из них, как правило, совершается левыми: они верят, что все социальные проблемы могут быть

решены с помощью общественной политики. Когда в 60-х годах начала расти преступность, администрации Джонсона и Никсона обратились за помощью к ученым-социологам. Те указали на глубинные причины, упомянутые в предыдущих главах, — распад семьи, бедность, низкий уровень образования и т.п. Все это было хорошо. Но потом ученые порекомендовали федеральному правительству принять меры по искоренению этих глубинных причин, что и привело в конце концов к «Войне с бедностью» администрации Джонсона'. Этот фантастически амбициозный проект ни в коей мере не решил проблемы бедности, не говоря уже о том, чтобы снизить уровень преступности; он стоил очень дорого, был часто контрпродуктивен и вызвал недовольство избирателей. Как показал Джеймс К. Уилсон, есть большая разница между науками об обществе и общественной политикой: первые стараются понять глубокие фундаментальные причины социального поведения, которые почти по определению не поддаются воздействию второй. Можно с уверенностью сказать, что сегодня, через тридцать лет, общественная политика стала гораздо менее амбициозной и более реалистичной. Такие инициативы, как общественный надзор за порядком, могут принести много хорошего в своей собственной ограниченной сфере, но никому больше не приходит в голову, что они повлияют на глубинные причины происходящих в обществе процессов.

Вторую ошибку обычно совершают консерваторы, полагающие, что нежелательные социальные изменения являются результатом упадка морали и что они могут быть исправлены жестокими мерами и обращением к правильным ценностям. Действительно, люди способны к моральному выбору, а за последние 40 лет имело место множество нарушений моральных норм. Однако во многих случаях это определяется конкретными экономическими побудительными мотивами, и никакое количество проповедей и культурных доводов не сможет привести к повороту в желательном направлении до тех пор, пока не изменятся экономические условия.

Тот факт, что Великий Разрыв произошел в столь многих развитых странах с огромной скоростью и примерно в один и тот же момент мировой истории, указывает на причины общего, фундаментального характера. В начале этой книги я предположил, что Великий Разрыв был современной версией перехода от общины (Gemeinschaft) к обществу (Gesellschaft), который имел место в XIX веке, только на этот раз перехода от индустриальной экономики к информационной, а не от аграрной к индустриальной. В главе 5 говорилось о том, что изменения в технологии — замена физического труда умственным, материального продукта

информацией, производства услугами, а также достижения медицины, приведение к увеличению продолжительности жизни и контролю над рождаемостью — заложили основу огромных изменений в полоролевом поведении, которые произошли во второй половине XX века.

Несколько лет назад демограф Кингсли Дэвис утверждал: феминистская революция была практически неизбежной по той простой причине, что продолжительность жизни человека увеличилась[2]. В 1900 году средняя женщина в Европе или Америке почти не могла рассчитывать, что у нее окажется возможность проводить время вне семьи: покинув родительскую семью, она сразу же, в возрасте 22 лет выходила замуж и создавала новую семейную ячейку. Учитывая, что в среднем продолжительность жизни женщины составляла 65 лет, можно было ожидать, что она умрет вскоре после того, как ее младший ребенок станет самостоятельным. К 80-м годам XX века средняя женщина располагала 32,5 дополнительного года жизни — более чем половиной взрослой жизни; эти годы она могла проводить вне родительской семьи, а также будучи свободной от обязательств по воспитанию собственных детей. Даже если бы женщина хотела посвятить себя семье, а информационный век не открыл столько новых возможностей сделать карьеру, что она стала бы делать со всем этим избытком времени? До тех пор, пока биотехнология не освободит женщин от необходимости рожать, женщины неизбежно гораздо теснее, чем мужчины, будут связаны с семьями и детьми, а это означает, что доля работающих женщин может так и не достичь уровня, одинакового с мужчинами, а разрыв между полами в доходах так и не будет полностью преодолен. Однако разрыв уменьшится, а женщины в большей мере станут частью трудовых ресурсов.

Однако тот факт, что некоторые индустриальные страны не столкнулись с определенными проявлениями Великого Разрыва или столкнулись с ними в гораздо меньшей степени, наводит на мысль, что он не был неизбежным следствием экономических и технологических изменений и что культура и политика общества играют важную роль в формировании норм. Богатые азиатские общества — Япония, Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг — являют собой интересную альтернативу остальной части развитого мира, так как им, по-видимому, удалось избежать многих последствий Великого Разрыва. Этот факт сам по себе говорит о том, что Великий Разрыв не был неизбежным продуктом определенной стадии социально-экономической модернизации, а скорее произошел в значительной степени под влиянием культурных факторов. Однако возможно, что культурные особенности только отсрочили наступление Разрыва в азиатских обществах, а не отменили его.

Азиатские ценности и азиатская исключительность

Мысль об особом характере азиатских ценностей была выдвинута в начале 90-х годов бывшим премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю для объяснения поразительных успехов некоторых стран Азии в экономической сфере, а также для оправдания его собственного варианта патерналистского авторитаризма. Ли утверждал, что азиатская культура, делая упор на подчинении авторитету группы, трудолюбии, семье, сбережениях и образовании, была решающим фактором быстрого, не имеющего прецедентов послевоенного экономического роста в Азии. Эти ценности, по его словам, входили как составной компонент в политику режимов мягкого авторитаризма, которые преобладали в Юго-Восточной Азии, и оправдывали отсутствие в Сингапуре, Малайзии и Индонезии демократии западного образца. Те же ценности, согласно Ли, отражались также в более низких по сравнению с США и другими развитыми западными странами показателях преступности, потребления наркотиков, бедности и распада семьи[3]. Премьер-министр Малайзии Махатхир бен Мухаммед также высказывал мнение о превосходстве азиатских ценностей.

После экономического кризиса в странах Азии, начавшегося в 1997 году, доводы об азиатских ценностях по обе стороны Тихого океана уже не повторялись с таким энтузиазмом. Стало очевидным, что азиатские ценности не уберегли страны этого региона от серии ошибок в экономической политике, имевших и непосредственные, и долгосрочные последствия. Начавшийся серьезный экономический спад унес до 50 % (в долларовом эквиваленте) национального богатства многих азиатских стран. Поскольку пропаганда азиатских ценностей по большей части опиралась на экономические достижения, прекращения роста оказалось достаточно для обесценивания этого аргумента в целом".

Очевидно, однако, что некоторые азиатские ценности достаточно заметно отличаются от западных, даже если они не имеют той четкой связи с экономическим успехом, о существовании которой говорили Ли и Махатхир. Хотя азиатские страны существенно отличаются друг от друга, нельзя не признать, что они все вместе демонстрируют весьма отличающуюся от западной модель приспособления общества к экономической модернизации. Последующее обсуждение будет касаться прежде всего двух азиатских членов ОЭСР — Японии и Кореи, — поскольку данные по ним носят наиболее полный характер, а их ценности и социальные модели во многих отношениях сходны, отличаясь в то же время от западных.

Япония и Корея отличаются от Запада во многих областях[5]. В обеих странах уровень преступности очень низкий по сравнению с Европой и особенно с США. В Японии распространение большей части разновидностей преступлений даже снизилось за последние 40 лет (см. главу 2 и приложение). Послевоенная Корея всегда была склонна к большей политической жесткости, чем Япония, и корейцев иногда называли «ирландцами Востока» за их склонность к беспорядкам. Уровень преступности несколько вырос в 1982 году, что явно было связано с кванджуским восстанием и политическими репрессиями времен правления Чон Ду Хвана, но в целом остается удивительно неизменным до сих пор. Низкий уровень преступности в этих двух странах ipso facto опровергает общую теорию, утверждающую, что урбанизация и индустриализация неизбежно способствуют криминализации общества.

То же верно по отношению к стабильности нуклеарной семьи. Количество разводов за последние сорок лет несколько выросло как в Японии, так и в Корее, но ни одна из этих стран не испытала того обвального распада семей, который произошел в большинстве западных стран после 1965 года. О стабильности нуклеарной семьи говорит также и чрезвычайно низкий уровень внебрачной рождаемости в обеих странах.

Не вполне понятно, что служит причиной низкого уровня преступности в этих двух странах. Возможно, что ответы раз ные в каждом из двух случаев. В то время как японское общество для борьбы с отклоняющимся поведением пользуется системой неформальных общественных норм и обязательств, корейцы более склонны для поддержания порядка применять силу государственного аппарата. Даже после демократизации Кореи после 1987 года роль полиции в наведении общественного порядка весьма велика.

Причины намного большей стабильности нуклеарной семьи в обеих странах более ясны и, по-видимому, связаны с положением женщины в этих обществах. Хотя доля работающих женщин устойчиво растет как в Японии, так и в Корее, она занимает нижнюю часть спектра для стран ОЭСР. Более важно то обстоятельство, что для этих стран (так же как для менее развитых стран Юго-Восточной Азии) типична М-образная кривая, отражающая возрастную динамику женского труда: молодые женщины, как правило, начинают трудиться в легкой промышленности или в сфере обслуживания, но в возрасте между 20 и 30 годами оставляют работу, чтобы выйти замуж и растить детей; они снова возвращаются на рабочие места, только когда их дети уже выросли.

Меньшая доля работающих женщин в Японии и Корее сочетается с относительно низким соотношением доходов женщин и мужчин в обеих

странах. Это соотношение выросло со временем в большинстве развитых стран; в Японии же ситуация отличается тем, что данное соотношение существенно ниже, чем в любой другой стране ОЭСР, кроме того, там наблюдается весьма незначительный рост относительного дохода женщин между 1970-м и 1995 годами[6]. Многие японские женщины имеют временную работу или заняты тем, что на самом деле представляет собой форму неполной занятости, — как в случае легионов молодых женщин, приветствующих людей, входящих в универсальные магазины или лифты.

Трудовое законодательство как в Японии, так и в Корее по-прежнему предоставляет мужчинам и женщинам разные возможности. На Западе это назвали бы дискриминацией по половому признаку; в Азии это чаще рассматривается как попытка защитить женщин. В Японии трудовое законодательство 1947 года запрещало женщинам старше восемнадцати лет работать сверхурочно больше шести часов в неделю, по праздникам и поздно ночью. Учитывая знаменитое трудолюбие японцев и традиции компаний, такой закон фактически лишает женщин возможности полной занятости на большинстве рабочих мест и пожизненного найма. Закон о равных возможностях найма 1986 года снял эти ограничения для менеджеров и определенных категорий служащих, однако это изменение произвело относительно небольшой эффект, поскольку женщин-менеджеров в Японии немного[7]. Аналогичных изменений в законодательстве для представителей рабочих специальностей не было вплоть до 1997 года; соответствующие меры должны были приниматься в течение трех лет[8].

Хотя законы подобного рода могут показаться японским и западным феминисткам дискриминационными, совсем не очевидно, что большинство японских женщин рассматривают их подобным образом. Результаты многочисленных опросов свидетельствуют, что большинство японских женщин до сих пор предпочитают оставлять работу после замужества и появления детей, а возвращаться только после того, как дети уже вырастут[9]. Как оказалось, тот факт, что из-за этого их заработки едва ли сравняются с заработками мужчин, волнует их меньше, чем западных женщин. Таким образом, разделение труда между полами отражает более глубокие культурные ценности и не исчезнет просто в результате изменений в трудовом законодательстве.

Ситуация в Корее была сходной, хотя и возникла позднее и результате более поздней индустриализации. Доля работающих женщин в Корее выросла с 34,4 % в 1963 году до 40,4 % в 1990 году, то есть опять-таки по стандартам ОЭСР прирост был низким. Как и японские женщины, кореянки обычно оставляли работу, пока растили детей. Корейские рабочие

в целом были менее защищенными, чем японские, при послевоенных режимах, и дискриминация женщин при найме на работу была широко распространена. Только год спустя после окончания правления военных, в 1988 году, появился закон, утверждающий принцип равной оплаты за равную работу и прекращение других видов дискриминации[10]. Корейские феминистки жалуются на то, что этот закон должным образом не проводится в жизнь министерством труда. Как и в Японии, многие женщины предпочитают не работать, пока растят детей.

Другое различие между Японией и Кореей, с одной стороны, и США и другими западными развитыми странами, с другой, заключается в том, что на промышленность приходится большая часть ВВП азиатских стран. Промышленное производство во всех развитых обществах во второй половине XX века в первую очередь являлось занятием мужчин в Азии, так же как и на Западе", Япония и Корея только к 90-м годам столкнулись с таким же кризисом, как тот, который ударил по американскому Поясу Ржавчины в 70-х и 80-х годах. Как показывает таблица 5.1, занятость в промышленности за период с 1970-го по 1990 год снизилась в Японии в относительно небольшой степени — с 26,0 % до 23,6 % всех рабочих мест, в сравнении с гораздо большим падением — с 25,9 % до 17,5 % в США. Это служит еще одним объяснением того, почему оплата труда для женщин медленно догоняет таковую для мужчин. В течение 90-х годов в экономике Японии наблюдалась такая же тенденция к экспорту промышленности и к замене рабочих автоматикой, что и в западных обществах. Более быстрое развитие сферы услуг в результате спада конца 90-х годов в сочетании с уменьшением популяции, по всей видимости, приведет к росту числа работающих женщин в будущем.

При анализе причин распада нуклеарных семей на Западе контроль над рождаемостью, как и увеличившиеся доходы женщин, часто рассматриваются как фактор, сыгравший большую роль в изменении норм, определяющих ответственность мужчины. Интересно отметить, что в Японии Таблетка к 1999 году все еще не была полностью одобрена. Основными средствами контроля над рождаемостью продолжали оставаться аборт (который стал доступным для японских женщин с начала 50-х годов), презервативы и метод циклов. Хотя сделать аборт в Японии гораздо легче, чем на Западе, он остается позором. Аборт осуждается как буддистской, так и синтоистской религией; японские храмы получают значительный доход, возводя молитвы за души неродившихся младенцев[12]. Отделения секса от продолжения рода, которое имело место на Западе, в Японии в такой же степени не произошло.

Гораздо большая вероятность того, что японские и корейские женщины оставят работу, чтобы растить детей, их более ограниченные возможности зарабатывать деньги своим трудом, а также более сильная связь между сексом и браком в обоих обществах дает нам очень много для объяснения большей целостности японской и корейской нуклеарной семьи. Женщины в обеих странах, как правило, не рассматривают себя, по едкому выражению некоторых западных феминисток, в качестве «машин для воспроизводства». Причиной того, что дети из обеих стран так успешно выступают на международных олимпиадах, вероятно, в значительной мере является вклад их матерей в образование. С другой стороны, возможности для женщин сделать карьеру явно более ограничены, чем на Западе. При том что японские и корейские браки намного стабильнее, чем американские, они, по-видимому, предполагают большую эмоциональную отдаленность[13].

При рассмотрении Азии за пределами Японии и Кореи мы сталкиваемся с совершенно другим паттерном, который, похоже, опровергает большую часть универсальных теорий по поводу того, как экономическая модернизация влияет на жизнь семьи. На Малайском полуострове и в большей части Индонезии, например, количество разводов среди малайцев-мусульман было чрезвычайно велико в первой половине XX века, но заметно снизилось с началом модернизации, упав ниже западного уровня только в 70-х годах[14]. Высокий доиндустриальный уровень разводов был следствием местных особенностей мусульманских обычаев: относительной легкости развода. Подобное увеличение стабильности брака, сопутствующее экономическому росту, не имеет очевидной параллели в Европе XX века.

Будут ли женщины в Японии и Корее продолжать меньше работать по найму и меньше зарабатывать, чем их западные сестры, — вопрос спорный. Из-за резкого падения рождаемости Япония столкнулась с сокращением трудовых ресурсов; в конце 90-х годов в Японии число работающих впервые уменьшилось в абсолютном значении. Как мы видели, если не произойдет непредвиденного роста рождаемости, общая численность населения Японии начнет уменьшаться в XXI столетии более чем на 1 % в год. Средний возраст японцев и уменьшающееся отношение числа людей в трудоспособном возрасте к числу ушедших на пенсию создают большую угрозу будущему общества и уже стали ограничивать средства, затрачиваемые Японией для выхода из спада 1998—1999 годов. Одним способом смягчить эту ситуацию может быть разрешение иммиграции большего числа иностранных рабочих, чему Япония до сих пор стойко сопротивлялась. Другая возможность — способствовать тому,

чтобы больше женщин работало не только перед замужеством, но и на протяжении всего периода работоспособности. Из этих двух возможностей те, кто определяет политику Японии, с гораздо большей вероятностью, кажется, выберут вторую, нежели первую. Если это произойдет, стабильность японской семьи скорее всего уменьшится, и страна окажется перед социальными проблемами, сходными с теми, с которыми столкнулся Запад[15].

Kultur iiber alles?*

Тот факт, что Япония и Корея так долго сопротивлялись Великому Разрыву, — свидетельство того, что культура обладает значительным влиянием на формирование экономического выбора. Обе страны продемонстрировали сильные культурные предпочтения в пользу более традиционной роли женщины, и обе они сохраняют дискриминационные законы, которые снижают вероятность того, что женщины будут поступать на работу. В Корее конфуцианство оказывает особенно широкую поддержку патриархальной семье. Культура играет важную роль и в Европе. Италия, Испания и Португалия в гораздо меньшей степени испытали изменения в структуре семьи. Интересно отметить, однако, что для Испании и Италии характерен самый низкий уровень рождаемости в Европе, несмотря на относительно низкие уровни разводов и внебрачной рождаемости. Возникает вопрос: могут ли эти два факта быть как-то связаны? Хотя нет данных, подтверждающих это предположение, дело может быть в том, что женщины Испании и Италии, обладая меньшими возможностями оказывать влияние на семейную жизнь посредством разводов, нашли способ осуществлять его, рожая меньше детей. Католицизму удалось сохранить семью в большей неприкосновенности, по крайней мере формально, чем это имеет место в Северной Европе[16]. Германия и Нидерланды, с их значительной долей католического населения, занимают промежуточную позицию между Италией и Японией, с одной стороны, и англоговорящими странами и Скандинавией — с другой.

Действительно, можно утверждать, что культура и публичная политика гораздо более важны, чем может показаться на поверхностный взгляд, и что они конкурируют с технологией в формировании трудовых и семейных норм. Женщины вовсе не овладевали автоматически теми профессиями, кото-

* Культура превыше всего *(нем.). — Примеч. ред.*

рые сегодня считаются традиционно женскими — клерка или секретаря-машинистки, — когда соответствующие рабочие места в большом количестве возникли в конце XIX века. Женщины и их семьи сначала должны были убедить себя, что это приемлемо. Хотя мужчины в среднем имеют значительно большую физическую силу, чем женщины, это не обязательно делает недоступными для женщин многие виды занятости, требующие физических усилий. Во время Второй мировой войны в Америке и в Советском Союзе женщины в силу необходимости привлекались к работе в тяжелой промышленности и сельском хозяйстве, которые традиционно были сферой деятельности мужчин, и по общему мнению зарекомендовали себя хорошо. Возникает вопрос: обязательно ли деиндустриализация и переход от производства к занятости в сфере услуг обеспечивают преимущество женщинам или это случайный исторический побочный продукт того, что мужчины в гораздо большей степени заняты на должностях голубых воротничков? Не могут ли общества оградить себя от последствий технологических изменений посредством, к примеру, стремления защитить положение мужчины как главы семьи, что пытаются сделать и в Японии, и во многих европейских странах?

Распутывание технологических и культурных причинных связей является, таким образом, делом трудным, и взаимодействие между ними носит очень сложный характер. Культура играет важную роль в том, что она по меньшей мере задает темпы изменений в нормах; общество может осуществлять контроль над тем, в какой степени изменения в технологиях и на рынке труда изменяют социальные отношения. Множество уловок, посредством которых бюрократы от здравоохранения в Японии замедляли на протяжении тридцати лет легализацию оральных контрацептивов, — лишь один пример. Хотя принятие законов о разводе без поиска виновной стороны, сначала в Скандинавии, а потом в англоговорящих странах, не было *причиной* роста числа разводов в этих странах, отказ от легализации развода замедлил распад семьи в католических странах — таких, как Италия и Ирландия. В некоторых штатах США в 90-х годах были приняты законы, разрешающие так называемые браки по соглашению, при которых пары могут заключать брачные контракты, которые труднее разорвать. Это нововведение не снизит количество разводов до уровня 50-х годов, но оно может предоставить возможность парам налагать на себя больше ограничений, которые помогут стабилизировать некоторые браки.

Воссоздавая социальный порядок

Остается вопрос: как можно укрепить социальный капитал в будущем? Тот факт, что культура и политика общества в некоторой степени дают государствам контроль над темпами и степенью Разрыва, не является в долгосрочной перспективе ответом на вопрос, как будет установлен социальный порядок в начале XXI века. Япония и некоторые католические страны смогли придерживаться более традиционных семейных ценностей дольше, чем Скандинавия или англоговорящий мир, что, возможно, избавило их от некоторой части социальных потерь, с которыми столкнулись последние. Но трудно представить, что они смогут продержаться на протяжении жизни будущих поколений, и уж тем более воссоздать нуклеарную семью индустриальной эры, когда отец работал, а мать оставалась дома, чтобы растить детей. Подобный исход был бы нежелателен, даже если бы он был возможен.

Мы оказываемся в трудном положении: путь вперед обещает, по-видимому, постоянно растущий уровень дезорганизации и социальной атомизации, в то время как путь к отступлению нам отрезан. Означает ли это, что современные либеральные общества обречены на все усугубляющийся моральный упадок и социальную анархию до тех пор, пока они некоторым образом не взорвутся? Были ли критики Просвещения — такие, как Эдмунд Берк — правы в том, что этот вид анархии является неизбежным продуктом попыток заменить традицию разумом?

Ответ, на мой взгляд, отрицательный по той простой причине, что мы, человеческие существа, по своей природе устроены так, чтобы создавать для себя моральные нормы и социальную организацию. Ситуация отсутствия норм — то, что Дюркгейм назвал аномией — чрезвычайно неприятна для нас, и мы стремимся создать новые нормы, чтобы заменить ими те, которые обесценились. Если технология сделает так, что некоторые старые формы общественного устройства окажется трудно поддерживать, мы будем стремиться отыскать новые формы и использовать разум для того, чтобы установить новые порядки, которые будут соответствовать нашим базовым интересам, нуждам и страстям.

Чтобы понять, почему имеющая место ситуация не так безнадежна, как может показаться, нужно исследовать истоки социальной организации per se* на более абстрактном уровне. Во многих дискуссиях о культуре социальная организация трактуется так, как если бы она была статичным набором правил, переданных прошлыми поколениями. Если вы живете в стране с низким социальным капиталом или низким уровнем доверия, вам уже ничего нельзя с этим поделать. Безусловно, общественная политика относительно ограничена в своих возможностях манипулировать культурой, и наилучшая социальная политика — та, которая складывается

благодаря осознанию культурных ограничений. Однако культура — это динамическая сила, постоянно перестраиваемая если не правительствами, то взаимодействием тысяч независимых индивидов, которые составляют общество. Хотя культура обычно

* самой по себе *(лат.). — Примеч. ред.*

развивается не так быстро, как формальные общественные и политические институты, она тем не менее адаптируется к изменяющимся условиям.

Мы обнаруживаем, что порядок и социальный капитал имеют два широких основания, которые их поддерживают. Первое основание — биологическое, и оно возникает из самой человеческой природы. В последнее время науки о жизни добились серьезного продвижения вперед, и накопленные данные привели к восстановлению классического взгляда на человеческую природу: их собственная природа делает людей общественными и политическими созданиями с огромными возможностями для установления социальных норм. Хотя эти исследования в общем не говорят нам ничего, чего бы не знал Аристотель, они позволяют нам более точно судить о природе человеческого стремления к объединению и о том, что коренится, а что не коренится в геноме человека.

Второе основание, поддерживающее социальную организацию, — человеческий разум и его способность спонтанно генерировать решения проблем социальной кооперации. Естественные способности человеческого рода создавать социальный капитал не объясняют того, как он возникает в конкретных условиях. Создание специфических правил поведения — это скорее сфера действия культуры, нежели природы, и общественный порядок часто является результатом горизонтального процесса переговоров, дискуссий и диалога между индивидами. Порядок не распространяется сверху вниз — либо от законодателя (или, на современном языке, государства), либо священника, провозглашающего слово Бога.

Ни природный, ни спонтанный порядок не являются достаточными для того, чтобы породить всю совокупность норм, которая образует социальный порядок per se. Они должны быть дополнены в самых важных точках иерархической властью. Но если мы оглянемся на человеческую историю, мы увидим, что неорганизованные индивиды постоянно создавали социальный капитал и приспосабливались к технологии фабрик.

Требуется, следовательно, рассмотреть два общих источника социального порядка — человеческую природу и спонтанный процесс самоорганизации.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
О ГЕНЕАЛОГИИ МОРАЛИ

Глава 8 Откуда появляются нормы?

«Грузики»

Несколькими милями южнее моего дома в пригороде Вашингтона, округ Колумбия, каждый будний день происходит любопытный ритуал[1]. В Спрингфилде, штат Виргиния, на улице около ресторана «У Боба» на углу Блэнд-стрит и Олд-Кин-Милл-роуд во время утреннего часа пик образуется очередь людей. Останавливается машина, и два-три пассажира — никто из них водителю не знаком — садятся, чтобы поехать на север в центр Вашингтона. Вечером тот же ритуал протекает в обратном порядке: машины, полные незнакомцами, возвращаются из городского центра и высаживают своих пассажиров так, чтобы они могли сесть на свои собственные средства передвижения и добраться домой.

Люди, которые таким образом совершают совместные поездки, называют себя «грузиками», а такая практика началась в 1973 году, когда правительство из-за нефтяного кризиса ввело на дорогах, выходящих на трассу номер 95, ведущую из южных пригородов в округ Колумбия, правило «большой загрузки автомобилей», которое означает, что во время часа пик каждая машина, использующая такую дорогу, должна иметь как минимум трех пассажиров. Трасса номер 95 известна как наиболее переполненная магистраль в районе Вашингтона. Пользуясь преимуществами, которые дали введенные правила, как водители, так и пассажиры могут сэкономить сорок минут по дороге на работу в город.

«Грузики» выработали за эти годы сложный набор правил. Ни автомобили, ни пассажиры не могут нарушить очередность; пассажиры вправе отказаться сесть в конкретную машину; курение и предложение денег запрещены; этикет «грузиков» требует, чтобы разговоры не касались спорных вопросов — таких, как секс, религия и политика. Процесс замечательным образом упорядочен. За прошедшие годы было только два криминальных инцидента, причем оба они произошли зимой в темное утреннее время суток, когда машину ожидало немного пассажиров. В результате никто не оставит женщину в очереди «грузиков» одну.

«Грузики», по сути, создают социальный капитал. Они выработали правила кооперации, которые позволяют им добраться до работы немного быстрее. Особый интерес в культуре «грузиков» представляет то, что она не была специально кем-то создана. Ни правительственная бюрократия, ни

историческая традиция, ни харизматический лидер не установили правил, где встречаться и как себя вести; все это появилось просто из желания людей добираться до работы быстрее. Правительство, конечно, некоторым образом ответственно за причину появления «грузиков». Если бы оно не утвердило правило «большой загрузки автомобилей», эта практика никогда бы не развилась; оно может и прекратить существование «грузиков», изменив, как некоторые предлагали, правила: заменив минимум — трех пассажиров — на двоих. «Грузики» как общественное явление спонтанно заняли «экологическую нишу», созданную постановлением правительства; это пример социального порядка, направленного снизу вверх и созданного людьми, преследующими свои собственные частные интересы.

О практике «грузиков» нужно сказать еще кое-что. Хотя она не была кем-либо преднамеренно создана, она не могла появиться где угодно. В окрестностях Вашингтона есть много районов, в которых возникновение порядка такого типа весьма маловероятно. Некоторые районы слишком опасны для того, чтобы люди ждали на улице; в других население слишком текуче и жители слишком культурно разнородны, чтобы прийти к соглашению относительно правил. «Грузики» проявляют готовность сесть в машину совершенно незнакомого человека, готовность доверять ему, потому что, по словам одного из участников: «Это государственные служащие... Они безопасны»[2].

Вселенная норм

Может показаться, что движение «грузиков» имеет весьма отдаленное отношение к вопросам преступности, распада семьи и доверия, которые рассматривались в первой части этой книги, но на самом деле оно очень важно, поскольку на его примере мы можем увидеть, как создается социальный капитал. Социальный капитал не является, как то иногда изображают, редкостным культурным сокровищем, которое передается из поколения в поколение, — чем-то, что, однажды потеряв, уже невозможно восстановить. Скорее он все время создается людьми в их повседневной жизни. Социальный капитал создавался в традиционных обществах, и он создается день ото дня индивидами и организациями в современном капиталистическом обществе. Более того, значение социального капитала растет по мере развития технологии, сокращения структур управления корпораций, а сети заменяют иерархию в качестве способа структурирования деловых отношений.

Пример «грузиков» показателен, потому что он демонстрирует, как проявление социального порядка — ограниченное, но эффективное —

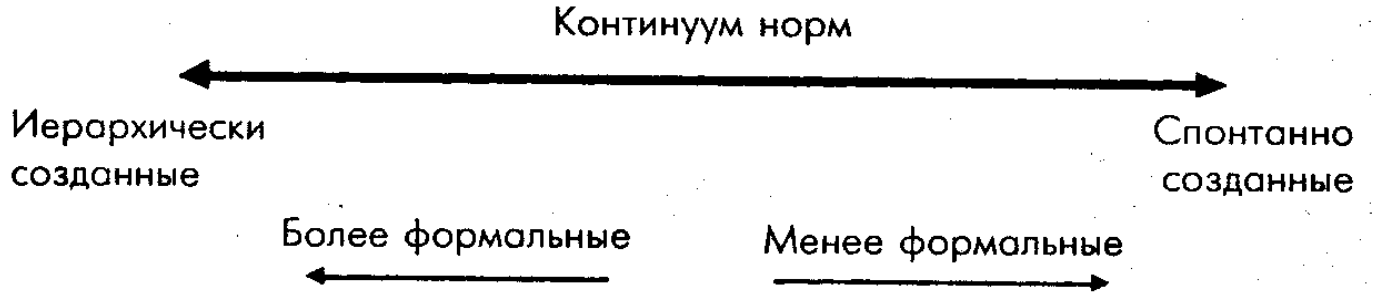
может вырасти из повседневной жизни. Этот пример противоречит тому, что большинство людей думают о социальном порядке. Если их об этом спросить, то они, вероятнее всего, скажут, что порядок возникает потому, что кто-то навязывает его обществу. Томас Гоббс, основоположник современной политической науки, утверждал, что естественным состоянием человека является война всех против всех и что для того, чтобы избежать анархии и чтобы навести порядок, необходим могущественный Левиафан государства. Именно по этой причине многим людям не нравятся конно-тации, связанные с выражением «социальный порядок»: это звучит авторитарно и угрожающе, особенно для американского уха. С другой стороны, люди обычно присоединяются к мнению Гоббса, когда сталкиваются с перспективой беспорядка. Если это прогрессивные личности, которые относятся с подозрением к ничем не ограниченным рыночным отношениям, они хотят, чтобы порядок был навязан государством в лице регулирующего ведомства; если это консерваторы-традиционалисты, то они чаще всего желают, чтобы люди подчинялись предписаниям религии.

Систематическое изучение того, как порядок, а следовательно, и социальный капитал могут возникнуть спонтанно, независимо от действий власти, является одним из важнейших интеллектуальных достижений конца XX века. Ведущую роль в этом играют экономисты, что неудивительно, поскольку экономика как наука основное внимание уделяет рынку, который сам по себе является лучшим примером спонтанного возникновения порядка. Фридрих фон Хайек первым предложил программу изучения того, что он назвал «развернутым . порядком человеческой кооперации», то есть общей суммы всех правил, норм, ценностей и принятых образцов поведения, которые позволяют индивидам сотрудничать в капиталистическом обществе[3]. Хотя Хайек известен своими антигосударственными взглядами и позицией сторонника свободного рынка, он серьезно верит в необходимость порядка, и большая часть намеченного им плана исследований касается того, как порядок возникает в отсутствие централизованных иерархических структур — таких, как государство.

Однако понятие о спонтанном порядке не является прерогативой экономики. Ученые, начиная с Дарвина, сделали вывод, что высокая степень порядка, характерная для биологического мира, не была создана Богом или каким-то другим творцом, а возникла из взаимодействия простейших образований. Как отмечает Кевин Келли, редактор журнала «Уай-ед», пчелиный рой демонстрирует сложное поведение, но не управляется маткой или какой-нибудь другой пчелой; оно результат

деятельности отдельных пчел, следующих относительно простым правилам поведения (например, лететь к нектару, избегать столкновения с препятствиями, держаться рядом с другими пчелами)[4]. Искусно построенные термитники, высота которых больше человеческого роста, снабженные собственной системой подогрева и кондиционирования воздуха, не были никем спроектированы; тем более не способны составлять сложные планы те достаточно примитивно организованные создания, которые их построили. Именно так во всем мире природы порядок создается слепыми, не управляемыми разумом процессами эволюции и естественного отбора[5]. Компьютеры могут симулировать сложное поведение, не выполняя детально разработанные программы, которые определяют все аспекты их действий, а лишь моделируя простые факторы, подчиняющиеся простым правилам, и следя за тем, что появится в результате. Институт Санта-Фе был создан в 80-е годы для изучения как раз этого типа феноменов — так называемых комплексных адаптивных систем[6].

Схема 8.1



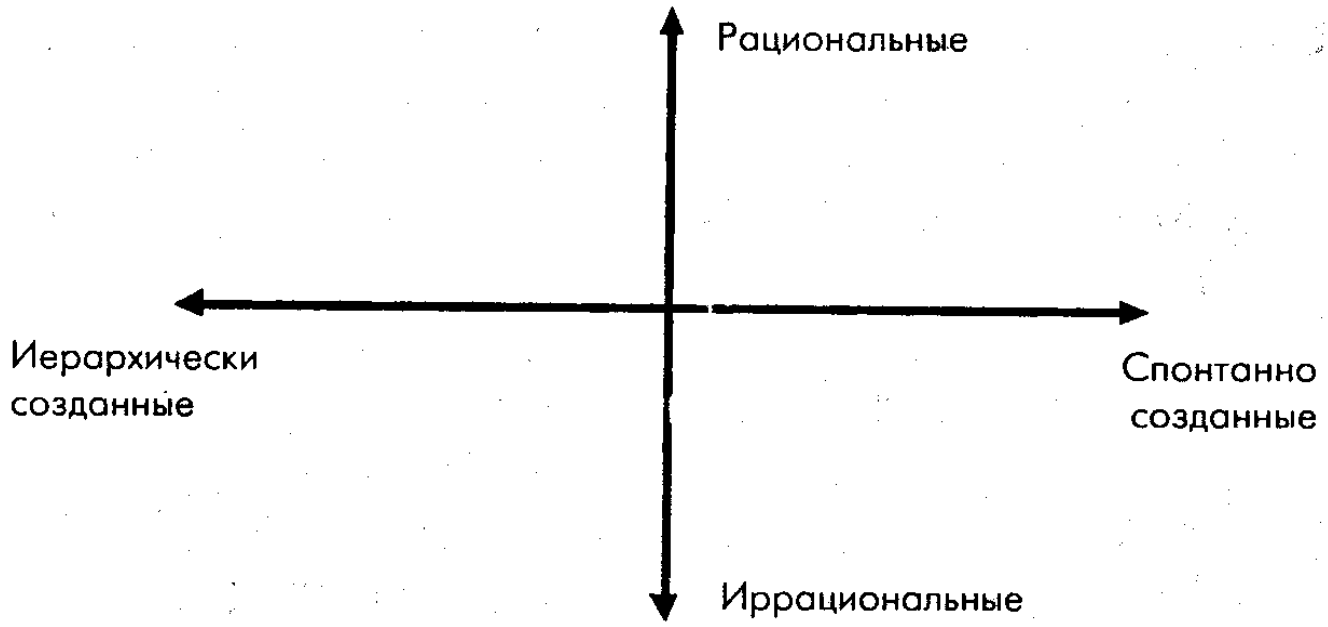
Никто не станет отрицать, что социальный порядок часто создается иерархией. Однако полезно убедиться, что порядок может возникнуть из самых разных источников — от иерархических и централизованных типов власти до совершенно независимых и спонтанных взаимодействий индивидов. Схема 8.1 является иллюстрацией этого континуума. Иерархия может принимать множество форм — от трансцендентной (к примеру, Моисей, спускающийся с горы Синай с десятью заповедями) до светской (как тогда, когда глава исполнительной власти вводит новые правила деятельности корпораций в их отношениях с клиентами). Спонтанно возникающий порядок также имеет разнообразные источники — от слепых взаимодействий биологических сил (как в случае табу на инцест, описанном ниже) до высоко структурированных переговоров между юристами по поводу прав на подземные водные ресурсы. В целом спонтанно возникшие нормы обычно бывают неформальными — они не фиксируются в письменной форме и не публикуются, в то время как нормы и правила, созданные иерархическими источниками власти, обычно

принимают форму писаных законов, конституций, сводов правил, священных текстов или схем бюрократических организаций. В некоторых случаях граница между спонтанным и иерархическим порядком бывает неотчетлива. В англоязычных странах — таких, как Британия и США — гражданское законодательство развивается спонтанно посредством взаимодействия многих судей и адвокатов, но оно также признается обязательным формальной юридической системой.

Помимо распределения социальных норм в континууме от производимых иерархически до происходящих спонтанно, возможно наложение на него другого континуума — норм, которые являются продуктом рационального выбора, и норм, которые унаследованы обществом и не являются заранее обдуманными. Сочетание двух осей дает матрицу, содержащую четыре возможных типа норм, как показано на схеме 8.2. Термин «рациональный выбор» употребляется здесь только для обозначения того факта, что различные варианты норм осознанно дискутируются и заранее сравниваются. Очевидно, рациональное обсуждение может привести к неудачному выбору, который не служит истинным интересам людей, которые делают этот выбор, в то время как нерациональные нормы могут быть вполне функциональными — как в том случае, когда религиозная вера способствует поддержанию социального порядка или экономическому росту.

Во многих отношениях это разделение между рациональным и нерациональным соответствует разграничению между социологией и экономикой. В конечном счете, социология — это дисциплина, посвященная изучению социальных норм. Социологи полагают, что люди по мере взросления и достижения зрелости благодаря социализации и идентификации следуют многочисленным ролевым моделям — католик, рабочий, преступник, мать, бюрократ, — которые определяются комплексными нормами и правилами. Эти нормы связывают людей в общину, которая жестко требует их соблюдения, резко ограничивая варианты жизненных выборов индивида. Предполагается, что матери должны любить своих детей; если они топят их в автомобиле, как сделала Сьюзан Смит в Южной Каролине в 1994 году, общество сурово наказывает их с помощью законодательных мер и морального осуждения.

Схема 8.2
Универсум норм



Эмиль Дюркгейм утверждал, что социология превосходит экономику в раскрытии наиболее фундаментального слоя человеческой мотивации. Экономисты исходят из того, что человеческие существа при встрече вступают в рыночный обмен товарами. Дюркгейм утверждал, что рыночный обмен предполагает существование неэкономических социальных норм, которые предписывают, к примеру, чтобы покупатели и продавцы заключали сделки мирно, а не выхватывали оружие и не пытались ограбить и убить друг друга[7]. Предположение экономистов о том, что рост стоимости денежной единицы увеличит производительность труда рабочих, согласно Максу Веберу, было неверно, поскольку стремление к максимальной производительности само является исторически обусловленной социальной нормой. В некоторых традиционных обществах высокая стоимость денежной единицы может означать, что крестьяне раньше будут прекращать работу, поскольку стремятся заработать минимум, дающий пропитание на ближайшее время[8].

Акцент, который социологи делают на общественных нормах, может привести к мысли, что социологию от экономики отличает то, что социология говорит об ограничениях, тогда как экономика говорит о свободе выбора. В своей часто цитируемой статье Дэннис Ронг жаловался на то, что его коллеги-социологи «пересоциализировали» взгляд на человека: если бы человеческие существа полностью состояли из норм и ограничений, то как было бы возможно понять способы, которыми индивиды что-то изобретают и становятся предпринимателями, новаторами или преступниками[9]? Современная неоклассическая экономика, наоборот,

основывается на модели рационального, дающего максимальную выгоду поведения, в котором выбор человека играет центральную роль. Другими словами, люди принимают решение делать что-то, потому что они имеют в этом собственный рациональный интерес. Некоторые версии неоклассической экономики утверждают, что человеческое действие состоит из серии последовательных рациональных актов выбора в ответ на изменение окружающих условий, в которых интернализованные социальные правила играют очень незначительную роль.

Однако на протяжении последнего поколения экономисты все больше внимания уделяли важности норм и правил в экономической жизни[10]. Рональд Хейнер обратил внимание на то, что мыслящие человеческие существа просто не могут делать рациональный выбор в каждый момент своей повседневной жизни. Если бы нам пришлось это делать, наше поведение было бы, с одной стороны, непредсказуемо, а с другой — парализовано, поскольку мы вечно вычисляли бы: стоит ли давать чаевые официанту, торговаться ли с водителем такси по поводу стоимости проезда или какую сумму перечислять на пенсионный счет". В действительности рациональным поведением является принятие упрощающих правил поведения, даже если эти правила не всегда и не при всех обстоятельствах приводят к успеху, так как принятие решения само по себе является дорогостоящим и часто основывается на информации, которая недоступна или неточна. Добровольно принятые правила — такие, как «Не покупай ничего необдуманно» или «Не позволяй ему вольностей на первом же свидании» — могут привести к неверному решению, когда речь идет о свитере или молодом человеке, которые, возможно, являются находкой всей жизни, но в среднем и в долгосрочной перспективе люди чувствуют, что их интересы лучше удовлетворяются при ограничении выбора четко очерченными правилами. Как мы увидим, для этого имеются веские биологические основания: люди стремятся подчиняться правилам и желают, чтобы и другие им подчинялись. Они испытывают чувство вины, когда нарушают правила, и гнев, когда так поступают другие.

Целая область экономики «нового институционализма» основывается на том наблюдении, что правила и нормы являются решающими факторами для рационального экономического поведения[12]. То, что историк экономики Дуглас Норт назвал «институтом», — норма или правило, формальное или неформальное, управляющее человеческим социальным взаимодействием". Он обратил внимание на то, что нормы являются решающим фактором для снижения стоимости сделки. Если бы у нас не было норм (требующих, к примеру, взаимного уважения прав собственности), то нам пришлось бы договариваться о правилах владения

собственностью для каждого отдельного случая — ситуация, которая не способствовала бы ни рыночному обмену, ни инвестициям, ни экономическому росту.

Таким образом, экономисты, как и социологи, подчеркивают важность норм. В чем они действительно отличаются, так это в том, как они сами воспринимают свою способность дать истолкование происхождению норм и правил. Социологи (так же как и антропологи) более успешно описывают нормы, нежели объясняют, почему они стали именно такими. Многие социологические описания рисуют в высшей степени статичную картину человеческого общества — к примеру, что социализация подростков из низшего класса в итальянских кварталах Нью-Йорка происходит под «давлением групп сверстников» и приводит к вхождению в банды[14]. Утверждения такого рода просто обходят тот вопрос, откуда вообще возникли такие групповые нормы. Мы можем проследить их генезис на протяжении поколения или двух в прошлом, но в конце концов столкнемся с отсутствием данных о более глубинных истоках. Одно время существовала школа «функциональной» социологии и антропологии, которая пыталась найти рациональные прагматические причины для самых причудливых социальных правил. К примеру, возникновение у ин-дуистов запрета на употребление в пищу говядины приписывалось тому обстоятельству, что коров нужно было сохранить для другого использования — в качестве тягловых или дойных животных. При этом нельзя объяснить, почему мусульмане в Индии, живущие в тех же экологических и экономических условиях, с удовольствием едят говядину или почему этот запрет распространяется на «Макдоналдс» в Нью-Дели, который может импортировать всю необходимую говядину из Австралии или Аргентины[15].

Эту брешь попытались закрыть экономисты, готовые применять свою методологию к самым широким аспектам социального поведения. Большая и хорошо развитая ветвь экономики, известная как теория игр, стремится объяснить, как возникают социальные нормы и правила[16]. Экономисты не отрицают, что человеческие поступки регулируются правилами и нормами, однако то, как человеческие существа приходят к этим нормам, является для них рациональным и потому объяснимым процессом.

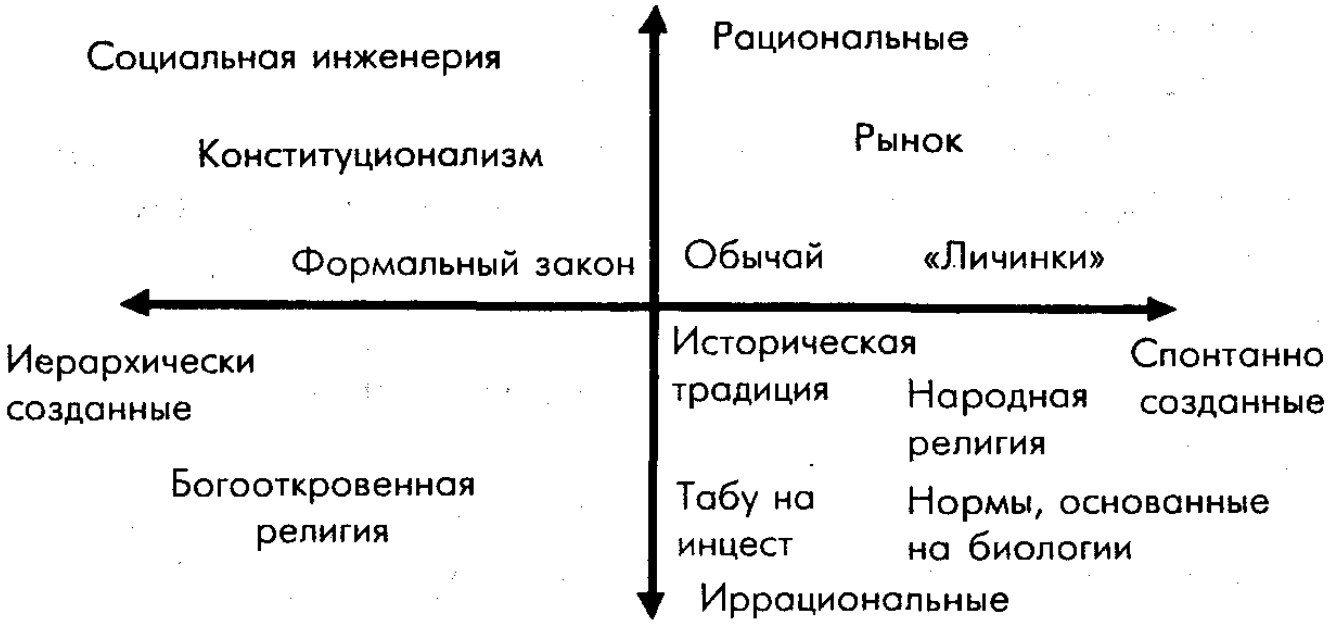
Если говорить немного упрощенно, то экономическая теория игр начинает с предпосылки, что мы все появляемся на свет не как сверхсоциализированные члены общества, по Ден-нису Ронгу, со множеством социальных связей и обязательств друг перед другом, а скорее как изолированные индивиды с багажом эгоистичных желаний и предпочтений. Однако во многих случаях мы можем удовлетворить эти

предпочтения более эффективно, если будем сотрудничать с другими людьми, и в результате приходим к созданию норм сотрудничества, управляющих взаимодействием членов общества. Согласно этой точке зрения, люди могут вести себя альтруистически, но только в силу осознания, что альтруизм выгоден им самим (предположительно потому, что другие люди в таком случае тоже будут вести себя альтруистически). Математический аппарат теории игр направлен на выработку формальных стратегий, с помощью которых люди могут переходить от удовлетворения эгоистических интересов к совместным действиям.

Интерпретация экономистами источников социальных норм с помощью теории игр — это, по сути, углубление и расширение взглядов на истоки общества, предложенных классиками-либералами — Гоббсом, Локком и Руссо. Каждый из этих мыслителей понимал под естественным состоянием общества наличие множества изолированных эгоистичных индивидов[17]. Для Гоббса гражданское общество возникло тогда, когда эти индивиды заключили общественный договор, создав Левиафана — государство, которое поддерживало бы порядок и гарантировало права, которыми они владели, но не могли полностью реализовать в естественном состоянии. Хотя взгляды Локка на естественное состояние были более умеренными, чем война всех против всех по Гоббсу, он, как и последний, не постулирует никаких социальных инстинктов у человеческих существ вне семьи. Для Руссо изоляция примитивных человеческих существ носит еще более выраженный характер:

секс для них естествен, а образование семьи — нет. Общество было создано позже, в исторические времена, в результате взаимодействия людей. Этот «методологический индивидуализм» продолжает доминировать в мышлении современных продолжателей этой традиции[18], включая приверженцев теории игр и экономистов — таких, как Гэри Беккери Джеймс Бьюкенен, которые попытались привлечь свою дисциплину к исследованию неэкономических аспектов социальной жизни — таких, как политика, расовые отношения и семья.

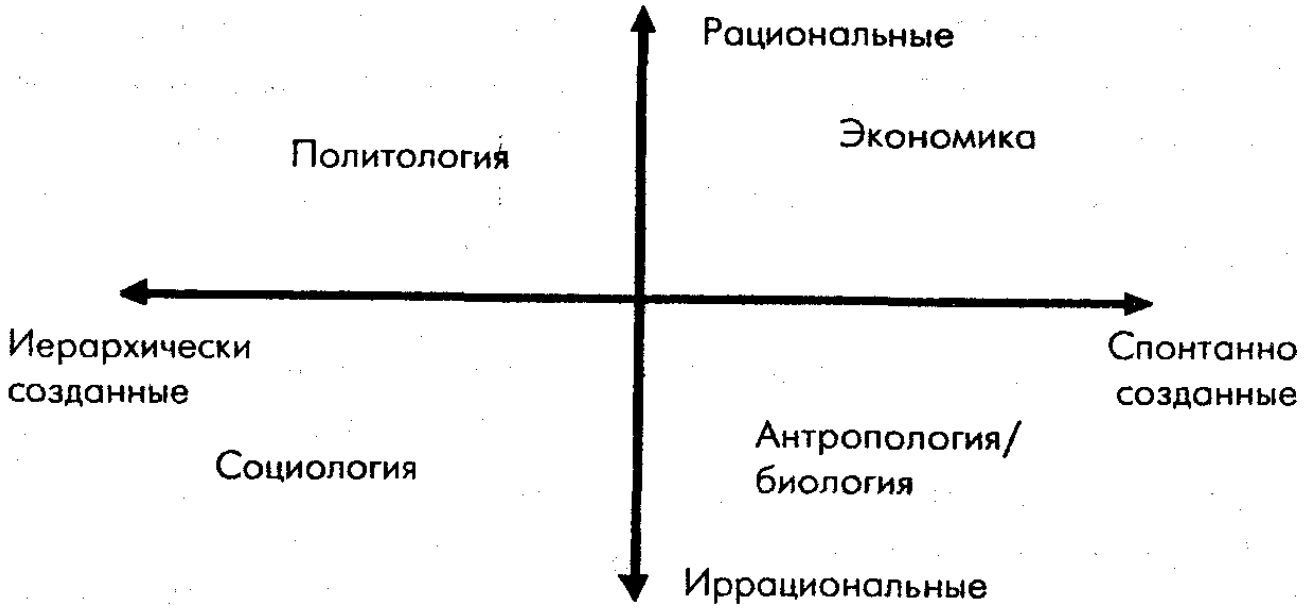
Схема 8.3
Источники порядка



Если мы попытаемся обнаружить различные типы норм внутри приведенной выше матрицы из четырех ячеек, мы получим что-то вроде схемы 8.3. Правила, касающиеся практики «грузиков», с обсуждения которых началась эта глава, попадут в ячейку «рациональные, спонтанно созданные». Эти правила возникли независимо, но, вероятно, после некоторых обсуждений, а также проб и ошибок участников. Формальный закон, установлен ли он диктатурой или демократией[19], попадет в ячейку «рациональные, иерархические», так же как создание конституции, социальная инженерия и все другие попытки управлять обществом сверху. С другой стороны, неписаные законы возникают точно так же, как и правила «грузиков», — спонтанно и рационально. Организованная религия, основанная на божественном откровении, обычно происходит из иерархического источника — по сути, от самого главного иерархического авторитета — Бога, а правила, которые она предписывает, не являются принятыми в результате рационального обсуждения. Некоторые народные религии (к примеру, даосизм или синтоизм в Восточной Азии) и квазирелигиозные культурные практики, возможно, образовались децентрализованным, нерациональным путем. В наше время народная религия оказалась заменена добровольными сектами, которые зависят меньше от иерархического авторитета, чем от коллективных верований маленьких общин. Эти формы религиозных норм принадлежат, соответственно, таким образом, к нижней левой и нижней правой ячейкам. Наконец, определенные нормы основаны на биологии и попадают в ячейку «иррациональные, спонтанно созданные». К этой категории относится табу

на инцест. Самые последние исследования говорят о том, что табу на инцест у человека, хотя и является конвенциональным, оказывается следствием естественного отвращения человеческих существ к половым отношениям с близкими родственниками. Какие-нибудь версии табу на инцест скорее всего существовали бы, даже если бы не было никаких явных культурных механизмов, его поддерживающих.

Схема 8.4
Распределение научных дисциплин



Наконец, можно разместить различные социальные науки в аналогичной матрице (см. схему 8.4). Экономика как изучение рынков в первую очередь имеет отношение к правилам рационального и спонтанного обмена. Политология, изучающая государство, фокусирует свое внимание на законодательстве и формальных институтах правления. Социология тесно связана с изучением религии и других иерархических и нерациональных норм, тогда как антропология и все в большей степени биология имеют дело с нормами, которые нерациональны и возникают неиерархическим образом. Понятно, что каждая из этих дисциплин стремится выйти за пределы собственной ячейки. Существуют социология права и социология экономики, политологи уделяют внимание политической культуре и другим нерациональным и неиерархическим политическим нормам, а экономисты в последнее время стремятся применить свой внушительный методологический аппарат рационального выбора к практически всем аспектам человеческого поведения.

Теперь, когда мы определили четыре широкие категории норм, мы можем обратиться к вопросу, как они возникают.

Глава 9

Человеческая природа и социальный порядок

Любопытно, что экономисты, которые, как правило, по политическим убеждениям принадлежат к правым, разделяют с социологами (по большей части левыми) веру в то, что нормы являются социально сконструированными. Однако они интерпретируют это конструирование по-разному. Для экономистов оно обычно представляет собой следствие процесса рационального торгового обмена среди более или менее равных индивидов, в то время как для социологов оно чаще всего осуществляется сильнейшими (будь то по социальному классу, полу, расе или любой другой категории статуса), создающими правила, с помощью которых они могут господствовать над слабыми. Но на протяжении большей части XX века в социальных науках преобладало мнение, что социальные нормы конструируются обществом и что, если кто-то хочет объяснить какой-нибудь частный социальный факт, ему следует, по словам Дюркгейма, обратиться скорее к «более ранним социальным фактам», нежели к биологии или генетике'. Социологи не отрицают, что человеческое тело создано природой, а не воспитанием, но так называемая стандартная модель науки об обществе утверждает, что биология управляет только телом; разум, который является источником культуры, ценностей и норм, — это совершенно другая область[2]. Эта область определяется набором предположений о природе человеческого познания. Согласно традиции, заложенной английским мыслителем XVII века Джоном Локком и продолженной бихевиоризмом Джона Уотсона и Б.Ф. Скин-нера, психика — это tabula rasa; согласно этим взглядам, человек способен к вычислениям, ассоциациям, запоминанию — и ничего более. Какие бы знания, привычки, ассоциации и т.п. ни заполняли разум взрослого человека, они возникли только на протяжении жизни и целиком основаны на опыте. Правила, которыми мы ограничиваем наши акты выбора, были заложены либо в результате рационального решения (по мнению экономистов), либо в результате социализации в раннем детстве (по мнению социологов и антропологов).

Однако появляется все больше данных, поставляемых науками о жизни, которые свидетельствуют о том, что стандартная модель науки о обществе неадекватна — человек рождается с уже существующими когнитивными структурами и соответствующими возрасту способностями к обучению, которые естественным образом вводят их в общество. Другими словами, существует такая вещь, как человеческая природа. Для социологов и антропологов существование человеческой природы означает, что культурный релятивизм должен быть пересмотрен и что возможно

распознать культурные и моральные универсалии, которые, если применять их беспристрастно, можно использовать для оценки конкретных культурных практик. Более того, человеческое поведение не настолько пластично и, следовательно, не настолько поддается манипуляции, как большую часть XX столетия считали представители этих дисциплин. Для экономистов существование человеческой природы означает, что взгляд социологов на человека как на существо в силу своей природы социальное более точен, чем их собственная индивидуалистическая модель. А для тех, кто не является ни антропологом, ни социологом, ни экоиистом, понимание изначальной сущности человека подтверждает общепринятые представления о том, как люди думают и действуют, которые решительно отрицались прошлыми поколениями представителей социальных наук, — к примеру, представление о том, что мужчины и женщины отличаются друг от друга и что мы являемся политическими и социальными созданиями, обладающими моральными инстинктами. Это прозрение крайне важно для обсуждения проблемы социального капитала, поскольку оно означает, что последний в результате инстинктивных побуждений будет закономерно генерироваться человеческими существами.

Исторические корни релятивизма

Для того чтобы понять важность возвращения понятия о человеческой природе, нужно вернуться к истории социальной мысли первой половины XX века.

Культурный релятивизм — это мнение, что нормы культуры являются произвольными, социально сконструированными артефактами различных обществ (или групп в рамках общества) и что не существует никаких универсальных стандартов морали, а также никаких способов, с помощью которых мы могли бы оценивать нормы и правила других культур. Убежденность в относительности ценностей, которую сегодня усвоил каждый школьник, глубоко укоренена в американском обществе. Истоки культурного релятивизма можно найти в трудах таких современных философов, как Ницше и Хайдеггер с их критикой западного рационализма. Как пишет в своей книге «Закрытие американского сознания» Аллан Блум, либеральная ценность терпимости медленно, но верно мутировала в убежденность, что в принципе не существует рациональных оснований для моральных или этических суждений. Сегодня нас уже не просят быть терпимыми к разнообразию, сегодня от нас требуют радоваться празднику разнообразия, и это изменение имеет широкий спектр последствий для возможности объединения граждан в демократическом обществе.

Релятивизм в США стал словом повседневного обихода не только в результате влияния высоколобых мыслителей, цитируемых Блумом, но и из-за популяризации определенных ключевых антропологических концепций. В этом ключевую роль сыграли антрополог из Колумбийского университета Франц Боас и его ученицы Маргарет Мид и Рут Бенедикт.

Боас утверждал, что видимые различия между человеческими группами — к примеру, уровень технологии, художественные и интеллектуальные достижения, даже их интеллект — не были генетически детерминированы, но являются продуктом воспитания и культуры. Боас критиковал, и вполне справедливо, традицию раннего социал-дарвинизма конца XIX — начала XX веков, сторонники которой, например, Герберт Спенсер, утверждали, что существующая социальная стратификация отражает природную иерархию способностей, а писатели, подобные Мэдсену Гранту, доказывали, что белые жители Северной Европы стоят на высшей ступени лестницы расовой эволюции. Самая известная работа Боаса — это исследование размера голов детей эмигрантов, которое показало, что эмигранты из «неправильных» частей Европы и Азии, если питаются так же, как американцы, обладают не меньшими интеллектом и способностями, чем северные европейцы, и что, следовательно, попытки сохранить чистоту белой расы посредством антииммиграционных и евгенических мер совершенно ошибочны. Боас поддержал положение стандартной модели науки об обществе, согласно которому не имеется никаких значительных когнитивных или психологических различий между человеческими группами, и убедительно доказал, что попытки американцев и европейцев судить о культурных практиках так называемых примитивных народов были безнадежно этноцентричными. Рут Бенедикт и Маргарет Мид много сделали для популяризации этих идей и для того, чтобы непосредственно применить их к западным культурным практикам, касающимся секса, семьи и гендерных ролей.

Хотя эти выводы академической и популярной антропологии подготовили почву в интеллектуальном отношении, идея о том, что биология может сказать нам что-нибудь важное о поведении человека, была полностью дискредитирована нацистским геноцидом. Вера нацистов в иерархию рас и их жестокое злоупотребление биологическими аргументами для ее законодательного утверждения вызвали реакцию отторжения любой теории, которая видела бы основу поведения в генетике, нежели в культуре, — реакция, существование которой все еще очень заметно в современной Европе. Дискредитация биологических теорий была непосредственно связана с ростом культурного релятивизма: ведь если не существует такой вещи, как неизменная человеческая природа,

определяющая социальное поведение, то не может существовать и никаких универсальных стандартов, по которым любая культурная практика может быть оценена. С тех пор человеческое поведение рассматривалось как «социально сконструированное» — то есть задаваемое культурными нормами, которые формируют поведение после рождения. Отсутствие общей модели культурного поведения привело антропологов, таких, как Клиффорд Герц, к утверждению, что культурная антропология неизбежно должна базироваться на том, что он назвал «плотной дескрипцией», то есть на детальном этнографическом описании отдельных культурных систем, предполагающих понимание их сложности, но без подгонки их под теоретическую схему[3].

Новая биология

Источники биологической революции, которая происходила во второй половине XX века, многочисленны. Самые потрясающие достижения имели место в молекулярной биологии и биохимии: открытие структуры ДНК привело к возникновению целой индустрии, которая занимается генетическими модификациями. В нейрофизиологии большие успехи были достигнуты в понимании химической и физиологической основы психических феноменов, включая представление о том, что мозг — это не вычислительная машина общего назначения, а орган, состоящий из модулей, каждый из которых имеет определенные возможности и функции. И наконец, применительно к макроповедению, за последнее время получено огромное количество данных в области этологии животных, генетики поведения, приматологии, эволюционной психологии и антропологии, показавших, что определенные модели поведения являются гораздо более общими, чем считалось ранее. Общее заключение, приведенное в главе 5, согласно которому женщины обычно более избирательны, чем мужчины, в выборе партнера, оказывается верным не только для всех известных человеческих культур, но практически для всех известных видов, которые размножаются половым путем. Соединение микро- и макроуровней исследования кажется лишь вопросом времени. С появлением описания гено-ма крыс, фруктовых мушек, нематод и, в конце концов, человека появится возможность включать и выключать отдельные последовательности генов и непосредственно наблюдать воздействие этого на поведение.

В отличие от совершенно релятивистских положений культурной антропологии новая биология по большей части исходит из того, что изменчивость человеческой культуры не настолько велика, как это может

показаться на первый взгляд. Точно так же, как человеческие языки могут быть бесконечно разнообразными, но отражают общие глубинные лингвистические структуры, определяемые лингвистическими зонами новой коры головного мозга, так и человеческие культуры, вероятно, отражают общие социальные потребности, определяемые не культурой, а биологией. Никакой уважающий себя биолог не станет отрицать, что культура является важным фактором и часто оказывает влияние, которое может подавлять естественные инстинкты и побуждения. Культура сама по себе — то есть способность передавать через поколения нормы поведения негенетическим способом — запечатлена в физиологическом устройстве мозга и представляет собой главный источник преимуществ человеческого вида в процессе эволюции. Однако культурное содержание налагается на естественную подструктуру, которая офаничивает и направляет культурную креативность для многих популяций индивидов. Не биологический детерминизм предлагает внимательным исследователям новая биология, а скорее более сбалансированный взгляд на взаимодействие природы и воспитания в формировании человеческого поведения.

В целом генетически контролируемые виды поведения, оказывающие влияние на социальные феномены — такие, как поддержание родственных связей или склонность к образованию групп в гражданском обществе, — опосредствованы культурой, поэтому, скажем, между нуклеарной семьей и генетической предрасположенностью к продолжению рода не могут быть обнаружены прямые причинно-следственные зависимости. У человеческих существ многие виды поведения, которые кажутся находящимися под биологическим воздействием, не являются детерминированными побуждениями или инстинктами, а определяются скорее предрасположенностью к обучению на определенных стадиях развития индивида. Пример языка, уже рассмотренный выше, удобен для понимания взаимодействия генетических и культурных факторов. Способность к усвоению языка, по-видимому, находится под жестким генетическим контролем и начинает проявляться в возрасте примерно двенадцати месяцев, выражаясь в удивительной способности маленьких детей выучивать множество новых слов за один день. Эта способность сохраняется только несколько лет; дети, которые выросли, не имея возможности научиться говорить, или взрослые, которые пытаются овладеть новыми для них языками, никогда не достигнут той же степени беглости, что и дети, развивающиеся в нормальных условиях. Структура языка также, вероятно, заложена генетически: дети ожидают определенных закономерностей в правилах, касающихся времен глагола, чисел имен

существительных и т.п., хотя специально этому их не учат. С другой стороны, сами слова и многие синтаксические структуры данного языка культурно детерминированы, так же как и тонкие смысловые нюансы определенных фраз в контексте конкретной культуры. То, что дети *выучат* определенные вещи, соответствующим образом структурированные, в должное время определяется биологией; содержание же усвоенного находится в введении культуры.

Табу на инцест

Наверное, табу на инцест является лучшей иллюстрацией того, как естественные инстинкты могут напрямую формировать социальные нормы. Табу на инцест практически универсально для человеческих сообществ. Несмотря на этот универсальный характер, ученые многие годы считали, что это табу является социально конструированным и предназначено для того, чтобы сдерживать глубинное естественное желание. Фрейд в своей работе «Тотем и табу» утверждал, что желание совершить инцест было одним из самых глубоких и темных побуждений человека, и поэтому его необходимо было держать в узде особенно мощными социальными ограничениями. Мнение о том, что среди животных царит неразборчивый промискуитет, а инцест является обычным делом, было общепринятым. Согласно этой интерпретации, избегание инцеста было актом первобытной культуры, который начал отделять вид *homo sapiens*, передающий особенности поведения культурным путем, от видов животных, поведение которых управлялось исключительно инстинктом. Согласно Фрейду, табу на инцест было чисто человеческим, искусственным изобретением.

Как указал в своем глубоком исследовании табу на инцест Робин Фоке, в то время фрейдовская теория инцеста была не единственной[4]. Молодой финский ученый Эдвард Вестермарк высказывал взгляды, во многих отношениях диаметрально противоположные теории Фрейда. Вестермарк утверждал, что животные, включая человеческие существа, испытывают естественное отвращение к совершению инцеста и что культурное табу на инцест не столько сдерживает, сколько поддерживает естественные склонности. Нет нужды подробно излагать полемику Фрейда и Вестермарка, поскольку этому посвящены работы ряда авторов[5]. Фоке ссылается на огромное количество полученных к настоящему времени данных, которые говорят в пользу Вестермарка, включая несколько значительных исследований в Израиле и на Тайване, показывающих, что у маленьких детей, с раннего возраста воспитывавшихся как брат и сестра, развивается устойчивое отвращение к сексуальным отношениям друг с

другом[6]. Теории, согласно которым первобытные племена практиковали промискуитет и инцест так же, как и животные, оказались ложными; среди человекообразных приматов, к примеру, инцест, по-видимому, является относительно редким явлением. Фоке говорит, что нормы, касающиеся инцеста, являются универсальными для всех обществ и имеют в первую очередь целью контроль доступа молодых мужчин к особям женского пола[7].

Существует много разнообразных способов, с помощью которых нормы, касающиеся инцеста, формулируются и реализуются. Индейцы апачи рассматривали его как ужасное преступление и тех, кто нарушил табу, подвергали суровым наказаниям. Жители островов Тробриан, которых изучал Бронислав Малиновский, напротив, относились к инцесту гораздо более терпимо, а некоторые королевские семьи даже поощряли эту практику. Все общества, однако, должны были иметь механизм принуждения к экзогамным отношениям, чтобы люди оставляли круг семьи, в которой они выросли, и приво дили в действие систему социального обмена, как это называл Клод Леви-Стросс[8].

Таким образом, табу на инцест — хороший пример нормы, попадающей в ячейку «нерациональное и спонтанное» на схеме 8.2. Эта норма, по-видимому, развилась независимо практически во всех человеческих обществах вследствие естественного отвращения, которое люди испытывают по отношению к кровосмешению, и потребности человеческих групп регулировать сексуальный доступ и социальный обмен. Такой запрет, вероятно, не был наложен каким-либо иерархическим источником власти; с другой стороны, религия и культура оказали ему сильную поддержку и создали конкретные формы, в которых этот запрет существует в различных обществах[9].

Судьба homo *economicus**

За последние три десятилетия произошло огромное количество перекрестных опылений между биологией и экономикой[10]. Однако тот факт, что у биологии много общего с экономикой в методологическом плане, затемняет то обстоятельство, что основополагающие выводы новой эволюционной биологии в большей степени поддерживают homo sociologus**, нежели homo economicus. Другими словами, биология скорее находит, что люди от природы являются политическими и общественными созданиями, а не изолированными эгоистичными индивидами. Однако общительность человека не означает недифференцированного альтруизма по отношению к другим. Хотя люди и обладают особыми способностями к

сотрудничеству и созданию социального капитала, они осуществляют это сотрудничество таким образом, чтобы защитить свои интересы как индивидов.

* человек экономический *(лит.). — Примеч. ред.*
** человек общественный *(лат.). — Примеч. ред.*

Как биологи-эволюционисты, так и экономисты принимают то, что называется методологическим индивидуализмом, т.е. стремятся объяснять групповое поведение скорее с точки фения интересов индивидов, нежели наоборот". В прошлом многие мыслители и ученые предполагали, что первичная человеческая единица — это группа и что природа подготавливает индивидов к тому, чтобы они жертвовали своими личными интересами в пользу сообщества. В работах самого Дарвина подчас содержатся указания на то, что естественный отбор оказывал воздействие скорее на расы и виды, нежели на индивидов, и многие первые социальные дарвинисты применяли идею естественного отбора к конкуренции наций или рас[12]. Последняя значительная биологическая теория группового отбора была выдвинута британским биологом В.К. Уинн-Эдвардсом, который утверждал, что животные иногда жертвуют собственными репродуктивными шансами ради выживания своего вида[13].

Революция в эволюционной биологии, начавшаяся в 60-х годах XX века, произошла, когда Джордж Уильяме и Уильям Гамильтон подвергли резкой критике теорию группового отбора Уинн-Эдвардса; они утверждали, что все случаи альтруистического поведения в мире животных нужно объяснять с точки зрения преследования индивидами своих собственных интересов. Уильяме указывает, что группы не могут передавать гены, только индивиды могут это делать. Если бы ген альтруизма, нацеленный на выживание вида, существовал, но подвергал опасности репродуктивные шансы индивида, который являлся бы носителем этого гена, то вид скоро бы вымер[14]. Групповые интересы должны соответствовать индивидуальным интересам в течение периода времени, достаточно короткого для того, чтобы альтруистические индивиды имели больше шансов передать свои гены потомству.

Теория игр, которую экономисты применяли для объяснения поведения рынков, а в особенности эволюционная теория игр оказалась чрезвычайно полезной для биологов в качестве средства математического моделирования того, как происходили отбор и распространение в популяции соперничающих индивидов определенных альтруистических характеристик поведения.

Несмотря на методологические заимствования между биологией и экономикой, основополагающие открытия в биологии во многом

подрывают некоторые предположения экономистов, касающиеся поведения. Хотя собственные интересы индивида могут быть основной причиной развития любой альтруистической тенденции, определенные формы альтруизма и социальной кооперации обеспечивают существенные преимущества для индивидов. В самом деле, способность создавать социальный капитал посредством разнообразных норм социальной кооперации, возможно, является главнейшим преимуществом, которым обладает человеческий вид, и объясняет, почему человеческая популяция — более пяти миллиардов индивидов на данный момент — полностью господствует в природной среде Земли. Более того, этот фактор действует на протяжении всего процесса эволюции, и его результаты становятся генетически закодированными в последующих поколениях индивидов. Другими словами, люди, которые являются реальным продуктом эволюции, имеют склонность к кооперации, встроенную, так сказать, в их мозг, и, таким образом, не должны в каждом поколении заново изобретать колесо[15].

Экономисты часто выражают удивление тем фактом, что в мире имеется так много примеров сотрудничества, поскольку теория игр говорит о том, что решения посредством сотрудничества чаще всего труднодостижимы. Они сталкиваются с трудностями, когда пытаются объяснить, почему так много людей участвуют в голосовании на выборах, делают взносы в благотворительные фонды, сохраняют верность работодателям, если модель поведения, обеспечивающего их собственные интересы, говорит о том, что такие действия иррациональны. Многие неэкономисты ответили бы на это, что сотрудничество возникает без особых проблем, потому что люди по своей природе являются существами общественными и не нуждаются в разработке специальной стратегии для того, чтобы найти пути сотрудничества друг с другом. Эволюционная биология последнее утверждение поддерживает и дает нам гораздо более точное понимание того, как это качество возникает и как проявляется. Биология показывает, что конструирование правил и следование им, а также наказание за нарушение (в том числе и самого себя) имеют естественную основу, а человеческое сознание благодаря особым познавательным способностям может отличить людей, нацеленных на сотрудничество, от обманщиков.

От человекообразных обезьян к человеку

Тот факт, что поведение сотрудничества у человеческих существ имеет генетическую основу, а не просто сконструировано посредством культуры, легче всего обнаружить, наблюдая не за людьми, а за их

генетически ближайшими родственниками — шимпанзе. Шимпанзе демонстрируют социальное поведение, зачастую невероятно похожее на человеческое. Голландский специалист по приматам Франс де Вааль долгое время наблюдал за поведением этих обезьян в самой большой в мире колонии шимпанзе, содержащихся в неволе, в зоопарке Бургера в Арнеме, Нидерланды. В 70-е годы там развернулась совершенно макиавеллиевская борьба. Стареющий самец-альфа колонии, Ероэн, был постепенно вытеснен из своего доминирующего положения молодым самцом, Луитом. Луит не смог бы этого добиться только лишь с помощью собственной физической силы, поэтому он вступил в коалицию с другим молодым самцом, Никки. Однако как только Луит оказался на вершине иерархии, Никки тут же изменил свое отношение к нему и образовал коалицию со свергнутым лидером, чтобы самому добиться доминирующего положения. Другие шимпанзе не отнеслись к Никки как к хорошему вожаку; самец-альфа, помимо всего прочего, должен поддерживать порядок внутри колонии. Луит все еще оставался угрозой его правлению, поэтому однажды он был расчетливо и жестоко убит Никки и Ероэном[16].

Де Вааль и другие специалисты по приматам обращают внимание на то, что шимпанзе не достигают статуса самца-альфа путем физического доминирования. В колониях, насчитывающих от 20 до 30 индивидов, никакая отдельная особь не является достаточно сильной для того, чтобы навязать другим свою волю; ей приходится находить союзников и вести что-то вроде политической деятельности, упрашивать, обхаживать, подкупать и угрожать другим, чтобы увлечь их за собой. Создание коалиции включает в себя стандартный репертуар жестов и выражений лица. Когда шимпанзе ищет помощи, он умоляюще протягивает руки, а также рычит и указывает на тех, против кого он ищет помощи у партнеров по коалиции. Шимпанзе демонстрируют доброжелательность или мирные намерения, вылизывая и выкусывая блох друг у друга. Демонстрируя подчинение, они поворачиваются к соперникам задом. От самца-альфа даже требуется что-то вроде грубого правосудия: он вмешивается в качестве третьей стороны в драки, которые угрожают стабильности группы как целого.

Как и человеческие существа, шимпанзе вовсю соперничают за положение в социальной иерархии. Действительно, социальный порядок достигается в колонии шимпанзе в первую очередь посредством установления иерархии доминирования. Биоантрополог Ричард Рэнгхэм пишет:

Мы совсем немного преувеличиваем, когда говорим, что самец шимпанзе в расцвете сил посвящает всю свою жизнь достижению высокого

ранга. В своих попытках достичь статуса самца-альфа, а затем поддерживать его он проявляет коварство, настойчивость, энергию и готовность уделить этому много времени. Этим стремлением определяется, с кем он кочует, у кого выкусывает блох, в какую сторону посматривает, как часто чешется, куда ходит и в какое время просыпается утром. (Беспокойные самцы-аль-фа встают рано и часто будят других весьма энергичной имитацией нападения.) Все эти виды поведения порождаются не жаждой насилия как такового, а эмоциями, которые проявляют люди, когда мы их называем гордостью или, с меньшей симпатией, высокомерием[17].

Шимпанзе откровенно злятся, когда им не оказывают почтения, которого, по их мнению, они достойны по своему рангу в иерархии.

Шимпанзе очень похожи на людей своей способностью организовываться в группы, если это дает преимущество в конкуренции или для группового насилия, а также существованием объединений самцов. Рэнгхэм описывает ситуацию, когда шимпанзе в национальном парке Гомбе в Танзании разделились на то, что можно назвать только двумя соперничающими бандами в северной и южной частях ареала[18]. Группы из четырех-пяти самцов из северной группировки совершали вылазки не ради защиты своей территории — они часто проникали глубоко на территорию соперничающей группы и систематически нападали на особей, которых застигали в одиночестве или неподготовленными к отражению атаки. Убийства часто бывали жестокими, и агрессоры отмечали победу криками и лихорадочным возбуждением. В конце концов все самцы и несколько самок южной группы были убиты, а оставшихся самок вынудили присоединиться к северной группе. Поколением ранее антрополог Лайонел Тайгер утверждал, что мужчины обладают особой психологической предрасположенностью к тому, чтобы объединяться для совместной охоты[19]. Исследование Рэнгхэма говорит о том, что объединения самцов имеют гораздо более древние биологические корни и появились раньше, чем человеческий вид. свергнутым лидером, чтобы самому добиться доминирующего положения. Другие шимпанзе не отнеслись к Никки как к хорошему вожаку; самец-альфа, помимо всего прочего, должен поддерживать порядок внутри колонии. Луит все еще оставался угрозой его правлению, поэтому однажды он был расчетливо и жестоко убит Никки и Ероэном[16].

Де Вааль и другие специалисты по приматам обращают внимание на то, что шимпанзе не достигают статуса самца-альфа путем физического доминирования. В колониях, насчитывающих от 20 до 30 индивидов, никакая отдельная особь не является достаточно сильной для того, чтобы

навязать другим свою волю; ей приходится находить союзников и вести что-то вроде политической деятельности, упрашивать, обхаживать, подкупать и угрожать другим, чтобы увлечь их за собой. Создание коалиции включает в себя стандартный репертуар жестов и выражений лица. Когда шимпанзе ищет помощи, он умоляюще протягивает руки, а также рычит и указывает на тех, против кого он ищет помощи у партнеров по коалиции. Шимпанзе демонстрируют доброжелательность или мирные намерения, вылизывая и выкусывая блох друг у друга. Демонстрируя подчинение, они поворачиваются к соперникам задом. От самца-альфа даже требуется что-то вроде грубого правосудия: он вмешивается в качестве третьей стороны в драки, которые угрожают стабильности группы как целого.

Как и человеческие существа, шимпанзе вовсю соперничают за положение в социальной иерархии. Действительно, социальный порядок достигается в колонии шимпанзе в первую очередь посредством установления иерархии доминирования. Биоантрополог Ричард Рэнгхэм пишет:

Мы совсем немного преувеличиваем, когда говорим, что самец шимпанзе в расцвете сил посвящает всю свою жизнь достижению высокого ранга. В своих попытках достичь статуса самца-альфа, а затем поддерживать его он проявляет коварство, настойчивость, энергию и готовность

уделить этому много времени. Этим стремлением определяется, с кем он кочует, у кого выкусывает блох, в какую сторону посматривает, как часто чешется, куда ходит и в какое время просыпается утром. (Беспокойные самцы-альфа встают рано и часто будят других весьма энергичной имитацией нападения.) Все эти виды поведения порождаются не жаждой насилия как такового, а эмоциями, которые проявляют люди, когда мы их называем гордостью или, с меньшей симпатией, высокомерием'[7].

Шимпанзе откровенно злятся, когда им не оказывают почтения, которого, по их мнению, они достойны по своему рангу в иерархии.

Шимпанзе очень похожи на людей своей способностью организовываться в группы, если это дает преимущество в конкуренции или для группового насилия, а также существованием объединений самцов. Рэнгхэм описывает ситуацию, когда шимпанзе в национальном парке Гомбе в Танзании разделились на то, что можно назвать только двумя соперничающими бандами в северной и южной частях ареала[18]. Группы из четырех-пяти самцов из северной группировки совершали вылазки не ради защиты своей территории — они часто проникали глубоко на территорию

соперничающей группы и систематически нападали на особей, которых застигали в одиночестве или неподготовленными к отражению атаки. Убийства часто бывали жестокими, и агрессоры отмечали победу криками и лихорадочным возбуждением. В конце концов все самцы и несколько самок южной группы были убиты, а оставшихся самок вынудили присоединиться к северной группе. Поколением ранее антрополог Лайонел Тайгер утверждал, что мужчины обладают особой психологической предрасположенностью к тому, чтобы объединяться для совместной охоты[19]. Исследование Рэнгхэма говорит о том, что объединения самцов имеют гораздо более древние биологические корни и появились раньше, чем человеческий вид. Эти примеры социального поведения у шимпанзе очень показательны, поскольку люди и шимпанзе являются весьма близкими родственниками. Сегодня ученые полагают, что шимпанзе и люди происходят от общего шимпанзеобразного предка, который жил менее пяти миллионов лет назад. Не только поведенческие паттерны шимпанзе ближе к человеческим, чем модели поведения тысяч видов всех ныне существующих млекопитающих, — геномы шимпанзе и человека очень сходны на молекулярном уровне. Более того, хотя имеются свидетельства того, что обезьяны могут создавать что-то вроде культуры — т.е. виды поведения, возникающие в результате научения и передающиеся от поколения к поколению, — никто не станет утверждать, что многое в общественной жизни шимпанзе является социально сконструированным. У шимпанзе нет языка — самого важного инструмента для создания и передачи культуры[20].

Конечно, легко и в то же время опасно проводить поверхностные сравнения между поведением животных и людей, Человеческие существа тем и отличаются от шимпанзе, что у них есть культура и разум, что они могут управлять своими биологически заданными побуждениями самыми разнообразными сложными способами. С другой стороны, изучение приматов дает нам некоторую возможность проникнуть в суть споров по поводу сущности человеческой природы и оснований современных политической теории и представлений о морали и справедливости. Как уже было отмечено, философы, чьи труды стали истоками современного либерализма, — Гоббс, Локк и Руссо — основывали свои политические теории на представлении о человеке «в естественном состоянии», то есть до изменений, которые произошли в результате возникновения гражданского общества и последующего развития цивилизации. Хотя мы не обладаем непосредственным эмпирическим знанием того, что собой представлял человек в «естественном состоянии», мы не можем утверждать, что поведение, характерное для предшественников человека и шимпанзе, было

артефактом человеческой цивилизации. Если только не считать, что первые человеческие существа сильно отличались от тех приматов, от которых произошли, и от цивилизованных людей последующих эпох, то можно предположить, что преемственность в поведении шимпанзе и человека распространялась и на людей в «естественном состоянии». Отсюда следует, что ряд постулатов, выдвинутых этими философами, неверен.

Возьмем, к примеру, самое известное утверждение Гоббса — что для естественного состояния характерна «война всех против всех» и что, следовательно, жизнь «опасна, несчастна, груба и коротка». По-видимому, более точным было бы сказать, что для естественного состояния была характерна война «некоторых против некоторых», то есть что первобытные люди имели рудиментарную социальную организацию, которая давала возможность действовать совместно и обеспечивала мир между членами одного клана. Конечно, этот мир перемежался внутренними конфликтами, поскольку люди соперничали друг с другом за доминирование внутри маленькой группы или племени, а также внешними войнами с другими группами и племенами. Судя по тому, что нам известно об обществах охотников и собирателей, и исходя из археологических данных о доисторических обществах, можно заключить, что уровень насилия был по меньшей мере таким же, как и в современных обществах, несмотря на огромные различия в социальной организации и технологии[21]. Однако никакого резкого перехода от «естественного состояния» и насилия к гражданскому обществу и миру не было: гражданское общество служило в качестве средства организации человеческих групп таким образом, чтобы они могли осуществлять насилие, направленное вовне, более организованным способом.

Руссо в своем «Втором размышлении» утверждал, что человек в «естественном состоянии» был настолько изолирован и одинок, что даже семья не является естественным образованием. Несмотря на то что существование «amour de soi» («собственного интереса») было естественным, то, что Руссо назвал «amour ргорге» («эгоизм»), и тщеславие — сравнение себя с другими — появились только с развитием цивилизации и с изобретением частной собственности. Человеческие существа совсем не питали каких-либо других естественных чувств друг к другу, кроме чувства сострадания.

Из этого опять-таки немногое, по-видимому, соответствует действительности. Человеческие существа в силу своей природы являются существами общительными — у большинства людей скорее изоляция, нежели общение с другими вызывает патологические симптомы стресса. Хотя отдельные формы семьи могут и не быть естественными, родственные

связи все же таковым являются и имеют определенные структуры, общие как для человека, так и для других видов. Не только люди, но и другие приматы сравнивают себя с другими особями. По имеющимся данным можно заключить, что шимпанзе испытывают интенсивное чувство гордости, когда их социальный статус признается, и гнева и раздражения в противном случае.

Несомненно, Гоббс, Локк и Руссо совсем не имели в виду, что «естественное состояние» обязательно следует понимать буквально как описание определенного периода человеческой эволюции. Это была скорее метафора для изображения человеческой природы, очищенной от всех культурных наслоений. Но даже на этом уровне изучение приматов многое дает, так как показывает, что общественное поведение в значительной мере возникает не в результате научения, а как часть генетического наследства как человека, так и его человекообразных предков.

Проблемой, общей для всех видов классической либеральной интерпретации «естественного состояния», является предпосылка об изначальном индивидуализме. Другими словами, все упомянутые выше мыслители начинают с допущения, что

человеческие существа являются тем, что правовед Мэри Энн Глендон назвала «одиночными носителями прав» — индивидами без естественной склонности к общению, которые объединяются для совместных предприятий только ради достижения индивидуальных целей[22]. Впрочем, это не единственный возможный философский взгляд на человеческую природу. Аристотель начинает свою «Политику» с утверждения, что человек — по природе политическое животное, находящееся где-то между зверем и богом[23]. Это мнение основано на повседневном наблюдении, что повсюду и во все времена человеческие существа организуются в политические сообщества, характер которых отличается от других видов социальной структуры — таких, как семья или деревня — и существование которых необходимо для полного удовлетворения природных желаний людей[24]. Люди не являются потенциальными богами, как предполагает марксистское направление Просвещения, — то есть «родовыми существами», способными на неограниченный альтруизм. Но они не являются и зверями. В силу своих природных свойств они организуются не только в семьи и племена, но и в группы более высокого порядка, и способны к моральному поведению, необходимому для поддержания таких сообществ. С этим современная эволюционная биология согласилась бы от всего сердца.

Глава 10

Происхождение сотрудничества

Если мы примем, что человеческая склонность объединяться в группы не является просто социально сконструированной или продуктом рационального выбора и что кооперация имеет естественную или генетическую основу, то возникает вопрос: как она возникла? Как было отмечено ранее, современная эволюционная биология начинает с тех же допущений, что и современная экономика: невозможно иначе объяснить групповое поведение, кроме как в терминах интересов индивидов, которые входят в группу. Как, в таком случае, можем мы объяснить возникновение альтруизма и социального поведения?

Все начинается с родства

Два основных пути, которыми индивидуальные интересы приводят к социальной кооперации, — это отбор родственников и взаимодействие. Отбор родственников, также называемый включающим соответствием, — теория, развитая в 60-х годах Уильямом Гамильтоном" и освещенная Ричардом Докинсом в его книге «Эгоистичный ген»[2]. Хотя любая теория социального поведения должна опираться на учет эгоистических интересов индивидов, эти интересы в первую очередь заключаются в передаче своих генов потомству и только во вторую — в собственном выживании. Поэтому, утверждает Докинс, именно гены, а не организмы являются эгоистичными. Гамильтон показал, что родственники обычно проявляют альтруизм по отношению друг к другу в строгой пропорции к количеству генов, которые являются для них общими. У родителей и детей, а также у родных братьев и сестер общей является половина генов (если только последние не являются однояйцовыми близнецами — в этом случае у них общие все 100 % генов); поэтому в данном случае у них можно ожидать альтруистического поведения с вероятностью, в два раза большей, чем у двоюродных братьев и сестер или, скажем, у тети и племянницы, у которых общими является только четвертая часть их генов[3]. Было замечено, что земляные белки, строя гнездо, отличают сестер из того же самого помета от сестер, с которыми они имеют только одного общего родителя, и подобное же поведение наблюдалось у представителей многих видов[4].

На самом деле, конечно, отбор родственников — гораздо более сложный процесс, поскольку родственники, имеющие общую часть генетического наследия, будут как сотрудничать, так и конкурировать друг с другом. Роберт Трайверс показал, что внутри семей проявляются различные побуждения к родительскому альтруизму — не только

материнскому и отцовскому, но и по отношению к родителям по мере того, как ребенок вырастает и становится более самостоятельным[5]. Знание о том, кто является, а кто не является родственником, — тоже не тривиальная проблема для многих видов, включая человека. Успешность продолжения рода у кукушек зависит от других птиц, которые не способны отличать яйца и птенцов кукушек от собственных. У людей только с появлением тестов на ДНК стало возможным точно устанавливать, является ли данный мужчина отцом конкретного ребенка.

Человеческая общность, таким образом, начинается с родственных связей; альтруизм пропорционален степени родства. Это вывод такого рода, что, как говорится, не нужно кончать университетов, чтобы его понять. Тем не менее полезно помнить, что даже в обществе, в котором существует самое строгое равенство перед законом, непотизм и фаворитизм в отношении родственников все еще остаются сильными побудительными факторами. Это объясняет огромный односторонний поток ресурсов от родителей к детям, а также то, почему подавляющее большинство новых коммерческих предприятий обычно оказываются семейными, часто с привлечением неоплачиваемого труда родственников, к какой бы культуре их основатели ни принадлежали. Это объясняет также то, почему даже самые близкие неродственники не выдержат «теста домом престарелых» (см. выше), но мать пациента всегда пройдет этот тест. Это объясняет и некоторые неочевидные социальные явления — к примеру, тот факт, что только очень небольшая доля бытовых убийств совершается кровными родственниками[6] и что рост числа случаев жестокого обращения с детьми в США и других западных странах напрямую связан с тем, что увеличилось число семей, где один из супругов является мачехой или отчимом[7].

Взаимодействие

Несмотря на то что общность может начинаться с родства, существует также явно альтруистическое и кооперативное поведение, которое имеет место в природе между неродственниками. Примеры кооперации среди шимпанзе, приведенные в начале предыдущей главы — вылазки групп самцов или создание коалиции для достижения доминирования, — имеют широкое распространение среди животных, не состоящих в родственной связи. Есть много других случаев такого рода — летучие мыши-вампиры кормят неродственников, а бабуины защищают чужих детенышей в стае[8]. Более того, некоторые рыбы-чистильщики и рыбы, которых они чистят, состоят в альтруистической связи, несмотря на то что принадлежат к разным видам[9]. Антропологи знают абсолютно точно:

то, что считается родством во многих человеческих обществах, — на самом деле фикция. Китайцы которые являются членами одного рода, верят, что являются родственниками друг друга, хотя на самом деле имеют лишь одного общего предка, отделенного от них десятками поколений[10]; и тем не менее они сотрудничают друг с другом, как если бы большая часть генов была у них общей.

Помимо отбора родственников, второй общепризнанный естественный источник социального поведения — взаимный. альтруизм". Биологические теории взаимного альтруизма многое позаимствовали из экономики и теории игр для того, чтобы показать, как взаимность могла развиться у индивидов, управляемых эгоистическими генами, — в частности, применяя метод повторяющегося решения Роберта Аксельрода по «дилемме заключенного»[12].

Теория игр формулирует проблему кооперации следующим образом: как рациональным, но эгоистичным индивидам удается прийти к нормам кооперации, которые максимально увеличивают благосостояние группы, если они испытывают искушение отступить от совместного решения и достичь более определенных личных выгод? Эта классическая проблема в теории игр носит название «дилеммы заключенного». Я и Сэм — заключенные, и мы составили план побега. Если мы будем сотрудничать, то убежим. Но если я буду выполнять свою часть уговора, а Сэм донесет на меня охранникам, я буду строго наказан. И наоборот, если Сэм будет выполнять уговор, а я донесу на него, охранники вознаградят; меня. Если настучим мы оба, никто из нас ничего не получит. Для нас обоих будет лучше, если мы будем придерживаться нашего первоначального соглашения, но риск того, что Сэм предаст меня, вполне реален, и я получу вознаграждение, если я предам его. Таким образом, мы оба решаем предать один другого. Несмотря на взаимную выгоду сотрудничества, опасение оказаться обманутым препятствует его реализации. Игры типа «дилеммы заключенного» трудны для участников, потому что решение, в котором оба игрока мошенничают, создает то, что специалисты по теории игр называют равновесием Нэша. Для вас это наилучшая доступная стратегия — она минимизирует шансы того, что вам придется расплачиваться за наивность, в то время как другому игроку достанется вознаграждение за донос из-за того, что вы были верны уговору. В то же время она дает вам шанс сделать то же самое с ним. Но, хотя для вас как для индивида обман является лучшей стратегией, чем сотрудничество, он приводит к худшим результатам, когда учитываются действия обоих игроков; экономисты называют это социально субоптимальным исходом. Вопрос, в таком случае,

состоит в том, каким образом игроки как индивиды могут достичь общего результата.

Игра в «дилемму заключенного» с одной попыткой, когда игроки встречаются только один раз, не имеет удовлетворяющего обоих игроков исхода, без применения сложных стратегий наложения на себя обязательств стремиться к общему результату. (Предварительное наложение обязательств не разрешает «дилемму заключенного» — оно только преобразует ее в проблему того, как игрок может дать знать о своем принятии обязательства заблаговременно, причем так, чтобы ему поверили.) Проводя сравнение различных стратегий, Роберт Аксельрод показал, как совместное решение может быть достигнуто в итерированной (повторяемой) игре, когда одни и те же игроки вынуждены взаимодействовать друг с другом повторно[13]. В результате применения простой стратегии «око за око, зуб за зуб», в которой игрок повторяет действия партнера (сотрудничество в ответ на сотрудничество, предательство в ответ на предательство), возникает процесс обучения, благодаря которому каждый игрок в конце концов начинает понимать, что в долгосрочном плане стратегия сотрудничества дает большую индивидуальную отдачу, чем стратегия предательства, и поэтому является рационально оптимальной.

Причины, по которым стратегия «око за око, зуб за зуб» дает решение «дилеммы заключенного», можно понять и без теории игр. Если человек должен принять решение: доверять ли другому человеку, которого он не знает и никогда больше не увидит, то он скорее всего будет осторожен, поскольку оснований для доверия недостаточно. В результате повторяющегося взаимодействия, с другой стороны, у игрока складывается репутация честного человека или предателя[14]. Тех, кто попадает во вторую категорию, будут остерегаться, в то время как попавшие в первую будут стремиться к взаимодействию. Поскольку прошлое не обязательно является предиктором будущего, всегда остается возможность, что человек, который сотрудничает сегодня, завтра предаст. Однако даже несовершенная возможность отличать склонных к сотрудничеству от предателей дает существенное преимущество при установлении отношения сотрудничества.

Со времени публикации результатов сравнения стратегий Аксельродом теория игр значительно продвинулась вперед, появилось множество других стратегий, помимо стратегии «око за око», которые давали столь же, если не более, стабильные результаты. Однако основополагающее открытие Аксельрода говорит чрезвычайно много о том, как в различных ситуациях возникают доверие и сотрудничество: начиная с людей, начавших охотиться совместно в обществах охотников-

собирателей, и кон< чая современными корпорациями, стремящимися убедить потребителей в качестве своей продукции. Ключом здесь является итерация: если вы знаете, что вам придется работать с одной и той же группой людей в течение длительного времени, и если вы знаете, что они будут помнить, когда вы были честны с ними, а когда — нет, то в ваших собственных интересах действовать честно. В такой ситуации норма взаимности появится спонтанно, поскольку репутация честного человека становится преимуществом. Пещерный человек не будет уклоняться от обязанности выгнать мамонта из леса, поскольку иначе ему придется дер жать ответ перед голодными и злыми соплеменниками; фармацевтическая компания немедленно проведет изъятие некачественного продукта из аптек, поскольку не захочет нанести урон своей репутации.

Итерированная стратегия «око за око, зуб за зуб» Аксельрода используется в обычных условиях рационально мыслящими людьми, и если им на основе опыта удается научиться сотрудничать внутри группы, то норма становится культурным артефактом. В такой же игре могут участвовать и не наделенные разумом агенты (например, животные), слепо взаимодействующие друг с другом, и научение может принимать форму не культуры, а генетической предрасположенности к вознаграждению особей, склонных к сотрудничеству, и наказанию склонных к предательству. Другими словами, неродственные особи, помогавшие друг другу на протяжении какого-то времени, могут увеличить свой шанс на продолжение рода по сравнению с теми, кто этого не делал, и в конце концов взаимодействие становится закодированным в генах, управляющих общественным поведением.

Вероятность развития взаимного альтруизма наиболее высока у видов, представители которых многократно вступают во взаимодействие, имеют относительно большую продолжительность жизни и обладают когнитивными способностями, позволяющими отличать нацеленных на сотрудничество от обманщиков на основании множества едва различимых сигналов. Биолог Роберт Трайверс утверждает, что именно такие механизмы взаимного альтруизма и развились у людей:

Вероятно, на протяжении последнего этапа эволюции (по крайней мере последние 5 миллионов лет) осуществлялся жесткий отбор среди наших предков, направленный на развитие различных видов взаимодействия. Я основываю это заключение отчасти на существовании выраженных эмоций, лежащих в основе наших отношений с друзьями, коллегами, знакомыми и т.д. Люди обычно помогают друг другу в случаях опасности (например, при несчастных случаях, нападениях хищников и нападениях со стороны других человеческих существ)... Вероятно, во

времена плейстоцена, а может быть, и раньше у гоминид возникли предпосылки развития взаимного альтруизма: большая продолжительность жизни, плотность расселения, жизнь в маленьких, связанных взаимной зависимостью стабильных социальных группах, долгий период родительской опеки, что привело к тесным контактам с близкими родственниками на протяжении многих лет[15].

Приведенное выше рассуждение, конечно, одна из тех «вот-так-историй», в сочинении которых часто обвиняют социологов. Но нужно спросить, почему случилось, что система человеческих эмоций включает такие чувства, как гнев, гордость, стыд и чувство вины, каждое из которых проявляется в качестве ответной реакции на поведение людей, которые либо честны и склонны к сотрудничеству, либо обманывают и нарушают правила в ситуациях типа «дилеммы заключенного».

Роль охоты как источника как мужской, так и вообще человеческой общности рассматривалась и другими антропологами-эволюционистами. Охота на крупных животных особенно побуждала к объединению. В обществах охотников и собирателей члены нуклеарной семьи гораздо легче делятся мясом с другими родичами, чем растительной пищей или собранными личинками насекомых, — по вполне понятным причинам. Для охоты на крупную дичь требуются совместные усилия нескольких мужчин, поэтому каждый получает свою долю добычи. В то же время количество белков, добытых таким образом, больше, чем может потребить отдельная семья, сохранение впрок невозможно, что способствует готовности поделиться[16]. Следует отметить, что практически во всех известных человеческих культурах акт принятия пищи почти всегда совершается публично. В то время как мы отправляем большинство телесных функций только приватно, мы, по-видимому, обладаем естественным желанием делить пищу с другими людьми — от деловых ленчей до пикников в компании и семейных обедов. Антрополог Адам Купер указывает на то, что даже в США, где индивидуализм и конкуренция являются высшими культурными ценностями, два самых важных праздника — День Благодарения и Рождество, отмечаемые многолюдными банкетами, посвящены не индивидуальным достижениям, а социальной солидарности[17]. Все это внушает мысль, что окружающие древнего человека условия способствовали развитию склонности ко взаимности, которая не была просто культурной.

Существует тенденция проявлять небрежность в употреблении терминов «взаимность» или «взаимный альтруизм» и полагать, что это то же самое, что и «рыночный обмен». Это не так. В рыночном обмене товарами обмениваются одновременно, причем и покупатели, и продавцы

ведут точный учет курсу обмена. В случае взаимного альтруизма обмен отодвинут во времени — одна сторона может оказывать благодеяние, не ожидая немедленной отдачи и не предполагая получить точную компенсацию. Взаимный альтруизм гораздо ближе к тому, что мы понимаем как моральный обмен внутри сообщества, и в него как в таковой вкладывается совсем другое эмоциональное содержание по сравнению с рыночным обменом. С другой стороны, взаимный альтруизм — это не то же самое, что и альтруизм как таковой. Помимо альтруизма генетических родственников, в природе трудно найти много примеров истинного одностороннего альтруизма. Как мы позже увидим при обсуждении вопроса о различии между рыночным и моральным обменом в третьей части книги, почти всегда поведение, которое мы считаем моральным, включает в себя обоюдный обмен некоторого рода и, в конце концов, приносит взаимную выгоду сторонам, которые в нем участвуют.

Сотрудничество ради конкуренции

В полемике на тему «индивидуализм против коллективизма» или «капитализм против социализма» люди обычно ссылаются на избранные примеры из мира природы для того, чтобы доказать: либо что люди по своей природе агрессивны, склонны к конкуренции и иерархии, либо что они, наоборот, миролюбивы, склонны к сотрудничеству и помощи другим. Однако если на мгновение задуматься, то можно увидеть — эти на первый взгляд противоположные характеристики на самом деле тесно связаны друг с другом с эволюционной точки зрения. Способность к сотрудничеству и взаимный альтруизм первоначально возникают потому, что они дают преимущество тем индивидам, которые ими обладают. Способность работать сообща в группах — социальный капитал — давала преимущество в конкуренции первым людям и их человекообразным предкам, поэтому качества, поддерживающие сотрудничество в группе, распространились. Когда возникают группы, между ними начинается конкуренция, способствуя развитию более высокого уровня кооперации внутри самих групп. Общественное поведение шимпанзе в Гомбе связано по меньшей мере с тем фактом, что им приходится конкурировать друг с другом в пределах группы. По словам биолога Ричарда Александера, человеческие существа сотрудничают, чтобы конкурировать[18].

Исследователи политического развития описали феномен, названный «оборонительной модернизацией»: появление новых военных технологий в одном государстве вынуждает конкурирующие общества не только овладевать технологией, но и создавать политические и экономические

институты, необходимые для производства этой технологии, — такие, как налоговые и регулирующие властные структуры, стандартизация мер и весов, а также система образования. Что-то вроде этого имело место в Турции в первой половине XIX века и в Японии на сорок лет позже, когда они столкнулись с западной военной мощью[19]. Другими словами, внешняя военная конкуренция порождает внутреннюю политическую кооперацию.

Большие размеры и быстрый (по эволюционным масштабам) рост человеческого мозга связаны с подобной же серией гонки вооружений между человеческими существами — развитием, которое впоследствии создало возможность появления языка, общества, государства, религии и всех социальных институтов, которые человеческие существа изобрели. Рэнгхэм указывает на карликовых шимпанзе, или бонобо, как на эволюционную альтернативу, демонстрирующую отсутствие необходимости в том, чтобы человеческие существа стали такими агрессивными и склонными к насилию, какими они являются. Эти животные — просто мечта либерала: самцы бонобо гораздо менее склонны к насилию, чем самцы шимпанзе; как самцы, так и самки бонобо меньше конкурируют за статус в иерархии; особи женского пола играют гораздо более важную политическую роль в стае; и все постоянно занимаются сексом, как гетеро-, так и гомосексуальным. Вопрос, для ответа на который мы, может быть, никогда не получим достаточно данных, заключается в том, случайно ли люди произошли от шимпанзеобразных предков, а не от бонобообразных — ведь вполне может быть и так, что агрессия и склонность к насилию шимпанзеобразных предков как людей, так и современных шимпанзе и было тем, что подтолкнуло развитие интеллекта, социальности и множества других общественных характеристик человеческой природы.

Между ангелом и дьяволом

Эволюционная теория игр полезна не просто потому, что она объясняет, как социальные инстинкты могли развиться у приматов и у людей. Она также говорит нам кое-что о том, почему человеческие когнитивные и эмоциональные качества развились именно так, как они развились. И по иронии судьбы, она помогает нам понять, почему большинство трактовок человеческого поведения специалистами по теории игр не являются столь уж реалистичными в изображении того, как люди на самом деле действуют.

Когда я говорю, что люди по своей природе являются существами общественными, я этим не хочу сказать, что они ангелы. Другими словами,

у них нет безграничных запасов альтруизма, они не являются полностью честными и не имеют каких-то особых побуждений, чтобы ставить благо своего вида — или даже более ограниченного числа неродственников — выше своего собственного блага. Эволюционная теория игр объясняет, почему это так. Даже если мы смогли бы представить себе общество ангелов, в котором каждый был бы совершенно честен и склонен к сотрудничеству с собратьями в общих устремлениях по генетическим или культурным причинам, такая ситуация не была бы стабильной. Зная, что все остальные будут держаться своих обязательств, нарушитель соглашений мог бы извлечь потенциально гораздо большую пользу, чем в группе не нацеленных на сотрудничество индивидов. Чтобы превратить ангелов в обычных, недоверчивых смертных, достаточно окажется единственного добившегося успеха нарушителя. Это справедливо и на генетическом уровне, и на культурном уровне — ген оппортунизма распространится среди популяции нацеленных на сотрудничество так же, как оппортунистическое поведение распространится в обществе честных людей. Это объясняет, почему создатели финансовых пирамид особенно преуспели в Юте, где честность и склонность к доверию в общине мормонов время от времени бесстыдно эксплуатировались плутами всех мастей (часто своим же братом-мормоном, которому было известно больше других об уязвимости общины).

С другой стороны, общество, в котором все люди являются дьяволами, стремящимися обмануть и обвести вокруг пальца своих собратьев при каждом возможном случае, также не будет стабильным. Появление небольшого числа честных сотрудников в этом обществе дьяволов приведет людей, склонных к сотрудничеству, к извлечению больших выгод за счет дьяволов. Дьяволы будут не способны сотрудничать друг с другом и будут постоянно проигрывать ангелам, которые способны сотрудничать. В классическом примере из эволюционной теории игр смешанная популяция соколов и голубей не будет стабильной, если все голуби будут съедены соколами: последние примутся друг за друга из-за недостатка еды.

Эволюционная теория игр, таким образом, говорит нам, что все общества будут состоять из ангелов и дьяволов или, точнее, будут состоять из людей, которые обладают ангельскими и дьявольскими чертами в разных пропорциях. Соотношение ангелов и дьяволов будет зависеть от выгоды того или другого поведения, то есть благ, которые достанутся ангелам, способным объединиться друг с другом, и дьяволам, преуспевающим в своем оппортунизме. Учитывая эти выгоды, теория игр может помочь предсказать, какое соотношение ангелов и дьяволов будет

иметь место и какие эволюционно стабильные стратегии возникнут в результате.

Если известно, что все люди живут в смешанном мире ангелов и дьяволов, то какие психологические характеристики окажутся наиболее полезны для процветания? Ясно, что ответ не в том, чтобы всем стать ангелами, так как это приведет к убыткам при встрече с дьяволами. Скорее требуются характеристики, которые позволяли бы решать ежедневно встречающуюся проблему «дилеммы заключенного» для многих игроков. Мы могли бы использовать, во-первых, специальные познавательные способности, которые позволили бы нам отличать ангелов от дьяволов. И во-вторых, нам понадобились бы специальные эмоции или инстинкты, гарантирующие, что мы стабильно будем придерживаться стратегии «око за око, зуб за зуб»: нам необходимо награждать ангелов и наказывать дьяволов. А это, по-видимому, и есть то, что происходило во время эволюции человеческой психики.

Психолог Николае Хэмфри и биолог Ричард Александер независимо друг от друга пришли к выводу, что одной из причин, почему человеческий мозг развивался так быстро, была потребность человека в умении сотрудничать, обманывать и расшифровывать поведение друг друга[20]. За последние приблизительно пять миллионов лет, с тех пор как дороги человека и шимпанзе разошлись, мозг увеличился более чем в три раза и расширился так, как это только позволял родильный канал матери. По сравнению с общим временем эволюции это изменение произошло с невероятной быстротой. Многие годы люди думали, что преимущества интеллекта, которые сделались возможными благодаря большому мозгу, были очевидны — на охоте, при производстве орудий и других подобных вещах. Но другие животные охотятся, делают и используют орудия и даже создают и передают по наследству что-то вроде элементарной культуры, не нуждаясь в настолько развитых когнитивных способностях. Хэмфри и Александер утверждают, что наиболее важной и опасной частью человеческой окружающей среды быстро стали другие люди, в результате чего развитие когнитивных качеств, направленных на социальное взаимодействие, сделалось решающим фактором, определяющим эволюционный успех. Когда группы людей стали главным источником конкуренции, возникла ситуация гонки вооружений, так что не существовало реального предела уровню интеллекта, который был необходим для успешного' участия в социальной жизни, поскольку остальные ее участники приобретали интеллект с той же скоростью[21].

Люди могут пользоваться широким спектром поведенческих индикаторов, чтобы установить, обманывают ли их другие люди, и имеют

специальные неврологические механизмы, помогающие в процессе социального познания[22]. Ложь связана со многими физиологическими характеристиками — такими, как изменение тона голоса, отведенные глаза, потеющие ладони, учащенное сердцебиение и нервозность. Большинство участков коры головного мозга, отвечающих за зрение, используется для распознавания лиц — что важно, если вы пытаетесь определить, кто является родственником или кто выказывает вам расположение, так же как и для интерпретации выражений лица[23]. До сих пор компьютеры не при близились к человеческой способности интерпретировать тонкие изменения выражений лица или языка тела — этим можно объяснить, почему Интернет не способен заменить собой личные встречи во многих общественных ситуациях.

Помимо прямых наблюдений поведения других людей, наиболее важным источником информации о возможности доверять другим индивидам является их оценка третьим лицом, которое имело дело с ним или с ней — вид коллективной социальной памяти, которая заменяет итерированные взаимодействия при многих социальных контактах. В сущности, потребность посплетничать — передавать информацию об окружающих, оценивая их надежность и привлекательность в качестве супругов, деловых партнеров, учителей, соратников и т.д. — и способствовала развитию человеческого интеллекта как такового. Чтобы сплетничать, нужно обладать речью и языком, а этого нет у шимпанзе и других приматов, несмотря на все их социальные достижения. (Представьте себе, как шимпанзе мог бы передать следующую мысль: «Он довольно надежен в обычных ситуациях, но если дела пойдут туго, очень вероятно, что он подведет, а потом будет этим еще и похваляться»[24].)

Язык — орудие лжи, но также и средство ее обнаружения. Способность к речи является исключительно человеческим качеством и физически обеспечивается огромным объемом новой коры головного мозга, то есть той части мозга, которая развилась относительно недавно по эволюционному масштабу времени[25]. Помимо визуальных, существуют и вербальные сигналы того, что человек лжет. Наиболее важной и когнитивно трудной является способность оценить на основании знаний о прошлых поступках и поведении собеседника в настоящем его правдивость и надежность в будущем — делать суждения на основе, к примеру, внутреннего правдоподобия такого высказывания: «Я предлагаю вам особые условия сделки, которые слишком хороши, чтобы ее упустить...» При решении подобных проблем используется культурная информация («Не лучше ли отойти подальше от этого странно одетого типа: на улице

темно, время позднее...»). Однако способность получать и обрабатывать такую информацию является естественной.

Джон Л. Локк (нейрофизиолог, а не философ XVII века) указывает: то, что он называет «разговором по душам», является в действительности важнейшей и исключительно человеческой деятельностью[26]. Он считает, что люди разговаривают не столько для того, чтобы передать определенную информацию, сколько для установления социальных связей со своим собеседником. В этом смысле светская болтовня — о погоде, общих друзьях, личных проблемах — составляет основную массу разговоров, начиная с обществ охотников и собирателей и кончая сегодняшним постиндустриальным обществом, и существует прежде всего для включения людей в сеть социальных отношений и обязательств.

Джеффри Миллер утверждает, что именно когнитивные требования, связанные с ухаживанием — развлекать, быть остроумным, а также уметь обманывать и хорошо выявлять обман, — подтолкнули развитие новой коры головного мозга[27]. Мужчины и женщины постоянно играют в игры друг с другом: мужчина старается увеличить число своих сексуальных партнерш, а женщина ищет мужчину, наилучшим образом могущего обеспечивать ее и ее детей[28]. Мужчина имеет сильные побудительные мотивы притворяться, будто собирается обеспечивать ресурсы и хранить верность, в то время как на самом деле не собирается делать этого, а женщина имеет сильные побудительные мотивы к тому, чтобы раскрыть эту ложь. Женщина, с другой стороны, стремится быть уверенной, что отцом ее детей окажется мужчина с наилучшими генами, независимо от того, является ли он тем, кто обеспечивает ее экономически, в то время как мужчина хочет быть уверенным, что ему не наставляют рога и что он не тратит средства на воспитание чужого потомства. Безусловно, стремление избежать именно такого обмана является движущей силой многих социальных практик — женитьбы на девственницах, пояса верности, паранджи, затворничества, удаления клитора и различия в наказаниях во многих человеческих правовых системах за мужскую и женскую неверность[29]. Познавательные способности создания, которое сможет точно ответить на вопрос из песни «Но будешь ли ты любить меня завтра?», должны быть значительными.

Модульность мозга

Точка зрения Локка, согласно которой разум — это универсальный компьютер, наполняющийся данными лишь после рождения человека, была подвергнута серьезному сомнению и заменена совершенно другой идеей:

мозг — это набор специализированных модулей. Такие модули образовывались в результате специфических потребностей, связанных с воздействием окружающей среды на предков человека в то время, когда формировался мозг современного homo sapiens, и поэтому содержат врожденное знание, необходимое для решения проблем, поставленных окружающей средой. В отличие от Локка и Скиннера некоторые исследователи полагают, что младенцы имеют некоторое врожденное эмпирическое знание мира. Оказавшись, к примеру, в экспериментальной ситуации, из которой следует, что два объекта занимают одно и то же место в пространстве, они возбуждаются и беспокоятся, поскольку каким-то образом знают, что этого не может быть[30].

Наиболее известные модули мозга — это левое и правое полушария коры, которые выполняют частично специализированные, а частично совпадающие функции, функции, которые могут быть исследованы отдельно путем рассечения мозолистого тела — нервного узла, который соединяет оба полушария[31]. Существуют также специализированные модули речи, зрения, музыки, принятия решений и даже морального выбора.

Одной из наиболее интригующих работ о модулях мозга, которые могли бы быть специализированы на выполнение задач социального сотрудничества, является работа Джона Туби и Леды Космидес о так называемой задаче Васона. Задача Васона была разработана в 60-е годы для того, чтобы установить, смогут ли испытуемые логически опровергнуть содержащие условие утверждения («если... то...») при помощи перебора серии карточек, на которых написаны несколько возможных ответов. В оригинальной задаче Васона этот вид логического рассуждения оказался очень сложным для большинства людей, когда он касался абстрактных понятий; лишь 25 % протестированных людей были способны ответить правильно. Однако когда Туби и Космидес провели аналогичный тест, используя предложения, выражающие социальные отношения, коэффициент правильных ответов у испытуемых резко увеличился, то есть опровержение предложений типа «Вы можете пить пиво, если вам есть 21 год» или «Вы можете претендовать на определенные привилегии, если делаете отчисления в общественный фонд» гораздо легче выполнялись тестируемыми, чем предположения о привычных ситуациях, не заключающих в себе социальных обстоятельств (например, «Если кто-либо едет в Бостон, то он едет на метро»)[32]. Туби и Космидес считают, что эти результаты говорят о существовании специальной, возникшей в результате эволюции функции мозга для решения проблем социального сотрудничества типа «дилеммы заключенного».

Иррациональный выбор

Несмотря на то что эволюционная теория игр объясняет, почему популяция дьяволов не будет процветать, она не предсказывает, что мы станем настоящими ангелами. Скорее она предсказывает, что мы станем теми, кого Иммануил Кант называл «рациональными дьяволами», другими словами — дья волами, которые ведут себя высокоморально или альтруистически, потому что это в их собственных интересах. Настоящий ангел, согласно Канту, следовал бы правилу ради него самого, особенно в случаях, когда моральное поведение вредит собственным интересам. В диалоге Платона «Государство» Сократ описывает перстень Годеса, который делает надевшего его невидимым[33], и спрашивает: существовали бы какие-либо причины для того, чтобы мы поступали честно, если бы мы носили такой перстень и могли бы совершать преступления, будучи неуловимыми? Теория игр говорит нам: нет; вознаграждение — следствие наличия репутации честного человека, а не честности самой по себе. Экономист Роберт Фрэнк делает следующий шаг в теории, предполагая, что лучший способ завоевания репутации честного человека — фактически быть честным, так как люди, которые честны лишь по расчету, рано или поздно совершают ошибку и подрывают свою репутацию[34]. Однако в конечном итоге учитывается только производимое впечатление.

Даже самая совершенная теория игр не дает адекватной оценки морального поведения человека. Разумеется, мы хороши и действуем альтруистически в большинстве случаев не по расчету. Конечно, никто не станет утверждать, будто фармацевтическая компания, отозвавшая из продажи свой бракованный товар, действует так лишь по этическим соображениям, однако люди считают, что моральное поведение самоценно, и высказывают свое высочайшее одобрение не рациональным дьяволам, но настоящим ангелам. Не только Платон и Кант, фактически все серьезные философы задавались вопросом, являются ли моральные правила всего лишь инструментом, нужным для достижения определенных целей, или самоцелью. Даже если мы решим, что они инструменты, тот факт, что мы постоянно спорим по этому поводу, означает, что моральное поведение имеет особый статус в человеческой психике.

Ранее я высказывал предположение, что эволюционная теория может объяснить происхождение взаимного альтруизма у людей и что многое из того, что мы называем моральным поведением, включает в себя неединовременный двусторонний обмен благами, который в конечном счете идет на пользу тем, кто в нем участвует. Но все-таки люди

настаивают также на существовании чистых форм альтруизма, даже если он проявляется лишь в редких случаях. Отражает ли это, как утверждали бы Кант и Гегель, тот факт, что люди на самом деле являются моральными существами, поступки которых не определяются биологией? Или существует эволюционное основание для строгого соблюдения правил, даже когда это идет во вред возможности выживания индивида?

Последние достижения нейрофизиологии могут помочь в объяснении вопроса, почему моральное поведение человека — создание правил и следование им — является гораздо более сложным, чем рациональный выбор на основании теории игр, так любимой экономистами. То, что экономисты называют предпочтениями, а остальные относят к желаниям, побуждениям и т.п., порождается лимбической системой — древней частью мозга, включающей гиппокамп и миндалину мозжечка. Лимбическая система ответственна за эмоции, и гипоталамус взаимодействует непосредственно с эндокринной системой, которая путем изменения выделения гормонов регулирует температуру тела, частоту сердцебиения и т.п.[35] Рациональный выбор, с другой стороны, — упорядочение и сравнение имеющихся альтернатив и выбор оптимальной — происходит в новой коре головного мозга, эволюционно молодой части мозга, появившейся у млекопитающих и отвечающей за сознание, язык и т.п.

Экономист сказал бы, что лимбическая система предлагает предпочтения, а кора головного мозга ищет стратегии их удовлетворения в соответствующем теории игр рациональном процессе. Такому взгляду противоречит тот факт, что эмоции, по-видимому, играют значительно большую роль в ра циональном выборе, чем предполагает данная модель, как это показано в работе Антонио Дамасио — нейрофизиолога, посвятившего себя изучению пациентов с повреждениями лобных долей коры головного мозга". Наиболее известным из этих пациентов был железнодорожный рабочий по имени Финеас Гэйдж, с которым в 1840-х годах случился ужасный несчастный случай: его ранил железный прут полуторадюй-мовой толщины, пройдя от щеки до верхней части черепа. Гэйдж чудом выжил, но его личность резко изменилась. Если раньше он был скромным и трудолюбивым, то после несчастного случая стал нечестным и совершенно безразличным к тому впечатлению, которое его поведение производило на других людей. Он не мог удержаться на постоянной работе, провел остаток жизни, выступая в сомнительных представлениях, и в конце концов умер в нищете.

И Финеас Гэйдж, и пациенты с повреждениями лобных долей коры головного мозга, изучавшиеся Дамасио, проявляли схожие свойства[37]. Они оставались способными к рациональному выбору в том смысле, что могли

анализировать ситуацию, определять возможные альтернативные способы действий и сравнивать их друг с другом, но не обладали инициативой и не могли сделать выбор между альтернативами, которые проанализировали. Более того, они теряли то, что может быть описано только как их моральное чувство: способность сочувствовать другим людям, и, как Гэйдж, становились безразличны к воздействию своих поступков на других людей. Эллиот, пациент Дамасио, не проявлял никакой эмоциональной реакции, когда ему показывали пугающие отвратительные или эротические картинки. Он мог рационально рассуждать о том, какое воздействие они могли бы оказать на других людей, но сам оставался совершенно отстраненным.

Дамасио утверждает, что процесс рационального выбора наполнен эмоциями, не только являющимися источником предпочтений. Люди остро чувствуют воздействие своего поведения на других. Ведомые чувствами симпатии или смущения, они постоянно меняют свои действия с учетом чувств других людей. Здесь нет рационального расчета — ни Финеас Гэйдж, ни Эллиот не смогли успешно иметь дел с окружающим их социальным миром, поскольку стали, по сути, всего лишь расчетливо ищущими наиболее выгодный способ действий существами.

Дамасио полагает, что мозг создает многочисленные соматические маркеры — ощущения эмоциональной привлекательности или отвращения, которые помогают мозгу находить короткий путь при рассмотрении многих возможных вариантов. Когда мыслительный процесс достигает соматического маркера, расчет прекращается и принимается решение. Исследователь приводит пример предпринимателя, который пытается решить, иметь ли дело с заклятым врагом своего лучшего друга. Подход к этой проблеме с точки зрения только рационального выбора неизбежно влечет за собой огромный объем вычислений того, что экономисты называют «ожидаемой ценой» сделки с данным клиентом, а также того, как сделка отразится на дружеских отношениях. Кроме того, существует большое количество возможных стратегий — например, постараться скрыть новые отношения от друга или попробовать заручиться его одобрением до заключения сделки. Соматические маркеры позволяют сделать принятие решения значительно более легким благодаря эмоциональной реакции на определенный возможный выбор и исключению из дальнейшего рационального рассмотрения альтернатив: например, предпринимателю бывает достаточно представить себе выражение лица друга, когда тот узнает о новом клиенте.

Другими словами, человеческий разум помечает соматическими маркерами нормы и правила, которые сначала были всего лишь побочными

продуктами рационального расчета[38]. С этой точки зрения, мы следуем нормам не потому, что для нас это выгодно, а потому, что следование нормам становится самоцелью благодаря выраженному эмоциональному отклику. То, что раньше могло выступать в качестве средства для достижения цели, теперь становится даже более значимым, чем сама цель. Мы все знакомы с людьми, которые одержимы идеей следования простым поведенческим правилам — таким, как не предавать друга, даже если это вредит и им, и обществу, в котором они живут. Пьеса Шекспира «Мера за меру» построена на моральной дилемме, с которой сталкивается Изабелла, отказывающаяся поступиться своим целомудрием даже ради спасения жизни брата. Нет сомнения в том, каким бы был результат чистого утилитарного расчета в этом случае.

Эмоции, в наибольшей мере связанные со следованием нормам, суть те же, что и связанные с конкуренцией за статус и признание, — гнев, вина, гордость и стыд. Люди часто действуют в ущерб собственным материальным интересам из-за гнева по поводу чьего-либо грубого нарушения свято хранимого правила или из-за вины по поводу своего собственного нарушения такой нормы. Мы можем проиллюстрировать эмоционально значимую природу правил, задавшись вопросом, почему люди следуют тому, что Аксельрод называет «мета-нормами». Обычная норма прямо регулирует социальную кооперацию («разделите наследство между братьями поровну»), в то время как метанорма имеет дело с правильными способами определения, провозглашения и осуществления обычных норм («гармоничное общество легче всего создать, опираясь на конфуцианское учение»; «люди должны уважать авторитет полиции»)[39]. Все члены общества заинтересованы в соблюдении обычных общепринятых норм, потому что это в их собственных интересах. Если я не побеспокоюсь о том, чтобы мой брат следовал правилам наследования, я могу лишиться своей части наследства. Однако рационально мыслящие люди теоретически должны не особенно интересоваться выполнением метанорм. Метанормы являются тем, что экономисты называют общественным товаром: индивиду весьма сложно понять, какую выгоду дает ему их соблюдение, следовательно, частные лица едва ли могут иметь для этого сильные побудительные мотивы.

И все же люди прилагают максимум усилий, чтобы обеспечить следование метанормам или, проще говоря, чтобы добиться справедливости — даже в тех ситуациях, когда у них нет прямой заинтересованности в результате. Они проявляют, другими словами, то, что биолог Роберт Трайверс называет «морализаторской агрессией»[40]. Свидетельством тому служат толпы, вышедшие на улицы с протестом против того, что они

считали несправедливым приговором, когда О.Дж. Симпсон был оправдан судом в Лос-Анджелесе. Конечно, они делали это не из прямой заботы о собственных интересах: люди вовсе не думали, что Симпсон нападет на них с ножом, если не будет отправлен в тюрьму. В моделировании теорией игр решения «дилеммы заключенного» возможность обмана рассматривается в качестве одной из альтернативных стратегий, которой можно следовать или не следовать в зависимости от того, как рассчитываются исходы возможных результатов взаимодействия. В реальном мире обман никогда не бывает эмоционально или морально нейтральным выбором. Почти каждый язык полон уничижительных терминов для отступников — «предатель», «штрейкбрехер», «неблагодарный» и «ренегат». В то время как слова имеют конвенциональную природу, эмоции, связанные с ними — злоба и стыд, — естественную.

Люди злятся не только на других, если те нарушают правила; они также могут испытывать злость или разочарование и в свой адрес. Такую эмоцию мы называем виной. Люди часто чувствуют свою вину за вещи, которые они вполне способны оправдать рационально: я не помог бездомному, который просил у меня денег, потому что он потратил бы их на алкоголь и наркотики; пусть я обманул страховую компанию, предъявив фальшивый иск, но эта большая фирма и она не обратит на это внимания, и в любом случае они рассчитывают на то, что люди преувеличивают свои потери. В терминах теории игр нет смысла так уж волноваться из-за нарушения нормы, которое было лишь результатом рационального расчета, и все же нормы имеют такое сильное эмоциональное воздействие, что мы называем людей, которые оценивают свой личный интерес абсолютно рационально, психопатами, а не нормальными людьми.

Казалось бы, люди и их предки-приматы разыгрывают друг с другом «дилемму заключенного» в течение сотен тысяч, если не миллионов лет, стремясь к сотрудничеству с другими и становясь все более чувствительными к постоянно увеличивающейся способности своих компаньонов обманывать. Поскольку соблюдение метанорм весьма полезно в решении проблем сотрудничества, у нас, по-видимому, развились специализированные эмоции, заставляющие индивидов производить этот общественный товар на добровольных началах.

Роберт Фрэнк выдвигает другую причину того, что эмоции стали так тесно связаны со следованием нормам в ходе эволюции мозга человека. Эмоции служат для решения проблемы доверия в одноходовой ситуации «дилеммы заключенного». Традиционно считается, что такая дилемма не имеет решения, выражающегося во взаимном доверии, если только стороны

не могут каким-то образом связать друг друга обязательствами заранее, что просто трансформирует игру в другую — как можно осуществить передачу соответствующей информации. Фрэнк доказывает, что эмоции служат для утверждения индивида в выборе, который нарушает его краткосрочные интересы, но служит долгосрочным — путем демонстрации доверия[41]. В «игре ультимативных переговоров» первый игрок получает $ 100 для того, чтобы разделить их между собой и вторым игроком. Если они не договариваются о дележе, то никто вообще не получает денег. Рациональной стратегией для первого игрока было бы взять себе $ 99 и дать второму игроку $ 1, так как второй игрок скорее предпочтет получить $ 1, чем совсем ничего. Но оказывается, когда играют реальные люди, первый игрок почти всегда предлагает делить деньги практически поровну, потому что он предполагает, что дележ 99 к 1 будет (и на самом деле обычно и бывает) сочтен вторым игроком унизительным, и поэтому последует отказ. Другими словами, гордость второго игрока, проявляющаяся в отказе от неравного дележа, увеличивает вероятность для него более благоприятного исхода и тем самым служит его долгосрочным интересам. Фрэнк замечает далее, что эмоции контролируют многие физиологические феномены — такие, как раздувающиеся ноздри и тяжелое дыхание, — которые говорят другим людям об обоснованности или необоснованности доверия.

Мозг имеет не только внутренние механизмы для обнаружения обмана и для оценки социальных взаимодействий; в нем также существует эмоциональная структура, созданная для наказания обманщиков даже в ущерб непосредственным интересам. Поэтому утверждение, что люди по своей природе социальные животные, *не означает* их врожденного миролюбия, готовности к взаимодействию, честности, поскольку нет сомнений, что они часто жестоки, агрессивны и лживы. Скорее это значит, что у них есть специальные возможности для обнаружения отступников и мошенников и умение соответствующим образом с ними обходиться, равно как и склонность к общению с нацеленными на сотрудничество и следующими моральным правилам. В результате люди приходят к нормам сотрудничества гораздо легче, чем это предсказывали более индивидуалистические гипотезы относительно человеческой природы.

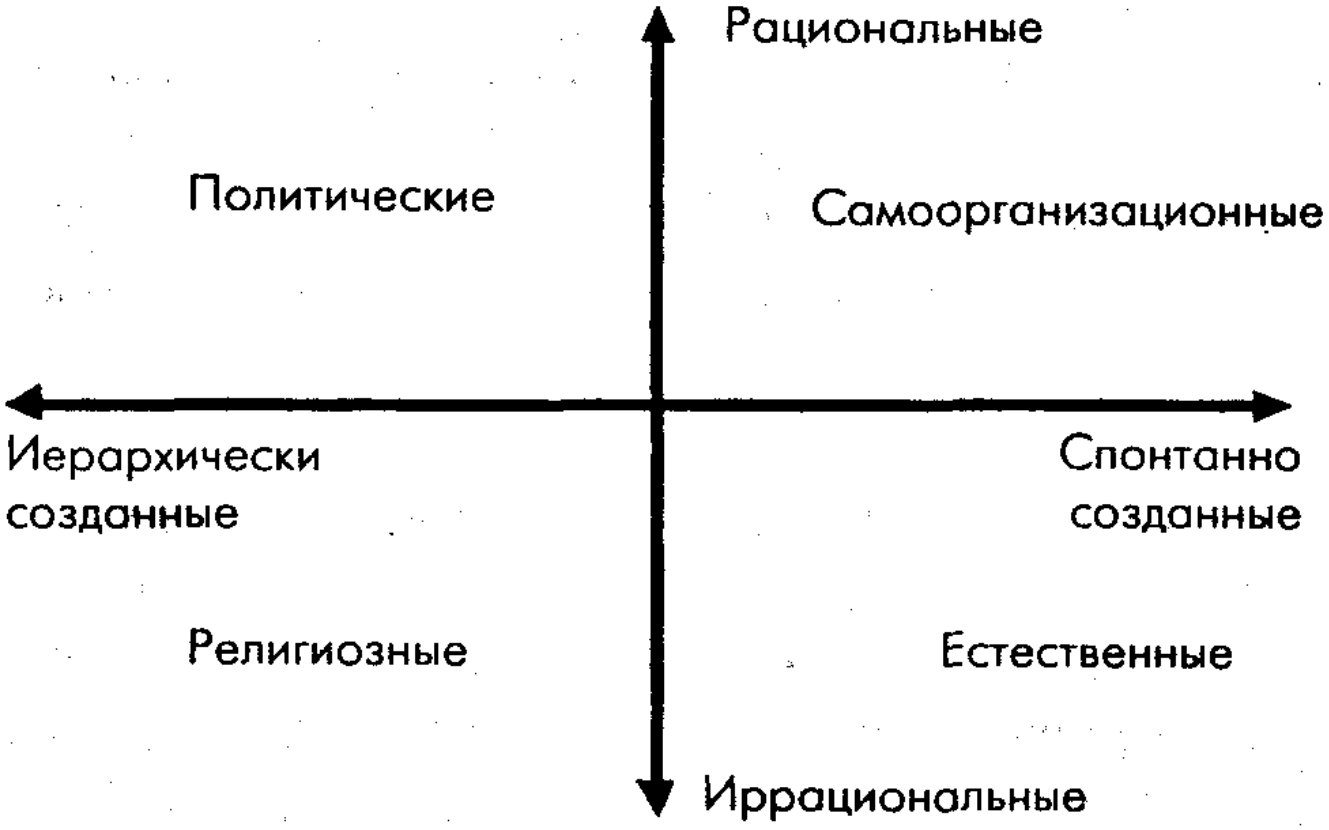
Глава 11
Самоорганизация

Биология человека создает предпосылки к решению проблем коллективных действий, но отдельные нормы и мета-нормы, которым

следует данная группа индивидов, являются культурным выбором, а не результатом действия природы, точно так же как конкретный язык, которым они владеют, зависит от культуры, в которой они родились, хотя предрасположенность к овладению языком является врожденной. Поэтому необходимо рассматривать не познавательные и эмоциональные структуры, универсальные для всех людей, а конкретные нормы, которые были порождены и развиты человеческими сообществами.

Чтобы сделать это, мы должны обратиться к двум отдельным проблемам — как вообще создаются нормы и как они развиваются после того, как были созданы. Четыре квадранта схемы 11.1, основанные на схематической системе норм, рассмотренной в главе 8, очерчивают четыре способа создания норм. Они могут возникать как результат рационального и иерархического выбора, как в случае американской конституции; они могут происходить из иррационального и иерархического источника, подобно тому как Моисей получил десять заповедей на горе Синай; они могут быть результатом рациональных и спонтанных переговоров, как в случае «грузиков» или неписаного закона в англосаксонской правовой традиции; или они могут возникать спонтанно из иррациональных источников, как в случае табу на инцест или народных религий. Несколько упрощая, мы можем описывать эти квадранты как политический, религиозный, самоорганизационный и естественный. Было бы безрассудным и эмпирически необоснованным делать какие-либо обобщения относительно важности каждого из этих квадрантов в создании новых норм, кроме того, что каждый из них составляет нетривиальную группу.

Схема 11.1
Вселенная норм, 2



Можно предположить, как это делают многие, что, когда общества модернизируются, все меньше норм создается в нижних квадрантах, а все больше — в верхних, и в частности, в верхнем левом (властью правительства). Термины, которые классически ассоциируются с модернизацией такими теоретиками, как Мейн, Вебер, Дюркгейм и Теннис, — рационализация, бюрократизация, переход от статуса к контракту и от общины (Gemeinschaft) к обществу (Gesellschaft) — свидетельствуют, что формальная, рациональная легальная власть, часто облеченная в форму государства, становится главным источником порядка в современных сообществах. Однако тот, кто пытался пробраться сквозь толщу неписаных законов относительно существующих в США современных взаимоотношений полов на рабочем месте или в учебном заведении, знает, что неформальные нормы не исчезли из жизни и маловероятно, что они исчезнут в будущем.

Кодифицируют ли формальные законы существующие социальные практики или они играют роль в образовании морали? Каждая точка зрения имеет своих сторонников. Теоретик права Роберт Элликсон называет «легальными периферистами» тех, кто рассматривает формальный закон в качестве отражения неформальных норм, а тех, кто признает закон в

качестве решающего фактора для оформления норм, — «легальными нейтралистами»'. Анализ того, откуда берутся нормы, окрашен сильными идеологическими предпочтениями, которые имеются у людей относительно того, откуда они *должны* браться. То, что государство должно отмереть и быть заменено не гоббсовской войной всех против всех, а мирным сосуществованием, основанным на добровольном соблюдении неформальные социальных норм, является голубой мечтой анархистов XIX века, хиппи 1960-х годов, радикальных сторонников свободы воли — противников правительства справа и техно-либералов слева. Лучший вид порядка, другими словами, — спонтанный порядок. В противоположность этому, существует множество людей с левыми взглядами, считающих неформальные нормы пережитком элитарист-ского, буржуазного, расистского или сексистского прошлого и желающих использовать формальную иерархическую власть государства для переделки индивидов по тому или иному образцу (например, «новый советский человек» или феминизированный, заботливый современный мужчина). Их оппоненты справа рассчитывают на иерархическую религию для достижения сходных результатов.

Так как люди скорее бывают осведомлены о нормах, исходящих от иерархической власти, чем о «распространяющемся порядке человеческого сотрудничества» Хайека, может быть полезно более внимательно изучить два квадранта на правой стороне схемы 11.1, чтобы понять влиятельность и границы спонтанного порядка. *Самоорганизация* стала притчей во языцех не только среди экономистов и биологов, но и среди гуру информационных технологий, специалистов по управлению, а также преподавателей бизнес-школ, многие из которых зарабатывают на жизнь, советуя организациям отказаться от иерархии и организовать себя «биологически», то есть посредством сильно децентрализированных форм добровольной кооперации[2]. Однако хотя самоорганизация является важным источником социального порядка, она может стать реальностью только при определенных условиях и не является универсальной формулой для достижения координации в человеческих группах.

Естественный отбор действует слепо; хотя результатом его является приспособление, сам процесс часто расточителен. Процесс создания человеческих норм может происходить в равной степени слепо. Как мы видели, табу на кровосмешение развилось, по-видимому, из иррационального и естественного отвращения к инцесту. Мы полагаем, что многие народные обычаи не были ни иерархически заданы, ни рационально оговорены, но начали существовать просто потому, что какой-то культурный герой решил, к примеру, относиться к скале как к источнику

охотничьей удачи, в результате чего почитание скалы распространилось на все племя. Даже применительно к современной экономике не обязательно всегда можно считать, что организации вводят новшества на рациональных основаниях; они часто изменяют свои технологии или внутреннюю организацию случайно и надеются, что это сработает. Конкуренция в длительной перспективе автоматически уничтожает худшие варианты[3].

Создание людьми норм тем не менее часто является делом более сложным и целенаправленным, нежели случайная генетическая мутация. Хотя нормы могут создаваться на псевдослучайной основе, чаще они являются результатами эксплицитных переговоров и сделок. Большинство теоретических и практических исследований спонтанного возникновения порядка за последние годы связано с экономикой и смежными дисциплинами — такими, как экономическое право и экономическая теория рационального выбора. Многие ранние исследования в этой области касались происхождения норм, регулирующих права собственности[4]. Так называемые общественные ресурсы, которыми пользуются все члены сообщества — луга, водоемы для ловли рыбы, леса, подземные воды, воздух, которым мы дышим, — представляют особенно сложную проблему для сотрудничества, поскольку являются объектом того, о чем Гарретт Хардин говорил как о «трагедии общего»[5]. Такие общие ресурсы являются общественным имуществом, которое может использоваться группой людей безотносительно от индивидуального вклада в их создание или поддержание, — или, иначе говоря, они оказываются объектами для позитивных и негативных воздействий (индивид, который запускает мальков форели в реку, приносит выгоду не только себе самому, но и любому другому, кто рыбачит здесь; и наоборот, он может загрязнить реку и заставить расплачиваться за это все остальное сообщество).

«Трагедия общего» — это фактически расширенная на многих участников игра в решение «дилеммы заключенного», где каждый имеет выбор между содействием сохранению общественных ресурсов (сотрудничество) и их использованием только в собственных интересах (мошенничество). В отличие от «дилеммы заключенного» с участием двух игроков проблема хищнического использования общих ресурсов не может быть легко решена при помощи простой инерации, особенно если размер группы сотрудничающих людей оказывается большим. В более крупных группах такого человека намного сложнее обнаружить. Проблема хищнического использования общественных ресурсов является объектом пристального внимания экономистов и других специалистов в области социальных наук на протяжении жизни последнего поколения, поскольку и

ней видят ключ к решению более широкой проблемы происхождения человеческого сотрудничества[6].

Хардин доказывает, что «трагедия общего» ведет к социальной катастрофе — когда из морей выловлена вся рыба, а луга вытоптаны скотом. Проблема распределения общественных ресурсов может быть решена, согласно ему, только иерархической властью — возможно, государством или даже наднациональным регулятивным органом[7]. Пример, который он приводит, — перенаселенность, с которой приходится бороться с помощью жестких мер по ограничению рождаемости, поскольку стремление родителей иметь детей приводит к истощению ресурсов планеты. Экономист Манкур Олсон доказывает в своем классическом исследовании, что проблема сохранения общественных благ может быть решена либо при помощи иерархического метода Хардина (принудительных государственных мер, направленных на то, к примеру, чтобы заставить людей платить налоги), либо усилиями одного пользователя, намного более крупного, чем все остальные, который готов обеспечивать воспроизводство общественных благ в одностороннем порядке и допускать эгоистическое использование их, потому что блага равно необходимы всем[8].

В противоположность этому иерархическому подходу к происхождению норм некоторые экономисты предлагают более спонтанный процесс. Простое решение заключается в том, чтобы приватизировать общественные ресурсы. Экономист Говард Демзец доказывает, что в результате «интернализации экстернальностей» — то есть в результате превращения общественной собственности в частную — собственники получат стимул защищать ее[9]. У индейцев полуострова Лабрадор в начале XVIII века сложился, как он утверждает, именно такой паттерн. Дуглас Норт и Роберт Томас применили тот же метод для объяснения возникновения прав собственности в Европе на протяжении продолжительного периода — с 1000-го по 1800 год[10]. Трудность заключается в том, что многие общественные ресурсы и общественные блага нельзя превратить в частную собственность, поскольку они двигаются (как воздух и рыба) или не могут быть с легкостью разделены между собственниками (как авианосцы и ядерное оружие).

Первоисточником всей области экономического права была часто цитируемая статья экономиста Чикагского университета Рональда Коуза «Проблема социальных расходов», в которой он доказывает, что если расходы на ведение переговоров равны нулю, то изменение в формальных правилах, устанавливающих ответственность, не будет иметь влияния на распределение ресурсов". Иначе говоря, если переговоры между частными

лицами бесплатны, то для правительства необязательно вмешиваться для обуздания тех, кто загрязняет окружающую среду или является виновником других негативных последствий, потому что те, чьи интересы задеты, будут иметь рациональную причину для того, чтобы организоваться и откупиться от нарушителя. Пример, который Коуз использует для иллюстрации, — это конфликт между скотоводами и земледельцами по поводу вытаптывания стадами полей. Государство может вмешаться, чтобы сделать владельцев ранчо ответственными перед законом за тот ущерб, который причиняет их скот, но Коуз указывает, что фермеры имели бы стимул просто заплатить владельцам ранчо, чтобы те предотвратили ущерб. Нормы социального регулирования, другими словами, будут возникать из взаимодействий преследующих свои интересы индивидов и не должны устанавливаться законодательно или формальными инструкциями.

Трудность применения теоремы Коуза к реальной жизненной ситуации заключается в том, что расходы на ведение переговоров почти никогда не равны нулю. Обычно частным лицам приходится нести определенные расходы для того, чтобы выработать соглашение друг с другом, особенно если один из них значительно богаче или могущественнее, чем другой. С другой стороны, расходы на ведение переговоров достаточно низки во многих случаях, так что экономистам удалось выявить множество любопытных примеров самоорганизации, когда социальные нормы были созданы благодаря процессам, идущим снизу вверх. Роберт Сагден описывает правила дележки плавника на английских пляжах, где тот, кто пришел первым, первым и пользуется добычей, но только если это касается умеренного количества[12]. Роберт Элликсон приводит много примеров спонтанных экономических правил. Американские китобои XIX века, к примеру, сталкивались с потенциальными конфликтами тогда, когда кит, которого загарпунили с одного судна, освобождался и затем захватывался и продавался другим судном, которое не тратило времени и сил на охоту за ним. Китобои создали обширный набор неформальных правил для регулирования подобных ситуаций и справедливого дележа добычи[13]. Собственные полевые исследования Элликсона показывают, что владельцы ранчо и фермеры графства Шаста в Калифорнии действительно выработали неформальные нормы для защиты своих интересов — как это и предсказывал Коуз[14].

Большое количество литературы, посвященной спонтанному возникновению порядка, имеет тенденцию ограничиваться примерами и не дает правильного понимания того, как часто новые нормы действительно создаются децентрализованным способом. Исключение составляет работа

Элинор Остром, которая описала более пяти тысяч случаев использования общественных ресурсов: достаточно, чтобы сделать эмпирически обоснованные обобщения[15]. Ее основной вывод заключается в том, что человеческие сообщества разных времен и народов находят выход из «трагедии общего» намного чаще, чем это обыкновенно предсказывается. Многие из этих решений не включают ни приватизацию общественных ре сурсов (решение, пользующееся популярностью у многих экономистов), ни государственное регулирование (решение, которое обычно предлагают неэкономисты). Сообщества оказываются способными рационально создавать неформальные (а иногда и формальные) правила использования общих ресурсов таким образом, который справедлив и одновременно не ведет к их преждевременному истощению. Эти решения облегчаются при том же условии, которое делает решаемой двустороннюю «дилемму заключенного», — при итерации. Другими словами, если люди знают, что им предстоит и дальше жить в ограниченном сообществе, где постоянное сотрудничество будет вознаграждено, они проявляют заинтересованность в собственной репутации, как и в контроле и наказании тех, кто нарушает правила сообщества.

Многие из примеров правил относительно распределения общественных ресурсов, которые приводит Остром, относятся к традиционным сообществам в доиндустриальном обществе, однако самоорганизация встречается и в развитом обществе. Один из ее примеров повествует о распределении между собой источников подземных вод различными общинами в южной Калифорнии[16]. Эти ресурсы могли бы выделяться иерархической властью высшего уровня — такой, как федеральное правительство, — но Остром показывает, что местные округа и города, договариваясь друг с другом через судебную систему, оказались способны установить справедливые правила распределения ресурсов без их истощения. То, что не все графства южной Калифорнии смогли достичь такого соглашения, показывает, однако, что нельзя всегда полагаться на самоорганизацию.

В дополнение к разрозненным примерам из жизни фермеров, китобоев, рыбаков и других сообществ, распределяющих общие ресурсы, можно обнаружить самоорганизацию даже на современных высокотехнологичных рабочих местах. Корпорации начала XX века, а также принадлежавшие им фабрики и конторы были бастионами вертикальной, иерархической власти, контролирующей тысячи рабочих через систему жестких правил в крайне авторитарной манере. То, что мы видим, однако, на многих современных рабочих местах является противоположным — формальные, ограниченные правилами,

иерархические отношения по вертикали заменяются горизонтальными, дающими подчиненным большие полномочия, или неформальными сообществами. На подобных рабочих местах координация действий возникает скорее снизу, а не оказывается навязанной сверху, и базируется на разделяемых нормах или ценностях, которые позволяют индивидам работать вместе для достижения общих результатов без формального руководства. Они основаны, другими словами, на социальном капитале, который становится все более важным по мере возрастания сложности и технологической интенсивности экономических процессов.

Глава 12
Технология, сети и социальный капитал

Конец иерархии?

Макс Вебер утверждал, что рациональная иерархическая власть в форме бюрократии является квинтэссенцией современности. Однако вместо этого в конце XX века мы наблюдали, как бюрократическая иерархия приходит в упадок и в политике, и в экономике, а ее место занимают менее официальные самоорганизующиеся формы взаимодействия.

Политической версией иерархии было авторитарное или, в более экстремальной форме, тоталитарное государство, в котором диктатор или небольшая элита, стоящая во главе, обладали властью над всем обществом. Авторитарные государства всех типов — от Испании Франко и Португалии Салазара до Восточной Германии и Советского Союза — претерпевают радикальные изменения начиная с 1970-х годов. Им на смену приходят если не хорошо функционирующие демократии, то по крайней мере государства, которые готовы допускать высокий уровень политического соучастия населения.

Сами демократии также организованы иерархически. Президент США в настоящее время в некоторых отношениях имеет больше власти, чем о том мог бы мечтать восточный деспот, включая возможность уничтожить большую часть мира при помощи ядерного оружия. Разница не столько в иерархии, сколько в том факте, что власть в демократическом обществе делается законной благодаря народному согласию и ограничена в своих правах относительно индивидов. Демократическим иерархиям присущи те же несовершенства, что и их авторитарным аналогам, и в результате фактически все современные демократии испытывают сильное давление, направленное на децентрализацию, федерализацию, приватизацию и делегирование власти.

Корпоративные иерархии также находятся под ударом. Известные случаи неудач больших, чрезмерно иерархических и негибких компаний — AT&T и IBM, в начале 80-х годов начавших сдавать позиции более мелким, быстрым и гибким конкурентам, стали классическим примером этого. Профессора бизнес-школ, консультанты по управлению и специалисты по информационным технологиям все подчеркивают достоинства сильно децентрализованных фирм, и некоторые утверждают, что в наступающем веке большие иерархические корпорации уступят место новой форме организации — сетям.

Централизованные авторитарные корпорации терпят неудачи по тем же причинам, что и централизованные и авторитарные государства, — они не справляются с информационными потребностями стремительно усложняющегося мира, в котором живут. Не случайно, что иерархичность начала давать сбои именно в тот момент, когда общества по всему миру совершали переход от индустриальных способов производства к высокотехнологичным и информационным.

Трудности, которые приходится преодолевать централизованным иерархиям в отношении информации, описаны в классической статье Фридриха фон Хайека еще пятьдесят лет назад. Сама статья основана на критике социализма Людвигом фон Мизесом. Чтобы контролировать все в своих владениях, авторитарный правитель нуждается в информации и знаниях, необходимых, чтобы принимать решения. В сель скохозяйственном обществе, где лорды правили крестьянами, навыков верховой езды, владения мечом и некоторых знаний политики, а также благословения местного епископа было, видимо, достаточно для обеспечения монополии на власть. Однако с развитием и усложнением экономики информационные потребности управления росли экспоненциально. Современная власть нуждается в технологических знаниях, которыми ни один из правителей не может надеяться владеть в полной мере; таким образом, он должен во всем полагаться на технических экспертов — от создания оружия до управления налоговой системой. Более того, подавляющий объем информации, касающейся экономики, по своей природе является местным. Если некто поставляет заклепки плохого качества, то именно заклепщик знает об этом, а не чиновник в министерстве или вице-президент корпорации в главном офисе[2].

Но делегирование власти вниз — техническим экспертам или тем, кто имеет доступ к информации о ситуации на местах — начинает ослаблять власть диктатора. Подобный процесс имел место в СССР и был одной из причин, почему социалистическая система там рухнула. Сталин полагался на технических экспертов — так называемых «красных

директоров», — так же как и на множество ученых, инженеров и других специалистов[3]. Он управлял ими с помощью страха (прославленный авиаконструктор Туполев разрабатывал самолеты, находясь в тюремной камере), однако его преемникам делать это было все труднее. Технические эксперты могли утаивать знания и торговаться с теми, в чьих руках находилась политическая власть. Это давало им автономию и тем самым свободу думать самостоятельно. Кроме того, несмотря на тот факт, что все решения относительно цен и перемещения материалов теоретически принимались в московском министерстве, у центра не было возможности отслеживать всю информацию, возникавшую на периферии. В результате чиновники более низкого ранга — провинциальные партийные секретари и директора предприятий, — находившиеся ближе к местным источникам информации, начали забирать в свои руки значительную власть. Ко времени Горбачева, наступившему в 80-х годах, тоталитарная модель власти потерпела неудачу.

Такой же процесс имеет место в компаниях, где директора обладают подобной авторитарной властью над подчиненными. Некоторые директора, особенно предприниматели в первом поколении, которые построили свои компании с нуля, стремятся контролировать все, что происходит в их компаниях, и относятся к подчиненным так, как будто те являются роботами, созданными для выполнения их приказов. Однако по мере того как их компании становятся больше и проблемы, с которыми они сталкиваются, усложняются, этот вид принятия решений оказывается слишком негибким, а начальник становится «узким местом». Предприятия не меньше, чем правительства, нуждаются в передаче власти экспертам и тем, кто принимает решения, находясь ближе к источникам частной информации. Некоторые современные специалисты по управлению представляют дело так, будто идеи децентрализации и наделения властью подчиненных являются новыми, но историк экономики Альфред Чандлер показал, что большие фирмы передавали власть на более низкие уровни организации на протяжении по крайней мере последних ста лет[4]. Большие, имеющие много подразделений фирмы — такие, как «Дженерал Моторс» и «Дюпон Кемикл» — были организованы иерархически, но все же децентрализованы в управленческой сфере, если их сравнивать, скажем, с маленьким семейным предприятием.

Проблемы, встающие перед большими иерархическими организациями, вовсе не являются тривиальными, и следует ожидать, что передача власти и ответственности в них будет продолжаться и дальше. Однако тогда возникает новая проблема — как координировать действия всех игроков в децентрализованной организации, в которой сотрудники

низшего звена недавно получили власть. Одним из решений является рынок, где не управляемые централизованно покупатели и продавцы достигают эффективного результата. Мания «внешних источников» в американском бизнесе в 90-х годах — это попытка заменить иерархический контроль рыночными отношениями. Однако рыночный обмен порождает расходы на ведение переговоров, и в любом случае предприятия не могут организовать свои основные функции таким образом, чтобы разные подразделения взаимодействовали по принципу «все конкурируют со всеми».

Другим решением проблемы координации сильно децентрализованных организаций является сеть — форма спонтанного порядка, который возникает в результате действий децентрализованных агентов, а не создается какой-либо централизованной властью. Чтобы сети действительно были способны преуспеть в создании порядка, они неизбежно должны зависеть от неформальных норм, занимающих место формальной организации, — другими словами, от социального капитала.

Происхождение сетей

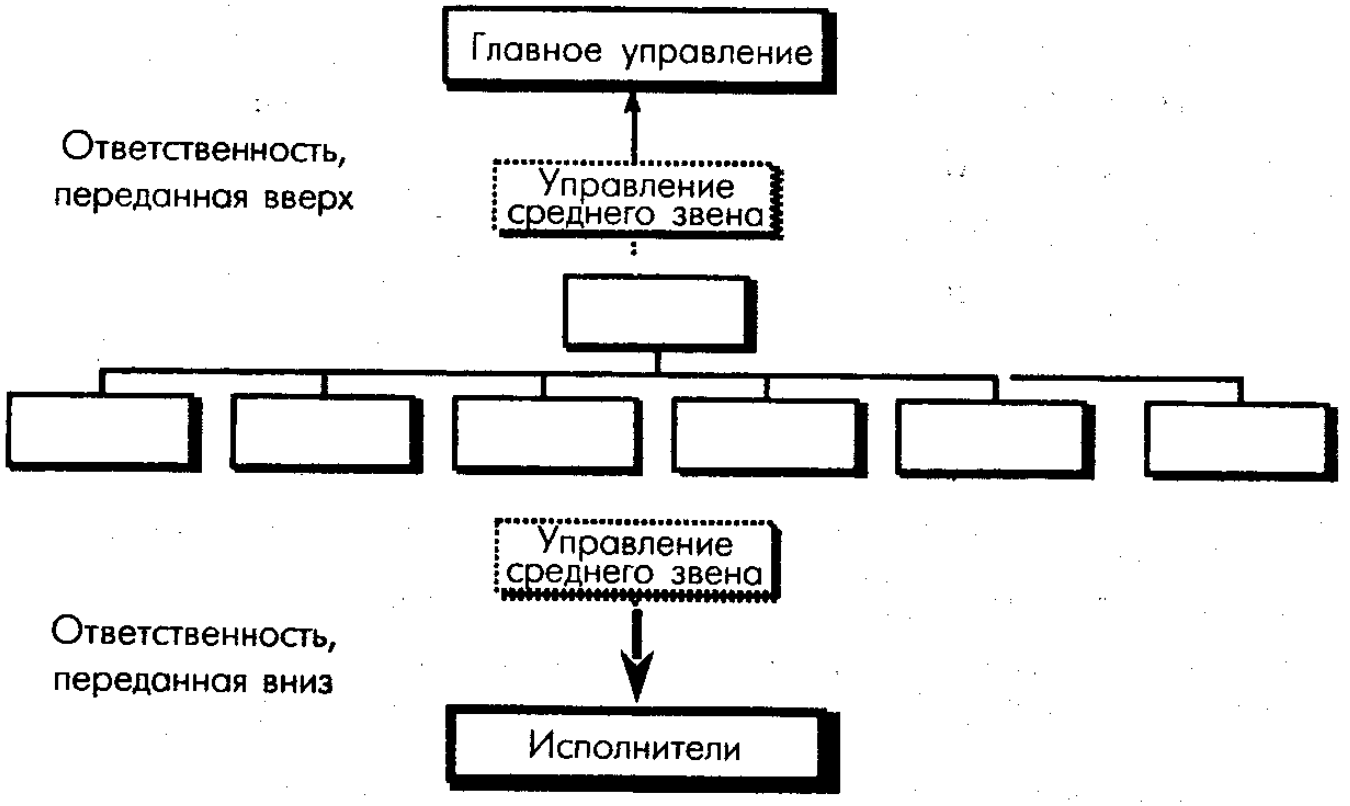
Классическая теория предприятия, заложенная Рональдом Коузом в 1937 году, утверждает, что иерархии существуют из-за существования расходов на ведение переговоров[5]. Сложная деятельность — такая, как производство автомобилей — может теоретически осуществляться небольшими децентрализованными фирмами, заключающими друг с другом контракты на производство комплектующих, и отдельными компаниями, разрабатывающими дизайн, интеграцию систем и маркетинг. Причина, почему автомобили производятся не таким образом, а гигантскими, с вертикальной структурой предприятиями, заключается в том, что стоимость всех переговоров, контрактов и судебных издержек, необходимых для взаимодействия с внешними поставщиками, намного больше, чем стоимость самостоятельного осуществления всех операций видов деятельности, когда фирмы могут контролировать все внутренние поставки при помощи управленческих приказов[6].

Существует обширная литература о происхождении сетей как промежуточной формы организации между традиционным рынком и иерархиями, которая считается более подходящей для развития технологии, чем большие иерархические организации[7]. Томас Мэлоун и Джоан Йейтс доказывают, что появление дешевой и общедоступной информационной технологии должно уменьшить стоимость ведения переговоров, необходимых при рыночных отношениях, и таким образом уменьшить

стимул для создания управленческих иерархий[8]. Многие поборники информационной революции рассматривают Интернет не только как новую полезную технологию коммуникации, а как предвестника совершенно новой, неиерархической формы организации, в совершенстве удовлетворяющей потребности сложного, информационно насыщенного экономического мира.

Большая часть современной литературы учитывает происходящий сдвиг в терминах относительно формальной организации. Классическая вертикально структурированная иерархическая организация имеет вид пирамиды, а схема 12.1 показывает последствия более горизонтального построения организации. Горизонтальная организация в конце концов остается централизованной и иерархичной; все, что было изменено, — это число уровней управления между вершиной и основанием. Горизонтальные организации создают увеличенные сферы ответственности; правильно выстроенные, они не должны перегружать главных менеджеров незначительными решениями, а скорее должны передавать власть вниз, на более низкие уровни организации.

Схема 12.1
Горизонтальная организация



Социологи используют концепцию сетевой организации в течение многих лет и иногда высказывают свое раздражение тем фактом, что профессора бизнес-школ сегодня изобретают велосипед. Определение сети, обычно используемое социологами, слишком широко и включает в себя и

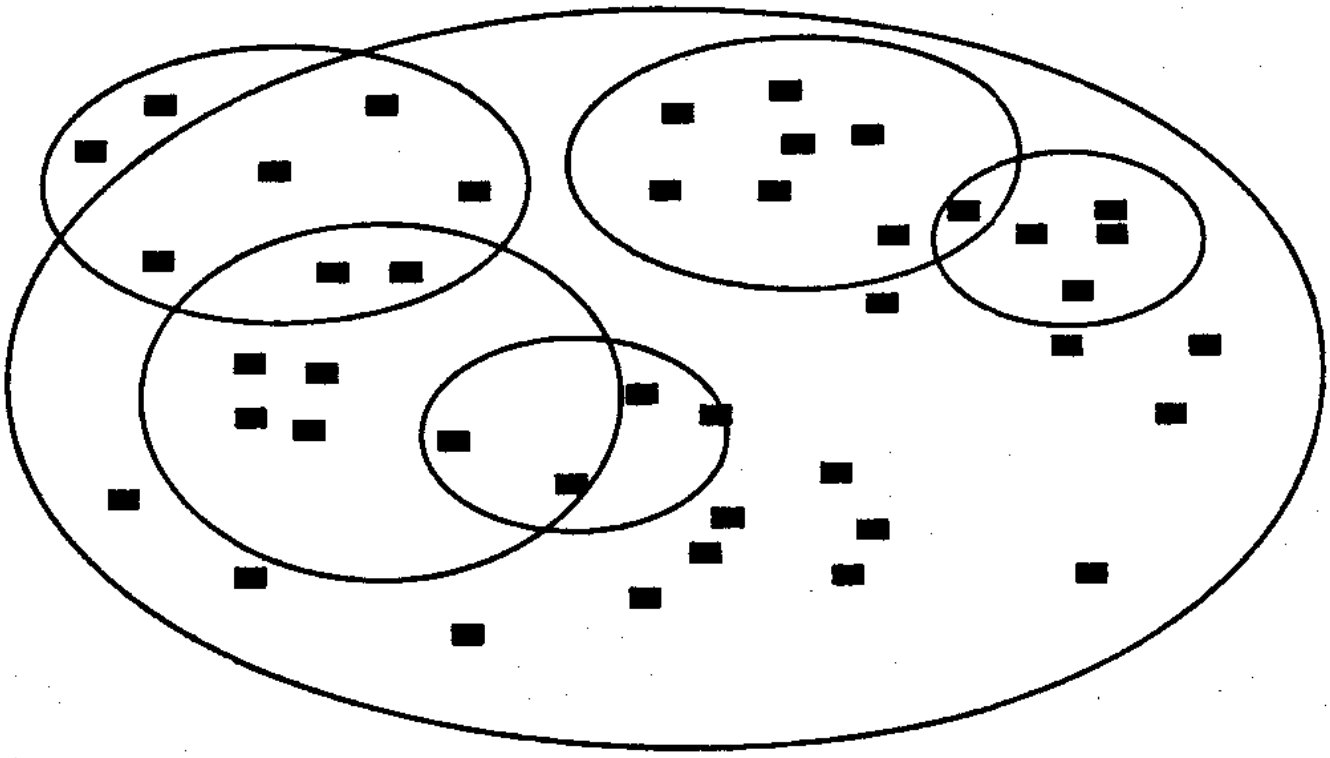
рынки, и иерархии — как они понимаются экономистами[9]. Однако наблюдается поразительная неточность в использовании термина «сеть» специалистами по управлению. Сети обычно понимаются как организации, отличные от иерархий, но часто не ясно, как они отличаются от рынков. Действительно, Мэлоун не использовал термина «сеть», когда говорил об упадке иерархий; координация должна была осуществляться при помощи классического рыночного механизма[10]. Некоторые люди трактуют сеть как класс формальных организаций, в которых нет формального источника высшей власти, в то время как другие понимают ее как комплекс неформальных взаимоотношений или альянсов между организациями, каждая из которых может быть иерархической, но связанной с другими вертикальными договорными отношениями. Японские группы *кейрецу,* альянсы маленьких семейных фирм в центральной Италии и взаимоотношения фирмы «Боинг» со своими поставщиками равно понимаются как сетевые.

Если мы будем рассматривать сеть не как вид формальных организаций, но как социальный капитал, мы гораздо лучше поймем то, чем в действительности является ее экономическая функция. С этой точки зрения сеть — это моральные взаимоотношения доверия:

Сеть — это группа индивидуальных агентов, которые разделяют неформальные нормы или ценности, помимо тех, которые необходимы для обычных рыночных операций.

Нормы и ценности, упомянутые в этом определении, могут простираться от простого принципа взаимности между двумя друзьями до сложных ценностных систем, созданных организованными религиями. Неправительственные организации — такие, как Международная Амнистия и Национальная организация женщин — осуществляют координированные действия на основе общих ценностей. Как в случае с друзьями или членами религиозной общины, поведение членов организации не может быть объяснено на основе лишь экономических интересов. Та-кие общества, как США, характеризуются плотным и сложным набором накладывающихся друг на друга сетей (см. схему 12.2).

Схема 12.2
Множественные сети доверия



Большой эллипс представляет США в целом, население которых разделяет определенные политические ценности, связанные со свободой и демократией. Пересекающийся с ним эллипс изображает группу иммигрантов, например, американцев азиатского происхождения/которые частично разделяют американские ценности, а частично стоят вне мейнстрима американской культуры. Эллипсы, полностью находящиеся внутри большого эллипса, могут представлять собой что угодно — от религиозных сект до компаний с особенно сильной корпоративной культурой.

Обратим внимание на две особенности данного определения. Сеть отличается от рынка тем, что ее участники разделяют определенные нормы и ценности. Это означает, что экономический обмен внутри сети будет осуществляться на ином основании, чем экономические взаимоотношения на рынке. Пурист может утверждать, что даже рыночные взаимоотношения требуют *некоторых* разделяемых норм (готовность, к примеру, принимать участие в обмене, а не в насилии), но число норм, необходимых для экономического обмена, относительно невелико. Обмен может происходить между людьми, которые не знают или не любят друг друга, или между говорящими на разных языках; более того, он может иметь место между анонимными агентами, не знающими друг друга. Другое дело обмен между членами сети. Ценности, которые они разделяют, дают им большую

целеустремленность, которая меняет рыночные отношения. Следовательно, члены одной семьи, или клуба «Сьерра», или этнической ассоциации взаимопомощи, разделяющие определенные общие нормы, не взаимодействуют друг с другом таким же образом, как анонимные индивиды, встречающиеся на рынке. Они гораздо более охотно занимаются взаимным обменом в дополнение к рыночному — к примеру, передают некоторое преимущество без ожидания немедленного получения какого-либо преимущества в ответ. Хотя они могут ожидать выгоды в долгосрочной перспективе, обмен не является одновременным и не подчинен аккуратному подсчету затрат и доходов, как это происходит в рыночных отношениях.

С другой стороны, сеть отличается от иерархии, потому что основана на разделяемых неформальных нормах, а не на' формальных властных отношениях. Сеть, понимаемая таким' образом, может сосуществовать с формальной иерархией. Члены иерархической структуры не обязаны разделять общие нормы или ценности, кроме тех, что оговорены в контракте, оп-' ределяющем их служебное положение; формальные организации тем не менее могут пересекаться с неформальными сетями различных видов, основанными на покровительстве, землячестве или общей корпоративной культуре.

Когда сети накладываются на верхний слой формальной организации, то результат не обязательно является благотворным, поскольку это может быть причиной нарушения функционирования организации. Каждый знаком с сетями приятельских отношений и покровительства, основанными на родственных связях, принадлежности к одному социальному классу, дружбе, любви или каких-либо других факторах. Члены таких сетей разделяют друг с другом важные общие нормы и ценности (в частности, взаимность), которые не разделяют с другими членами организации. В сети покровительства информация охотно передается, но внешние границы сети образуют фильтр, через который информация распространяется в гораздо меньшей степени. Сети покровительства являются источником проблем в организациях, так как их структура не ясна тем, кто находится вне их, и они часто нарушают формальные властные отношения. Общая национальность может облегчать установление отношений доверия и обмена между членами одной этнической группы, но она сдерживает обмен между членами различных групп. Если начальник не хочет критиковать или увольнять некомпетентного подчиненного, так как последний является его протеже, личным другом или любовником, взаимная выгода для этих двоих членов сети становится лишь помехой для организации. Другая проблема,

связанная с неформальными сетями, — это обратное взаимоотношение между значимостью ценностей и норм, связывающих сообщество (и следовательно, уровнем координации, который может быть в нем достигнут), и его открытостью для людей, идей и влияний извне. Чтобы быть членом Корпуса морской пехоты США или церкви мормонов, необходимо гораздо больше, чем для того, чтобы быть членом формальной организации. Морские пехотинцы или мормоны вовлекаются в действенную и отчетливо выраженную организационную культуру, которая создает высокий уровень внутренней солидарности и потенциала совместных действий. С другой стороны, культурный разрыв между морскими пехотинцами и гражданскими лицами или между мормонами и немормонами намного значительнее, чем аналогичный для членов организаций с меньшим уровнем морального единства. Непроницаемость общественных стен вокруг таких групп зачастую может делать их нетерпимыми, вырождающимися, медленно адаптирующимися и нечувствительными к новым идеям. Появилась обширная литература, основанная на работе социолога Марка Грановеттера", о важности «слабых связей» для эффективности информационных сетей. Как раз люди с отклонением от норм, входящие в различные сообщества, часто ответственны за внесение еретических идей, которые в конечном итоге необходимы, если группа хочет успешно адаптироваться к изменениям в окружающем ее мире.

Сети, понимаемые как образования, основанные на неформальных этических отношениях, ассоциируются поэтому с такими феноменами, как непотизм, фаворитизм, нетерпимость, близкородственные браки и непрозрачные личные договоренности. В этом смысле сети так же стары, как и сами человеческие сообщества, а в некоторых аспектах они являлись преобладающей формой социальных отношений в обществе на более ранних этапах его развития. В каком-то смысле многие из институтов, которые мы ассоциируем с современ ной жизнью — договорные отношения, власть закона, конституционализм и принцип разделения властей, — были созданы для исправления недостатков неформальных сетевых отношений. Вот почему Макс Вебер и другие исследователи современности доказывали, что ее сущность в замене неформальной власти законом и открытыми институтами[12].

Так почему же в таком случае кто-то должен верить, что человеческие организации в будущем будут основаны не столько на формальных иерархиях, сколько на неформальных сетях? На самом деле утверждение о том, что формальные иерархии должны вскоре потерять свое значение, вызывает большие сомнения. Какое бы значение ни

приобрели сети, они будут сосуществовать с формальными иерархиями. Но почему неформальные сети не исчезнут вообще? Один ответ связан с проблемами координации в иерархиях в условиях увеличивающейся экономической сложности.

Изменение методов координации

Значение социального капитала в иерархической организации может быть понято в связи со способами распространения в ней информации. В промышленной компании иерархия обеспечивает координацию перемещения материальных ресурсов в производственном процессе. Однако если распределение материальных продуктов определяется формальной структурой субординации, информация распространяется совершенно другим способом. Информация является специфическим предметом потребления. Ее производство может быть крайне сложным и дорогим, но — когда она уже существует — ее дальнейшее распространение происходит практически бесплатно[13], тем более в цифровой век, когда, кликнув «мышью», можно создать бесконечное количество копий компьютерного файла.

Это означает, что любая информация, создаваемая в организации, должна в теории свободно доходить до всех остальных частей организации, где она может быть полезной. Так как организация в принципе владеет правами на всю информацию, создаваемую своими работниками, не должно быть расходов при передаче информации из одной части организации в другую.

К сожалению, информация никогда не распространяется внутри организации так свободно, как того хотело бы ее руководство. Причина в том, что организации должны делегировать власть на нижние уровни иерархии. Это создает то, что экономисты называют проблемой «руководитель—исполнитель», где подчиненный, нанятый начальником, имеет свою собственную программу, которая не всегда совпадает с такой, как у начальника или организации в целом. Многие менеджеры думают, что решение проблемы заключается в создании у исполнителей тех же побудительных мотивов, как и те, что движут организацией, чтобы подчиненные работали в интересах начальника. Чаще это легче сказать, чем сделать. Временами индивидуальные интересы и интересы организации противоречат друг другу. Менеджер среднего звена, который обнаруживает новое применение информационной технологии или создает план более экономичной структуры управления, делающие излишней его собственную должность, не имеет стимулов осуществлять свою разработку[14]. В других

случаях, когда сложно оценить качество продукции — например, советов терапевта, консультирующего пациента, или созданной художником картины, — отслеживание индивидуальной производительности становится чрезмерно дорогим.

Таким образом, хотя способствовать свободному движению информации полностью в интересах организации, часто личные интересы многих людей в иерархии противоречат этому. Знание, как известно, — сила, и передача или удерживание информации становится одним из важных инструментов, при помощи которых различные индивиды в организации стремятся максимально увеличить свою власть относительно других. Каждый, кто работал в иерархической организации, знает, что там идет постоянная борьба между начальниками и подчиненными или между Соперничающими подразделениями за контроль над информацией.

В дополнение к проблемам «руководитель—исполнитель» иерархические организации страдают от другого рода неэффективности, связанной с их внутренним обменом информацией. Мы все знакомы с бюрократическими учреждениями, в которых отдел *X* не знает, что делает отдел У на соседнем этаже. Некоторые решения требуют контроля сверху и, таким образом, создают внутренние расходы, необходимые для того, чтобы осуществлять такой контроль. В других случаях организации обязывают своих сотрудников осуществлять контроль без необходимости, неправильно или неэффективно.

Формальность иерархий может также создавать проблемы при работе со сложной информацией. Иерархический характер управления обычно влечет за собой создание системы формальных правил и стандартных рабочих процедур — такова сущность веберовской бюрократии. Формальные правила становятся проблематичными в случае, когда необходимо принимать решение на основании информации, имеющей сложную природу или трудной для оценки. На рынках рабочей силы номенклатура формальных требований к претендентам используется для установления соответствия спроса и предложения для простой, неквалифицированной работы[15]; неформальные сети задействуются, когда университеты и фирмы нуждаются в экономистах или системных администраторах высокого класса, поскольку их квалификацию и производительность гораздо сложнее оценить формально. Вопросы занятия должности в американских университетах решаются не на основе подробных и жестких формальных критериев, но на основе общих, достаточно расплывчатых суждений уже работающих профессоров относительно качества работ кандидата.

Наконец, иерархии могут быть менее способными к адаптации. Формализованные системы контроля обладают гораздо меньшей гибкостью, чем неформальные; когда условия во внешнем мире изменяются, это зачастую бывает более заметно на нижних уровнях организации, чем та высших. Следовательно, чрезмерная централизация может быть особой помехой в областях, где наблюдаются быстрые перемены внешних условий, — таких, как индустрия информационных технологий.

Причина важности сетей, определяемых как группы, разделяющие неформальные нормы и ценности, заключается в том, что они обеспечивают альтернативные каналы для потоков информации внутри организации и сквозь нее. Друзья обычно не держатся за право интеллектуальной собственности, когда делятся друг с другом информацией, и поэтому здесь не возникает расходов на взаимодействие. Дружба, таким образом, содействует свободному распространению информации внутри организации. Друзья также обычно не тратят времени на размышления о том, как им максимально улучшить свои сравнительные властные позиции во взаимоотношениях друг с другом. Кто-то в отделе маркетинга знает кого-то в отделе производства и говорит ему за ленчем о жалобах клиентов на качество продукции, таким образом минуя формальную иерархию и в кратчайшее время передавая информацию в то место, где она наиболее полезна. Корпоративная культура идеально обеспечивает индивидуального работника как групповой, так и личной идентичностью, поощряя его усилия по достижению групповых целей, что вновь облегчает движение информационных потоков в организации.

Социальный капитал также является важнейшим параметром управления высококвалифицированными работниками, оперирующими сложными, диффузными, плохо поддающимися выражению или трудно передающимися знаниями и процессами. Организации — начиная от университетов и заканчивая инженерными, бухгалтерскими и строительными компаниями, не пытаются управлять своим квалифицированным персоналом при помощи подробных бюрократических правил работы и стандартных рабочих процедур. Большинство системных администраторов знают гораздо больше о своей работе, чем те люди, которые ими руководят; только они сами способны квалифицированно оценить свою собственную продуктивность. Таким работникам обычно доверяют самим управлять собой на основе усвоенных профессиональных стандартов. Врач, вероятно, не поступит неэтично в отношении своего пациента, даже если кто-то ему заплатит за это; он давал клятву служить интересам пациента прежде, чем своим. Профессиональное образование,

следовательно, является главным источником социального капитала в любом передовом обществе информационного века и обеспечивает основу для децентрализованной, горизонтальной организации.

Действительно, социальный капитал важен для определенных секторов и определенных форм сложного производства именно потому, что обмен, основанный на неформальных нормах, может устранить внутренние расходы на координацию для больших иерархических организаций, так же как и внешние расходы на ведение переговоров при более удаленных рыночных взаимодействиях. Потребность в неформальном, основанном на нормах обмене становится более важной, по мере того как товары и услуги становятся более сложными, трудно поддающимися оценке и дифференциации. Возрастающая важность социального капитала особенно заметна при переходе от производства, основанного на низком доверии, к производству, основанному на высоком доверии.

От производства с низким доверием к производству с высоким доверием

Производство в начале XX века, примером которого могут служить огромные фабрики Генри Форда, представляло собой иерархическую организацию, характеризующуюся высоким уровнем формализации. Другими словами, имело место резкое разделение на руководителей и подчиненных, управляемых и контролируемых централизованной бюрократической иерархией, которая создавала большое число формальных правил относительно того, как индивидуальные члены организации должны себя вести. Принципы научного управления, сформулированные промышленным инженером Фредериком Уинслоу Тейлором и осуществленные Фордом, содержали в себе неявную предпосылку, что за счет масштабов производства достигается экономия интеллектуального потенциала управленческого персонала и что организацией можно управлять более эффективно, если информация сосредоточена в управленческой иерархии белых воротничков, а не распределена по всей организации.

При такой системе не было необходимости в доверии, социальном капитале или неформальных социальных нормах — каждый работник получал указания о том, где он должен стоять, как двигать руками и ногами, когда делать перерывы; от него вообще не требовалось ни в малейшей мере проявлять творческий или оценочный подход. Мотивация рабочих была чисто индивидуальной и определялась поощрениями или наказаниями; исполнители легко заменялись друг другом. Реагируя на эту

систему через свои профсоюзы, рабочие требовали формальных гарантий своих прав и как можно более точного определения обязанностей — отсюда рост профсоюзного контроля за производственным процессом и контракты рабочих, толстые, как телефонные книги[16].

Тейлоризм был эффективным способом — возможно, единственным — координации деятельности низкоквалифицированной рабочей силы в промышленности. В течение первых двух десятилетий века половина синих воротничков Форда были иммигрантами первого поколения, которые не говорили по-английски, а к 50-м годам 80 % нз них не получили образования в средней школе[17]. Но тейлоризм столкнулся со всеми трудностями больших, иерархических организаций — с медленным принятием решений, негибкими правилами на рабочем месте и неспособностью адаптироваться к новым обстоятельствам.

Переход от тейлоровской иерархической организации к, горизонтальной или сетевой предполагает переход функций координации от формальных бюрократических правил к неформальным социальным нормам, В горизонтальной или сетевой организации власть не исчезает; скорее она преобразуется таким способом, который позволяет существовать самоорганизации и самоуправлению. Небольшая автомобильная фабрика, на которой организовано бесперебойное производство, не предполагающее складирования продукции, является примером горизонтальной, постфордовской организации. Многие из функций, которые ранее были закреплены за менеджерами среднего уровня, теперь передаются рабочим сборочного конвейера, самостоятельно образующим команды. Персонал нижнего уровня сам управляет расписанием ежедневных работ, настройкой оборудования, рабочей дисциплиной и контролем качества.

Степень, до какой власть оказалась передана на нижний уровень организации, символизируется знаменитым шнуром, который есть на всех рабочих местах сборочных заводов Тойота Такаоки и который позволяет рабочему остановить весь конвейер, если он заметил какую-либо неполадку в производственном процессе. Шнур воплощает то, что теоретики игр назвали бы «единоличным вето», которым каждый участник может заблокировать усилия всей группы. Такой вид власти может быть безопасно делегирован только при определенных, условиях: персонал должен быть адекватно обучен, чтобы быть в состоянии взять на себя обязанности управления, ранее лежавшие на белых воротничках среднего звена, и иметь чувство ответственности, чтобы использовать свою власть в общих интересах, а не в личных. Такая передача власти не может осуществляться в сферах, где отношения между исполнителями и руководством носят напряженный характер. Пост фордовская фабрика требует, другими

словами, более высокого уровня доверия и социального капитала, чем тейлоровское рабочее место с его всеобъемлющими рабочими правилами.

Как показывают многие исследования[18], гибкая организация производства в автомобильной промышленности заметно повысила производительность, равно как и качество продукции. Причина в том, что частная информация обрабатывается гораздо ближе к своему источнику — если дверная панель от поставщика не подогнана должным образом, то рабочий, ответственный за ее прикрепление к кузову, имеет и власть, и стимул, чтобы решить эту проблему, вместо того чтобы позволить информации потеряться во время путешествия вверх и вниз по длинной бюрократической лестнице.

Регионы и социальные сети

Следующим примером важности социального капитала для горизонтальной или сетевой формы организации является американская электронная промышленность. Силиконовая долина может на первый взгляд казаться частью американской экономики с низким уровнем доверия и низким социальным капиталом, где нормой является конкуренция, а не кооперация, и не эффективность достигается работающими на основе рациональной утилитарности максималистами, взаимодействующими на не предполагающем личные контакты рынке, как это описывается в неоклассической экономической науке.

Фирм много, они маленькие, постоянно отделяются одна от другой; они рождаются и умирают в результате жесткой конкуренции. Трудоустройство ненадежное; пожизненный наем и лояльность какой-либо компании — неслыханная вещь. Относительно нерегулируемый характер индустрии информационных технологий в сочетании с хорошо развитыми рынками капитала, вложенного в рискованное предприятие, допускает высокую степень предпринимательского индивидуа-шчма.

Эта картина ничем не ограниченного конкурентного индивидуализма, впрочем, опровергается многочисленными более летальными социологическими исследованиями истинной природы технологического развития в Силиконовой долине — такими, например, как «Преимущества регионов» Аннали Саксениан[19]. В современной экономике социальный капитал не должен существовать только в границах отдельных компаний или быть воплощенным в таких практиках, как пожизненный наем[20]. Саксениан сопоставляет производительность Силиконовой долины и окрестностей бостонского шоссе 128 и отмечает, что одна из важных причин успеха Силиконовой долины заключается в

особенностях культуры. Под поверхностью кажущейся неограниченной индивидуалистической конкуренции скрывается широкий спектр социальных сетей, связывающих сотрудников различных компаний в полупроводниковом и компьютерном бизнесе. Эти социальные сети имеют различные источники — общее образование (например, инженера электроники, полученное в Беркли или Стэнфорде) и общее профессиональное прошлое (многие ключевые игроки в полупроводниковой промышленности, например, Роберт Нойс и Энди Гроув, работали вместе в начале компьютерной эры в компании «Фэйргайлд Семикондактор») — или возникли из норм существовавшей в окрестностях Залива в конце 60-х и в 70-е годы контркультуры.

Неформальные сети являются решающим фактором технологического развития по нескольким причинам. Большое количество информации трудно поддается выражению и не может быть легко превращено в товар, который может продаваться и покупаться на рынке интеллектуальной собственности[21]. Огромная сложность основных технологий и процесса интеграции системы в единое целое означает, что даже самые крупные фирмы не могут создавать адекватное техническое знание отдельно от других. Технология передается от фирмы к фирме в результате поглощений и слияний, поставок, перекрестного лицензирования и формального партнерства, и литература по технологическому развитию в Силиконовой долине подчеркивает неформальную природу значительной части научно-исследовательской работы в ней. По словам Саксениан,

Неформальная социализация, которая выросла из этих квазисемейных отношений, поддерживала повсеместные практики сотрудничества и распределения информации среди местных производителей. Бар «Вэгон Вил» в Маунтин-Вью —популярная пивная, в которой встречаются инженеры для того, чтобы обмениваться идеями и болтать—был назван первоисточником полупроводниковой индустрии...

По общим отзывам, эти неформальные разговоры касались многого и служили важным источником новейшей информации о конкурентах, клиентах, рынках и технологиях... В индустрии, характеризующейся быстрыми технологическими изменениями и интенсивной конкуренцией, подобные неформальные коммуникации были зачастую более ценны, чем более традиционные, но менее оперативные формы обмена информацией— такие, как специальные журналы[22].

Она утверждает, что собственническая позиция фирм региона 128-го шоссе — таких, как «Диджитал эквипмент» — оказывается помехой. Эта фирма оказалась не способна действовать как независимый

самодостаточный производитель технологий с вертикальной структурой, а нехватка неформальных связей и доверия, необходимых для обмена технологиями с конкурентами, лишает ее этого источника информации.

То, что такие технологические сети имеют этическое и социальное измерение, важное для их экономического функционирования, ясно из следующего замечания: «Местные инженеры осознают, что качество обратной связи и информации, полученной через их сети, зависит от надежности и добросовестности поставщика информации. Такое качество гарантируется лишь индивидами, с которыми вы разделяете общее образование и опыт работы»[23]. Эти разделяемые профессиональные и персональные нормы определяют, таким образом, важный вид социального капитала.

Другие авторы анализируют рост так называемых сообществ практики в других областях технологического развития[24]. Иными словами, отдельные инженеры, работающие над развитием специфических технологий, обмениваются информацией друг с другом на основе взаимного уважения и доверия. Возникающие сообщества своеобразны; поскольку они могут основываться на общем образовательном или служебном прошлом, они часто перекрывают границы отдельных организаций и областей профессиональной специализации.

Эти неформальные сети являются, возможно, более важными для индустрии информационных технологий, чем других видов производства. В химико-формацевтической промышленности, где большие финансовые интересы могут зависеть от знаний об одной молекуле, компании по понятным причинам более осторожно относятся к своей интеллектуальной собственности. Информационные технологии, напротив, гораздо более сложны и включают в себя интеграцию большого количества высокотехнологичных продуктов и процессов. Вероятность того, что часть собственного знания, разделенная с потенциальным конкурентом, приведет к прямым потерям, относительно мала.

Социальный капитал, произведенный такими неформальными социальными сетями, позволяет Силиконовой долине достигать масштабной экономии в научных исследованиях, что невозможно в больших вертикально структурированных компаниях. Было много написано о кооперативном характере японских фирм и о том, как распределяется технология среди членов группы *кейрецу*. В определенном смысле вся Силиконовая долина может быть представлена как одна большая сетевая организация, которая может использовать знания и специальные навыки, недоступные даже для самых больших вертикально

структурированных японских электронных фирм и их партнеров по *кейрецу*[25].

Важность социального капитала для технологического развития имеет некоторые парадоксальные следствия. Одно из них заключается в том, что, несмотря на глобализацию, географическая близость остается важной — возможно, даже более важной, чем ранее. Майкл Портер, как и другие авторы, отмечает, что, несмотря на достижения в коммуникационных и транспортных технологиях, многие из видов промышленности — и, в частности, высокотехнологичные научные исследования — остаются сконцентрированными в определенных географических регионах[26]. Если сегодня информация может быть легко передана по электронным сетям, почему не происходит дальнейшего географического распределения промышленности? Оказалось, что безличного распространения данных по электронным сетям недостаточно для создания взаимного доверия и уважения, проявляющихся в таких местах, как Силиконовая долина; для этого необходимы личные контакты и взаимные обязательства, которые являются результатом повторяющихся социальных взаимодействий. Таким образом, хотя производство предметов потребления может быть размещено в странах с дешевой рабочей силой, гораздо сложнее сделать это с отраслями, нуждающимися в изощренном технологическом развитии.

Тот факт, что географическое местоположение остается важным, не означает, что мир возвращается к чему-то вроде замкнутости маленького городка. В глобальной экономике даже большие регионы с развитыми тонкими технологиями, такие, как область вокруг Прово, штат Юта, где расположены многие преуспевающие производители программного обеспечения, включая бедствующих сегодня гигантов «Новелл» и «Ворд Перфект», могут обнаруживать у себя недостаток масштаба, необходимого для того, чтобы удержаться на переднем крае разработок. «Слабые связи» остаются важными; сети должны пересекаться друг с другом, чтобы идеи и инновации могли свободно распространяться. С другой стороны, из идеи грудно извлечь выгоду при отсутствии социальных связей, которые в век Интернета все еще требуют большего, нежели широкополосная и высокоскоростная линия связи.

Глава 13
Границы спонтанности и неизбежность иерархии

Мы могли убедиться, что существует большое и все увеличивающееся число случаев, когда социальные нормы спонтанно

генерируются посредством деловых переговоров. Мы могли также убедиться в том, что неформальные нормы и самоорганизация будут играть решающую и, возможно, все увеличивающуюся роль на рабочих местах, связанных с высокой технологией, типичной для информационного общества. Вопрос, который в связи с этим возникает, касается границ такой спонтанной организации, дающей решение проблем коллективных действий. Многие исследователи экономического права, сторонники доктрины о свободе воли, прилагают все усилия, чтобы заменить иерархические решения спонтанным порядком. Классическим и весьма наглядным примером является предоставление кредитов на создание очистных сооружений как альтернатива государственному регулированию чистоты воздуха — концепция, в которой американские участники переговоров пытались убедить своих коллег с более консервативным стилем мышления на саммите 1997 года по глобальному потеплению в Киото. Однако были и такие, кто предлагал распространить рыночные отношения на донорские органы и детей. Где та граница, перед которой спонтанный порядок должен остановиться, а иерархия вновь заявить о себе?

10-2. **Когда спонтанный порядок терпит неудачу**

Из работ Элинор Остром и других становится ясно, что спонтанный порядок имеет место только при соблюдении некоторых вполне определенных условий и что во многих ситуациях его либо не удается воплотить, либо он приводит к ситуациям, которые неприемлемы с точки зрения общества в целом. Остром отмечает множество случаев, когда все усилия установить нормы распределения общественных ресурсов прокаливались'. Основываясь на отмеченных ею условиях самоорганизации, мы можем составить перечень причин, по которым общества не всегда способны принимать решения с помощью спонтанной организации.

Размер

В своей «Логике коллективного действия» Манкур Олсон указывал на то, что проблема человека, эгоистически пользующегося общественными ресурсами, становится более острой по мере того, как размер группы увеличивается, потому что становится все более трудным вести наблюдение за поведением каждого отдельного индивида. Коллеги по медицинской практике или партнеры в юридической фирме вероятнее всего

будут знать, если кто-то из них не выполняет свою долю работы, однако это будет неверно для фабрики, на которой работают десять тысяч рабочих. Проблема существования любителей прокатиться на дармовщинку была универсальной в бывшем Советском Союзе и других социалистических странах, потому что большинство населения работало, как правило, на больших фабриках или в огромных учреждениях, а заработная плата и льготы предоставлялись как общественное благо. Различные биологические механизмы для обнаружения нарушителей, описанные выше, наилучшим образом работают в группах, размер которых был типичным для общества охотников и собирателей, — от пятидесяти до ста человек. Сплетни — идеальная форма социального контроля в подобных группах. Информация о том, кто является ответственным, честным, ленивым или активно асоциальным, быстро распространяется по неформальным сетям, и контроль осуществляется самой группой без привлечения специальных агентов. Когда группа становится больше, система начинает распадаться. Становится трудно связывать конкретное лицо с репутацией; контроль и принудительные меры становятся все более дорогостоящими и подверженными эффекту масштаба, что вынуждает назначать определенных членов группы для выполнения этих видов деятельности. Это тот исторический момент, когда в игру должны вступить полиция, суды и другие инструменты формальной иерархической власти. Проникающие всюду информационные технологии могут помочь нам быть в курсе репутаций более широкого круга людей, но стремление к приватности в конце концов ограничит объем информации, доступный посторонним.

Границы

Чтобы спонтанный порядок установился, важно установить четкие границы членства в группе. Если люди смогут вступать в группу и выходить из нее по собственному желанию или если не ясно, кто является членом группы (и, следовательно, кто имеет право пользоваться общими ресурсами группы), то индивиды будут иметь меньше побуждений заботиться о своей репутации. Это объясняет, помимо всего прочего, почему уровень преступности обычно выше, а количество социального капитала меньше в районах с высокой текучестью населения — как в городских районах, испытывающих быстрые экономические изменения или находящихся возле железнодорожных или автовокзалов[2], Поскольку никто не уверен в том, кто является жителем данного городского района, становится невозможным установить общественные стандарты.

Повторяющиеся взаимодействия

Аксельрод показал, что итерация — это ключ к решению «дилеммы заключенного» и путь к спонтанному порядку. Многие общины, которые изучала Элинор Остром и которые успешно решили проблему использования общественных ресурсов, являются традиционными сообществами практически без текучести населения и без контактов с внешним миром — жители горных деревень, рисоводы или рыбаки. Люди заботятся о своей репутации, только если они знают, что они будут и впредь иметь дело друг с другом в течение длительного времени. Одна газетная статья описывала растущую популярность Канкуна (Мексика) как места проведения весенних каникул для студентов колледжей. В барах и на дискотеках Канкуна юноши и девушки напиваются и вступают в беспорядочные половые связи, чего не осмелились бы повторить дома. По словам одной девушки: «Ты можешь оттянуться, потому что знаешь, что больше никогда этих людей не увидишь»[3].

Более ранние нормы, устанавливающие общую культуру

Установление норм сотрудничества часто предполагает существование набора предшествующих норм, которых в общем придерживаются индивиды, составляющие группу. В примере с «грузиками», описанном в главе 8, это явление обязано своим существованием распространенному среди пассажиров представлению, что все они безобидные работники правительства, у которых есть основания доверять друг другу. Поиск соглашения по поводу правил пользования общими ресурсами предполагает как минимум, что участники говорят на одном языке. Культура предоставляет общий словарь не только слов, но и жестов, выражений лица и личных привычек, которые служат сигналами о намерениях. Культура дополняет биологию, помогая людям отличать нацеленных на сотрудничество от мошенников, а также передавая правила поведения, которые делают действия внутри сообщества бо лее предсказуемыми. Люди гораздо жестче воспринимают нарушения правил их собственной культуры, чем какой-либо другой. И наоборот, новые нормы сотрудничества гораздо труднее устанавливать при пересечении культурных границ. Общение оказывается затруднено; люди могут по ошибке принять молчание за знак презрения или недружелюбия, хотя такие чувства вовсе не имели места. В чрезвычайных случаях (Босния тут служит

примером) культурные группы определяют себя посредством насильственного противостояния другим.

Роль культуры как источника информации для решения «дилеммы заключенного» объясняет причины, по которым экономическое предпринимательство так легко организовывается по этническому признаку в таких многонациональных обществах, как США. Основные нормы, разделяемые различными культурами по всему миру, очень различаются относительно того, что ранее было названо радиусом доверия[4]. Существуют определенные культуры (например, в Южной Италии), которые не развивают сотрудничества, поскольку основаны на правилах вроде: «доверяй только членам твоей нуклеарной семьи, а вне ее старайся перехитрить каждого до того, как у него появится шанс перехитрить тебя»[5]. С другой стороны, иные моральные системы — такие, как пуританство — поощряют честное поведение среди широкого круга людей, не состоящих друг с другом в родстве[6]. Существование культурных правил, способствующих доверию к посторонним, объясняет, почему пуританские группы, обосновавшиеся в Новой Англии, не испытывали больших трудностей в установлении отношений сотрудничества друг с другом. Труднее понять, почему группы с низким уровнем доверия — такие, как сицилийцы — также обычно организуются в этнические сообщества и ведут дела в пределах такой группы, когда переселяются в США. Казалось бы, более естественным для выходца из Южной Италии было бы оказывать поддержку достойному доверия коммерсанту-янки, нежели члену своей собственной общины.

Ответ, конечно, должен быть в немалой степени связан с нежеланием коммерсантов-янки иметь дело с недостойным доверия (в их глазах) сицилийцем; существует долгая история этнических предубеждений, которая объясняет появление этнических анклавов. Но, даже помимо поведения коммерсанта-янки, тот факт, что люди — как сицилийцы, так и янки — разделяют культурные нормы с другими членами собственной группы, дает им дополнительные преимущества в интерпретации поведения людей одной с ними этнической принадлежности. Другими словами, несмотря на то что число людей, достойных доверия, может быть выше среди янки, чем среди сицилийцев, эта разница относительна. Ни одна из групп не избавлена от мошенников, лжецов или хитрецов. (Вспомните сказанное выше: любая человеческая популяция является смесью ангелов и дьяволов.) Янки в такой же степени, как и сицилийцы, нуждаются в том, чтобы быть способными отличать дьяволов от честных и ответственных людей. Культура каждой группы дает своим членам вспомогательные средства для интерпретации характеров других людей и

сеть социальных связей, посредством которой эта информация может быть распространена и обработана. Таким образом, даже если сицилиец, может быть, в среднем будет вести себя добропорядочно с меньшей вероятностью, чем янки, у него все же остается больше шансов распознать нечестность его собратьев-сицилийцев, чем неразговорчивых янки.

Власть и справедливость

Следующий фактор, ограничивающий эффективность решений проблем сотрудничества с помощью спонтанной организации, касается вопросов власти и справедливости. Неформальные социальные нормы часто могут отражать стремление одной группы доминировать над другой посредством богатства, силы, культурных достижений и интеллектуальных возможностей или посредством неприкрытого насилия и принуждения. Примером могут послужить нормы, оправдывающие рабство. Многие утверждают, что такие нормы не являются результатом добровольного соглашения и потому не могут быть интерпретированы как спонтанные. Однако многие такие нормы были гораздо более добровольными, чем принято думать. В Древней Греции и Риме люди не хотели быть рабами, но тем не менее верили в законность института рабства и мирились с судьбой раба, если проигрывали войну. Многие женщины в традиционных обществах принимают и даже радуются своему подчиненному положению; хотя норма, легитимирующая патриархат, может корениться в принуждении, она не всегда выглядит результатом насилия.

Другими словами, определенные социальные нормы можно рассматривать как несправедливые, даже несмотря на то что они добровольно принимаются сообществами, которые их практикуют. Суждение о том, являются ли нормы по своей сути справедливыми или нет, лежит за пределами компетенции любой науки об обществе. Проблема, перед лицом которой оказалась философия XX века, — это вывод о том, что такого рода суждения не могут быть правомочными: культурный релятивизм и различные направления постмодернизма утверждают на основе эпистемологических аргументов, что никакой набор культурных альтернатив не может считаться лучшим или худшим по сравнению с другим. Формы либерализма, отстаивающие более широкие права на самостоятельность, часто заканчивают тем, что приходят к подобным же утверждениям: не существует способа оценки предпочтений и не существует иерархического источника власти, который бы имел право сказать индивиду, что его предпочтения неправильны, при условии, что реализация этих предпочтений не мешает другим индивидам реализовать

их предпочтения[7]. Несмотря на то что недостаток места не позволяет развернуть шссь более полное обсуждение этого вопроса, имеются веские основания для утверждения, что существуют универсальные нормы добра и зла, приложимые вне зависимости от того, что полагают индивиды или сообщества, придерживающиеся противоположных норм[8]. Если это так, то у нас есть основания говорить, что спонтанно развившиеся нормы сообществ могут являться неправильными или несправедливыми.

Вопрос о том, когда иерархическая власть должна вмешаться, чтобы исправить последствия спонтанных процессов в интересах справедливости, представляет собой главный предмет разногласий, исторически разделивший левых и правых. Стимулом роста рациональной иерархической власти — «большого правительства», как говорят американцы — в первую очередь была ощутимая необходимость исправлять различные злоупотребления в обществе: рабство, законы Джима Кроу, детский труд, нерегулируемые и нестабильные рынки, небезопасные условия работы, вводящую в заблуждение рекламу и т.д. Государственной властью в огромной степени злоупотребляли, начиная с Французской революции, во имя абстрактных понятий социальной справедливости. Даже не принимая во внимание крайние случаи — такие, как сталинская Россия или маоистский Китай, — способность публичной политики добиваться своих целей без создания непреднамеренных и контрпродуктивных последствий справедливо была поставлена под вопрос на основе американского опыта XX века. Тем не менее необходимость иерархического вмешательства при определенных условиях не может быть из принципа сброшена со счетов. За исключением сторонников самой крайней свободы воли, большинство людей согласятся с тем, что вмешательство государства часто необходимо для решения проблем, которые серьезны в моральном отношении и не поддаются спонтанному исправлению.

Недостаток прозрачности

Неформальная норма, которая развилась посредством повторяющихся взаимодействий между индивидами в сообществе, неизбежно окажется непрозрачной, особенно для внешнего наблюдателя. Это может иметь множество негативных последствий. Внутри сообщества индивиды могут страдать от несправедливости, потому что они или не поняли данную норму, или были несправедливо обвинены, или подвергнуты наказанию, несоразмерному с виной. Тот факт, что нормы обычно возникают в стабильных закрытых сообществах, означает, что на

пришельцев извне будут смотреть с подозрением, и им будет труднее стать частью сообщества, чем в ситуации, когда порядок является продуктом строго формальной власти закона. Каждому известно, что гораздо легче переехать в большой город, где люди сохраняют анонимность, чем в маленький городок, где каждый знает каждого. Население такого городка может оказаться дружелюбнее, но оно также следует множеству неписаных правил и норм, понимание которых может занять у постороннего годы.

Недостаток прозрачности неформальных норм часто скрывает то, что в основе их лежит вынужденное согласие, вырванное силой. Является ли почтительное отношение, которое люди низшего класса демонстрируют к вышестоящим, результатом добровольного согласия или следствием имевшего место в прошлом насильственного господства последних над первыми? Героем фильма «Остатки дня» (по одноименному роману Кадзуо Ишигуро) является дворецкий, которого играет Энтони Хопкинс, посвятивший свою жизнь службе господину, который в конце оказывается глупцом и пособником нацистов. Суть заключается в том, что дворецкий в конце концов обнаруживает: его жизнь, которой, как он полагал, смысл придавался кодексом служения, была прожита зря. Поскольку происхождение большинства сложившихся неформальных норм скрыто в тумане прошедших веков, мы зачастую знаем очень мало об интересах, которым служило их создание и продолжающееся существование.

Постоянство плохих выборов

Даже если несправедливые, неэффективные или контрпродуктивные нормы являются реальностью, можно доказывать, что они спонтанно исчезнут именно потому, что не служат интересам сообществ, которые их практикуют. В литературе по экономическому праву часто содержится основанное на принципе эволюции утверждение, будто то, что выживает, в каком-то отношении соответствует потребностям общества и что поэтому существует постоянная «эволюция в сторону эффективности». Другими словами, фирмы конкурируют друг с другом, и слабейший становится банкротом; законы и институты конкурируют в обществе, и плохо приспособленные удаляются; общества конкурируют друг с другом и выигрывают благодаря лучшей производительности[9].

Вредные, неэффективные или контрпродуктивные нормы могут, однако, удерживаться в обществе на протяжении поколений из-за влияния традиции, социализации и ритуала. «Зависимость от пути» — модное сегодня выражение, которое обозначает зависимость современных социальных взаимоотношений от истории и традиции. Основная метафора

— тропинка между деревьями, чьи изгибы и повороты отражают проблемы и трудности того, кто первым проложил ее, — такие, как наличие бродов в реке или опасных волков в лесу. Если бы дорога была построена в более поздние годы, она была бы более прямой благодаря лучшей технологии строительства дорог и расчистки леса, но уже произведенные затраты означают, что дешевле держаться старой дороги[10]. То же самое с человеческими институтами. Например, коллегия выборщиков, которая избирает американского президента, возможно, не существовала бы, если бы Конституция создавалась сегодня заново, но никто не собирается тратить силы на то, чтобы упразднить ее.

Традиции принципиальны для понимания норм, потому что люди действуют чаще на основе привычки, чем руководствуясь чем-то похожим на рациональный выбор. Даже если социальные нормы изначально создаются путем рационального соглашения или обдуманного выбора, они передаются к последующим поколениям через процесс социализации, который состоит в приучении людей к определенным моделям поведения. Так как многие социальные нормы ставят долгосрочный интерес выше краткосрочного или интересы группы выше индивидуальных, они часто нежеланны и тягостны для тех, кто должен им подчиниться. Как указывает Аристотель в «Этике», моральная добродетель в отличие от интеллектуальной приобретается благодаря привычке и повторению, так что первоначально неприятные действия со временем становятся либо приятными, либо, во всяком случае, менее неприятными. Моральное обучение — это не когнитивное упражнение, с помощью которого люди начинают видеть, что их личный интерес на самом деле воплощен в норме. Скорее это вид приучения, при котором индивидуальные предпочтения формируются для обеспечения добродетельного поведения. Это, естественно, означает, что социальное поведение, ставшее привычкой, нельзя изменить так же легко, как идею или мнение, которые могут быть дискредитированы на основе простой информации.

Социализация подкрепляется созданием ритуалов. Ритуалы служат для того, чтобы связать индивидов с обществом, создавая образцы поведения, которые передаются из поколения в поколение. Большинство ритуалов могут казаться случайными и бессмысленными с рациональной точки зрения, но они несут в себе огромный эмоциональный потенциал; их нарушение или изменение бросают вызов целостности сообщества и поэтому встречают сильнейшее сопротивление. Британская монархия не имеет никакого смысла с точки зрения демократических принципов, лежащих в основе современной британской государственности. Напротив, она оказывает негативное влияние, укрепляя социальную стратификацию

британского общества и помещая родословную выше заслуг. Можно было бы ожидать, что, не будь ритуалов, окружающих монархию, и связанных с ними эмоций, она тут же прекратила бы свое существование.

Влияние плохих первоначальных выборов часто значительно увеличивается явлением, известным экономистам как «возрастающая доходность». Иначе говоря, при правильных условиях наличие чего-то приводит к большему производству этой вещи, как при обратной связи через усилитель. Одним из таких примеров может служить павлиний хвост. Биологи-эволюционисты, начиная с Дарвина, предполагали, что павлиний хвост — результат полового отбора, то есть конкуренции самцов и самок с представителями того же пола для выбора наилучшего партнера в бесконечном взаимодействии. Биологи предполагают, что хвост павлина, возможно, развился случайно. По какой-то неизвестной причине некоторые самки начали предпочитать самцов с ярко окрашенными хвостами. Так возникла ситуация «возрастающей доходности»: поскольку некоторые самки выбирали самцов с яркими хвостами, другие самки также хотели спариваться с такими самцами, потому что их отпрыски смогли бы легче найти супругов. Чем больше самок предпочитало таких самцов, тем больший стимул поступать так же имели самки в следующих поколениях; эффект оказался лавинообразным.

То же самое и с человеческими институтами — многие из них существуют не потому, что эффективны или хорошо приспособлены к своей окружающей среде, но просто потому, что вытеснили другие варианты на раннем этапе развития. Очень маленькие, даже случайные различия могут с течением времени превратиться в очень большие. Выбор операционных систем Microsoft DOS и Windows, а не конкурирующих — таких, как CP/M или OS/2 — приводится экономистами как пример «возрастающей прибыли», приводящей к сохранению раннего выбора. Операционные системы Microsoft не обладали техническим превосходством над своими конкурентами, но их более широкая установочная база давала потребителям стимул пользоваться ими благодаря возможности использовать больший парк установленных приложений".

Все эти факторы представляют собой причины, по которым сообщества будут не способны спонтанно создавать нормы сотрудничества, почему такие нормы могут быть несправедливыми, даже если были созданы, и почему несправедливые или контрпродуктивные нормы могут продолжать существовать долгое время. Это означает, что спонтанный порядок никогда не будет создавать порядок per se в любом обществе. Необходимо, чтобы его дополняла рациональная иерархическая власть в форме государства и формального права. Социальная норма,

узаконивавшая рабство на американском Юге до Гражданской войны, не могла быть исправлена спонтанными эволюционными способами — по крайней мере за время, которое могло бы быть морально оправданным; ее было необходимо решительно уничтожить силой, навязать иную сопротивляющейся группе людей в резко авторитарной форме. Государственная власть в форме формального права всегда будет являться необходимыми дополнением и коррективом, как указывает сам Хайек, для расширяющегося порядка, возникшего в результате человеческой кооперации[12].

Недостатки сетей

Сеть — это современная корпоративная версия спонтанной организации. Некоторые футурологи — такие, как Мануель Кастельс, автор книги «Становление общества сетевых структур»* — утверждают, что мы находимся на пороге кардинального сдвига от авторитарной иерархии к сети и другим

* Сокращенный русский перевод: Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. ред.*

радикально демократизированным властным структурам. По понятным причинам мечта о корпоративном мире, в котором решения принимаются на добровольной, эгалитарной, равноправной основе, является привлекательной и соответствует либеральной утопии тех, кто предпочел бы видеть власть государства полностью замененной добровольными сообществами и внутренними ограничениями. Этот эгалитаристский порыв объясняет необыкновенную популярность биологических метафор в рассуждениях об организациях, где механическое ньютонианское управление сверху вниз рассматривается как нечто отрицательное, а органическая самоорганизация снизу вверх рассматривается как нечто положительное.

Мы можем считать, что сети станут более значимыми в технологическом мире будущего, и все же признавать существование по меньшей мере трех причин, по которым иерархия останется необходимой частью организации в обозримом будущем. Во-первых, мы не можем считать существование сетей и социального капитала, который лежит в их основе, чем-то само собой разумеющимся, а там, где они не существуют, иерархия может быть единственно возможной формой организации. Во-вторых, иерархия часто функционально необходима для достижения целей,

которые ставит перед собой организация. И в-третьих, люди от природы *любят* организовываться иерархически.

Сеть, как мы видели, — просто форма социального капитала, в которой индивиды связаны друг с другом общими нормами и правилами в дополнение к экономическим связям. До некоторой степени компании могут создавать социальный капитал путем привития своим сотрудникам определенных общих ценностей. Однако это зачастую долгий и дорогостоящий процесс, и отдельные фирмы в любом случае не могут создавать социальные связи, которые связывали бы их работ-пиков с работниками в других компаниях. Для достижения этого они должны полагаться на социальный капитал, кото рый существует (а существует он не всегда) в более широком сообществе. Самоорганизующиеся сети с наибольшей вероятностью возникают, когда люди в широком обществе имеют другие сильные общественные институты и не разделяются по классам, национальностям, вероисповеданию, расе или другим признакам.

Пример можно взять из автомобильной индустрии. Когда японские производители автомобилей — такие, как «Тойота» и «Ниссан» — начинали строить заводы в Северной Америке, чтобы обойти политическое сопротивление своему импорту, они в основном держались в стороне от Мичигана и других автомобилестроительных регионов с традиционно воинственными профсоюзами. Гораздо большее значение, чем высокий уровень заработной платы, установленный для них профсоюзами, имел тот факт, что американские сообщества с давней традицией профсоюзного движения гораздо менее охотно приняли бы принцип управления, опирающегося на высокий уровень доверия, который лежит в основе гибкой организации производства. Такие фабрики не только требуют гораздо большей гибкости правил работы; они также требуют создания двусторонних отношений между рабочими и менеджерами, а также чувства принадлежности общему предприятию. Вот почему японские предприниматели предпочли такие регионы, как сельские Огайо, Кентукки и Теннесси. Эти сообщества испытывали меньшую симпатию к профсоюзам и имели характер маленьких городков, похожих на те, которые преобладают в Японии. Я не знаю, рассматривалась ли когда-либо возможность создания фабрик с гибкой организацией производства на Сицилии или в других частях Южной Италии с низким уровнем доверия, но имеются веские основания предполагать, что это не было бы мудрым решением. Самоорганизация не работает где угодно.

Американские производители автомобилей, которые желали воспользоваться социальным капиталом, должны были делать значительные инвестиции для его создания, так как у них был гораздо

меньший выбор в вопросе, где располагать спои фабрики, чем у их японских конкурентов. «Форд» после серьезного кризиса и сокращения в 1970-х годах быстро перешел к более эффективным методам гибкой организации производства в 1980-е годы. Компания Форда поняла, что, так как невозможно обойти профсоюзы, нужно объединить с ними усилия для создания отношений доверия со своими рабочими. В компании была учреждена должность старшего вице-президента для непосредственного сотрудничества с главой Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности и установлена общая политика отказа от сотрудничества с поставщиками, враждебно настроенными по отношению к профсоюзам. В 1997 году компания отказалась закупать детали у компании «Джонсон Контроле», которая в то время была вовлечена в ожесточенный конфликт с профсоюзом, дошедший до забастовки и локаута[13]. Эта позиция привела в ярость «Джонсон Контроле», но данная стратегия принесла свои плоды позже, когда «Форд» воспользовался прочным миром с работниками и получил возможность беспрепятственно выполнять свои собственные процедуры гибкой организации производства.

«Дженерал Моторс», напротив, установила принцип бесперебойных поставок, не понимая, насколько социальный капитал был важен для его успешного осуществления. Компания не особенно заботилась о сотрудничестве с профсоюзом, поручив контакты с рабочими мелкому должностному лицу. Необходимость жесткого соблюдения времени поставок при бесперебойном производстве делает его в высшей степени зависимым от доверия и сотрудничества — если деталь не доставлена в срок, задержка распространяется по всей системе. В 1996-м и 1998 годах компания «Дженерал Моторс» столкнулась с двумя повлекшими большие расходы забастовками, которые начались с местных профсоюзных организаций и быстро распространились на все производство «Дженерал Моторс» в Северной Америке. Забастовка 1998 года привела к потере 1,6 млрд. долларов прибыли.

Таким образом, японские компании использовали существующий социальный капитал в тех сообществах, где располагали свои заводы; «Форд» приложил серьезные усилия для создания социального капитала там, где первоначально он был очень незначительным; а «Дженерал Моторс» не смогла понять насущную необходимость социального капитала и поплатилась за это.

При отсутствии социального капитала иерархические организации имеют большое значение и фактически могут оказаться *единственным* средством, благодаря которому общество с низким уровнем доверия может быть организовано. Классический тейлоризм не требует никакого доверия

между рабочими и менеджерами. Он требует лишь того, чтобы рабочие, находящиеся внизу иерархии, выполняли формальные правила. Мотивация рабочих осуществляется по принципу кнута и пряника; Тейлор был большим сторонником сдельной оплаты для стимулирования выработки. Нет смысла, чтобы рабочие усваивали цели организации или относились к своим начальникам, как к членам своей большой семьи. При низком уровне квалификации и образования иерархическая централизация гарантирует, что рабочим не нужно будет думать самим. Тейлоризм применялся очень эффективно во время бурной индустриализации СССР в 30-е и 40-е годы, когда крестьяне были вытолкнуты из деревень и брошены на гигантские индустриальные предприятия. В то время не было другого выбора: сталинизм и террор раздробили советское общество, разорвали горизонтальные связи между людьми и разрушили все остатки социального доверия.

По мере роста предъявляемых экономикой требований к уровню образования и квалификации, как это имеет место в экономике США, число областей производства, требующих тейлоровской организации, будет уменьшаться. Однако часть. рабочей силы останется трудно обучаемой, и многие социальные, этнические, классовые, гендерные и расовые противоречия будут препятствовать распространению общих норм, являющихся основой социального капитала, даже среди хорошо образованных рабочих. Это означает, что иерархическая организация будет продолжать быть важным средством координации.

Вторая причина того, что организационная иерархия вряд ли исчезнет, действует не только по отношению к рабочим низкой квалификации в отраслях промышленности, находящихся в упадке, но даже к наиболее продвинутым высокотехнологичным компаниям. Существует множество ситуаций, в которых иерархическое управление гораздо более эффективно, чем децентрализованное. Хотя сеть может быть более рационализаторской благодаря коллективному решению проблем в связанных с риском и новаторских областях, бывают моменты, когда решительность централизованной иерархии абсолютно необходима.

Рассмотрим, например, такую ситуацию, как высадка в Нормандии в июне 1944 года. Для сохранения секретности и внезапности командование союзников жестко контролировало передвижения подразделений и распространение информации; для обеспечения высадки войск в нужном месте в нужное время потребовался диктаторский контроль за распределением ресурсов. Централизованная организация может действовать гораздо быстрее, чем сети, которые связаны принятием

решения путем установления консенсуса. Представьте, что до немцев дошел слух о союзнических планах по высадке 4 июня, и они начали перебрасывать силы в Нормандию. Что вы предпочли бы на месте Эйзенхауэра: чтобы союзнической армией руководила иерархия или сеть? В эксперименте по принятию сетевого решения группе людей было предложено совместно управлять виртуальным самолетом — фактически при помощи голосования: направлять ли его вверх, вниз или в сторону[14]. Этот эксперимент показал, что после определенного процесса обучения группа людей была способна успешно маневрировать самолетом, несмотря на тот факт, что не было единственного индивида, который бы им управлял. Это был впечатляющий пример сетевой координации, но большинство людей, как я думаю, предпочли бы рисковать своей жизнью в «Боинге-747», управляемом одним компетентным пилотом.

Сетевая координация, таким образом, может быть очень рискованной. Одно из больших преимуществ сетей заключается в том, что большое число индивидов или подразделений, располагающихся близко к источникам локального знания, постоянно вводят новшества, экспериментируют, принимают рискованные решения. Однако это преимущество может стать огромным изъяном, если компании вверяют одному служащему низкого ранга власть, достаточную для того, чтобы «рисковать всей фирмой». Это фактически и случилось с почтенным британским инвестиционным домом «Бэрингс», когда там позволили 29-летнему сингапурскому торговому агенту по имени Николае Лисон так рисковать капиталом фирмы, что он оказался способен в одиночку разрушить организацию с 234-летней историей. Фирмы более удачливые, чем «Бэрингс», которым удалось пережить неудачные решения сотрудников низкого ранга, обычно быстро принимают новые меры по иерархическому контролю за своими работниками для того, чтобы избежать повторения подобных неприятностей.

Фактически мания децентрализации, перехода к горизонтальной структуре организации, создания сетей, которая захлестнула американские управленческие круги в 90-х годах, часто имела характер наивного изобретения велосипеда. Сильно децентрализованные фирмы со служащими низкого ранга, наделенными значительными полномочиями, существовали

i> прошлом и обанкротились. Примером может служить огромная компания розничной торговли «Сирс», которая под руководством генерала Роберта Э. Вуда в 1930-х и 1940-х годах передала значительную власть региональным вице-президентам и управляющим магазинов. Логика была та же самая, что и сейчас: управляющий магазином в Таллахасси знает

гораздо лучше, чем администратор головного офиса «Сирс» в Чикаго, какими товарами следует торговать в местном магазине. Проблема заключалась в том, что многочисленные администраторы низкого уровня, наделенные властью, начали осуществлять свои собственные программы действий, которые зачастую не согласовывались с программой всей компании; например, некоторые управляющие автомастерскими в 1970-х годах использовали высокую репутацию «Сирс» в собственных целях и прибегли к тактике «не обманешь — не продашь»[15].

В децентрализованных организациях дисфункция часто принимает форму трайбализма*, при котором интересы начальника одного отдела заключаются скорее в победе над другим отделом, чем в борьбе с внешним конкурентом. Подобная ситуация имела место в «Форд Мотор компани» в 1950-х годах, когда две группировки внутри компании конфликтовали из-за маркетинга модели «Континентал Марк I I». Одна группировка хотела использовать новую модель для привлечения богатых семей в выставочные залы Форда для лучшей продажи всей продукции; другая группировка заблокировала разработку четырехдверной модели во имя уменьшения расходов и разрушила стратегию коллег[16].

В отсутствие формального управленческого контроля фирма может предотвратить возможное опасное поведение бесцеремонных индивидов при помощи внушения им приемлемого кодекса поведения. Другими словами, только социальный

* Культурно-бытовая, культовая и общественно-политическая племенная обособленность, одно из проявлений межплеменной вражды. — *Примеч. ред.*

капитал может решить подобные проблемы в организациях с высоким уровнем децентрализации власти. Это можно сделать и обычно делается при помощи обучения или отбора будущих служащих на основании хороших рекомендаций, но подобные инвестиции в социальный капитал зачастую дорогостоящи. Более того, трайбализм, который поражает децентрализованные компании, обычно не является результатом нечестности или плохого обучения, но возникает из-за слишком усердного преследования целей подразделения в ущерб целям организации как целого. Неформальные нормы, контролирующие поведение в децентрализованной организации, могут обеспечивать оптимальный баланс между гибкостью и степенью риска, но это не гарантирует, что и то, и другое будет достигнуто. Когда риски сильно возрастают, формальный контроль становится необходимым.

Как это ни парадоксально, иерархические организации часто необходимы для создания того самого социального капитала, который

нужен для того, чтобы заставить горизонтальные организации или сети работать должным образом — по принципам *лидерства* или *харизмы*. Эти концепции знакомы социологам и политологам, но чужды экономистам. Обширная литература об организациях и бюрократии всегда констатировала, что в организациях имеют место формальные и неформальные структуры, и указывала на важность последних для правильной работы первых. Чаще происходит так, что неформальной этике, направляющей деятельность отдельной организации, сотрудники учат на личном примере. Как и в политической жизни, великие лидеры побуждают людей вести себя определенным образом силой своей личности и своим примером. Специалист по управлению Эдгар Шейн приводит множество конкретных примеров того, как лидеры создают корпоративную культуру — например, покидая свои кабинеты, чтобы обойти предприятие, разделяя личную ответственность со своими работниками или устанавливая прямые отношения с ними, минуя корпоративную иерархию". Наиболее эффективные государственные учреждения — такие, как Служба охраны лесов или ФБР при Эдгаре Гувере — обязательно имеют неформальные культуры, созданные сильными личностями лидеров, часто сообразно отличительным особенностям их характера[18]. Сети не имеют лидеров по определению; примеры и нормы в них должны исходить снизу. Г-сли норм, которые создают социальный капитал, не существует, организация встретится с гораздо большими трудностями, создавая их самостоятельно, по сравнению с той, которая управляется иерархически сильным лидером.

Homo hierarchicus*

Существует еще одна причина, из-за которой иерархия вряд ли исчезнет в обозримом будущем из современных организаций: люди по природе любят организовываться иерархически — или, точнее, те, кто находится наверху иерархий, находят удовлетворение, которое приносит признание их социального статуса, настолько приятным, что оно часто значит больше, чем деньги и материальное благосостояние. Тем, кто находится внизу, это нравится значительно меньше, но у них обычно нет выбора. В любом случае в современных обществах существует достаточное количество иерархий, по крайней мере в одной из которых большинство людей могут занять место выше среднего. То, что людям не нравится больше всего, — это не иерархия в принципе, а иерархии, в которых они оказываются внизу. Большинство радикальных эгалитаристов, которым удавалось прийти к власти — якобинцы, большевики и китайские коммунисты-революционеры, — тотчас же начинали создавать другие, но

не менее иерархические собственные социальные структуры, в которых скорее партийный секретарь, а не король или промышленный маг-

* Человек иерархический *(лат.). — Примеч. ред.*

нат оказывался на вершине горы. Сегодня мы едва ли станем признавать статус на основе родословной; было бы нелепо выбирать нейрохирурга на том основании, что он является внуком нейрохирурга, Однако иерархия таланта и способностей не менее стратифицирована. Большинство людей не станут помещать нейрохирурга и санитара госпиталя в одну категорию «работников здравоохранения» — и менее всего сам нейрохирург.

Конкуренция за статус в иерархии характерна для большей части животного мира и, в частности, наших ближайших родственников, приматов. Большинство иерархий в животном мире возникает в результате полового отбора — процесса, в ходе которого самцы конкурируют друг с другом из-за самок. Самцы шимпанзе озабочены конкуренцией за статус самца-альфа, стремление к чему глубоко укоренено в их нервной системе. Шимпанзе чувствуют повышение уровня серотонина, когда достигают доминирования в иерархии[19]. Действительно, был проведен эксперимент, в котором удавалось увеличивать и уменьшать доминирование отдельных обезьян в иерархии при помощи изменения уровня серотонина в мозгу[20]. Препарат-антидепрессант прозак оказывает действие благодаря искусственному манипулированию восприимчивостью мозга к серотонину.

Среди людей стремление к статусу также является неотъемлемой частью эмоциональной системы. Желание признания — личного статуса и статуса богов, страны, расы, национальности, идей и т.д. — является главной движущей силой политической жизни[2']. Чувство гордости возникает, когда за кем-либо признается соответствующий статус, в то время как гнев является результатом неадекватного признания. Эти эмоции по своей природе социальны: испытывая злость из-за недостатка признания, человек не стремится к приобретению материальных объектов вне своего тела; скорее он хочет свидетельств психического состояния — признания — в другом субъективном сознании. Часто бывает, что вспышка гнева заставляет человека делать вещи, которые очевидно противоречат его собственным материальным интересам, — вести войны за признание национальной или религиозной независимости, сражаться на дуэли, оказываться вовлеченным в расходящуюся спираль кровной мести, месяцами просиживать в суде, пока наконец убийца жены или сына не будет наказан.

Следует признать, что конкуренция за статус и признание статуса также являются важным фактором в экономической жизни. Многое из того,

что считается экономической мотивацией — удовлетворение «предпочтений» через приобретение материальных благ, мотивировано не столько стремлением к потреблению, сколько желанием обладать тем, что экономист Роберт Фрэнк называет «позиционными товарами», — свидетельством положения кого-либо по отношению к другим людям в социальной иерархии. Это обстоятельство хорошо понимал Адам Смит, говоря в «Теории нравственных чувств», что богатые стремятся к богатству не ради удовлетворения потребностей, которые обычно умеренны, а потому, что «богатый человек гордится своим богатством» и «чувствует, что оно естественным образом привлекает к нему внимание света»[22].

Важность статуса в современной жизни очевидна из большого числа явлений. Роберт Фрэнк указывает, что уровни заработной платы в американских корпорациях на самом деле меньше отличаются друг от друга, чем должны были бы, если бы работники вознаграждались, как предписывает экономическая теория, строго согласно своей предельной производительности". Причина в том, что более высокооплачиваемые служащие частично вознаграждаются знаками статуса — угловой офис, место для парковки рядом с дверью или табличка «вице-президент» на дверях, — в то время как низкооплачиваемые должны вознаграждаться деньгами из-за их более низкого статуса.

Пожалуй, наиболее убедительное свидетельство того, что экономическая жизнь имеет большее отношение к статусу, чем к богатству, — это тот факт, что лица, производящие опросы общественного мнения, постоянно обнаруживают, что люди считают себя тем более счастливыми, чем они богаче по отношению к другим людям. Другими словами, люди, попавшие в верхние 20 % распределения доходов, рассматривают себя как более счастливых, чем те, которые находятся в следующем квинтиле, и так далее до самого низа, где люди считают себя наименее счастливыми. Хотя это может рассматриваться как доказательство того, что счастье можно купить за деньги, Фрэнк указывает, что подобное отношение выявлялось всегда, начиная с первых опросов в 1940-х годах, когда самые богатые люди были в абсолютном отношении не богаче, чем, скажем, средне обеспеченные в 1990-х. Более того, люди, находящиеся на вершине распределения доходов в очень бедных странах, которых едва ли можно сравнивать со средним классом в США, также считают себя самыми счастливыми[24]. Все это наводит на мысль, что счастье связано не с абсолютным, а с относительным доходом, и что удовлетворение, которое приносят деньги, связано, как указывал Смит, с тем, насколько богатые могут «гордиться» своим богатством.

Раз люди стремятся скорее к статусу, чем к материальным благам, они становятся вовлеченными в игру скорее с нулевой суммой, чем с ненулевой. Иначе говоря, высокий статус достигается только за счет кого-то еще. В условиях конкуренции с нулевой суммой многие из традиционных средств неоклассической экономики — такие, как нерегулируемая рыночная конкуренция, — больше не работают. Конкуренция из-за статуса часто ведет к ненужным потерям в социальной пользе, так как конкурирующие стороны стремятся победить друг друга. Чтобы не отстать от соседей Джонсов, вы покупаете «БМВ» последней модели; они отвечают покупкой «роллс-ройса». Ваши взаимные позиции не изменились, но две компании, производящие роскошные автомобили, получили существенную часть вашего состояния и такую же часть состояния Джонсов. В подобных ситуациях часто лучше или договориться не конкурировать (как в соглашениях по контролю над вооружениями, которые стремятся разрешить похожую игру с нулевой суммой), или иметь третью сторону — арбитра, ограничивающего уровень конкуренции.

Представления о горизонтальном, сетевом, неиерархическом мире будущего равносильны представлениям о мире без политики. Эта мечта сторонников свободы воли — разделяемая, между прочим, многими защитниками прав человека в Восточной Европе до падения Берлинской стены — не более реалистична, чем мечта социалистов о всеобъемлющей политике или мечта радикальных феминисток о том, чтобы мужчины каким-то образом перестали быть мужчинами. Каждое поколение может стремиться заново определить границу, которая отделяет политику от гражданского общества и рынка. В нашем поколении эта граница была отодвинута от правительства. Функции, которые раньше определялись как политические, были отданы гражданскому обществу или рынку через приватизацию и прекращение регулирования. Подобным же образом на корпоративном уровне власть и полномочия были переданы, децентрализованы, отделены от источника и разделены. Однако сама граница, отделяющая политическое от социального, никогда не исчезнет — социальный порядок, на уровне ли общества или на уровне организации, будет всегда возникать из смеси иерархических и спонтанных источников.

Глава 14
За пределами Пещеры

Пускай они все, кроме Пещеры 76, катятся к черту.
«Гимн Пещеры *76*», из «Двухтысячелетнего человека» Мела Брукса

Человеческие существа по своей природе являются социальными созданиями с определенными встроенными в них естественными способностями решать проблемы социальной кооперации и изобретать моральные правила для ограничения индивидуального выбора. Они без особых напоминаний будут спонтанно создавать порядок, просто преследуя свои повседневные личные интересы и взаимодействуя с другими людьми. Крысолову, ведущему детей Гамельна в другую землю, не придется, по всей видимости, увидеть, как эти дети будут губить себя, впадая во вражду типа той, что описана в «Повелителе Мух» (если не будет серьезного дисбаланса в соотношении полов и при условии, что Крысолов сам не будет иметь политических амбиций). Скорее всего эти дети, мало что помня о культурных традициях своих родителей, сформируют новые традиции, которые не будут слишком от тех отличаться. Их новый социальный порядок будет включать систему родства, частную собственность, систему обмена товарами, иерархии статусов и множество других норм, налагающих ограничения на поведение индивидов. Честность, добропорядочность, выполнение обязательств и взаимность различных видов будут практиковаться многими людьми большую часть времени и цениться, по крайней мере теоретически, почти всеми. Будут также и обман, преступность и другие формы отклонений, так же как и общественные механизмы контроля за этими отклонениями. Маленькие дети, не прошедшие обучения, будут разделять мир на хороших и плохих парней. У них будет сильное чувство солидарности с членами их собственного сообщества и настороженность — от опаски до открытой враждебности — по отношению к чужакам. Они, их дети и дети их детей будут постоянно сплетничать о том, кто из них плохой, а кто хороший, кто исполнял обещания, а кто мошенничал, кто был слишком легко доступен, а кто потерял интерес на следующее утро. Все эти сплетни будут служить тому, чтобы поддерживать повседневную мораль — вроде той, которая практикуется в семьях, а также между друзьями и соседями и которая является источником социального капитала.

Повторим: *дети Гамельна будут спонтанно создавать все эти правила без благословения пророка, который донесет до них слово Бога, и без помощи законодателя, который создаст правительство.* Они сделают это потому, что они — человеческие существа, которые по своей природе являются животными моральными и в достаточной степени рационально мыслящими, чтобы создать культурные правила, которые позволят им жить друг с другом.

Если обыденная мораль в некотором смысле естественна и является продуктом спонтанных человеческих взаимодействий, то чего, в таком

случае, в этой картине недостает? Что могут дать этому обществу пророк или законодатель, чего не хватает в том, что мы можем назвать Новым Гамельном? В каких областях спонтанный порядок нуждается в том, чтобы быть дополненным этими иерархическими формами власти?

В первую очередь упущен масштаб. Дети Гамельна и их потомки будут жить в маленькой колонии — численностью, вероятно, в 50—100 человек, не слишком отличающейся в некоторых отношениях от колонии шимпанзе в Арнеме. Большинство членов будут состоять в различной степени родства; вообще редко можно будет встретить кого-то, кто не является родственником, если только Новый Гамельн не столкнется с другой колонией. Новый Гамельн, даже будучи организован иерархически, будет относительно эгалитарным, в нем не будет больших отличий между ведущими и ведомыми. Однако такая колония не будет обладать способностью построить город или создать все те вещи, которые проистекают из жизни в городе. Не будет разделения труда, безличного рынка, экономии, достигаемой за счет масштабов производства, юридических гарантий прав на собственность и, следовательно, долгосрочных инвестиций; не будет и почти никакого культурного разнообразия. Не будет высокого искусства — Микеланджело или Бахов, поскольку их продукция сильно зависела бы от значительных излишков, производимых хорошо организованными сельскохозяйственными обществами. Не будет пирамид, Парфенона и, уж конечно, Версальского дворца. Романы, научные исследования, библиотеки, университеты, больницы — хотя дети Гамельна, возможно, теоретически и смогли бы создать все это — не появятся, потому что самоорганизованное эгалитарное племя останется ограниченным и слишком безнадежно увязшим в бедности, чтобы заботиться о чем-то большем, чем ежедневное выживание.

Другими словами, различные биологические механизмы, детально рассмотренные в главах 8—10 — такие, как системы родства или взаимный альтруизм, — могут объяснить социальную организацию в обществах охотников и собирателей на уровне семей, племен и других малых групп. Небиологические механизмы самоорганизации, описанные в главах 11 и 12, могут объяснить, как социальные нормы управляют несколько большими по размеру группами, число участников которых насчитывает сотни, а в некоторых случаях и тысячи человек. Они могут также объяснить появление спонтанного порядка более широкого масштаба в обществах, в которых правительство и власть закона уже существуют. Однако когда спонтанные группы становятся слишком большими, различные проблемы использования общественных ресурсов — такие, как определение того, кто будет устанавливать правила, следить за любителями прокатиться на

дармовщинку и принуждать придерживаться норм — становятся неразрешимыми. Правила Элинор Остром, касающиеся общественных ресурсов, порождают культуру с маленькой буквы — то есть это маленькие правила для маленьких обществ, которые мы обычно не связываем с большими и важными культурными системами. Литература о спонтанном порядке не может дать объяснения формированию норм в сообществах более широкого масштаба — нациях, этнолингвистических группах или цивилизациях. Таким образом, Культуры с большой буквы — будь то исламская, индуистская, конфуцианская или христианская — не имеют спонтанных корней.

Имеется также моральная проблема. Повседневная мораль совместима с шокирующей аморальностью (и даже является ее необходимым условием) в высших слоях социальной организации. Неорганизованная толпа индивидов не может успешно осуществить систематический геноцид — такой, как уничтожение кулаков в Советском Союзе во время коллективизации 30-х годов. Солдаты-конфедераты, которые умирали ради того, чтобы сохранить рабство, или немцы, виновные в Холокосте, часто проявляли честность, храбрость и верность своим сообществам. Немцы, в частности, известны как ярые приверженцы порядка, которые не станут переходить улицу на красный свет, даже конвоируя заключенных в концентрационный лагерь. Однако тот род повседневной морали, который не позволяет индивиду проявлять неподчинение правилу дорожного движения, на более высоком уровне сообщества способствует совершению самых ужасных преступлений. Желание, чтобы их любили и уважали, а также готовность подчиняться приводят индивидов к тому, что в условиях пагубной политической системы они исполняют самые жестокие приказы, Мораль на уровне человечества как целого требует, чтобы мы нарушали глубоко укоренившиеся нормы преданности и взаимности по отношению к нашей собственной группе'. Великие моральные конфликты нашего времени возникли не на основе отсутствия обыденной морали, а скорее из-за склонности человеческих сообществ замыкаться в границах своей расы, религии, национальности или какой-либо другой произвольной характеристики и бороться за ее окончательное утверждение с другими, по-иному определившимися сообществами.

Законодательство необходимо для установления правительства, которое позволяет создать крупномасштабное общество и осуществить трансформацию социального порядка в политический. Человеческие существа идут гораздо дальше представителей любого другого вида в создании иерархий второго и третьего порядка, которые объединяют семьи

в племена и кланы, племена — в союзы и, наконец, все низшие социальные образования — в политическое сообщество или государство[2]. Может быть, государство, как утверждал политолог Роджер Мастере, имеет биологическое происхождение[3]. Аристотель говорил, что человек по своей природе — животное не общественное, а *политическое.* Он утверждал это на том основании, что человеческие существа повсюду живут в политических сообществах, за исключением небольшого количества изолированных Новых Гамельнов. Человеческие существа не просто хотят иметь социальные связи с другими людьми благодаря семье, дружеским отношениям, знакомству с соседями, принадлежности к церкви или добровольным объединениям; они хотят *править,* вести других и получать признание того; как они формируют свои сообщества посредством иерархий.

Иерархия необходима для того, чтобы исправлять дефекты и ограничения спонтанного порядка. Как минимум она обеспечивает такие социальные блага, как защита и охрана прав собственности. Но помимо этого политическая организация помогает создать общественный порядок по меньшей мере тремя способами. Во-первых, она утверждает нормы непосредственно через законодательство. Изречение «нельзя предписать мораль» верно только отчасти: государство не может заставить индивидов следовать нормам, которые идут вразрез с важными природными инстинктами или интересами, но оно может (и делает это) формировать неформальные нормы. Отказ в 60-х годах от сегрегации в США благодаря законам о гражданских и избирательных правах сыграл решающую роль в изменении общественных норм, касающихся расовых вопросов.

Второй способ, которым политический порядок устанавливает порядок социальный, — это создание условий для мирного рыночного обмена и, следовательно, для распространения спонтанного порядка, создаваемого рынком за пределами практикующих непосредственные личные связи маленьких сообществ. Благодаря надежным и охраняемым правам на собственность покупатели и продавцы могут взаимодействовать на большом расстоянии, с большей гарантией того, что им будет куда обратиться за помощью, если они станут жертвой обмана; инвесторы могут вкладывать капитал, перспектива получения дохода от которого лежит далеко в будущем. Некоторая торговля и даже, хотя и в меньшей степени, капиталовложения будут иметь место и при отсутствии государства и прав собственности; люди практикуют натуральный обмен даже в зонах боевых действий, в которых политический порядок разрушен, однако, несомненно,

ничего из того, что мы рассматриваем как современный экономический мир, при отсутствии государства не возникнет.

Наконец, политика производит социальный порядок через лидерство и харизму. Как уже было отмечено, в корпора циях отдельный индивид часто может формировать поведение и цели своей организации. То же верно и для политики. Качества, которые требуются для того, чтобы создать политическую организацию, отличаются от качеств, которые требуются для создания общественного порядка. Добродетели, которыми обладают дети Гамельна, — это маленькие добродетели, которые мы отождествили с социальным капиталом:

честность, выполнение обещаний, взаимность и т.п. Хотяони важны и доя политического порядка, для последнего требуются еще и другие, большие и менее часто наблюдаемые свойства — такие, как мужество, смелость, государственная мудрость и политическая креативность. Государственные деятели — от Солона и Ликурга до Петра Великого и Авраама Линкольна — не просто кодифицировали нормы, которые возникли самопроизвольно. Они служили благодаря силе своего характера и личному примеру орудием созидания того, что Макиавелли назвал «новыми обычаями и порядками» политической жизни. Скромность Джорджа Вашингтона, когда он занял высшую должность в государстве, его отказ от почетных титулов и готовность уйти после двух президентских сроков, несмотря на просьбы многих его соотечественников стать пожизненным президентом с почти королевской властью, установили важные прецеденты для поведения последующих демократически избранных президентов США.

Во многих отношениях иерархическая религия была служанкой политики и практически неотличимой от нее как иерархическое средство построения коалиций второго и третьего порядка — от клана до империи. На протяжении большей части истории человечества не существовало четкой границы между иерархической властью государства и иерархической властью религии. Монарх и первосвященник правили в одной стране и часто были объединены в одной и той же персоне. Религия узаконивала политическое правление — конфуцианская доктрина поддерживала власть мандаринов в Китае, синтоизм поддерживал культ императора в Японии, а европейские короли правили по божественному праву. Индуизм, христианство и ислам — все они активно использовали государственную власть для распространения и укрепления своих доктрин, часто с применением военной силы.

Cujus regio, ejus religio.*

Самые обширные человеческие сообщества, выходящие •>а границы государств, имеют религиозную природу. Многие из них восходят к так называемому осевому времени, и большинство из них возникло из учений либо отдельных индивидов — Конфуция, Христа, Будды, Мухаммеда, Лютера, Кальвина, — либо относительно маленьких групп индивидов. Хотя иерархическая власть организованной религии не является необходимой для создания правил обыденной морали, исторически она была абсолютно решающей для создания цивилизаций. Великие цивилизации — исламская, иудейская, христианская, индуистская и конфуцианская, — границы которых, согласно Самуэлю Хантингтону, все еще обозначают линии разломов мировой политики, являются религиозными по природе[4].

Иерархическая религия играла важную роль в формировании моральных норм и другим решающим способом. Ни биологическая склонность поддерживать социальное сотрудничество, ни род спонтанного порядка, который может быть достигнут через децентрализованную торговлю, не будут иметь результатом моральный универсализм — то есть моральные правила, которые применимы ко всем человеческим существам как человеческим существам, на которых покоятся современные представления о человеческом равенстве и правах человека. Естественный порядок и спонтанный порядок в конечном счете укрепляют эгоизм маленьких групп и, следовательно, приводят к тому, что радиус доверия мал. Они порождают обыденные добродетели честности и взаимности, в

* Чья область, того и вера *(лат.). — Примеч. ред.*

результате чего создают иерархию и порядок, но только в пределах относительно маленьких сообществ. Они дают в результате то, что Мел Брукс назвал бы моралью Пещеры 76, где каждый, кто вне пещеры, может катиться к черту. Эти аутсайдеры представляют собой законную мишень для агрессии сообщества — как жертвы шимпанзе в Гомбе.

Может показаться странным, что мы приписываем иерархическим религиям разрушение барьеров между человеческими сообществами, поскольку обычно религиозная одержимость ассоциируется с общественным насилием. Сектантские конфликты между протестантами и католиками в Северной Ирландии, мусульманами и православными в Боснии, индуистами и тамилами на Шри-Ланке постоянно присутствуют в заголовках газет. Однако если мы будем рассматривать человеческую историю в более долгосрочной перспективе, то увидим, что религия играла решающую роль в увеличении радиуса доверия в человеческих обществах. Конкуренция и сотрудничество нерасторжимо переплетены в человеческой эволюции — мы закрепляем внутренний порядок внутри нашего

сообщества, чтобы успешнее конкурировать с другими сообществами. Масштаб этих сообществ постоянно растет — за пределы семьи, за пределы племени, далеко за пределы Пещеры 76. Организованные религиозные группы, которые сегодня ведут друг с другом борьбу, стоят в конце долгого процесса социальной эволюции, которая закрепляла порядок, нормы и мир внутри все увеличивающихся и увеличивающихся сообществ. Мы обязаны религии тем, что сегодня скорее цивилизация является базовой единицей отсчета, а не семья или племя.

К тому же именно религия впервые предположила, что конечным сообществом, внутри которого ее моральные нормы должны применяться, должно стать все человечество, создавая тем самым максимальный радиус доверия. Этот род морального универсализма присутствует во многих осевых религиях, включая буддизм, ислам и христианство. Именно христианство оставило в наследство идеи универсального равенства человеческих прав светским доктринам — таким, как либерализм и социализм. Может быть, стремление к моральному универсализму и не реализовано ни одной реальной религией, но оно тем не менее является неотъемлемой частью моральной вселенной, созданной религией.

Только на современном Западе дело строительства иерархий более высокого порядка было отнято у религии и отдано государству, с его сложными механизмами бюрократии, формального права, судов, конституций, выборов и т.п. Во времена формирования современной Европы религиозные кон~ фликты стали настолько разрушительны, что основоположники либерализма — такие, как Томас Гоббс и Джон Локк — предложили новую основу для сообщества, основу, которая предусматривала создание светского государства и кардинально сокращала число и масштабы общих ценностей, навязываемых государственной властью. Постиндустриальные либеральные демократии, которые были предметом первой части этой книги, являются последним продуктом этого нововведения.

Эти ценности, которые разделяются современной либеральной демократией, являются во все большей степени скорее политическими, нежели религиозными. Было время, когда значительное большинство американцев согласилось бы с характеристикой их страны как «христианской нации»; сегодня это верно только для небольшого меньшинства — меньшинства, на которое другая часть общества смотрит с заметным подозрением. Большинство американцев скорее всего предпочли бы истолковать природу своей национальной общности на языке светских ценностей — таких, как демократия, равенство прав и конституционное правление. Само по себе этническое разнообразие страны гарантирует, что

вне популярной культуры будет все меньше и меньше незыблемых общих культурных указателей, которые могут быть приняты как нечто само собой разумеющееся. Еще более странным было бы говорить о современной Европе как о «христианском мире», учитывая светский характер большинства государств. Несмотря на то что роль христианства была решающей для формирования европейской цивилизации, современные европейцы чаще определяют свою культурную идентичность в большей степени в светских политических терминах, нежели в религиозных. Те же, кто это делает в религиозных терминах — как различные сообщества на Балканах, — кажутся причудливым атавизмом. Практически все современные европейские общества стали, в сущности, многонациональными и мультикультурными, и хотя в этом отношении они значительно отстают от США, они, как и США, вынуждены искать пути определения своей идентичности скорее в политических и гражданских, нежели этнических и религиозных терминах. Решения суда и правительства Германии в 1998 году включить ислам в список религий, заслуживающих государственного признания, и предоставлять гражданство лицам, не являющимся этническими немцами, являют собой шаги в данном направлении.

Децентрализованная религия

Во всем развитом мире иерархическая религия была отделена от государства и пришла в долгосрочный упадок. Это, однако, означает не то, что религия исчезла как таковая, а только что ее форма изменилась. В главе 8 я предположил, что во многих примитивных сообществах народная религия возникла децентрализованным образом и что в современных социумах сообщества часто обращаются к религиозной практике как к своего рода инструменту. Другими словами, приверженность к религии поддерживается не догматической верой в откровение, а скорее тем, что религиозные учения создают удобный язык для выражения существующих моральных норм сообщества. Дети Гамельна, стремясь создать социальный порядок внутри своего маленького племени, вполне могли бы определить нормы, к которым они пришли, в религиозных гсрминах. Это не противоречит высказанному мной выше мнению, согласно которому они установят социальный порядок без пророка, провозглашающего слово Божье. Этот род децентрализованной инструментальной религии представляет собой скорее составную часть спонтанного порядка, нежели альтернативу ему. Хотя религиозный язык может казаться иррациональным

по сравнению с языком права и политики, он 1 ем не менее служит рациональным целям построения сообщества.

Никакая религия не рассматривает себя как простой инструмент социального порядка. Дуайта Эйзенхауэра однажды подняли на смех за слова о том, что американцам следует ходить в церковь, любую церковь. Однако на самом деле именно так многие люди относятся к современной религии. Они обнаруживают, что их жизнь беспорядочна, что их детям нужны ценности и нормы или что они изолированы и дезориентированы; они обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения. Этот тип религиозной практики не снимает проблемы моральной миниатюризации и даже вполне может содействовать ей. С другой стороны, это мощный источник социального порядка внутри пещеры.

Маловероятно, что этот вид децентрализованной религиозной практики когда-нибудь исчезнет — именно потому, что он столь полезен для сообществ. Поколение или два назад принято было полагать, что модернизация и секуляризация неизбежно идут рука об руку и что вера, основанная на откровении, в конце концов будет заменена знанием, основанным на разуме, науке и эмпиризме. Это казалось правдоподобным, учитывая отделение церкви от государства, которое происходило в большинстве европейских обществ, а также в свете обретения общественной жизнью светского характера, которое имело место в США. Однако не существует общепринятой социологической теории, которая говорила бы нам, что возрождение религии при сегодняшних условиях невозможно. Как указывали Петер Бергер, Дэвид Мартин и многие другие[5], предполагаемая корреляция между секуляризацией и модернизацией, которая некогда была основным элементом социологической литературы, не соответствует истине[6]. Этот предположительно универсальный закон социального развития оказывается применим прежде всего к Западной Европе. В других же частях развитого мира, и особенно в США, не было обнаружено заметного уменьшения религиозности с ростом доходов и образования[7]. Мартин отмечает по меньшей мере три периода оживления религиозной жизни в США с тех пор, как в 1620 году в Плимутском заливе обосновались отцы-пилигримы: Великое пробуждение первой половины XVIII века, второе Великое пробуждение 1830-х и 1840-х годов и подъем пятидесятников в середине XX века, возрождение, которое в некотором смысле еще продолжается[8].

Культурная основа доверия

Несмотря на упадок иерархической религии в современных обществах, культурные модели, созданные ею, продолжают играть решающую роль в формировании современных отношений доверия. Одна из слабых сторон любой попытки объяснить, ссылаясь на человеческую природу, такие феномены, как доверие и социальный капитал, заключается в том, что невозможно дать объяснения наблюдаемым различиям, существующим между человеческими группами. То же относится и к роли религии. Те универсальные психологические характеристики, которые были описаны ранее как основа социального капитала, достаточны для того, чтобы объяснить, почему должно существовать социальное сотрудничество внутри относительно малых групп, но они не объясняют, почему различные современные человеческие общества имеют различные радиусы доверия. Такие объяснения должны носить исключительно культурный характер и часто нуждаются в обращении к религиозному наследию общества.

В моей более ранней книге «Доверие» я рассмотрел ряд таких культурных различий[9]. Японские общины, к примеру, часто имеют радиус доверия, ограниченный семьей и родственными группами, — результат того акцента, который конфуцианство делает на семье как первичном источнике социальных обязанностей. Ребенок, отец которого совершил преступление, в традиционном Китае не был обязан доносить на своего отца: долг перед семьей превосходил долг перед государством. Следовательно, имели место тесные связи сотрудничества внутри семьи, но относительный недостаток доверия между незнакомцами, которые не могли претендовать на кровное родство. Китайский бизнес имеет тенденцию оставаться внутри семьи и формировать альянсы, основанные не на безличных критериях максимальной выгоды, а скорее на основе семейных и дружеских связей.

Похожая ситуация существует в римско-католических странах, как в южной Европе, так и в Латинской Америке. Радиус доверия опять-таки имеет тенденцию быть ограниченным семьей и близкими личными друзьями. Экономики таких стран, как Мексика, Перу, Боливия и Венесуэла, п большой степени контролируются самое большее несколькими дюжинами влиятельных семей, чей бизнес охватывает множество секторов, от розничной торговли до производства и страхования. Экономическое объяснение существования таких сетей не станет ясным для внешнего наблюдателя до тех пор, пока он не уяснит себе, что они псе основаны на родстве и личных связях. Внешние инвесторы, которые не знают этих сложных связей доверия, действуют на

свой собственный страх и риск. Общее следствие культурного акцента на родственных связях как базисе социального капитала заключается в том, что имеется два уровня моральных обязательств: один — внутри семьи, и другой, более низкий, для всех остальных. Во многих таких основанных на семье обществах наблюдается высокий уровень коррупции, потому что служение обществу часто рассматривается как возможность воровать в интересах семьи. Популярная бразильская поговорка гласит, что есть одна мораль для семьи и другая для улицы. Трудно вести коммерческие дела без родственных или дружеских связей, а к незнакомцам часто относятся со своего рода жестким оппортунизмом, который никогда не проявляется внутри сети доверия.

Здесь не место для развернутой дискуссии об истоках этой культурной модели поведения; они будут рассмотрены лишь в той мере, в какой они проливают свет на будущее Великого Разрыва и перспективы культурного обновления в тех странах, которые его пережили. Фамилизм в римско-католическом мире имеет культурные корни как в латинской тради-*Wtifamilia,* так и в акценте католицизма на семье; в Китае он глубоко укоренен благодаря конфуцианской идеологии. Протестантизм, как показал Макс Вебер, заложил основу для более широкого радиуса доверия, уменьшив значимость того, что Вебер назвал *«sib»,* или семья, и предписывая верующим универсальное обязательство честности и морального поведения. США были не просто протестантскими в культурном отношении, когда они стали независимой нацией; эта версия протестантизма была в высокой степени сектантской, децентрализованной и контре гационалистской в своей внутренней организации. В отличие от Европы с ее религией, санкционированной государством, США отделили все свои церкви от государства к началу XIX века и сделали религию полностью добровольным делом. Таким образом, обилию добровольных объединений в США в большой степени способствовал секгантский протестантизм; последнее обстоятельство объясняет относительно большее распространение гражданских ассоциаций, чем практически в любой другой развитой стране. Мировой опрос по ценностям дает достаточно подтверждений этого. В 1991 году 71 % американцев, по их собственным словам, состояли в какой-нибудь добровольной организации, по сравнению с 38 % жителей Франции, 64 % — Канады, 52 % — Великобритании и 67 % — бывшей Западной Германии[10]. Лестер Саламон также находит, что некоммерческий сектор США дает значительно большую долю ВВП и занятости в США, чем в любой другой развитой стране". То, что Вебер назвал «призраком отмерших религиозных верований», в форме светского умения объединяться продолжает существовать в американском обществе.

Неудача в расширении радиуса доверия за пределы круга семьи и друзей может быть результатом плохого правления. Ясные и исполняемые законы создают почву для доверия между не связанными узами родства или дружескими отношениями людьми. Однако власть закона не может приниматься как данность. Некоторым государствам не удается в достаточной мере защитить права собственности или обеспечить общественную безопасность; другие управляются деспотически или вводят примерно высокие налоги. В этих условиях семья делается чем-то вроде островка безопасности, ограниченной сферой, в которой можно быть относительно уверенным в том, что другим можно доверять. Истоки опоры на семью в Китае коренятся в грабительской системе налогообложения в Китайской империи, усиленной ужасами политической истории Китая XX века. Ведение разной бухгалтерии для членов семьи и для сборщика налогов з обществе, где имел место откуп налогов, являлось оправданным. Диего Гамбетта считает, что сицилийская мафия появилась в конце XIX века, потому что власти Южной Италии по различным причинам никогда должным образом не защищали права собственности[12]. При отсутствии эффективной судебной системы, куда люди могли бы обращаться по гражданским делам, они были вынуждены обращаться к мафиози, чтобы получить гарантии восстановления справедливости — в случае, если они окажутся жертвой обмана. Нечто подобное происходило в постсоветской России, где государство оказалось неэффективным в деле защиты прав собственности и личной безопасности, что принуждало людей обращаться к частным источникам защиты в виде местной мафии. Универсальное, четко осуществленное правление закона, напротив, обеспечивает гораздо более широкий радиус доверия, давая незнакомцам, не связанным родством, базис для работы друг с другом и для разрешения разногласий.

Назад к пещере

В этой и предыдущих главах я подчеркнул ограниченность естественного и спонтанного порядка и объяснил, почему иерархическая власть в форме религии и политической власти является необходимой для создания социального порядка и всей суммы норм, которую мы называем культурой. Я показал также, почему на организационном уровне иерархия никогда целиком и полностью не исчезнет и почему огромных преимуществ сетей и спонтанно организованных производств никогда не будет достаточно для того, чтобы удовлетворить всем целям, к которым организация стремится. Может возникнуть вопрос: почему в свете всех этих ограничений я вообще стал говорить об естественных и спонтанных

источниках порядка, раз они должны быть дополнены в столь многих отношениях иерархической организацией, и какое значение они имели для Великого Разрыва.

Ответ заключается в том, что, если объединить две метафоры, дети Гамельна уже находятся вне пещеры. То, что они потеряли, — это не масштаб или моральный универсализм, а обычная мораль, которую они создали для себя изначально. другими словами, передовые общества Северной Америки и Европы уже представляют собой большие, политически стабильные образования, обладающие множеством видов иерархической власти, которые могут реализовать универсальные принципы личных прав и гражданства. Хотя они могут и не жить полностью согласно этим принципам и хотя все еще продолжается процесс моральной миниатюризации, жители этих обществ еще не живут во враждебных, самодостаточных, отгороженных от других «бургклавах», в которых радиус доверия не распространяется далее, чем до их границы. Ни одно из этих государств не станет Боснией или Руандой. Они могут обеспечить определенные общие политические принципы, которые позволяют им быть большими и богатыми обществами, в которых разнообразие может быть как преимуществом, так и проблемой.

Маловероятно, что виды эндемического недоверия, которые существуют в Южной Италии и современной России, когда-нибудь в ближайшем будущем исправятся сами по себе. Естественных способностей их населения создавать спонтанный порядок не будет достаточно для того, чтобы изменить культурные стереотипы поведения, которые ведут к ограничению радиуса доверия. Последнее усиливается давно сложившимся плохим правлением и отсутствием посреднической социальной группы — гражданского общества, которое не может возникнуть за одну ночь. Но это не та проблема, которая стоит перед США или любой другой развитой страной, переживающей Великий Разрыв. США, в частности, имеют культуру, которая поощряет добровольные объединения; какой бы упадок доверия мы ни наблюдали, в этом отношении они все еще занимают место выше Италии и Франции. Их общество гибко, динамично и относительно не обременено ритуализацией и традицией. Мы можем здесь провести аналогию с экономическим развитием. Экономистам, ко торые изучают процесс развития, известно, что постулаты современной неоклассической экономики едва ли применимы к многим странам третьего мира. У этих стран недостает политических и экономических институтов, которые развитые страны могут принимать как данность — таких, как регуляция банковской системы или функционирующая система коммерческих судов, — и они сталкиваются с культурными препятствиями, не существующими

в относительно текучем обществе, скажем, США. Представление, к примеру, что предпринимательство расцветет, когда бремя регулирования будет снято, не всегда справедливо для стран с культурой, враждебной инновациям и риску. В некоторых случаях сокращение вмешательства государства в экономику приводит к криминальному поведению и анархии. Это, однако, не означает, что эти законы не будут работать в развитых странах, для которых эти теории в первую очередь и были созданы.

Проблема, стоящая перед Америкой, другого сорта. Благодаря технологическим изменениям, а также масштабу и разнообразию современного общества самим по себе она утратила большую часть повседневной морали, которой придерживались бы дети Гамельна, если бы они все еще жили в пещере. Следовательно, преобразование социального порядка для США и других обществ, находящихся в подобном же положении, — это вопрос не перестройки иерархической власти, а восстановления привычек к честности и взаимности и расширенного радиуса доверия в изменившихся технологических условиях.

Следовательно, осознание того, что существуют естественные источники спонтанного порядка, — это не малосущественное поручение. Оно говорит о том, что культурные и моральные ценности будут развиваться так, что это позволит людям адаптироваться к изменяющимся технологическим и экономическим условиям, с которыми они сталкиваются, и что эта спонтанная эволюция будет взаимодействовать с иерархической властью, чтобы производить «расширенный порядок человеческого сотрудничества». Ни самоорганизация, ни иерархия не являются незаменимым источником правил. Семейная жизнь не может восстановиться в США или любой другой развитой стране по указу правительства, не может государство и диктовать, как женщинам следует обеспечивать баланс между работой и ответственностью за детей. За контролем над преступностью часто несет ответственность местное население, которое устанавливает стандарты общественного поведения. Соответствующие культурные нормы должны будут вырабатывать индивиды и сообщества, взаимодействующие друг с другом на повседневной основе. С другой стороны, общественная политика может формировать социальные выборы, направленные как ко благу, так и наоборот: обеспечивая общественную безопасность, с одной стороны, или создавая неправильные стимулы, приводящие к росту числа семей с одним родителем, с другой. Хотя современные общества больше не могут зависеть от авторитета религии так, как это имело место в прошлом, религия не исчезла и остается полезным источником общих ценностей. Однако следует допустить, что люди будут продолжать использовать свои врожденные

способности и разум для того, чтобы создавать правила, которые служат их долгосрочным интересам и потребностям. Человеческие существа делали это на протяжении десятков тысяч лет, поэтому было бы странно, если бы они прекратили так поступать в конце XX века.

Теперь остается только обратиться от этого абстрактного изложения истоков социального порядка к более конкретному обсуждению того, как мы могли бы преодолеть Великий Разрыв, когда общество века информации достигнет зрелости. В некотором смысле мы уже начали делать это при рассмотрении сетей и применения социального капитала в области высоких технологий. Хотя развитие современного капитализма дестабилизировало социальные нормы индустриальной эры, нам следует задаться вопросом: не заключены ли в нем другие источники социального порядка? Мы также можем получить некоторое представление о будущем, кинув взгляд в прошлое и рассмотрев способы, которыми общества на протяжении истории человечества перестраивали моральные ценности перед лицом быстрых технологических изменений. Это, таким образом, и будет предметом третьей части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ВЕЛИКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Глава 15
Истощает ли капитализм социальный капитал?

Многие люди интуитивно полагают, что капитализм плохо влияет на мораль. Рынки превращают все в товар и заменяют человеческие взаимоотношения голым интересом. С этой точки зрения современное капиталистическое общество потребляет больше социального капитала, чем производит. Такие феномены, как уменьшение доверия к общественным институтам, уменьшение радиуса доверия, более высокая преступность и разрыв родственных связей в Северной Америке и Европе, демонстрируют тревожную тенденцию: эти развитые общества тратят свой социальный капитал, не имея возможности его воссоздания. Обречено ли капиталистическое общество становиться материально богаче, но морально беднее с течением времени? Разрушает ли крайняя безжалостность и безличность рынка социальные связи и учит ли, что только деньги, а не общественные ценности что-то значат? Идет ли современный капитализм к разрушению собственного морального основания и, таким образом, к коллапсу?

На самом деле современные технологические общества продолжают нуждаться в социальном капитале, расходовать его, а затем восполнять, как и раньше. Виды потребностей и источники их обеспечения изменились, но нет оснований утверждать, что необходимость неформальных этических норм отпадет или что люди перестанут устанавливать моральные стандарты для самих себя и пытаться следовать им. Как мы обнаружили при обсуждении естественного и спонтанного порядка во второй части книги, люди будут создавать моральные правила для самих себя частично из-за того, что они таковы от природы, а частично в результате преследования ими собственной выгоды. В прошлом социальный капитал мог происходить из таких источников, как иерархическая религия или вековая традиция, которые в современном мире кажутся относительно слабыми, однако существуют и другие источники.

Процесс регенерации обществом социального капитала является комплексным и зачастую трудным. Во многих случаях он касается представителей разных поколений и оставляет за собой многочисленные жертвы, поскольку старые нормы сотрудничества были разрушены, а новые на смену им не пришли. Великий Разрыв не сможет исправить сам себя автоматически. Люди должны осознать, что их общественная жизнь ухудшилась, что они ведут себя саморазрушающим образом и что им нужно активно работать над воссозданием норм своего общества посредством дискуссий, доказательств, культурных аргументов и даже культурных войн. Есть свидетельства, что это уже происходит на протяжении последнего времени, а предшествующие периоды человеческой истории дают нам определенную уверенность, что восстановление норм и морали возможно.

Культурные противоречия капитализма?

Вопрос о том, как современный экономический порядок относится к моральному порядку, является старым и рассматривался многими авторами. Может быть полезным привести обзор некоторых уже высказывавшихся соображений по этому поводу, прежде чем рассматривать, как запас социального капитала может быть создан даже в наиболее технологически изощрённых областях глобальной экономики. Как указывал экономист Альберт Хиршман, существует несколько противоположных взглядов на то, способствует ли распространение современного, основанного на развитии технологии капитализма моральной жизни или препятствует ей'.

Один взгляд предложен Эдмундом Бёрком, который видел корни разрушения социального капитала в Просвещении. Реагируя на крайности Французской революции, Бёрк критиковал попытку установления нового и справедливого политического и социального порядка на основе абстрактных принципов, принудительно навязанных централизованным государством. Работоспособность подобного порядка основывается не только на мудрости социальных инженеров, которые проектируют общество, но на предположении, что люди могут быть адекватно мотивированы личными рациональными интересами. Бёрк доказывает, что наиболее действенные социальные правила не могут быть распознаны путем априорного рассуждения, а возникают скорее путем проб и ошибок в процессе эволюции общества. Такой процесс не обязательно рационален; в формировании правил играли важную роль религия и древние социальные обычаи. В консерватизме Бёрка присутствует также элемент релятивизма. Каждое общество будет создавать свой набор правил в зависимости от своих условий жизни и истории, особенности которых нельзя полностью объяснить. Для Бёрка Французская революция и более широко Просвещение представляют собой человеческое бедствие, потому что они стремились заменить традиционные правила рациональными, подчиняться которым индивиды должны были, не опасаясь божественного наказания. Однако разума недостаточно для того, чтобы создать моральные ограничения, необходимые для удерживания сообщества в целостности, и, таким образом, предложенный Просвещением порядок развалится на части благодаря своим внутренним противоречиям. Существуют и более новые версии критики Просвещения. Современный английский автор Джон Грей, например, утверждает, что с падением Берлинской стены внутренние противоречия Просвещения становятся очевидными для всех и выражаются в повышении уровня преступности и социальных беспорядках в развитых странах — таких, как США[2]. Капитализм усиливает этот процесс; ставя личные интересы над моральными обязательствами и за счет бесконечного новаторства благодаря замещению одной технологии другой, он разрушает строившиеся в течение веков связи в человеческих сообществах и оставляет людей наедине с их голым личным интересом как основой для социального единства.

Согласно этой линии рассуждений, современные общества не развалились буквально на куски только потому, что основываются на определенном виде исторически сложившегося социального капитала, который лишь растрачивается в них, никогда не накапливаясь. Определяющим процесс упадка фактором является секуляризация мира, так как если религия является важным источником морального поведения, то

упадок религии на фоне модернизации означает конец социального порядка. Это было ясно сформулировано в книге Фреда Хирша «Социальные пределы роста»: «Социальные добродетели — такие, как правдивость, доверие, признание, сдержанность, долг, необходимые для функционирования индивидуалистической, договорной экономики, основаны в значительной степени на религиозной вере, но индивидуалистский, рационалистский характер рынка разрушает религиозную основу»[3].

Подобные рассуждения характерны и для обширной литературы о «культурных противоречиях капитализма», в которой доказывается, что капиталистическое развитие в конце концов подрывает само себя, создавая нормы, противоречащие тем, которые необходимы для функционирования рынка. Пожалуй, наиболее известным сторонником такой точки прения был Йозеф Шумпетер, который утверждает в своей книге «Капитализм, социализм и демократия», что капитализм имеет тенденцию создавать класс элиты, враждебный тем самым силам, которые сделали возможным его существование, и что он в конце концов будет пытаться заменить рыночную экономику социалистической[4]. Даниел Белл утверждает, что изобилие делает трудовую этику вроде бы необязательной, а также создает культурную элиту, которая находится в состоянии перманентной революции против status quo*. Самая сущность художественного модернизма, замечает он, состоит в желании уничтожить установленные нормы, подвергнуть сомнению власть и отвергнуть общественные стандарты[5]. Каждое следующее поколение находит задачу попрания норм все более и более сложной, потому что остается все меньше норм, которые можно разрушить, и все меньше людей, которые могут быть шокированы в своем благодушном конформизме. Это объясняет постоянное усугубление вызывающего поведения — от бессмысленного дадаизма 1920-х годов до непристойного, кощунственного и агрессивного искусства перформансов конца XX века, В результате, согласно Беллу, культурная элита, находящаяся в постоянной оппозиции ко всем ценностям среднего класса, разрушает сама себя, уничтожая производственную основу рыночного общества, которое делает возможным ее собственное существование.

Потенциальный конфликт между рыночным обществом и социальным порядком был отмечен не только Беллом, но и многими другими авторами — такими, как Михаель Зэндел, Алан Вольф и Уильям Дж, Беннетт[6]. Неформальные общественные нормы легче всего создаются и поддерживаются в маленьких стабильных группах, в то время как капитализм настолько динамичен, что постоянно разрывает сообщества на

части посредством сокращений рабочих мест, модернизации, создания производств за границей. Огромная эффектив-

* существующее положение дел *(лат.). — Примеч. ред.*

ная система супермаркетов заменяет семейные магазины, разрушая личные связи, благодаря которым те возникли, во имя более низких цен. Рыночная экономика создает индустрию развлечений, которая будет показывать людям то, что они хотят видеть, вне зависимости от того, полезны или нет для них или их детей сцены насилия или секса. Рыночное общество имеет тенденцию провозглашать героями тех, кто или искусен в делании денег, или скандально знаменит (часто и то, и другое), — в ущерб тем, кто имеет гораздо более значимые, но не переводимые в наличность заслуги[7].

В прошлом многие секторы американской экономики были защищены от конкуренции регулированием, профессиональными стандартами или сегментированными рынками. С отменой регулирования и открытием экономики США для большей внутренней и глобальной конкуренции в 80-х и 90-х годах многие из этих ранее защищенных секторов подверглись более сильному воздействию конкуренции, что, как можно утверждать, негативно влияет на социальный капитал. Банкиры, которые могли играть в гольф в три часа дня в 50-е и 60-е годы и имели и время, и средства на общественные дела, с прекращением банковского регулирования распоряжаются своим временем и свободными ресурсами гораздо скромнее. Тот вид аргументов, который использовал Джонни Кочран для оправдания О.Дж. Симпсона — отклонение состава присяжных по причине возможности расовой солидарности, — более ранним поколением американских юристов был бы подвергнут серьезному осуждению. Способность профессионального объединения проводить в жизнь подобные неформальные нормы, впрочем, была сильно размыта в условиях усиливающейся конкуренции, с которой юристы сталкиваются сегодня. Кочран не только помог своему клиенту избежать ответственности за убийство, но также сам получил работу на телевидении в качестве ведущего юридической программы.

Проблема литературы о «противоречиях капитализма», помимо того факта, что капитализм еще не развалился и не уничтожил сам себя, заключается в том, что вопрос рассматривается очень односторонне. Мы можем согласиться с тем, что капитализм часто является деструктивной, разрушительной силой, которая подрывает традиционную верность и традиционные обязательства, но он также создает порядок и выстраивает новые нормы для замены тех, которые уничтожаются. Действительно, капитализм, вероятно, является создателем общих норм и таким образом

способствует поддержанию морали в современных обществах. Содержание литературы о спонтанном порядке, цитировавшейся во второй части книги, иллюстрирует те способы, которыми децентрализованные группы людей будут стремиться создать порядок, если их предоставить самим себе.

Несомненно, таков был взгляд некоторых мыслителей века Просвещения, которые утверждали, что капитализм не разрушает мораль, а, наоборот, фактически укрепляет. Эта идея впервые была сформулирована Монтескье, который доказывал, что «коммерция... отесывает и смягчает варварские манеры, как мы наблюдаем это каждый день»[8]. Пожалуй, наиболее ясное изложение этой точки зрения принадлежит Самуэлю Рикару (1704 г.), — оно широко цитировалось в XVIII веке:

Коммерция привязывает [людей] друг к другу взаимной полезностью... При помощи коммерции человек учится мыслить, быть честным, приобретает манеры, становится благоразумным и сдержанным в разговорах и действиях. Ощущая необходимость быть мудрым и честным для того, чтобы добиться успеха, он избегает порока или по крайней мере его поведение выказывает приличие или благопристойность, чтобы не будить каких-либо враждебных суждений со стороны сегодняшних и будущих знакомых[9].

Хотя Рикар ничего не знал о теории игр, он описывал итерацию при игре, в которой репутация честного человека становится ценностью. Адам Смит также верил в моральный эффект коммерции, утверждая, что она способствует пунктуальности, благоразумию и честности, а также улучшает жизнь рабочей бедноты, делая ее менее зависимой от стоящих выше на социальной лестнице[10]. Если понимать его более широко, он защищал капитализм, основываясь не столько на экономике, сколько на морали". Аристократические общества были основаны на стремлении к почестям, которое могло быть удовлетворено лишь через военные действия и завоевания. Буржуазные общества заменили аристократический принцип другим, основанным на более узкой форме личного интереса — используя выражение Альберта Хиршмана, они заменили страсти на интересы, смягчив при этом жестокие и насильственные методы аристократического правления[12]. Члены буржуазного общества проявляют постоянную заинтересованность в трудолюбии, честности, самодисциплине и множестве других мелких добродетелей — благодаря которым, возможно, не достигается аристократическое величие, но по крайней мере смягчаются пороки. Утверждение Фреда Хирша, что добродетель, как и честность, необходима для коммерции и для своего сохранения должна зависеть от религии, в конечном счете абсурдно. Личного интереса предпринимателя

достаточно для того, чтобы гарантировать: честность (или по крайней мере ее видимость) будет продолжать существовать.

Правильнее всего будет придерживаться промежуточной точки зрения и считать, что прогресс капитализма одновременно способствует и препятствует моральному поведению. Переход от страстей к интересам не дает чистой выгоды. Аристократическая любовь к почестям лежит в основе всех великих политических стремлений, делая политическую жизнь во многих отношениях зависящей от нее. Великие и благородные дела не начинаются людьми, которые лишь честны, благоразумны, пунктуальны и надежны. Адам Смит в особенности осознавал ограниченность мелких добродетелей, которые стремится поддерживать коммерция — по его мнению, благоразумие внушает лишь «холодное уважение», а буржуазное. стремление к «улучшению своего положения» основано на иллюзии, будто богатство может купить счастье".

Даже если мы должны ограничить наше уважение по отношению к буржуазным добродетелям, можно допустить, что рыночные общества одновременно вредят и помогают моральным взаимоотношениям. Продажная любовь или увольнение служащего с многолетним стажем ради увеличения производительности в самом деле может сделать людей циничными. Но и обратное также случается: люди приобретают социальные связи на рабочем месте и учатся честности и благоразумию, будучи вынужденными работать с другими людьми длительное время. Кроме того, социальный капитал и внутренние неформальные нормы становятся даже более значимыми при переходе от индустриальной к постиндустриальной, или информационной экономике, а ее сложность и технологический уровень растут. Комплексная деятельность должна быть самоорганизующейся и самоуправляющейся. Возможности для этого, если они не создаются основной культурой, будут обеспечиваться частными фирмами, так как от этого зависит их производительность. Мы можем видеть это в новых формах, организации, которые охватывают американские фабрики и учреждения в течение последних двадцати лет, и в особенности в концепции сети. Современные постиндустриальные капиталистические экономики будут создавать постоянный спрос на социальный капитал. *В долгосрочной перспективе* они также скорее всего; окажутся способны обеспечивать достаточное количество социального капитала, чтобы удовлетворить спрос. Мы можем быть более или менее уверены в этом, поскольку известно, что частные лица ради достижения собственных эгоистических целей будут стремиться создавать социальный капитал № добродетели, связанные с ним, — такие, как честность, надежность и взаимность. Бог, религия и вековые традиции по лезны для

этого процесса, но не являются необходимыми. Монтескье и Адам Смит были правы, доказывая, что коммерция стремится улучшить мораль; Бёрк, Даниел Белл и Джон Грей ошибались, заявляя, что капитализм неизбежно разрушает свое собственное моральное основание или, в более широком смысле, Просвещение разрушает само себя.

В этом пункте много путаницы. Джеймс Коулман, социолог, благодаря работам которого в последние годы возродился термин «социальный капитал», утверждает, что последний является общественным достоянием и поэтому имеет тенденцию к недостаточному производству в условиях свободного рынка[14]. Другими словами, социальный капитал является благом для общества в целом; группа индивидов, которая создает социальный капитал, не может зарезервировать блага для себя и поэтому вообще не будет иметь достаточной мотивации его создавать. Это означает, что он должен создаваться нерыночными силами — либо правительством (как в том случае, когда оно обеспечивает общественное образование, имеющее социализирующий эффект), либо негосударственными объединениями, такими, как семьи, церкви, благотворительные учреждения или другие добровольные некоммерческие организации. Многие участники дискуссии о социальном капитале, придерживающиеся этой точки зрения, полагают, что существует четкое различие между нацеленными на получение прибыли корпорациями — такими, как «Интел» или «Жиллетт» — и неправительственными организациями, например, клубом «Сьерра» или Американской ассоциацией пенсионеров. Лишь последние создают социальный капитал и являются частью гражданского общества.

Взгляд, согласно которому социальный капитал является общественным благом, ошибочен. Социальный капитал фактически будет производиться частными рынками, потому что его производство находится в долгосрочных эгоистических интересах индивидов. Корпорация, которая требует высокого уровня честности и вежливости при обслуживании клиентов, или компания, которая немедленно изымает из продажи бракованный юнар, или исполнительный директор, который снижает себе жалованье, чтобы показать солидарность со своими работниками во время кризиса, действуют не из альтруизма — все они имеют долгосрочную заинтересованность в своей репутации честного, надежного, ценящего качество и справедливого делового партнера или просто великого благодетеля. Эти добродетели становятся экономическим активом и в этом качестве делаются желанными для индивидов и компаний, заинтересованных лишь в конечном результате. Подобным образом китобои, владельцы ранчо или рыбаки, которые вырабатывают правила справедливого длительного использования общих ресурсов, делают это не

ради охраны окружающей среды; у них есть личная заинтересованность в том, чтобы ресурсы не были истощены, чтобы они могли получать свою долю в течение длительного периода.

Тем не менее социальный капитал имеет иной характер, чем физический или человеческий капитал. Используя выражение экономиста Дасгупты, социальный капитал не является общественным благом, однако он тесно связан с внешними проявлениями экономической деятельности[15]. Другими словами, частные лица могут создавать социальный капитал в своих эгоистических целях, но, однажды возникнув, он во многом оказывает благотворное воздействие на более широкое общество. Корпорации, стремящиеся сделать свою репутацию качества и надежности безупречной, будут повышать общий уровень качества и надежности в обществе. Индивиды, которые считают, что честность — лучшая политика (то есть что честность приносит им выгоду), в конечном счете действуют, не слишком отличаясь от тех, которые верят, что честность должна цениться ради нее самой. Не только социальный капитал вызывает внешние проявления экономической деятельности, он сам зачастую возникает как побочный продукт или внешнее воздействие какой-либо другой деятельности. Знаменитые пуритане Макса Вебера не стремились к богатству путем накопления капитала — они стреми лезны для этого процесса, но не являются необходимыми. Монтескье и Адам Смит были правы, доказывая, что коммерция стремится улучшить мораль; Бёрк, Даниел Белл и Джон Грей ошибались, заявляя, что капитализм неизбежно разрушает свое собственное моральное основание или, в более широком смысле, Просвещение разрушает само себя.

В этом пункте много путаницы. Джеймс Коулман, социолог, благодаря работам которого в последние годы возродился термин «социальный капитал», утверждает, что последний является общественным достоянием и поэтому имеет тенденцию к недостаточному производству в условиях свободного рынка[14]. Другими словами, социальный капитал является благом для общества в целом; группа индивидов, которая создает социальный капитал, не может зарезервировать блага для себя и поэтому вообще не будет иметь достаточной мотивации его создавать. Это означает, что он должен создаваться нерыночными силами — либо правительством (как в том случае, когда оно обеспечивает общественное образование, имеющее социализирующий эффект), либо негосударственными объединениями, такими, как семьи, церкви, благотворительные учреждения или другие добровольные некоммерческие организации. Многие участники дискуссии о социальном капитале, придерживающиеся этой точки зрения, полагают, что существует четкое различие между нацеленными на

получение прибыли корпорациями — такими, как «Интел» или «Жиллетт» — и неправительственными организациями, например, клубом «Сьерра» или Американской ассоциацией пенсионеров. Лишь последние создают социальный капитал и являются частью гражданского общества.

Взгляд, согласно которому социальный капитал является общественным благом, ошибочен. Социальный капитал фактически будет производиться частными рынками, потому что его производство находится в долгосрочных эгоистических интересах индивидов. Корпорация, которая требует высокого уровня честности и вежливости при обслуживании клиентов, или компания, которая немедленно изымает из продажи бракованный юнар, или исполнительный директор, который снижает себе жалованье, чтобы показать солидарность со своими работниками во время кризиса, действуют не из альтруизма — все они имеют долгосрочную заинтересованность в своей репутации честного, надежного, ценящего качество и справедливого делового партнера или просто великого благодетеля. Эти добродетели становятся экономическим активом и в этом качестве делаются желанными для индивидов и компаний, заинтересованных лишь в конечном результате. Подобным образом китобои, владельцы ранчо или рыбаки, которые вырабатывают правила справедливого длительного использования общих ресурсов, делают это не ради охраны окружающей среды; у них есть личная заинтересованность в том, чтобы ресурсы не были истощены, чтобы они могли получать свою долю в течение длительного периода.

Тем не менее социальный капитал имеет иной характер, чем физический или человеческий капитал. Используя выражение экономиста Дасгупты, социальный капитал не является общественным благом, однако он тесно связан с внешними проявлениями экономической деятельности[15]. Другими словами, частные лица могут создавать социальный капитал в своих эгоистических целях, но, однажды возникнув, он во многом оказывает благотворное воздействие на более широкое общество. Корпорации, стремящиеся сделать свою репутацию качества и надежности безупречной, будут повышать общий уровень качества и надежности в обществе. Индивиды, которые считают, что честность — лучшая политика (то есть что честность приносит им выгоду), в конечном счете действуют, не слишком отличаясь от тех, которые верят, что честность должна цениться ради нее самой. Не только социальный капитал вызывает внешние проявления экономической деятельности, он сам зачастую возникает как побочный продукт или внешнее воздействие какой-либо другой деятельности. Знаменитые пуритане Макса Вебера не стремились к богатству путем накопления капитала — они стреми-

лись доказать Богу, что являются избранными. Однако в качестве случайного следствия своей бережливости, самодисциплины и стремления доказать избранность они создавали предприятия, которые стали в конечном счете источником огромного богатства.

Таким образом, если мы принимаем тот факт, что социальный капитал является не общественным благом, а скорее частным благом, связанным с внешними проявлениями экономической деятельности, то можно увидеть, что современная рыночная экономика будет все время создавать социальный капитал. В случае отдельных компаний социальный капитал может возникать благодаря (так и происходит) прямым инвестициям в образование и обучение корпоративным навыкам. Существует, конечно, огромная деловая литература о создании корпоративной культуры, которая является не чем иным, как попыткой социализации работников компании при помощи ряда норм, которые будут повышать их готовность к сотрудничеству друг с другом и вызывать чувство групповой идентичности[16]. Японцы — непревзойденные мастера в этом искусстве, они посылают своих подчиненных на жестокие коллективные обучающие тренировки, которые испытывают стойкость и создают узы взаимной зависимости[17]. Как мы заметили в главе 12, многие компании переходят к горизонтальным формам организации, командам, а подобные управленческие структуры обнаруживают, что должны осуществлять значительные инвестиции в обучение своих синих воротничков тому, что, в сущности, является управленческими навыками белых воротничков.

Государство как друг и враг социального капитала

Тот факт, что социальный капитал может создаваться частными компаниями, не означает, конечно, того, что он также не вырабатывается общественными организациями. Всякому, кто думает, что государство не может внедрять ценности, достаточно обратить внимание на Корпус морской пехоты США, который в течение многих лет преуспевает в превращении мальчиков, многие из которых происходят из низших классов, из бедных и часто неполных семей, живущих в неблагополучных районах, в пехотинцев с необычайно хорошо разработанным набором внутренних организационных правил и норм. Морская пехота добивается этого чрезвычайно иерархическими и авторитарными способами в течение одиннадцатинедельного основного обучения, когда у рекрутов преднамеренно отбивают индивидуализм — им запрещено даже использовать личное местоимение «я».

Один из наиболее важных источников социального капитала в современных обществах — образовательная система, которая в большинстве стран обеспечивается государством как общественное благо. Школы традиционно не просто дают учащимся знания и умения; они также стараются способствовать их социализации в определенных культурных традициях, которые направлены в конечном счете на то, чтобы сделать их лучшими гражданами. В первые десятилетия XX века многие педагоги государственных школ в США считали одной из своих задач приобщение большого числа детей иммигрантов, хлынувших в США в начале века, к общей американской культуре. Доверие, как мы видели, весьма связано с уровнем образования.

На более высоких уровнях образования учебные заведения продолжают успешно создавать социальный капитал. Как я отмечал при обсуждении высокотехнологичных научно-исследовательских работ, приведенном выше, профессиональное образование часто служит важным источником норм и социальных связей. Профессиональная деятельность, создание профессиональных стандартов и сам опыт высшего образования приводят к возникновению сообществ, члены которых имеют общие знания и опыт и где в результате создаются и поддерживаются общие нормы. Уровень высшего образования повысился фактически во всех развитых странах за два последних поколения и, вероятно, будет продолжать расти, так как отдача от образования увеличивается. Поэтому неудивительно, что верхняя часть распределения образования и дохода членов общества соотносится с относительным обилием социального капитала. Как следует из обсуждения гражданского общества в главе 4, изменились не запасы социального капитала в обществе, а его распределение и характер.

Хотя правительства способны создавать социальный капитал, они часто повинны и в его разрушении. Выше было показано, как государства, которые не обеспечивают общественной безопасности или стабильных прав собственности, способствуют тому, что их граждане не доверяют не только правительству, но и друг другу, и в результате возникновение объединений оказывается затруднено. Развитие современных государственных систем социальных пособий, централизация их функций и их вторжение фактически во все области жизни ведут к разрушению спонтанной социальности. В европейских странах, таких, как Швеция или Франция, существует то, что выглядит как активная деятельность ассоциаций частных лиц, но почти все они так или иначе зависят от государственных субсидий или регулирования: без государства многие формально добровольные организации перестанут существовать. В США округа и штаты передали власть федеральному правительству в период Великого

Разрыва, а вмешательство правительства часто оказывалось неблагоприятно для частных ассоциаций. Борьба с преступностью и устранение социального беспорядка, описанные выше, — это лишь один пример того, как современное либеральное государство во имя индивидуальных прав может лишать местные сообщества их способности устанавливать правила и нормы для самих себя.

Возьмем другой случай: Джон Миллер указывает, что один из серьезнейших недостатков современной американской общественной системы образования заключается в том, что она больше не ставит себе цели ассимилировать иммигрантов[18].

Основы гражданственности и американская история и ценности преподаются реже, во многих школах возникают проблемы с поддержанием порядка и предотвращением насилия в классах, и им не до формирования характера учащихся согласно общим культурным паттернам. От школы во многих случаях требуется социализация тех детей, чьи родители не смогли дать своим отпрыскам адекватный социальный капитал и не смогли помочь его удержать. В других случаях государственная школьная система фактически уменьшила запас социального капитала, поощряя такие нововведения, как двуязычие и мультикультурализм, официальная цель которых — развитие чувства собственного достоинства у представителей меньшинств — имела следствием возникновение ненужных культурных барьеров между группами.

Вопрос, на который предстоит ответить в будущем: существует ли для современных либеральных государств абсолютная необходимость увеличивать свою власть и использовать ее для поддержки и признания постоянно расширяющейся сферы индивидуальных прав в ущерб сообществам? Хотя история США на протяжении жизни последних поколений в этом отношении не ободряет, я не знаю таких определяющих исторических сил, которые делали бы подобный исход неизбежным, если он явно нарушает интересы большинства граждан. Возможно, отмена билингвизма в Калифорнии в результате принятия поправки 227 показывает, что современные демократии все еще способны влиять на свое будущее в этом отношении.

Экономический обмен и моральный обмен

Многие люди не согласятся с тем, что что-либо, делаемое корпорацией в ее личных интересах, может иметь какое-то моральное содержание. Это происходит, с моей точки зрения, из-за совершенно

разумного различия, которое большинство людей проводят между альтруистическими или мораль ными стремлениями и рациональным личным интересом. Это тем более справедливо для экономистов, которые хотят сохранить свою науку свободной от какой бы то ни было зависимости от моральной мотивации[19]. Моральное рассуждение с точки зрения здравого смысла говорит нам: если я честен и доброжелателен к другому лишь потому, что хочу вести дела с ним и в будущем, то, значит, я не честен и не доброжелателен на самом деле, а действую только по расчету. Добродетель — не добродетель, если она осуществляется не ради себя самой.

Этот кантианский взгляд на моральное поведение, делающий акцент скорее на намерениях, а не результате, особенно важно иметь в виду, оценивая характер человека. Однако на практике не так легко провести границу между моральным и эгоистичным поведением. Мы часто начинаем подчиняться норме из личных интересов, но продолжаем делать это, проникнувшись соответствующей моралью. Вы поступаете на работу в компанию X, потому что нуждаетесь в заработке и хотите платить по закладной, но после того как вы проработали там несколько лет, вы обнаруживаете, что у вас возникло чувство лояльности если не к компании как к объекту абстрактному, то к вашим сослуживцам как к людям. Вы начинаете жертвовать своими личными интересами — остаетесь допоздна в офисе, используете ваши личные связи, чтобы помочь компании — не только потому, что хотите получить премию, но и потому, что таков ваш долг перед сослуживцами. Если компания X в конечном счете предает вас, сокращая вашу должность, вы чувствуете, что это не просто безличное экономическое решение, но моральная измена: «Я отдал десять лет моей жизни этой компании, и вот что я получил взамен!»

Хотя важно видеть разницу между моральным поведением, имеющим самостоятельную ценность, и рациональным личным интересом, трудно и зачастую неразумно полностью отрывать одно от другого. Рассмотрим различия между рыночным обменом и взаимным альтруизмом, имеющим биологическую основу (как показано в главе 9). При рыночном взаимодействии покупатель и продавец обмениваются товарами и деньгами с взаимной выгодой. В ситуации взаимного альтруизма два человека также обмениваются благами друг с другом с обоюдной выгодой в долгосрочной перспективе. Мы считаем рыночный обмен независимым от морали взаимодействием, тогда как взаимный альтруизм наделяем моральным значением. Почему?

Теоретически единственным различием между этими двумя ситуациями является наличие или отсутствие временного интервала при

осуществлении обмена. При рыночном взаимодействии обмен происходит одновременно, тогда как в ситуации взаимного альтруизма один человек может даровать благо и не предполагать никакой немедленной отдачи. Это и составляет суть различия. Если моя подруга попросит меня помочь ей съехать с квартиры, а я скажу: «Хорошо, но только если ты завтра поможешь мне покрасить дом», — можно предположить, что наша дружба не сохранится надолго. Представим себе человека — ограбленного, избитого и оставленного умирать на обочине дороги. Если к нему подойдет незнакомец и предложит помощь, но только если тот немедленно заплатит, то большинство людей будут разгневаны предложением того, что фактически является честным экономическим обменом. Если же незнакомец окажется добрым самаритянином и отвезет человека в госпиталь, то в большинстве случаев пострадавший будет чувствовать себя обязанным найти незнакомца позже, чтобы попытаться отплатить ему добром или хотя бы чтобы поблагодарить его. Последнее представляет собой обмен, но с совершенно другим моральным значением.

Существует очень немного моральных взаимоотношений между людьми, не состоящими в родстве, которые включают в себя акты подлинного одностороннего альтруизма, а не взаимного обмена. Если мы оказываем услуги другу, который грубо отталкивает нас и отвечает оскорблениями и вредом, мы быстро подходим к той точке, когда преданность начинает казаться не столько добродетелью, сколько глупостью. Богатые меценаты, которые жертвуют большие суммы денег благотворительным учреждениям в конце жизни, часто объясняют это тем, что они хотят «вернуть обществу» ту помощь, которую получили, когда были молодыми. В ключевой сцене классического фильма Фрэнка Капры «Жизнь прекрасна» жители Бедфорд-Фоллс приходят на помощь Джорджу Бейли в исполнении Джимми Стюарта в момент, когда он находится на грани банкротства, потому, что он всю жизнь помогал им. Сентиментальная сила этой сцены не в том, что Джордж Бейли вел себя как альтруист, а скорее утверждение, что в настоящем человеческом сообществе альтруизм в конце концов вознаграждается — в данном случае большим количеством звонкой монеты. Мы не считаем — если мы, конечно, не кантианцы крайнего толка, — что моральный характер поведения Джорджа Бейли был умален тем, что оно вело к экономической выгоде. С другой стороны, мы никогда не уравняли бы сдвинутый во времени обмен благами с рыночным. Это сфера компетенции старика Поттера, жестокосердного банкира, главного злодея в этом фильме.

Таким образом, рыночный обмен — это не то же самое, что взаимный альтруизм, который имеет место в моральных сообществах, но

также нельзя сказать, что они совершенно не связаны друг с другом. Рыночный обмен способствует обычаям взаимности, простирающимся от экономической к моральной жизни. Моральный обмен способствует личному интересу людей, которые в нем участвуют. Жесткое разделение, которое часто проводят между личными интересами и моральным поведением, во многих случаях трудно осуществить.

Проблема, которую современные капиталистические общества ставят перед моралью, таким образом, не заключается в самой природе экономического обмена. Дело скорее заключается в технологии и технологических изменениях. Капитализм настолько динамичен, является таким источником творческого разрушения, что он постоянно меняет условия обмена, который происходит в человеческих сообществах. Это одинаково справедливо как для экономического обмена, так и для морального обмена, и именно это было источником Великого Разрыва.

Глава 16.
Реконструкция: прошлое, настоящее и будущее.

Сейчас время вернуться к Великому Разрыву и поднять вопрос о том, что будет дальше. Обречены ли мы катиться ко все более возрастающим степеням социального и морального беспорядка или существуют основания предполагать, что Разрыв является только временным состоянием и что США и другие общества, испытавшие его, успешно создадут новые нормы? И если такой процесс будет иметь место, то какую форму он примет? Произойдет ли это спонтанно или для этого понадобится вмешательство государства посредством общественной политики? Должны ли мы ждать какого-либо непрогнозируемого и скорее всего неконтролируемого религиозного возрождения, которое восстановило бы социальные ценности? Во второй части книги мы рассмотрели матрицу из четырех ячеек, в которой порядок был описан как естественный, самоорганизующийся, религиозный или политический по своей природе. На какой из этих источников порядка мы можем рассчитывать в будущем?

Легче всего ответить на первый вопрос: Великий Разрыв не символизирует окончание долгосрочного морального упадка, который стал неизбежным с приходом Просвещения, светского гуманизма или какого-либо другого глубокого исторического процесса. Хотя культурный акцент на индивидуализме глубоко укоренен в этой традиции, Великий Разрыв имеет более близкие причины — такие, как переход от индустриальной к постиндустриальной экономике и вытекающие из него изменения на рынке рабочей силы.

Возможно, простейшим путем к получению ответа на вопрос о будущем Великого Разрыва будет изучение Великих Разрывов прошлого. Показатели социального порядка увеличиваются и уменьшаются с течением времени, что говорит о том, что, хотя социальный капитал может часто казаться постоянно убывающим, его запас также увеличивается в определенные исторические периоды. Тед Роберт Гарр приводит оценку, согласно которой число убийств в XIII веке было в три раза выше, чем в XVII; в XVII веке — в три раза выше, чем в XIX, а в Лондоне начала XIX века — в два раза выше, чем в 1970 годах. И консерваторы, порицающие падение морали, и либералы, прославляющие возрастающий индивидуальный выбор, зачастую рассуждают так, как будто бы имел место равномерный переход от пуританских ценностей начала XVII века к современным. Но несмотря на то что светская тенденция к возрастающему индивидуализму была очевидной на протяжении этого длительного промежутка времени, имело место множество колебаний в поведении, которые показывают, что общества были вполне способны увеличивать ограничения индивидуального выбора при помощи моральных правил.

Я начал эту книгу с ссылки на то, что писали классики социологии о сдвиге в нормах, который имел место в то время, когда общества в Северной Америке и Европе переходили от сельскохозяйственного уклада к индустриальному, — сдвиге, заключавшемся в дихотомии между общиной (Gemeinschaft) и обществом (Gesellschaft). Этот переход имел место сначала в Британии, а затем в США — двух первых странах, ставших индустриальными, и несколько позднее — в различных частях континентальной Европы. Существуют веские данные относи тельно того, что конец XVIII и начало XIX веков были периодами возрастания социального беспорядка и морального смятения, при котором различные показатели социального капитала понизились и в Великобритании, и в США.

В США колониальный период не был периодом высокой морали или активного участия в общественной жизни, несмотря на высокий уровень политической активности населения. В 1790-х годах, согласно историку Ричарду Хофштад-теру, до 90 % американцев не принадлежали к организованной церкви или другой религиозной организации[2]. Хотя протестантская религиозность сыграла решающую роль в американском стремлении образовывать объединения, описанном Токвилем, этот пример показывает, что многие американцы оставались относительно изолированными на своих фермах и в деревнях без тех гражданских структур, которые расцвели позже, в XIX веке.

Степень отхода от социальных норм была выше, чем в XVII веке и в более поздние периоды. В начале 1800-х годов потребление алкогольных напитков на душу населения составляло 6 галлонов чистого спирта для каждого жителя Америки старше 15 лет, в то время как в конце XX века этот уровень составил менее чем 3 галлона[3]. Один исследователь считает, что к 1829 году уровень потребления алкоголя на душу населения повысился до невероятных 10 галлонов[4]. Таверны в качестве центров общественной жизни были значительно более популярны, чем церкви, игравшие роль оплотов социального взаимодействия, и пьяные фермеры, возвращающиеся на свои фермы, или рабочие, опрокидывающие пинту виски на пути на работу, были нередким зрелищем. Согласно историку Уильяму Роребо, в начале XIX столетия «культ выпивки у мужчин охватывал все социальные и профессиональные группы. На Западе женатый мужчина просиживал в таверне до тех пор, пока не напивался; на Востоке сельскохозяйственный рабочий ежедневно получал полпинты или пинту рома; плантатор на Юге считался достаточно умеренным, чтобы принадлежать к методистской церкви, если ограничивал свой ежедневный прием алкоголя квартой персикового бренди»[5].

Естественно, очень сложно получить количественные данные относительно сексуального поведения в этот период. Статистика внебрачной рождаемости не велась регулярно до XX века. Некоторые социальные историки предполагают тем не менее, что сексуальные нормы стали менее строгими в этот период, чем они были в пуританском XVII веке. Родительский контроль за выбором брачных партнеров ослабел, и, согласно одному исследованию, частота внебрачных беременностей повысилась с 10 % в 1600-е годы до, возможно, 30 % во второй половине XVII века[6].

То же самое можно сказать и о преступности. Хотя, как кажется, в колониальное время уровень преступности не был высок, большинство социальных историков сходятся на том, что он начал стремительно расти в первые десятилетия XIX века: Бостон, Филадельфия и Нью-Йорк — везде наблюдался этот процесс. В Америке начала XIX века у молодых людей становилось все больше возможностей находиться вне надзора старших. До того времени большая часть наемного труда использовалась в домашнем хозяйстве. Прислуга, подмастерья или поденщики жили и работали под той же крышей, что и их работодатели, которые контролировали их поведение так же, как и поведение членов собственных семей. Однако с развитием фабричной системы работающие мужчины и женщины впервые оказались заняты вне домашнего хозяйства и начали селиться обособленно. Американский Запад был колонизирован преимущественно молодыми

мужчинами, а женщины и дети появились там позднее. Все эти условия приводили к высокому уровню преступности. Данный феномен не был ограничен Америкой — Гарр показал, что уровень преступности увеличился в этот период также в Лондоне и Стокгольме[7]. В Лондоне, как и на американском фронтире, наблюдалось увеличение относительного числа молодых мужчин в период с 1821-го по 1841 год[8].

В дополнение к возрастающим отклонениям от нормы переезд из деревни в город означал, что сельские жители приносили с собой свои привычки в новые, многолюдные и скученные городские районы. Грубость жизни в этот период часто забывается. Вот как, например, описывает Америку начала XIX века Джеймс Линкольн Колльер:

Немногие люди имели собственные кровати, кровати делились иногда между двумя или большим числом людей, особенно в больших семьях, которые были типичными для того времени. Люди редко мылись и носили одну и ту же одежду день за днем. Они жили, окруженные навозом... Ночные горшки они опорожняли на улицы, не слишком обращая внимание на прохожих... Разбитые стекла, покосившиеся двери, гнилые ступеньки оставались неотремонтированными в течение месяцев, если не лет, и дома красились редко. Ненужный хлам — сломанные инструменты, мебель, повозки — годами валялся во дворах ферм... Мужчины и многие женщины жевали табак, и коричневые плевки были везде — не только на полах таверн, но и на полу церкви. Многие люди ели одним ножом, а многие полагались в основном на свои пальцы[9].

То, что относится к семьям фермеров в США, характеризует также крестьян и городскую бедноту в Великобритании и других европейских странах того времени.

Викторианский период в Великобритании и Америке для многих кажется воплощением традиционных ценностей, но в середине XIX века, когда эта эра началась, ценности были совсем не традиционные. Фактически викторианство было радикальным движением, возникшим как реакция на различные виды социального беспорядка, которые распространились повсюду в начале XIX века, — движением, которое умышленно стремилось создать новые социальные правила и привить добродетели населению, которое погрязло в пороке. Переход к викторианским ценностям начался в Великобритании, но был быстро импортирован в США начиная с 1830—1840 годов. Многие институты, ответственные за распространение викторианства, были откровенно религиозными по своей природе, и изменения, которые они принесли, происходили с удивительной быстротой. По словам Э. Джонсона,

В 1825 году предприниматель на Севере господствовал над своими женой и детьми, работал беспорядочно, потреблял огромное количество алкоголя и редко голосовал или ходил в церковь. Десять лет спустя тот же самый человек ходил в церковь два раза в неделю, обращался со своей семьей с добротой и любовью, пил только воду, работал в определенное время и заставлял своих подчиненных делать то же самое, активно поддерживал партию вигов и проводил свободное время, убеждая других, что если они организуют свою жизнь подобным же образом, то мир будет прекрасен[10].

Диссидентские церкви в Англии и протестантские конфессии в США, в особенности методистское уэсманское движение, в первые десятилетия века возглавили Второе Великое Пробуждение, которое было непосредственной реакцией на рост беспорядка и создавало новые нормы для удержания порядка под контролем. Движение воскресных школ росло по экспоненте и в Англии, и в Америке с 1821-го по 1851 год, как и движение Христианского союза молодых людей (YMCA), которое было перенесено из Англии в Америку в 1850-х годах. Согласно Ричарду Хофштадтеру, число прихожан американских церквей удвоилось за период с 1800-го по 1850 год, причем происходил и постепенный рост респектабельности самой принадлежности к церкви, по мере того как экстатические евангелические конфессии становились более сдержанными в своих религиозных обрядах". В то же время движение за введение «сухого закона» к середине столетия привело к снижению потребления алкоголя на душу населения в Америке до уровня, немного превышающего два галлона[12].

Религия, в особенности сектантский протестантизм, также была тесно связана с распространением добровольных организаций и развитием гражданского общества в тот период. В 1830 году Токвиль посетил США и отметил распространенность там гражданских объединений. Хотя он и отдает религии должное, он скорее преуменьшает ее роль в распространении организаций и стремлении объединяться. К I860 году приблизительно пятая часть взрослых протестантов Нью-Йорка входила в многочисленные светские организации или гражданские объединения[13]. Историк Грегори Синглтон отмечает, как были важны религиозные институты для роста цивилизации на Западе:

В Куинси, штат Иллинойс, например, Американское общество миссионеров, Общество американского пути и Американский союз воскресных школ оказали большое влияние на быстрое образование социальной базы добровольных союзов... К 1843 году в Куинси было 17 различных миссионерских, исправительных и благотворительных

организаций, 15 из которых являлись филиалами национальных объединений. К 1860 году существовало 51 добровольное объединение, в которых состояло примерно 90 % взрослого населения'[4].

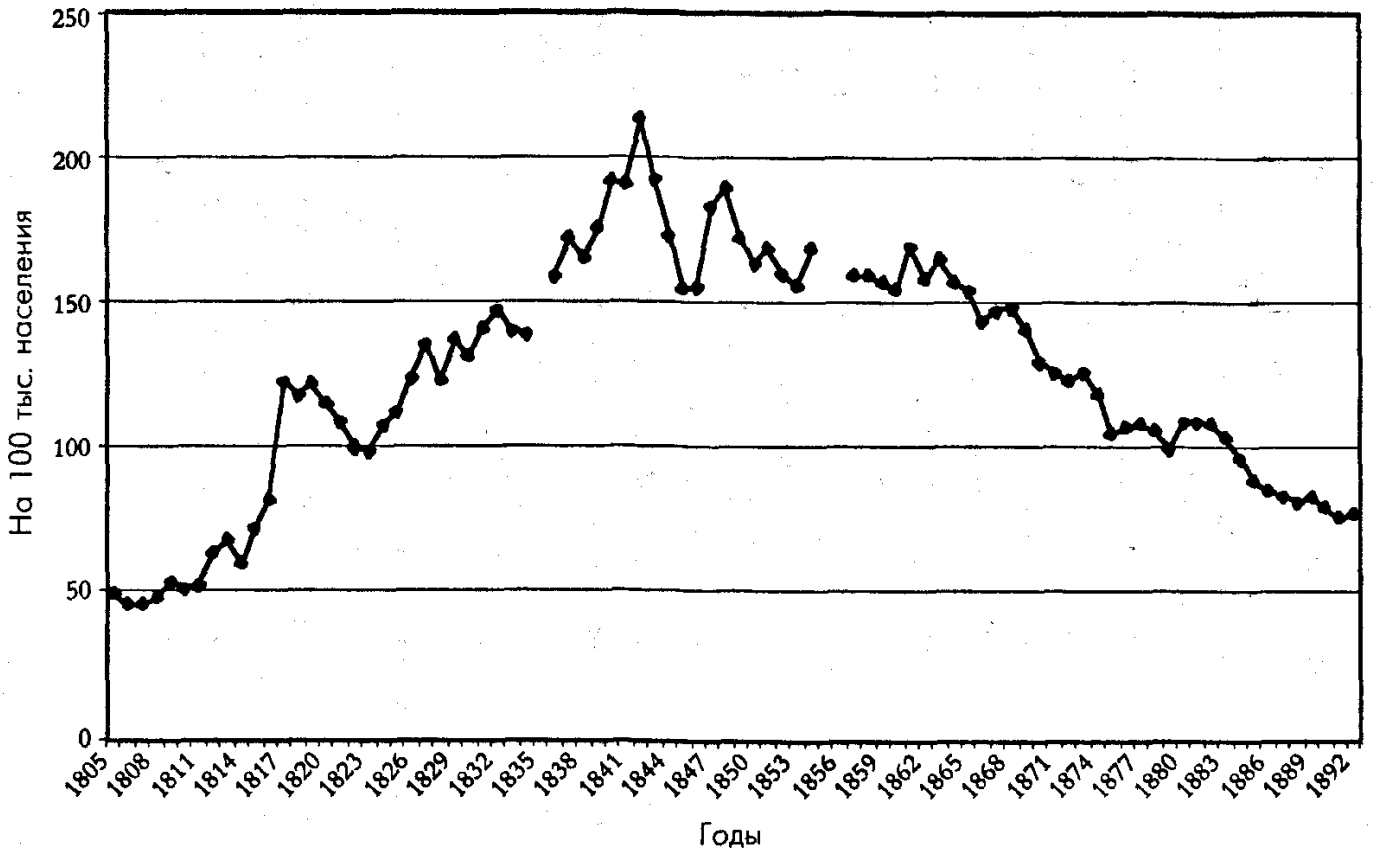
Эти попытки установить новые нормы для британского и американского общества, начавшиеся в 1830-х годах и охватившие время, которое мы называем викторианской эпохой, имели необычайный успех. Воздействие на социальный капитал в обоих обществах было потрясающим, так как массы грубых, необразованных сельскохозяйственных рабочих и городской бедноты были превращены в то, что мы сегодня называем рабочим классом. Под дисциплинирующим воздействием часов-табеля они поняли, что должны работать регулярно, быть трезвыми на работе и соблюдать минимальные приличия.

Возрастание социального капитала также видно по простым показателям — таким, как уровень преступности. Фактически все оценки уровня преступности в XIX веке сходятся на том, что от середины века к его концу происходило постепенное снижение числа случаев нарушения закона. Диаграмма 16.1 показывает уровень серьезных преступлений в Англии и Уэльсе с 1805 года до конца века. Уровень преступности непрерывно рос со времен наполеоновских войн, но затем почти так же непрерывно падал после своего апогея в 1840-х годах[15]. В отдельных американских городах такой апогей мог наступить несколько позднее; Гарр предполагает, что пик в Бостоне и других американских городах пришелся на 1870-е годы[16]. Снижение уровня преступности во второй половине XIX века было тем более удивительным, что случилось в период, когда можно было бы ожидать обратного. После гражданской войны в Америке люди из деревень и ферм наполняли новые городские центры, прибывали новые иммигранты с различными культурами и привычками, и новые ритмы индустриальной жизни нарушали старые социальные взаимоотношения[17].

Динамика внебрачной рождаемости в Великобритании имеет ту же тенденцию, что и уровень преступности. Пропорция внебрачных детей среди всех новорожденных возросла от немногим более 5 % в начале XIX века до пика в 7 % в 1845 году, затем снизилась до 4 % к концу века[18].

Было бы ошибкой утверждать, что больший социальный порядок, установившийся в Великобритании и Америке в викторианский период, был просто результатом изменения неформальных моральных норм. Оба общества в тот период создали современную полицию, которая заменила местные агентства и плохо подготовленных шерифов начала XIX века. После

Диаграмма 16.1
Серьезные преступления в Англии и Уэльсе, 1805—1892 гг.



Источник: Wrigley E.A., ed. *Nineteenth-Century Society.* Cambridge: Cambridge University Press, 1972, pp. 387—395.

фажданской войны в США полиция стала бороться с незначительными преступлениями против общественного порядка — публичным распитием спиртных напитков, бродяжничеством и тунеядством, что привело к максимальному увеличению арестов за подобные правонарушения около 1870 года[19]. К концу века многие американские штаты начали создавать системы всеобщего образования, целью которых было обеспечить для каждого ребенка возможность учиться в бесплатной государственной школе; подобный процесс в Великобритании начался несколько позднее.

Однако те существенные изменения, которые произошли, были все-таки скорее связаны с ценностями, а не с институтами. Ядром викторианской морали было внушение молодым людям необходимости контролировать свои побуждения, формирование того, что сегодняшние экономисты назвали бы их предпочтениями: отказ от случайных сексуальных контактов, от употребления алкоголя или азартных игр, поскольку все это было бы вредно для них в долгосрочной перспективе. Викторианцы стремились воспитать респектабельные личные привычки в обществе, где подавляющее большинство населения может быть описано

лишь как незрелое. Сегодня стремление к респектабельности обычно высмеивается как выражение нетерпимого конформизма среднего класса, но оно имело важное значение в первой половине XIX века, когда вежливость не могла рассматриваться как нечто само собой разумеющееся. Было очень важно научить людей привычкам чистоплотности, пунктуальности и вежливости в ту эпоху, когда все эти три буржуазные добродетели не были распространены.

Существуют примеры морального обновления и других культур. Время сёгунов Токугава в Японии— период феодализма, когда власть принадлежала даймё и воинственным князьям. Жизнь населения находилась в постоянных тисках насилия и была небезопасной. Реставрация Мэйдзи в 1868 году создала единое централизованное государство и быстро по- < давила все виды бандитизма, которые процветали в феодальной Японии. В стране также была создана новая моральная система. Мы считаем такие обычаи, как пожизненный наем, практикуемый большими японскими фирмами, глубокой и древней культурной традицией, но фактически ее появление относится лишь к концу XIX века. В этот период имела место большая текучесть рабочей силы; в особенности были дефицитны квалифицированные работники, постоянно переходившие из компании в компанию. Крупные японские фирмы — такие, как «Мицуи» и «Мицубиси» — обнаружили, что не могут удерживать нужную им квалифицированную рабочую силу, и поэтому с помощью правительства начали кампанию пропаганды добродетели верности. В отличие от примитивных кампаний, проводившихся в бывшем СССР и других коммунистических странах для того, чтобы привлечь людей к бесплатному труду на благо мирового социализма, японская элита использовала тонкие методы для убеждения людей сохранять верность фирме, нации и императору. Верность, конечно, была главной добродетелью самураев, аристократического военного класса, но никогда не была широко распространена среди торговцев или крестьян. Правительство Мэйдзи преуспело в убеждении и этих классов в том, что верность фирме равносильна верности даймё. И все же верность фирме почиталась как обычай, который можно не соблюдать; только после Второй мировой войны пожизненный наем стал распространенным во многих компаниях.

Восстановление социального порядка

Вопрос, поставленный Великим Разрывом, звучит так: может ли опыт Великобритании и Америки или Японии второй половины XIX века повториться в следующем поколении или двух?

Практика показывает, что Великий Разрыв изживает себя и что процесс обновления норм уже начался. Рост преступности, разводов, внебрачной рождаемости и недоверия в начале 90-х годов значительно замедлился, и даже обнаруживают тенденцию к снижению во многих странах, в которых раньше наблюдались вспышки беспорядков. Это особенно касается США, где уровень преступности упал более чем на 15 % по сравнению с максимальным уровнем в начале 90-х годов. Пик числа разводов пришелся на начало 80-х годов, а число рождений детей у матерей-одиночек перестало увеличиваться. Списки лиц, получающих социальные пособия, сократились почти так же значительно, как и уровень преступности, в результате реформы системы государственного социального обеспечения, прошедшей в 1996 году, а также в результате благоприятных условий, обеспечивающихся экономикой 90-х годов с ее почти стопроцентной занятостью. Уровень доверия и в организациях, и на личном уровне также значительно повысился в период с начала по конец 90-х годов.

В прошлом поколении произошло резкое изменение в том, что Маркс назвал бы идеологической надстройкой общества. Когда доклад Мойнихена появился на свет тридцать лет назад, в начале Великого Разрыва, он был осужден почти всеми выразителями респектабельных мнений за «обвинение жертвы» и этноцентризм. Сегодня мнение исследователей прямо противоположно: общепризнанно, что структура и ценности семьи играют важную роль в определении социальных последствий. Академические трактаты, конечно, не влияют напрямую на индивидуальное поведение, но, как писал Кейнс, абстрактные идеи определенным способом просачиваются на уровень массового сознания в течение одного-двух поколений.

Большое количество других признаков наводит на мысль о том, что культурный период постоянно усиливающегося индивидуализма подходит к концу и что по крайней мере некоторые из норм, уничтоженных во время Великого Разрыва, восстанавливаются. В 90-х годах одним из самых значительных событий на радио в США стали передачи, которые вела доктор Лаура Шлезингер — она наставляла своих слушателей в бесцеремонном и часто осуждающем тоне, требуя от них отказа от потакания своим слабостям и принятия на себя ответственности по отношению к супругам и детям. Нет ничего более противоположного ее призывам, чем установки поколения либеральных психиатров, которые в

60-х и 70-х годах советовали людям «прислушаться к своим чувствам» и отказаться от социального принуждения, которое стояло на пути «развития личности».

Две самые большие демонстрации в Вашингтоне в 90-е годы — это Марш миллиона мужчин афроамериканцев, организованный лидером «Черных мусульман» Луисом Фарракха-ном, и марш «Хранителей Обетования», консервативной христианской группы. В обоих этих мероприятиях интересны их направленность против упадка ответственности мужчин по отношению к своим семьям и требование, чтобы мужчины выполняли свои обязанности в качестве отцов, добытчиков и ролевых моделей. Тот факт, что такое большое число мужчин могло выйти на улицу в поддержку мужской ответственности, говорит о понимании широкой общественностью того, что сексуальная и феминистская революции показали: что-то было неверно в тех ожиданиях, которые общество возлагало на мужчин, а мужчины возлагали на самих себя.

И «Черные мусульмане», и «Хранители Обетования» — довольно подозрительные группы в глазах большинства американцев: во-первых, из-за открыто антисемитских взглядов, которые многие годы высказывают Фарракхан и другие лидеры «Черных мусульман», а во-вторых, из-за подозрения многих женщин, что «Хранители Обетования» хотят вновь подчинить женщин мужчинам. Поэтому эти попытки восстановления норм поведения мужчин оказались весьма ограниченными: преследование «Черными мусульманами» чужаков в качестве способа создания коллективной солидарности противоречит американским либеральным принципам; организация «Хранителей Обетования» развалилась из-за своей неспособности обеспечить финансирование собственной бюрократии.

Однако следует ожидать, что консервативная тенденция движения к более строгим нормам сохранится. Первая причина следует из теоретического обсуждения источника порядка, имевшего место во второй части книги: люди — социальные животные по природе и, кроме того, рациональные творцы культурных правил. И природа, и рациональность в конце концов обеспечивают развитие обычных добродетелей — таких, как честность, надежность и взаимность, которые закладывают основу для социального капитала.

Рассмотрим проблему семейных норм. После 60-х годов нормы, управляющие поведением и мужчин, и женщин, в том, что касается семьи, претерпели огромные перемены, ставшие причиной ущемления интересов ребенка, — мужчины бросают семьи, женщины рожают детей вне брака, и пары разводятся из-за зачастую незначительных причин, потакая

собственным желаниям. Интересы родителей и их детей очень часто противоречат друг другу: время, которое родители проводят с сыном или дочерью, играя с ними или обучая их, — это время, потерянное для их работы, личной жизни или досуга; жизнь с не слишком замечательным супругом ради детей лишает возможностей новых знакомств и секса. Однако родители, естественно, глубоко заинтересованы в благополучии своих детей. Если показать им, что их поведение серьезно вредит жизненным шансам их отпрысков, они скорее всего поведут себя рационально и захотят изменить свое поведение таким образом, чтобы оно шло на пользу их детям.

Процесс создания рационального набора норм не является автоматическим. За время Великого Разрыва возникло множество культурных когнитивных конструкций, маскирующих для людей последствия их личного поведения для окружающих. Социологи говорили им, что расти в семье с одним родителем не хуже, чем в целой семье. Семейные психологи уверяли, что детям лучше, если их родители разведены, чем если они растут в раздираемой конфликтами семье. Те же психологи говорили им, что их дети будут счастливы, только если *они сами* будут счастливы, и поэтому правильно прежде всего удовлетворять собственные потребности. Родители оказывались под воздействием массовой культуры, которая рекламирует секс и описывает традиционную семейную жизнь как рассадник лицемерия, угнетения и зла. Изменение такого восприятия требует споров, аргументации — даже в виде конфликта, названного Джеймсом Дэвисоном Хантером «культурными войнами»[20]. Когда вице-президент Дэн Куэйл поднял вопрос о «семейных ценностях» во время президентских выборов 1992 года и критиковал превознесение семей с одним родителем в телесериале «Мерфи Браун», его начали обличать за нетерпимость и невежество. Однако он начал общественную дискуссию, которая имела важные последствия. Президент Клинтон вскоре сделал семейные ценности основой своей избирательной кампании (несмотря на проблемы в собственной семье) и помог легитимизировать идею личной ответственности в качестве отдельной темы дискуссии об общественной политике. Тем временем эмпирические данные говорили о вредоносном влиянии неполных семей настолько убедительно, что их уже нельзя было игнорировать. В конце 90-х годов гораздо больше людей были готовы принять суждение Барбары Дэфо Уайтхед «Дэн Куэйл был прав» относительно важности семейного благополучия, чем даже пять лет назад[21].

Социальный порядок не будет просто создан заново в результате децентрализованных взаимодействий индивидов и сообществ; его воссоздание должно также осуществляться благодаря общественной

политике. Это подразумевает и действия, и бездействие со стороны правительства. Существует очевидная сфера, в которой правительства могут действовать в целях создания социального порядка при помощи полиции и поддержки образования. Уровень преступности уменьшался во многом из-за того, что строились тюрьмы и преступники изолировались от общества. Мы видели, как осознание воздействия социального капитала на рост преступности привело к появлению таких новшеств, как общественный надзор, что определенно оказало воздействие на понижение уровня преступности в американских городах в 90-е годы. Помимо влияния на преступность, однако, общественный надзор имеет очевидное влияние на социальный капитал, создавая большее ощущение социального порядка в городских районах и благоприятствуя возвращению в города людей, готовых участвовать в общественной жизни и устанавливать в общине более строгие стандарты. США также начали серьезные реформы своей государственной системы социальных пособий и пособий на детей, которая внесла свой вклад в проблемы американской семьи во время Великого Разрыва. Готовность таких политиков, как мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани, превращать городские районы в пригодные для людей среднего класса, а не отступать, идя навстречу наиболее маргинальным членам общества, происходит из стремления к восстановлению социального капитала. Другие мэры, такие, как Ставен Голдсмит из Индианаполиса, находят разнообразные способы поддержки гражданских организаций и поощрения граждан, берущих на себя контроль за своей жизнью и соседями[22].

С другой стороны, часть программы общественной политики заключается не в концепции активного правительственного вмешательства в экономику, а в том, чтобы убрать государство с дороги индивидов и сообществ, которые хотят построить социальный порядок для самих себя. В некоторых случаях это означает, что нужно остановить контрпродуктивные действия государства, как, например, субсидирование матерей-одиночек или поощрение многоязычия и мультикультурализма в школьной системе. В других случаях суды должны находить наилучший баланс между индивидуальными правами и интересами сообщества. Как далеко зайдет это обновление общественных норм? Мы, вероятнее всего, будем наблюдать заметные перемены в уровнях преступности и доверия, а не в нормах, касающихся секса, репродукции и семейной жизни. Процесс обновления норм в первых двух сферах уже обозначился довольно хорошо. Относительно секса и репродукции сильно отличающиеся от прежних технологические и экономические условия нашего века делают крайне маловероятным предположение, что произойдет что-то вроде возвращения

к викторианским ценностям. Крайне строгие правила сексуального поведения имеют смысл в обществе, в котором беспорядочный секс с высокой вероятностью приводит к беременности и где появление внебрачного ребенка означает лишения, если не раннюю смерть и для ребенка, и для матери. Первое из этих условий в значительной степени исчезло вместе с появлением контроля за рождаемостью, а второе сильно ослаблено, если не уничтожено сочетанием женских заработков и социальных субсидий. И хотя США могут сократить и резко сокращают пособия, никто не намеревается сделать незаконным контроль за рождаемостью или прекратить предоставление женщинам работы. Индивидуальное стремление к осуществлению рациональных личных интересов также не решит проблем, поставленных падением уровня рождаемости. Именно стремление родителей в долгосрочной перспективе улучшить жизненные шансы своих детей побуждает их иметь меньше детей. Важность родства как источника социальных связей будет, видимо, продолжать падать, и стабильность нуклеарной семьи скорее всего никогда полностью не восстановится. Такие общества, как Япония и Корея, которые до сих пор обнаруживали противоположную тенденцию, скорее всего перейдут к западной практике, а не наоборот.

Однако мы можем надеяться в будущем на разнообразные культурные сдвиги, которые сделают информационный век более дружественным по отношению к детям. Желание женщин работать, а не воспитывать детей, очевидно, имеет сильный культурный компонент. Во многих современных обществах — и, в частности, в таких регионах, как Скандинавия, на матерей, остающихся дома с детьми, смотрят свысока их работающие современницы, потому что такова сегодняшняя мода. Если будет доказано, однако, что отказ матерей оставаться дома со своими детьми, когда они маленькие, имеет очевидно вредное воздействие на дальнейшие жизненные шансы их детей, то культурные нормы могут измениться. Возможность не работать несколько лет, чтобы оставаться с маленькими детьми, может стать признаком высокого статуса, состоятельности семьи; возможно, лишь матери из рабочего класса и те, кто живет на пособие, будут вынуждены отдавать своих детей в ясли или на попечение нянь в младенческом возрасте[23].

Долгожительство также может иметь непредвиденные последствия для выравнивания различий в доходах мужчин и женщин. Увеличение продолжительности рабочей жизни, соединенное с повышенными образовательными требованиями и большей конкуренцией на рынке, означает, что старая модель, по которой молодой человек получал образование, которого хватало на всю его рабочую жизнь, становится менее

жизнеспособной. Пожизненный наем стал анахронизмом для многих в США. Европейские страны — такие, как Франция, — которые пытаются держаться принципа пожизненного найма или даже стремятся понизить пенсионный возраст, будут обременены большой постоянной безработицей и огромными расходами на социальные нужды. Многие уволенные в результате сокращения корпорациями в США 80-х и 90-х годов были менеджерами среднего звена, мужчинами в возрасте 40—60 лет. Они были вынуждены начать новую карьеру или, если у них не хватало гибкости, просто выпасть из состава работающих, рано выйдя на пенсию. В будущем, когда люди будут обычно достаточно здоровы, чтобы работать до 70—80 лет, постоянное переобучение станет необходимым и обычным делом. Однако люди, начинающие новую карьеру с новыми навыками на более поздних этапах своей жизни, не могут рассчитывать, что сразу окажутся среди наиболее высокооплачиваемых сотрудников; падение с карьерной лестницы и перемещение на более низкую должность, вероятно, станут повседневным опытом для мужчин. Большая часть разницы в доходах мужчин и женщин обусловлена тем фактом, что женщина вынуждена уходить с работы для того, чтобы воспитывать детей, в результате чего вступает на низкооплачиваемый «материнский путь». В мире, где карьера перестает быть непрерывной и мужчины начинают заново в более солидном возрасте, последствия «материнского пути» могут оказаться менее тягостными. Со временем то, что останется от разрыва в доходах мужчин и женщин, в сочетании с правильным пониманием важности роли матерей в воспитании детей станет казаться не такой уж несправедливостью, требующей немедленного исправления.

Технологии могут помочь замедлить упадок родственных связей и семейной жизни другими способами. Современные сети и технологии коммуникации все больше позволяют людям работать дома. Та идея, что работа и дом должны располагаться в разных местах, целиком является созданием индустриальной эры. До нее подавляющее большинство людей были фермерами или крестьянами, живущими на той земле, на которой работали; хотя существовало разделение труда внутри семьи, домашние дела и производство физически соседствовали друг с другом. Мануфактурное производство часто также имело место внутри домашнего хозяйства, где работники рассматривались как часть большой семьи. Только с приходом фабрик и учреждений индустриальной эры мужья и жены начали проводить свои дни отдельно друг от друга. Когда женщины стали массово вливаться в ряды работающих во второй половине XX века, возможности для секса вне дома значительно увеличились, создав новую

проблему сексуальных домогательств и добавившись к испытаниям, которые уже преследовали нуклеарную семью.

Сегодня бесчисленное множество мужчин и женщин в результате сокращений на тэйлоровских фабриках работают дома, связанные с внешним миром с помощью телефона, *факса,* электронной почты и Интернета. Возможно, сначала они испытывают неудобство от такого изменения, потому что привыкли считать, что дом и работа должны находиться в разных местах. Но это просто предрассудок: нет ничего более естественного и находящегося в согласии с человеческим опытом на протяжении всей истории, чем совмещение дома и работы. Возможно, технология, которая имеет бесконечные возможности для отчуждения нас от естественных желаний и наклонностей, может оказаться в данном случае способной восстановить что-то из полноты и единства жизни, которые индустриализация отняла у нас.

Религиозное возрождение, тогда и сейчас

Как показывает оценка восстановления морали в XIX веке, приведенная выше, религия играла чрезвычайно важную роль в викторианском обновлении норм в британском и американском обществе. Викторианство было ближайшим союзником протестантизма и протестантской элиты, которые доминировали в обоих обществах. В борьбе против алкоголизма, азартных игр, рабства, правонарушений и проституции методисты, конгрегационисты, баптисты и другие священнослужители и рядовые верующие не были простыми солдатами. Они использовали не только церкви, но и свой контроль над государственной школьной системой позднее, в XIX веке, для достижения своих культурных целей. Религиозный символизм также активно использовался японскими правителями после эпохи Мэйдзи для создания новых правил поведения для Японии индустриальной эры. Роль религии в прошлых культурных возрождениях поднимает вопрос о том, будет ли она играть аналогичную роль в преодолении Великого Разрыва. Если она не будет играть такой роли, то мы имеем законное основание спросить, произойдет ли вообще Великая Реконструкция.

Некоторые религиозные консерваторы надеются, а многие либералы боятся, что 'проблема морального упадка будет решена масштабным возвращением к религиозной ортодоксии, западной версии возвращения аятоллы Хомейни в Иран на реактивном самолете. Множество причин делает это маловероятным. Современные общества настолько культурно разнообразны, что не ясно, какая версия ортодоксии могла бы преобладать.

Любая форма ортодоксии, вероятно, будет рассматриваться как угроза для больших и важных групп в обществе и поэтому не зайдет слишком далеко, не будет служить основой для расширяющегося круга доверия. Вместо объединения общества консервативное религиозное возрождение может на самом деле ускорить движение к фрагментации и моральной миниатюризации, которые уже имеют место: различные разновидности протестантского фундаментализма будут спорить друг с другом об учении, ортодоксальные евреи станут еще более ортодоксальными, а группы более недавних иммигрантов — такие, как мусульмане и индуисты, могут начать организовываться в политико-религиозные сообщества.

Гораздо более вероятно, что возвращение к религиозности примет более мягкую, децентрализованную форму, в которой религиозная вера окажется не столько приверженностью к догматам, сколько движением существующих в обществе норм и стремлением к порядку. В некоторых отношениях это уже начало происходить во многих частях США. Вместо сообщества, возникающего как побочный продукт строгой веры, люди будут верить из-за стремления стать частью сообщества. Другими словами, люди вернутся к религиозной традиции не обязательно потому, что они согласны с истиной откровения, но именно из-за того, что отсутствие сообщества и мимолетность социальных связей в светском мире заставляют их желать обрести религиозную и культурную традицию. Они будут помогать бедным или своим ближним не потому, что религия от них этого требует, но потому, что они хотят служить своим сообществам и находят, что формы организации, основанные на вере, наиболее подходят для этого. Они будут повторять древние молитвы и участвовать в вековых ритуалах не потому, что верят, будто таково требование Бога, но скорее потому, что они хотят, чтобы их дети разделяли правильные ценности, хотят насладиться утешением, которое содержится в ритуале, и ощутить чувство приобщения, заложенное в нем. В этом смысле они не будут воспринимать религию как таковую серьезно. Религия становится источником ритуала в обществе, которое лишено церемоний, и, таким образом, разумным развитием естественного стремления к социальной общности, с которым рождаются все люди. Это то, что современные, рациональные, скептично настроенные люди могут воспринимать серьезно, точно так же как они воспринимают свою национальную независимость, одеваются в свою традиционную этническую одежду или читают классику своей культурной традиции. Понятая в этом смысле религия теряет свой иерархический характер, и линия, разделяющая спонтанную рациональную и иррациональную власть, становится размытой.

Возрождение ценностей, начавшееся в 90-х годах, и любое обновление норм в обществе, которое может случиться в будущем, исходят из всех четырех ячеек систематики норм, определенной в главе 8: политического, религиозного, самоорганизационного и естественного. Государство не является* ни источником всех проблем, ни инструментом, посредством которого мы можем решить их, но его действия могут уничтожить или восстановить социальный капитал и в большом, и в малом. Мы не стали настолько современными и светскими, что можем обойтись без религии. Мы также не настолько лишены природных моральных ресурсов, чтобы ждать мессию, который спас бы нас. И природа, которую мы постоянно пытаемся выгнать в дверь, всегда возвращается через окно.

Социальный капитал и история

Ранее я говорил, что существует два основных источника расширяющегося круга доверия — религия и политика. На Западе христианство впервые установило принцип универсальности человеческого достоинства, который был спущен с небес на землю и превращен в светскую доктрину универсального человеческого равенства в период Просвещения. Сегодня мы требуем от политики, чтобы она несла почти всю тяжесть этой инициативы, и она удивительно хорошо с этим справляется. Человеческие сообщества были основаны на разнообразных принципах, результатом которых оказывался узкий круг доверия, включающий в себя семью, родственников, династию, секту, религию, расу, этничность и национальную идентичность. Просвещение осознало, что все эти традиционные источники общности были в конечном итоге иррациональными. Во внутренней политике они приводили к социальному конфликту, так как фактически ни одно общество никогда не было гомогенным по любому из этих признаков. Во внешней политике они вели к войне, потому что общества, основанные на различных принципах, постоянно находились в конфликте друг с другом на мировой арене. Только политический порядок, основанный на универсальном признании человеческого достоинства — сущностного равенства всех людей, вытекающего из их способности к моральному выбору, — может устранить эти иррациональности и привести к мирному внутреннему и международному порядку. Республиканская форма правления Канта, американская Декларация независимости и Билль о правах, гегелевское универсальное и гомогенное государство. Всеобщая декларация прав человека и права, перечисленные в основных законах фактически всех

современных либеральных демократий, — все они следуют сегодня принципу универсального признания.

Нации, построенные на этих универсальных либеральных принципах, оказались необычайно устойчивыми на протяжении последних двух веков, несмотря на частые спады и неудачи. Политический порядок, основанный на сербской этнической идентичности или шиизме, никогда не перерастет границ какого-нибудь жалкого угла Балкан или Ближнего Востока и, конечно, никогда не сможет стать основополагающим принципом больших, разнообразных, динамичных и сложных современных обществ — как, например, составляющих Большую Семерку. Они не только столкнулись бы с неразрешимыми политическими противоречиями, связанными с религиозными или этническими меньшинствами, но их враждебность к нововведениям закрыла бы для них возможность свободного экономического обмена и, следовательно, участия в современной экономической жизни. Логика либерального и демократического политического порядка становится более настоятельной, по мере того как общества экономически развиваются, так как согласование всех разнообразных интересов, которые существуют в нем, требует одновременно и участия, и равенства. Развитие современной естественной науки дви-жет экономическое развитие, а экономическое развитие ведет за собой — с отставаниями, спадами и ошибками — процесс политического развития в направлении либеральной демократии. Поэтому мы можем ожидать долгосрочной прогрессивной эволюции человеческих политических институтов в направлении либеральной демократии[24].

Главная проблема, связанная с этим в основном оптимистическим взглядом на исторический прогресс, заключается в том, что социальный и моральный порядок не обязательно следуют за политическим порядком и экономическим развитием. Существует две причины, в силу которых культурные предпосылки политического порядка не могут приниматься как данность. Первая заключается в том, что либеральные общества приобретают политический порядок ценой морального консенсуса. Единственная моральная директива, которую обеспечивает либеральное общество, — это универсальные обязательства терпимости и взаимного уважения. Сначала это не было проблемой, потому что многие либеральные общества — такие, как США, Британия и Франция — начинали развиваться как относительно гомогенные в культурном отношении: в них доминировала одна культурная группа и одна религия. Однако со временем они становились больше и гораздо более культурно разнообразными. Уменьшение населения, поощрение иммиграции и национальные границы, сделавшиеся проницаемыми благодаря дешевому транспорту и развитым

коммуникациям, — все указывает, что движение к большему разнообразию повсеместно сохранится. Даже такие страны, как Япония, которым до сих пор успешно удавалось поддерживать достаточный уровень культурной и этнической гомогенности, в будущем столкнутся с такими же проблемами.

В США и других англоязычных демократиях, так же как и во Франции, эти культурные центробежные силы традиционно компенсируются за счет создания новой гражданской идентичности, не связанной ни с этнической принадлежностью, ни с религией. «Американизация», возникшая в равной степени из политических идеалов демократии и англосаксонских культурных традиций, доступна всем детям иммигрантов в США. Французское гражданство, основанное на классическом республиканизме и французской литературной культуре, одинаково доступно — по крайней мере в теории — чернокожему из Сенегала или арабу из Туниса, хотя иммиграция вызывает во Франции гораздо более серьезную негативную реакцию в форме Национального фронта Жана-Мари Ле Пена.

Главный вопрос на будущее заключается в том, выживут ли эти универсалистские формы культурной идентичности под атаками со стороны принципиальной веры в мультикультурализм, которая переходит границы культурного разнообразия и требует поощрения культурных различий. Моральная миниатюризация, которая была описана выше при обсуждении американского гражданского общества, лишь частично произошла потому, что общество стало более разнородным. Более важной причиной этого процесса является распространение принципиальной веры в моральный релятивизм — идея, согласно которой никакой отдельный набор ценностей или норм не может или не должен быть преобладающим. Когда такой релятивизм распространяется на политические ценности, на которых основан сам режим, либерализм начинает разрушать сам себя.

Второй проблемой, с которой сталкиваются либеральные общества, защищая свои собственные культурные основания, является угроза, вызванная технологическими изменениями. Социальный капитал — это не какой-то редкий и драгоценный предмет, который был создан однажды в век веры и передавался по наследству в силу древней традиции. Он не имеет и постоянного источника, который сегодня безжалостно уничтожается нами, современными светскими людьми. Однако хотя запас социального капитала постоянно пополняется, этот процесс не идет автоматически, легко и без затрат. То же самое изобретение, которое увеличивает производительность или создает новую отрасль промышленности, подрывает существующее сообщество или делает весь уклад жизни устаревшим. Общества, вставшие на эскалатор

технологического прогресса, постоянно вынуждены играть в догонялки, поскольку социальные правила развиваются, чтобы соответствовать изменившимся экономическим условиям. Машинное производство перемещает людей из деревни в город и отделяет мужей от семей, в то время как информационные технологии возвращают их в сельскую местность и толкают женщин на работу. Нуклеарные семьи исчезают с появлением сельского хозяйства, появляются вновь с индустриализацией и начинают приходить в упадок с переходом к постиндустриальной эре. Люди могут со временем приспособиться ко всем этим изменившимся условиям, но скорость технологических изменений зачастую может превышать скорость социального приспособления. Когда производство социального капитала не способно удовлетворить потребность, обществам приходится платить за это дорогую цену.

В обществе происходят два процесса, развивающихся параллельно. В политической и экономической сфере история является прогрессивной и линейной, и в конце XX века кульминацией этого стала либеральная демократия как единственный жизнеспособный выбор для технологически развитых обществ. В социальной и моральной сфере, однако, история, кажется, является цикличной, и социальный капитал убывает и возрастает на протяжении жизни многочисленных поколений. Нет ничего, что гарантировало бы рост социального капитала в цикле. Единственное основание для надежды — это очень мощные внутренние человеческие способности к воссозданию социального порядка. От успеха этого процесса воссоздания зависит, будет ли стрела Истории направлена вверх.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнительные данные и источники

Диаграммы A1—A5 представляют собой кривые уровня преступлений, связанных с насилием, краж, рождаемости, разводов и внебрачной рождаемости для 10 стран ОЭСР в дополнение к США, Англии и Уэльсу, Швеции и Японии, которые были представлены в тексте книги. Данные, на которых основаны эти и другие графики в этой книге, можно найти на Интернет-странице автора http://mason.gmu.edu/~fukuyam/.

Диаграмма A1
Уровень преступлений, связанных с насилием, 1950—1996 гг.

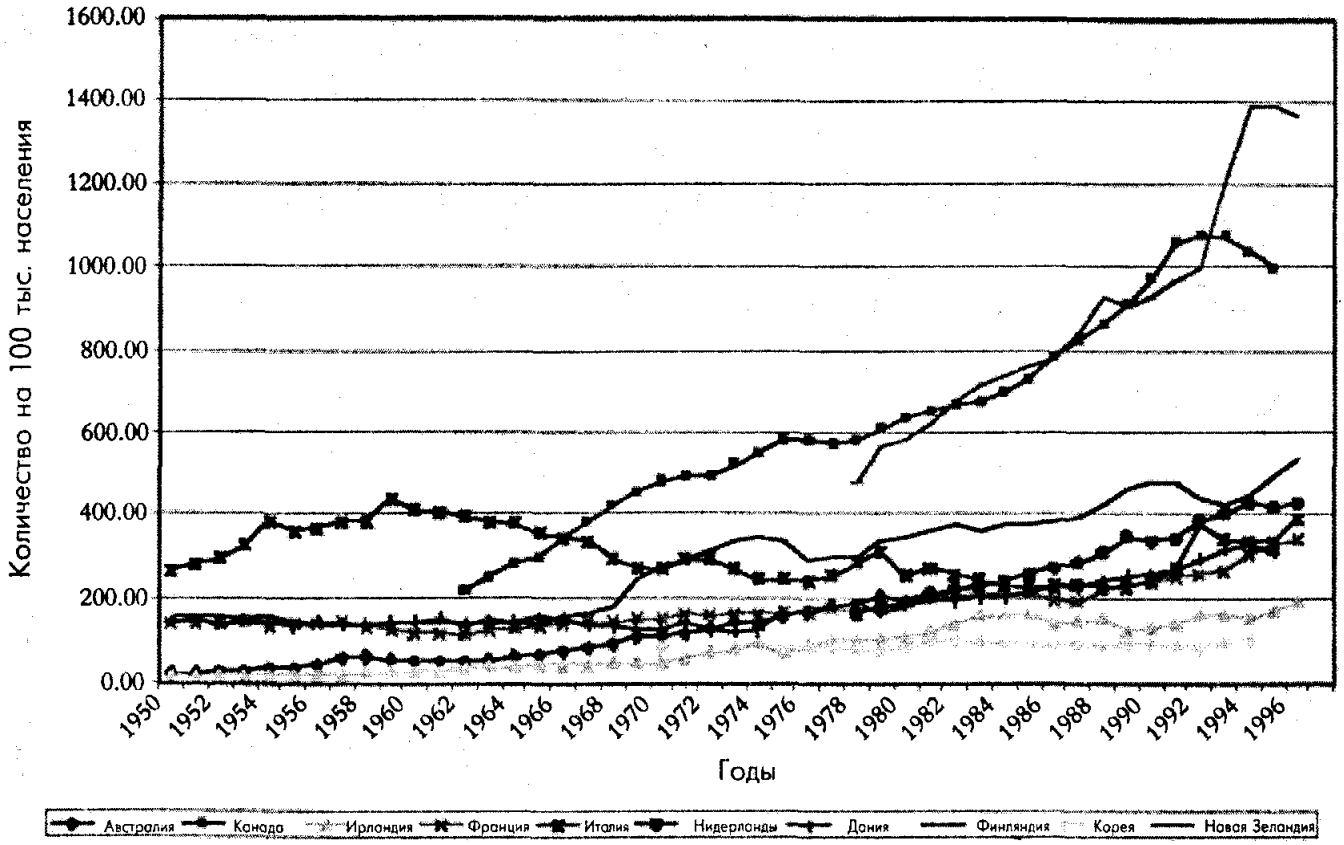
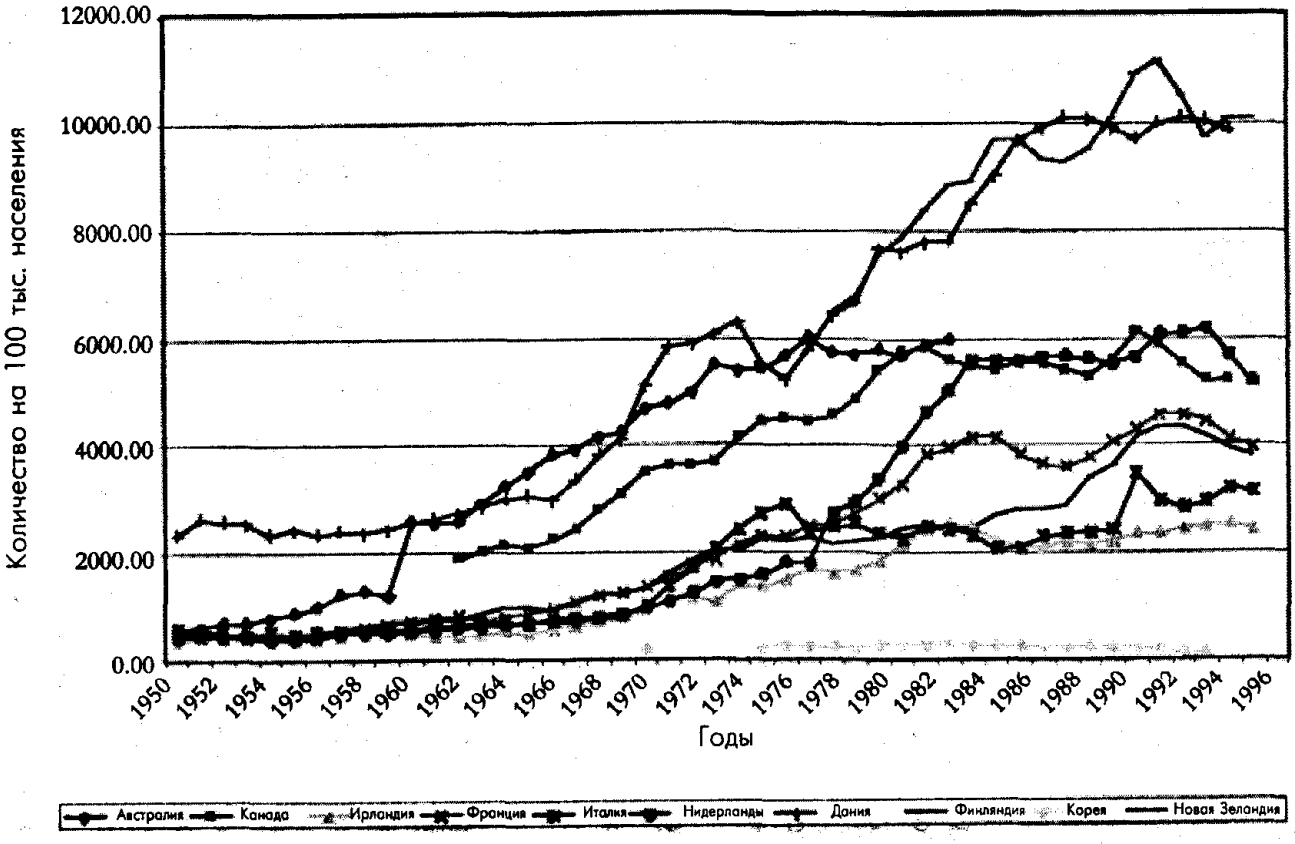


Диаграмма A2
Уровень краж, 1950—1996 гг.



Канада

Уровень преступлений, связанных с насилием — из категории преступлений, связанных с насилием. Включает убийства, покушения на убийства, различные формы сексуального и несексуального насилия, грабежи и похищения.

Уровень краж — из категории преступлений против собственности. Включает взломы и проникновения, мошенничество, торговлю краденым.

Источник: Statistics Canada, Canadian Crime Statistics 1995. Ottawa: Canadian Centre for Justice Statistics, 1995.

Дания

Уровень преступлений, связанных с насилием — из категории сексуальных преступлений, которые включают в себя изнасилования и нарушения приличий, а также из категории преступлений, связанных с насилием, которые включают нападение на официальное лицо при исполнении обязанностей, убийства и покушения на убийства, а также насилие над личностью.

Уровень краж — из категории преступлений против собственности. Включает изготовление фальшивых денег, поджоги, ночные кражи со взломом, кражи, мошенничество, воровство, кражу автомобилей, мотоциклов, мопедов и велосипедов, а также злонамеренную порчу имущества.

Источник: Danmarks Statistik (Статистика Дании), Kriminalstatistik (Криминальная статистика). Copenhagen:

Statistics Denmark, 1996.

Нидерланды

Уровень преступлений, связанных с насилием — данные 1978— 1996 годов. Из категории преступлений, связанных с насилием. Включает преступления против жизни, осуществленные и покушения (для всех лет до 1978 года — преступления против жизни); помощь в самоубийстве и аборте (не учитывалось лишь в 1992—1996 годах); нападения; угрозы (только в 1992—1996 годах); виновность в смерти или тяжких телесных повреждениях;

изнасилование; сексуальные нападения («словесные оскорбления и угрозы физическим насилием»); другие сексуальные преступления; кражи с насилием; вымогательство.

Уровень краж — из категории преступлений против собственности. Включает обычные кражи; кражи со взломом и проникновением (ночные кражи со взломом); другие кражи с отягчающими обстоятельствами.

Примечание. Категории преступлений, связанных с насилием, и преступлений против собственности не равны основным видам

преступлений, описываемым в источниках. Кроме того, проблема охвата разных видов преступлений для разных лет делает затруднительным полный подсчет по этим основным категориям и по преступлениям, классифицированным в них.

Источник: личная переписка с министерством юстиции и национальным бюро статистики Нидерландов, заверенная министерством юстиции, WDOC/SIBa, январь 1998,

Новая Зеландия

Уровень преступлений, связанных с насилием — из категории преступлений, связанных с насилием, включая убийства, похищения, грабежи, тяжелые и вооруженные нападения, легкие нападения, запугивания и угрозы, в том числе групповые. Кроме того — из категории сексуальных преступлений, включая сексуальные агрессии, сексуальные оскорбления, ненормальные сексуальные взаимоотношения, аморальное поведение, распространение непристойных фотографий и видеофильмов, проституцию.

Уровень краж — взят из категории нечестности. Включает ночные кражи со взломом, угоны транспортных средств и проникновения в них, кражи, взяточничество и мошенничество.

Источник: личная переписка с П.Е.С. Дуном (P.E.C. Doone), комиссаром полиции, полиция Новой Зеландии.

Финляндия

Уровень преступлений, связанных с насилием — из табеля о преступлениях против уголовного кодекса, включая предумышленные убийства (murder), непредумышленные убийства (homicide), покушения на убийство, нападения, изнасилования и грабежи.

Уровень краж — из табеля преступлений против уголовного кодекса. Включает кражи и мелкие кражи; кражи с отягчающими обстоятельствами; а также угоны или кражи моторных транспортных средств.

Примечание. В законодательство, уголовный кодекс или закон внесены поправки о грабеже в 1972 г., о нападении с отягчающими обстоятельствами в 1972 г., об угоне или краже моторных транспортных средств в 1991 г., о мошенничестве и хищении в 1991 г.

Источник: Statistics Finland, Yearbook of Justice Statistics 1996. Helsinki; Statistics Finland, 1997; а также: Statistics Finland, Crime Nomenclature 1996. Helsinki: Statistics Finland, 1997.

Франция

Уровень преступлений, связанных с насилием — из категории преступлений против личности (о видах преступлений данных нет).

Уровень краж — из категории краж, включая торговлю краденым и хранение его (о видах преступлений данных нет).

Источник: личная переписка с Бернардом Граветом (Bernard Gravel), министерство внутренних дел, Франция. Указываемый источник — Французское агентство статистики, Institut National de la Statistique et des Etudes Economiques (INSEE).

Ирландия

Уровень преступлений, связанных с насилием — из первой группы: преступления против личности, включая (в числе многих разновидностей) убийства, различные виды непредумышленных убийств, различные виды нападений, изнасилования, другие сексуальные преступления, похищения (детей и взрослых), запугивание, жестокое обращение с детьми и детоубийства. Кроме того, из второй группы; преступления против собственности с насилием, включая кражи со взломом с отягчающими обстоятельствами, вооруженные кражи со взломом, грабежи и нападения с целью грабежа, вооруженные грабежи, нападения на жилые дома с использованием огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, поджоги, убийство или нанесение увечий крупному рогатому скоту, произведение взрывов с целью подвергнуть опасности жизнь или нанести ущерб собственности.

Уровень краж — из второй группы: преступления против собственности с насилием, включая святотатство, кражи со взломом, злонамеренное овладение имуществом, проникновение в жилище, проникновение в магазины, склады, попытки проникновения в дома, магазины и т.д., распространение порочащих утверждений или угрозы таким распространением с целью шантажа, нанесение намеренной порчи школам, другие злонамеренные действия против собственности, попытка произведения взрыва, хранение взрывчатых веществ, намеренное причинение порчи имуществу и другие преступления против собственности с насилием. Кроме того, из третьей группы: преступления против собственности без насилия (воровство и т.д.); включает (в числе многих разновидностей) различные виды воровства и хранение краденого и торговлю им. Исключены — мошенничество и другие подобные преступления.

Источник. Central Statistics Office, Statistical Abstract. Cork:

Central Statistics Office, ежегодное издание.

Италия

Уровень преступлений, связанных с насилием — из таблицы источника. Включает умышленные убийства и убийства по

неосторожности, нанесение телесных повреждений, грабежи, вымогательство, похищения детей и преступления против семьи.

Уровень краж — из таблицы источника. Включает кражи.

Примечание. Преступления против нравственности и общественного порядка исключены, т.к. они относятся к криминальным преступлениям, остающимся вне моих больших категорий, а также в целях сопоставления с другими странами, где они не включаются в статистику (например, в Нидерландах).

Источник: личная переписка с Клаудиа Чинголани (Claudia Cingolani), начальником Департамента международных отношений, Istituto Nazionale Di Statistica (ISTAT). Данные за 1950— 1985 годы взяты из публикаций, а за 1986—1996 годы — из служебных таблиц.

Япония

Уровень преступлений, связанных с насилием — из таблицы источника. Включает убийства, грабежи, грабежи, приведшие к смерти, грабежи с нанесением телесных повреждений, грабежи с изнасилованием, нанесение телесных повреждений, нападения, запугивание, вымогательство, создание незаконных вооруженных формирований, изнасилования, нападения

с нарушением приличий, неприличное поведение на публике, распространение непристойных материалов, поджоги и похищение детей.

Уровень краж — из таблицы источника. Включает воровство.

Источник: Коичи Хамаи (Koichi Hamai), старший офицер по исследованиям (senior research officer), первый исследовательский отдел, Институт исследований и обучения, министерство юстиции правительства Японии, перевел данные, взятые из официального ежегодника по преступности. Полная ссылка — правительство Японии, сводка из официального ежегодника по преступности (Tokyo: Research and Training Institute, Ministry of Justice, ежегодные издания).

Швеция

Уровень преступлений, связанных с насилием — из таблицы источника. Включает убийства, неумышленные убийства, нападения, приведшие к смерти, нападения и нападения с отягчающими обстоятельствами, сексуальные преступления и грабежи.

Уровень краж — из таблицы источника. Включает причинение порчи имуществу, кражи со взломом и преступления против собственности, помимо грабежей и краж со взломами.

Источник: Statistics Sweden (Statistika Centralbyran), Kriminalstatistik 1994. Stockholm: Statistics Sweden, 1994.

США

Уровень преступлений, связанных с насилием — из данных о преступности первой части. Включает убийства и неумышленные убийства, произошедшие не в результате халатности, изнасилования с отягчающими обстоятельствами, грабежи и нападения с отягчающими обстоятельствами.

Уровень краж — из данных о преступности первой части. Включает кражи со взломом, воровство, кражи и угоны моторных транспортных средств.

Источник: личная переписка с секцией поддержки программ отдела службы криминальной юридической информации Федерального Бюро Расследований министерства юстиции США. Данные получены благодаря программе Постоянной Криминальной Отчетности (Uniform Crime Reporting, UCR), руководимой ФБР.

Англия и Уэльс

Уровень преступлений, связанных с насилием — из класса один: преступления категории против личности, 1950—1972 годы, и насилия над личностью, 1973—1997 годы; категории сексуальных преступлений; категории преступлений против личности с ограблением. Включая умышленные убийства, неумышленные убийства и детоубийства, покушения на убийство, угрозы или сговор с целью убийства, умерщвление плода, ранение или другие действия, подвергающие опасности жизнь, подвергание опасности железнодорожных пассажиров, под-вергание опасности жизни на море, другие ранения и т.д., нападения (после 1988 года они исключены, т.к. стали категорией преступлений), оставление детей до двух лет, похищение детей, осуществление нелегального аборта и укрывательство при родах. Сексуальные преступления включают гомосексуальные связи, неприличные нападки на мужчину, неприличное поведение среди мужчин, изнасилования, неприличные нападки на женщину, незаконные половые сношения с девочкой младше тринадцати лет, незаконные половые сношения с девочкой младше шестнадцати лет, инцест, сводничество, похищение, двубрачие и грубое неприличное поведение с ребенком.

Уровень краж — из класса два: преступления против собственности с насилием (за исключением грабежей и шантажа), 1950—1972 годы, и категории краж со взломом, а также класс три: преступления против собственности без насилия (исключая хищения, получение средств по фальшивым документам, обман при помощи посредников и т.д., подделку счетов). Включает разнообразные виды краж со взломом и без.

Источник: Home Office, Criminal Statistics: England and Wales. London: Her Majesty's Stationery Office, ежегодные издания.

Австралия

Уровень преступлений, связанных с насилием — относительно преступлений, зафиксированных полицией. Включает умышленные и неумышленные убийства, убийства по неосторожности (кроме дорожных происшествий) (только 1971— 1997 годы), изнасилования (только 1964—1987 годы), грабежи и серьезные нападения.

Уровень краж — относительно преступлений, зафиксированных полицией. Включает кражи со взломом или взлом, проникновение и покушение на воровство; воровство и кражи моторных транспортных средств.

Источник: для 1964—1973 годов статистика из: Mukherjee, Satyanshu K.; Scandia, Anita; Dagger, Dianne; Matthews, Wendy. Soureebook of Australian Criminal and Social Statistics. Canberra:

Australian Institute of Criminology, 1989; для 1974—1997 годов из: Mukherjee, Satyanshu K.; Dagger, Dianne. The Size of the Crime Problem in Australia, 2d ed. Canberra: Australian Institute of Criminology, 1990; а также личная переписка с Джоном Миртле (John Myrtle), главным библиотекарем Австралийского Института Криминологии.

Республика Корея (Южная Корея)

Уровень преступлений, связанных с насилием — для 1970-го и 1975—1994 годов из случаев преступлений, связанных с насилием. Включая убийства, изнасилования, грабежи и нападения с отягчающими обстоятельствами.

Уровень краж — для 1970-го и 1975—1994 годов из случаев преступлений против собственности. Неясно, какие виды преступлений включены.

Источники'. National Statistical Office, Republic of Korea, Social Indicators in Korea 1995. Seoul, Korea: National Statistical Office, 1995.

Диаграмма А4
Количество разводов, 1950—1996 гг.

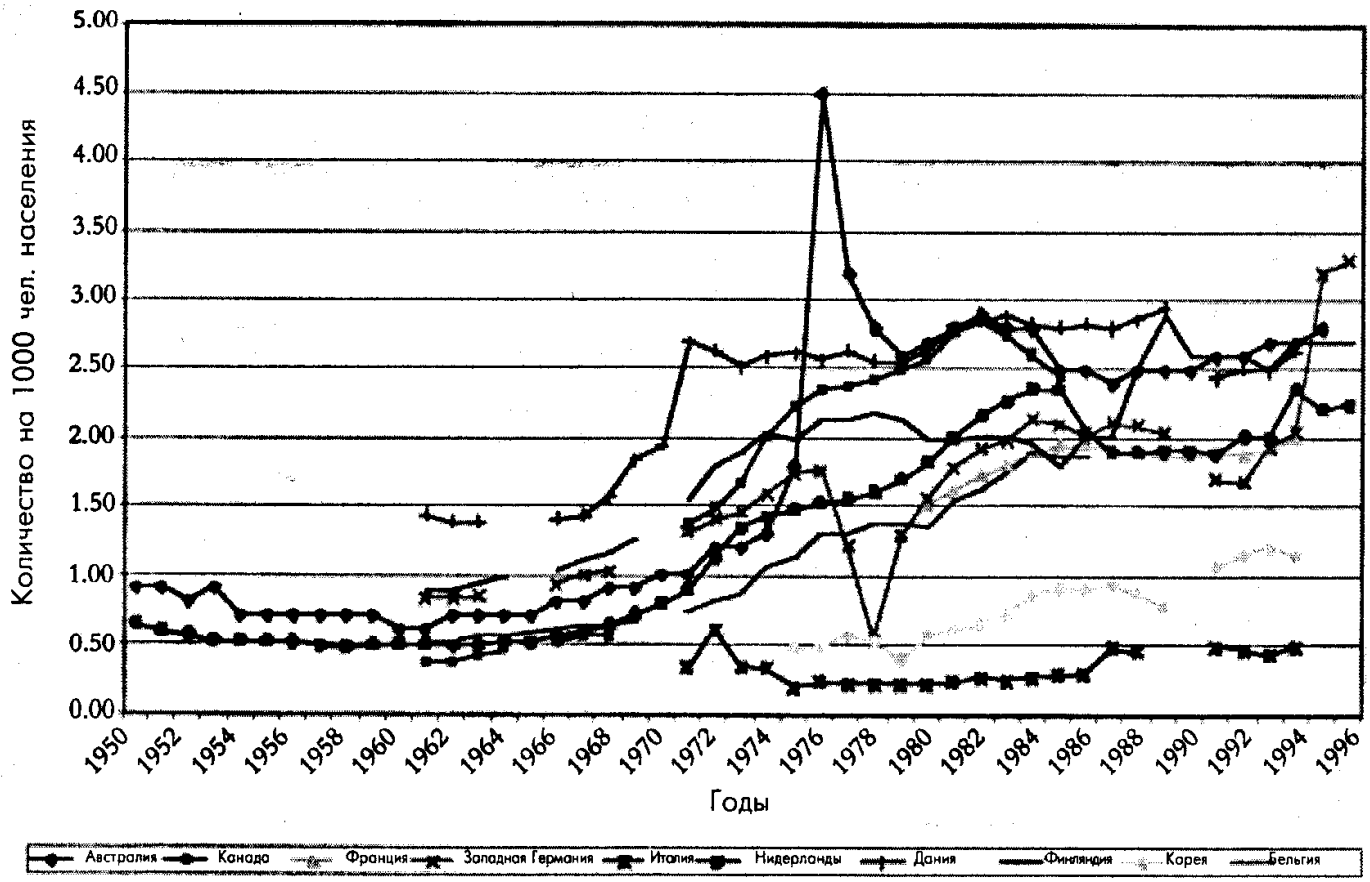
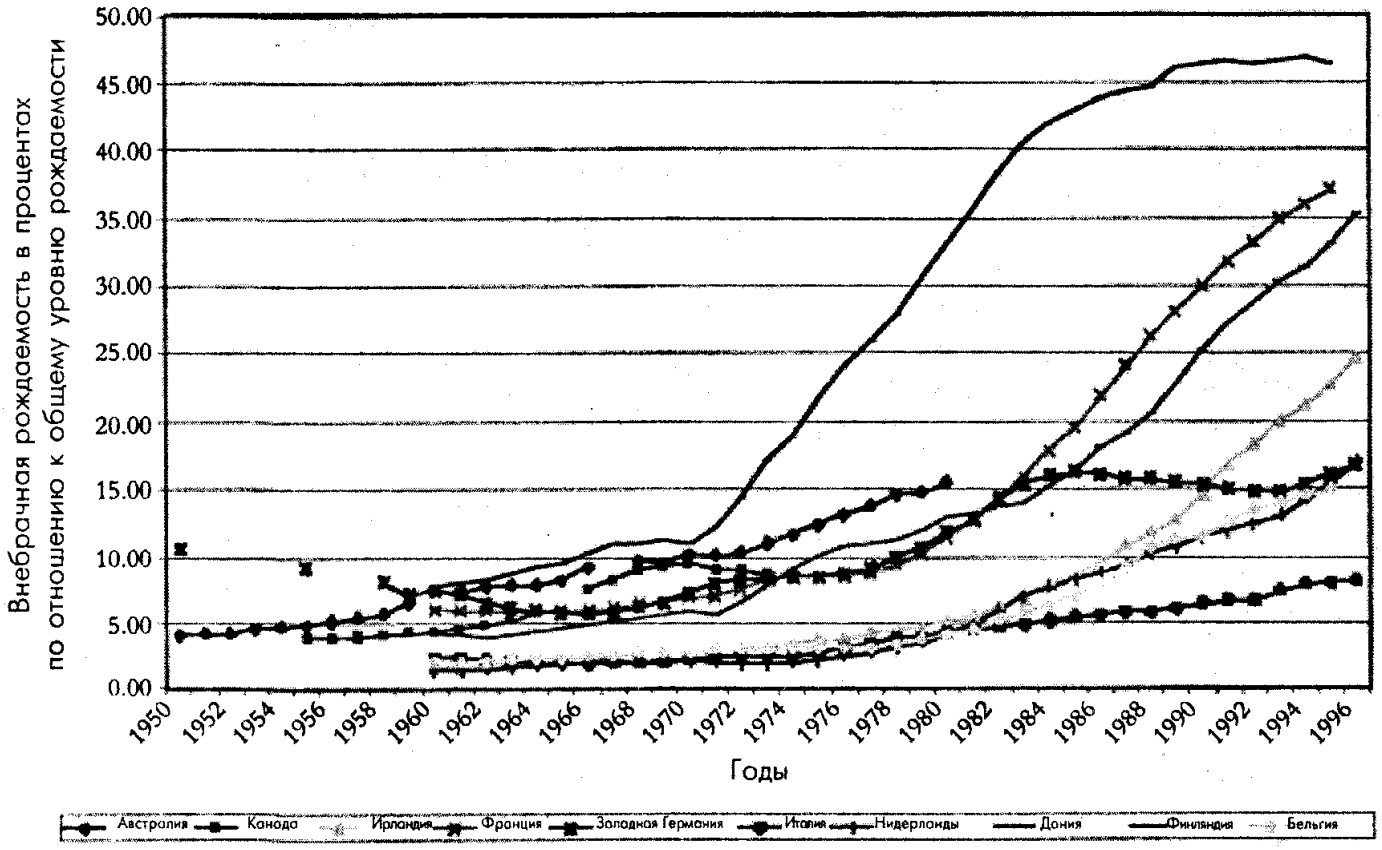


Диаграмма А5
Рождаемость у матерей-одиночек, 1950—1996 гг.



Данные по рождаемости у незамужних матерей для всех европейских стран взяты из: Eurostat, Demographic Statistics. New York: Haver Analytics/Eurostat Data Shop, 1997. Данные для Японии приводятся по информации министерства здравоохранения и благосостояния Японии, отдел статистики и информации. Источники для данных по США: Ventura S.J. et al., Report of Final Natality Statistics // Monthly Vital Statistics Report 46, No. 11 supplement: Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1996, а также: Ventura S.J. et al., Births to Unmarried Mothers: United States, 1980—1992//Vital Health Statistics 21 (53):

Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1995. Источник для данных по Австралии и Канаде — U.S. Bureau of the Census, *International Database*, International Programs Center;

United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis-Statistical Division, Demographic Yearbook. New York: United Nations Publications, 1965, 1975, 1981, 1986.

Источники для других стран даются по странам.

Австралия

Общий уровень рождаемости — исключает чистокровных аборигенов до 1966 года.

Уровень разводов — исключает чистокровных аборигенов до 1966 года. Примерный уровень разводов — это количество полностью удовлетворенных заявлений на 1000 человек населения к 30 июня данного года. До 1994 года примерный уровень женитьб рассчитывался исходя из средней численности населения для календарного года. При интерпретации этого

уровня необходимо помнить, что данные о большой и переменной части населения, использованные в знаменателе, относятся к не состоящим в браке или еще не достигшим соответствующего возраста.

Источники: личное письмо Кристины Килматрин (Christine Kilmartin), координатора программы «Мониторинг динамики семьи», от 2 марта 1998 года. Australian Institute of Family Studies, Australian Bureau of Statistics, Catalog No. 3301.0. Canberra: Australian Government Publishing Service, 1995.

Канада

Уровень разводов — из данных исключены случаи судебного признания брака недействительным и законного раздельного проживания, если иное не оговорено специально. Уровни представляют собой количество постановлений об окончательном разводе, данных в соответствии с гражданским кодексом, на 1000 человек населения к середине года.

Источники: United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, World Population Prospects: The 1996 Revision — Annex 1 — Demographic Indicators. New York: United Nations Publications, 1996; U.S. Bureau of the Census, *International Database*, International Programs Center; United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis-Statistical Division, Demographic Yearbook. New York: United Nations Publications, 1965—1995.

США

Уровень разводов — данные относятся только к случаям, произошедшим в США. Аляска включена с 1959 года и Гавайи с 1960 года. Уровни на 1000 человек населения рассчитаны по состоянию на 1 апреля для 1950-го, 1960-го, 1970-го и 1980 годов, а для всех остальных лет — по состоянию на 1 июля.

Источники: Ventura S.J., Martin J.A., Mathews T.J., Clarke S.C. *Report of Final Natality Statistics, 1996,* Monthly Vital Statistics Report, Vol. 46, No. 11 supplement, Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1998; Ventura S.J. *Births to Unmarried Mothers: United States, 1980—1992,* National Center for Health Statistics, Vital Health Statistics 21(53), Hyattsville, Md.:

National Center for Health Statistics, 1995; U.S. Department of Health and Human Services, *Vital Statistics of the United States,* Vol. 1:

Natality, Publication No. (PHS) 96—1100, Hyattsville, Md.:

National Center for Health Statistics, 1996; dark S.C. *Advance Report of Final Divorce Statistics, 1989 and 1990*, Monthly Vital Statistics Report, Vol. 43, No. 8 supplement, Hyattsville, Md.:

National Center for Health Statistics, 1995; National Center for Health Statistics, *Births, Marriages, Divorces and Deaths for 1996,* Monthly Vital Statistics Report, Vol. 45, No. 12, Hyattsville, Md.:

National Center for Health Statistics, 1997.

Япония

Источники: министерство здравоохранения и благосостояния Японии, отдел статистики и информации.

Южная Корея

Уровень разводов — полнота графиков не описана в источнике или данные считаются неполными.

Источники: United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, World Population Prospects:

The 1996 Revision — Annex 1 — Demographic Indicators, New York: United Nations Publications, 1996; U.S. Bureau of the Census, *International Database,* International Programs Center; United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis-Statistical Division, Demographic Yearbook, New York: United Nations Publications, 1980—1995.

Дания

Уровень разводов: Из данных исключены Фарерские острова и Гренландия.

Источники: Sardon, Jean-Paul. General Natality, Paris:

National Institute of Demographic Studies, 1994; Американское бюро переписи, Международная база данных, Центр международных программ; отделение экономической и социальной информации и политического анализа Организации Объединенных Наций, подразделение статистики, Demographic Yearbook, New York: United Nations Publications, 1965-1995.

Финляндия

Источники: United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, *World Population Prospects:*

The 1996 Revision-Annex 1 — Demographic Indicators, New York:

United Nations Publications, 1996; U.S. Bureau of the Census, *International Database,* International Programs Center; United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis-Statistical Division, *Demographic Yearbook,* New York: United Nations Publications,

1965—1985; личное письмо Ани Торма (Anja Torma), специалиста по информации библиотеки, от 23 января 1998; Statistics Finland, *Vital Statistics 1996,* Helsinki: Statistics Finland, 1996.

Франция

Источники: Sardon, Jean-Paul. *General Natality.* Paris:

National Institute of Demographic Studies, 1994; Kerjosse, Roselyn; Tamby, Irene. *The Demographic Situation in 1994:*

Movement of the Population. Paris: National Institute of Statistics-Economic Studies, 1994.

Германия/бывшая Восточная Германия

Источники: Ministry for Families, Senior Citizens, Women, and Youth, *Die Familie im Spiegel der Amtlichen Statistik: Aktuel und Erweiterte Neuauflage 1998,* Bonn, 1997; United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, *World Population Prospects: The 1996 Revision-Annex 1 — Demographic Indicators,* New York: United Nations Publications, 1996; United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis-Statistical Division, *Demographic Yearbook,* New York:

United Nations Publications, 1965—1995.

Ирландия

Источники: Sardon, Jean-Paul. *General Natality.* Paris:

National Institute of Demographic Studies, 1994; U.S. Bureau of the Census, *International Database,* International Programs Center.

Италия

Уровень показателей по разводам — источники не указывают на полноту данных, использованных при построении диаграмм.

Источники: личное письмо от 17 апреля 1998 года Вивиа-ны Егиди (Viviana Egidi), Direzione Centrale delle Statistiche su Popolazione e Temtorio. Istituto Nazionale Di Statistica (ISTAT);

United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, Statistical Division, Demographic Yearbook, New York: United Nations Publications, 1990—1995.

Нидерланды

Уровень показателей по разводам — диаграмма включает в себя показатели по разводам и по распаду семей в результате смерти супруга.

Источники: личное письмо Урсулы ван Ляйден (Ursula van Leijden), отделение народонаселения Бюро статистики Ни-дерландов, от 4 марта 1998 года.

Швеция

Источники: Sardon, Jean-Paul. *General Natality.* Paris:

National Institute of Demographic Studies, 1994; личное письмо Аке Нильсон (Ake Nilsson), Бюро статистики Швеции, от 11 июня 1998 года; *Population Statistics 1996, Part 4, Vital Statistics*, Stockholm: Statistics Sweden, 1997.

Соединенное Королевство

Уровень показателей по разводам — диаграммы для 1964— 1970 годов приведены только по Англии и Уэльсу. Диаграммы построены на основе данных по народонаселению, включая вооруженные силы, размещенные за пределами страны, и матросов коммерческих судов, находящихся в плавании. Данные по вооруженным силам Британского Содружества и иностранным вооруженным силам, размещенным на территории Соединенного Королевства, не учитываются.

Источники: United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, *World Population Prospects: The 1996 Revision-Annex 1 — Demographic Indicators*, New York: United Nations Publications, 1996; United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis, Statistical Division, *Demographic Yearbook*, New York: United Nations Publications, 1965—1995; Council of Europe, *Recent Demographic Developments in Europe*, Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Глава 1. Игра по правилам

' Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973. (Русский перевод: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. — *Примеч. пер.)*

[2] Для общего изучения характеристик «информационного общества» см.: Toffler, Alvin. The Third Wave. New York: William Morrow, 1980 (Русский перевод: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. — *Примеч. пер.),* а также: Castells, Manuel. The Rise of the Network Society. Maiden, Mass.:

Blackwell Publishers, 1996.

[3] Первым крупным технологическим разрывом явилось возникновение сельского хозяйства. Однако переход от охоты и собирательства к земледелию происходил гораздо медленнее, чем экономические перемены с начала промышленной революции, и информации о них у нас гораздо меньше.

[4] Tonnies, Ferdinand. Community and Association. London: Routledge and Kegan Paul, 1955.

[5] Maine, Henry S., Sir. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modem Ideas. Boston: Beacon Press, 1963 (первая публикация — 1861), pp. 163—164; см. также аналогичное обсуждение в: Weber, Max. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978, 1: 40—46; а также в: Fox, Robin. Reproduction and Succession: Studies in Anthropology, Law, and Society. New Brunswick, N.J.:
Transaction Publishers, 1997, pp. 96—100.

[6] Huntington, Samuel P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma City: University of Oklahoma Press, 1991.

[7] Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. NY: Free Press, 1992; см. также: Fukuyama, Francis. Capitalism and Democracy: The Missing Link // Journal of Democracy, 3 (1992), 100—110.

[8] См. например, предисловие к: Buchanan, James M. The Limits ot Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

[9] Gambetta, Diego. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993, p. 35.

[10] См. например; Banfield, Edward C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, 111.: Free Press, 1958; а также: Putnam, Robert D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modem Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

[11] Насколько мне известно, первым этот термин использовал Лоуренс Харрисон в: Harrison, Lawrence. Underdevelopment Is a State of Mind:
The Latin American Case. New York; Madison Books, 1985, pp. 7—8.

[12] По Веберу, «великим достижением этических религий, в первую очередь — этических и аскетических течений протестантизма, было разрушение оков кровнородственных связей». (The Religion of China. New York: Free Press, 1951, p. 237.)

[13] Смотрите обсуждение гражданского общества в: Diamond, Larry. Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy, 5 (1994), 4—17.

[14] Этот аргумент был приведен в: Gellner, Ernest. Conditions of Liberty:
Civil Society and Its Rivals. London: Hamish Hamilton, 1994.

[15] Hanifan, Lyda Judson. The Rural School Community Center // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 67 (1916), 130—138.

[16] Jacobs, Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York:
Vintage Books, 1961, p. 138.

[17] Loury Glenn. A Dynamic Theory of Racial Income Differences // Wallace P.A.; LeMund A., eds. Women, Minorities, and Employment Discrimination. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1977; Light, Ivan H. Ethnic Enterprise in America. Berkeley: University of California Press, 1972.

" Coleman, James S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American journal of Sociology Supplement, 94 (1988), S95 — S120; Coleman, James S. The Creation and Destruction of Social Capital: Implications for the Law // Journal of Law, Ethics, and Public Policy, 3 (1988), 375-404.

[19] Putnam. Making Democracy Work; а также: Putnam, Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, 6 (1995), 65-78.

[20] Ladd, Everett C. The Data Just Don't Show Erosion of America's «Social Capital» // Public Perspective (1996), 4—22; Schudson, Michael. What If Civic Life Didn't Die? // American Prospect (1996), 17—20; Clark, John. Shifting Engagements: Lessons from the «Bowling Alone» Debate // Hudson Briefing Papers, no. 196 (October 1996).

[21] Это исследование в одном перечне охватывает большое число различных характеристик негативного социального капитала. См.:

National Commission on Civic Renewal, The Index of National Civic Health. College Park, Md.: National Commission on Civic Renewal, 1998;

а также: A Nation of Spectators: How Civic Disengagement Weakens America and What We Can Do About It. College Park, Md.; National Commission on Civic Renewal, 1998.

Глава 2. Преступность, семья, доверие: что произошло

' Jacobs, Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York:

Vintage Books, 1992, pp. 29—54.

[2] Ibid., pp. 38-39.

[3] Интересное обсуждение вредного влияния сверхсовременного урбанизма см. в: Scott, James C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Conditions Have Failed. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998, pp. 132—139.

[4] См.: Park, Robert E. Community Organization and Juvenile Delinquency // Buigess, Ernest W.; Park; McKenzie, Roderick D., eds. The City. Chicago:

University of Chicago Press, 1925, pp. 99—112. Криминалист-Джон Брай-туэйт также подчеркивает роль того, что он называет «реинтегративное пристыжение» (reintegrative shaming), в контроле за преступностью. Сообщества выражают осуждение через процесс пристыжения и поношения того, кто нарушает общественные нормы. Реинтегративное пристыжение происходит, когда сообщества соглашаются принять отступника обратно в свой круг и когда тот признает вину или выражает сожаление о своих действиях. Согласно Брайтуэйту, реинтеграция предотвращает создание осуждаемыми нарушителями своей собственной криминальной субкультуры. Ярким примером этого служит Япония, поскольку имеет необычайно низкий уровень преступности по

сравнению с другими развитыми странами не из-за тяжелой руки полиции, но благодаря неформальному социальному давлению, направленному на подчинение нормам общества. Прилагается много усилий, чтобы морально реабилитировать преступников через активное вмешательство других членов общества; когда это случается, индивид включается опять в нормальную социальную жизнь. Braithwaite, John. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

[5] Sampson, Robert J.; Raudenbush, Stephen W.; Earls, Felton. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy // Science, 277 (1997), 918-924.

[6] См.: Buchholz, Erich. Reasons for the Low Rate of Crime in the German Democratic Republic // Crime and Social Justice, 29 (1986),-26-42. ;

[7] Wilson, James Q. Thinking About Crime, rev. ed. New York: Vintage Books, 1983, p. 15.

[8] Kelling, George; Coles, Catherine. Fixing Broken Windows: Restoring Order and Reducing Crime in Our Communities. New York: Free Press, 1996, pp. 14-22.

[9] Ibid., p. 47.

[10] Skogan, Wesley G. Disorder and Decline: Crime and the Spiral of Decay in American Neighborhoods. New York: Free Press, 1990.

" Появилось уже несколько обобщающих работ относительно сравнительных данных о преступности для развитых стран — с тех пор как Дэйн Аргер и Розмари Гартер опубликовали свою книгу: Violence and Crime in Cross-National Perspective. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984. См. также: Viccica, Antoinette D. World Crime Trends // International Journal of Offender Therapy, 24 (1980), 270-277.

[12] По вопросу методологических проблем в отношении сравнения уровней преступности в разных странах см.: Lynch, James. Crime in International Perspective // Wilson, James Q.; Joan Petersilia, eds. Crime. San Francisco: ICS Press, 1995, pp. 11—38.

[13] Huang, W. S. Wilson. Arc International Murder Data Valid and Reliable? Some Evidence to Support the Use of Interpol Data // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, 17 (1993), 77—89.

[14] См.: U.S. Department of Justice, Bureau of Justice Statistics, Criminal Victimization, 1973—1995. Washington, DC.: U.S. Government Printing Office, 1997.

[15] Одна из таких недавних работ для четырнадцати развитых стран:

Van Dijk, Jan J. M.; Mayhew, Pat. Experiences of Crime Across the World. Deventer, Netherland: Kluwer, 1991.

[16] Mayhew, Pat; White, Philip. The 1996 International Crime Victimisation Survey. (Home Office Research and Statistics Directorate Research Findings No. 57.) London: Research and Statistics Directorate, 1997.

[17] Вторая методологическая проблема связана с кросскультурны-ми исследованиями преступности. Преступления в различных культурах определяются различными способами. Даже в случае убийств Интерпол включает попытки убийств в статистику убийств, США — нет. Умышленное убийство и непредумышленное убийство иногда рассматриваются как одинаковые категории, а иногда — нет; некого—рые национальные полиции объединяют непристойное поведение с' другими преступлениями, связанными с насилием, тогда как другие этого не делают. Даже внутри одной категории определение преступления может со временем меняться. Это особенно верно в отношении сексуальных преступлений — таких, как изнасилование и рас-' тление малолетних, — в отношении которых социальные нормы разительно изменились. Сегодня в США человека могут обвинить в изнасиловании таким образом, как этого не могло быть тридцать лет назад; словесное и эмоциональное развращения сегодня рассматриваются как признаки растления малолетних. Могут также иметь место национальные отличия внутри одинаково определяемых катего-о рий: преступления против собственности в Голландии включают в' себя совершенно другое соотношение краж велосипедов и автомобилей, чем в США, просто потому, что в Нидерландах больше велосипедов.

Из-за частой произвольности в определении преступлений в криминологии существует школа, которая считает, что преступление — это просто то, что доминирующая элита в данном обществе решила обозначить как преступление, причем то, что является отклонением от нормы для одной группы, — норма для другой. Это имплицитно содержалось в объяснении Эдвином Сазерлендом того, что правонарушение возникает из-за «избытка определений» поступков, будто бы нарушающих закон, и нашло отражение в работах школы теории ярлыков в криминологии. С этой точки зрения исполнение закона становится видом принудительного культурного предрассудка. Когда консерваторы сделали преступность политической проблемой в 1960-е и 1970-е годы, многие либералы отреагировали на это, повторяя вслед за Дюркгеймом, что «отклонение нормально», то есть что не существует обществ, свободных от преступности и отклонений от нормы. Высказывались мнения, что все виды грязных преступлений совершались как в викторианском обществе, так и в американских пригородах 1950-х годов; и смотреть назад, на те эпохи, как на золотой век, — означает упражняться в ностальгии.

Есть два отдельных ответа на вопрос о культурных предрассудках. Один — узкий и технический. Исследования показывают, что международные наборы данных достаточно согласованы друг с другом. Если категории преступлений определяются различным способом в двух обществах или в одном обществе в разное время, то эти категории должны быть, очевидно, разведены в любом специальном исследовании, которое стремится найти причины или средства отдельных видов преступлений. Когда длительное время используются одни и те же категории, это тем более не должно приводить к отклонениям в данных. Второй и более широкий спорный вопрос заключается в том, не является ли преступность скорее предвзятым способом заклеймления меньшинств и других маргинальных групп; он, безусловно, не может быть приложим к рассматриваемому нами социальному феномену. В мире не существует обществ — по крайней мере развитых обществ, — где убийства или кражи собственности считались бы законными. Тот факт, что мы оказываемся готовы терпеть все более высокие уровни преступности и отклоняющегося поведения с течением времени, не означает, что социальной дезорганизации стало меньше; это скорее другой случай «более мягкого определения того, что следует считать отклонением».

См.: Huang, W. S. Wilson. Assessing Indicators of Crime Among International Crime Data Series // Criminal Justice Policy Review, 3 (1989), 28—48; Beime, Piers. Cultural Relativism and Comparative Criminology // Contemporary Crises, 7 (1983), 371—391; Leavitt, Gregory C. Relativism and Cross-Cultural Criminology: A Critical Analysis // Journal of Research in Crime and Delinquency, 27 (1990), 5—29; Sutherland, Edwin; Cressy, Donald. Criminology. Philadelphia: Lippincott, 1970; Tannenbaum, Frank.

Crime and the Community. New York: Columbia University Press, 1938;

Becker, Howard S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. Glencoe, 111.: Free Press, 1963.

[18] Gurr, Ted Robert. Contemporary Crime in Historical Perspective: A» Comparative Study of London, Stockholm and Sydney // Annals of the North American Academy of Political and Social Science, 434 (1977), 114-136.

1[9] Huang, W. S. Wilson. Are International Murder Data Valid?

[20] Coleman, James S. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.:

Harvard University Press, 1990, p. 300.

[21] В компаниях с числом служащих менее 12 человек работают 19,5 % от общего количества работающих в частном секторе в США в 1995 г. (Small Business Administration, Office of Advocacy, Small Business. Answer Card 1998).

[22] Общий уровень рождаемости — среднее число детей, которое женщина могла бы иметь за свою репродуктивную жизнь, с учетом уровня рождаемости в различных возрастных группах в соответствующем году. См. источники данных в Приложении.

[23] Я обязан Николасу Эберштадту большей частью данных анализа в этом разделе. См. его статью: World Population Implosion? // Public Interest, no. 129 (Fall 1997), 3-22.

[24] Eberstadt, Nicholas. Asia Tomorrow, Gray and Male // National Interest, no. 53 (Fall 1998), 56-65.

[25] По этому периоду см.: Teitelbaum Michael S.; Winter, Jay M. The Fear of Population Decline. Orlando, Fla.: Academic Press, 1985.

[26] Popenoe, David. Disturbing the Nest: Family Change and Decline, in Modem Societies. New York: Aldine de Gruyter, 1988, p. 34.

[27] McLanahan, Sara; Casper, Lynne. Growing Diversity and Inequality in the American Family // Parley, Reynolds, ed.. State of the Union:

America in the 1990s, vol. 2: Social Trends. New York: Russell Sage Foundation, 1995.

[28] Goode, William J. World Change in Divorce Patterns. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1993, p. 54. Некоторые католические стра-[1] ны, например Чили, до сих пор не легализовали развод.

[29] U.S. Bureau of the Census, Statistical Abstract of the United States.;

Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1996, Table 98, p. 79.' [3]» Ibid.

[31] U.S. Department of Health and Human Services, Centers for Disease Control, National Vital Statistics Report 47, no. 4. Washington, D.C.:. USHHS, October 7, 1998, p. 15.

[32] Эти изменения тем не менее привели лишь к возвращению уровней к значениям начала 80-х годов. Venture, Stephanie J.; Curtin," Sally C.; Matthews, T. J. Teenage Births in the United States: National and State Trends, 1990—1996 // National Vital Statistics System.;

Washington, D.C.: National Center for Health Statistics, U.S. Department of Health and Human Services, 1998.

[33] См., например, McLanahan and Casper, Growing Diversity, p. 11.

[34] Ibid.

[35] U.S. Department of Health and Human Services, Report to Congress on Out-of-Wedlock Childbearing. Hyattsville, Md.: U.S. Government Printing Office, 1995, p. 70; Bumpass Larry L.; Sweet, James A. National Estimates of Cohabitation// Demography, 26 (1989), 615—625.

[36] McLanahan and Casper, Growing Diversity, p. 15. Статистика для Швгции приводится по данным личной переписки автора с министерством здравоохранения и социальных дел Швеции, отделение социальных служб.

[37] Roussel, Louis. La famille incertaine. Paris: Editions Odile Jacob, 1989.

[38] Tomasson, Richard F. Modern Sweden: The Declining Importance of Marriage // Scandinavian Review (1998), 83—89.

[39] Jones, Elise F. Teenage Pregnancy in Industrialized Countries. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986.

[40] Данные для США. Bumpass, Larry L.; Sweet, James A. National Estimates of Cohabitation // Demography, 26 (1989), 615—625.

'" Это верно даже с учетом возраста, образования, доходов и других факторов, связанных с домашней агрессией. См.: Stets, Jan E. Cohabiting and Marital Aggression: The Role of Social Isolation // Journal of Marriage and the Family, 53 (1991), 669—680.

[42] Popenoe, Disturbing the Nest, p. 174; Burns, Ailsa; Scott, Cath. Mother-Headed Families and Why They Have Increased Hillsdale, N.J.:

Eribaum, 1994, p. 26.

[43] McLanahan, Sara; Sandefur, Gary. Growing Up with a Single Parent:

What Hurts, What Helps, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994, p. 2.

[44] Popenoe, David. Life Without Father: Compelling New Evidence That Fatherhood and Marriage Are Indispensable for the Good of Children and Society. New York: Free Press, 1996, p. 86. Эндрю Черлин указывает, что даже если счесть подобное сравнение обоснованным, уровень распада семей из-за развода все еще превышает какие-либо известные в истории уровни распада из-за других случаев. Cherlin, Andrew J. Marriage, Divorce, Remarriage, 2d ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992, p. 25.

[45] Popenoe, Life Without Father, pp. 151—152.

[46] Goode, World Change, p. 35.

[47] Dahrendorf, Ralf. Life Chances: Approaches to Social and Political Theory. Chicago: University of Chicago, 1979.

48 Этот взгляд подтверждается работой Джона Брема и Уэнди Рана, которые, основываясь на данных Общего социального опроса, показывают, что гражданские обязательства являются хорошим предсказателем уровней доверия. Rahn, Wendy; Brehm, John. Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // American Journal of Political Science, 41 (1997), 999—1023.

[49] Об этом см. первую главу моей книги — Trust: The Social Virtues ,md the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995 (Сокращенный русский перевод: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и

созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.).* См. также: Gambetta, Diego. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: Blackwell, 1988.

[50] Для общего анализа этой проблемы см.: Nye, Joseph S., Jr., ed., Why People Don't Trust Government. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.

[51] Bowman, Karlyn; Ladd, Everett C. What's Wrong: A Survey of American Satisfaction and Complaint. Washington: AEI Press and the Roper Center for Public Opinion Research, 1998, Table 5—20.

[52] American Enterprise (Nov-Dec. 1993), pp. 94—95.

[53] Ladd and Bowman, What's Wrong, Tables 6.1 to 6.23.

[54] Rahn, Wendy; Transue, John. Social Trust and Value Change: The Decline of Social Capital in American Youth, 1976—1995, unpublished paper, 1997.

[55] Smith, Tom W. Factors Relating to Misanthropy in Contemporary American Society // Social Science Research, 26 (1997), 170—196. [5(] Ibid., pp. 191-193.

[57] Wolfe, Alan. One Nation, After All. New York: Viking, 1998, p. 231.

[58] Rahn and Transue, Social Trust.

[59] Olson, Mancur. The Rise and Decline of Nations. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1982.

[60] Ladd, Everett C. The Ladd Report. New York: Free Press, 1999. В ранних изданиях: Ladd, The Data Just Don't Show Erosion of America's «Social Capital» // Public Perspective (1996); а также: Ladd, Everett C. The Myth of Moral Decline // Responsive Community, 4 (1993—1994), 52-68.

[61] Putnam, Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, 6 (1995), 65—78.

[62] Judkins, Calvert J. National Associations of the United States Washington, D.C.: U.S. Department of Commerce, 1949. Я благодарен Марселле Рей за эту и другие справки относительно оценки группового членства. См.: Ray, Marcella. Pieces to the Association Puzzle (рукопись представлена на годичном собрании Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action, November 1998).

[63] Salamon, Lester M. America's Nonprofit Sector. New York:

Foundation Center, 1992.

[64] Warner, W. Lloyd; Low, J. 0.; Lunt, Paul S.; Srole, Leo. Yankee City. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1963.

[65] Кроме сложности подсчета таких групп, существуют проблемы в определении качества взаимоотношений в них. Лэдд оспаривает описание Патнамом многих новых адвокатских групп как чистых

«групп членства». Он указывает, что в больших организациях по охране окружающей среды — таких, как «Охрана природы» или «Всемирный фонд защиты дикой природы» — не только постоянно возрастает количество членов, но и качество взаимоотношений среди членов этих групп также идет дальше обычной уплаты годового членского взноса. Он ссылается на исследование, согласно которому одно местное подразделение одной организации по защите окружающей среды спонсирует бесчисленное количество экскурсий, поездок на велосипеде, классов туризма и многое другое, что поощряет личные взаимоотношения и ведет к заметному росту социального капитала.

[66] National Opinion Research Center (NORC), General Social Survey (GSS). Chicago: NORC, разные годы. Общий социальный опрос впервые был осуществлен в 1972 году. Остальные годы включают 1973— 1978, 1980, 1982, 1983-1993, 1994, 1996 и 1998.

"Wolfe, One Nation, pp. 250—259.

[68] Rahn and Transue, Social Trust.

[69] Pew Research Center for the People and the Press, Trust and Citizen Engagement in Metropolitan Philadelphia: A Case Study. Washington, D.C.:

Pew Research Center, 1997. Это исследование показывает, что жители Филадельфии действительно выражают заметное недоверие по отношению к другим людям. В самой Филадельфии (в противоположность пригородным округам, также включенным в обзор) лишь 28 % опрошенных сказали, что «большинству людей можно доверять», в то время как 67 % согласились с тем, что «не следует быть слишком доверчивым», что приблизительно соответствует результатам более широких опросов — например, ОСО. Как и в национальных опросах, крупные учреждения вошли в число тех, кому оказывается наименьшее доверие: лишь менее 20 % опрошенных доверяют школам, местным газетам, городскому и местному управлению, как и федеральному правительству в Вашингтоне. С другой стороны, имелись свидетельства высокого уровня гражданского соучастия: 60 % вошли добровольцами в какой-либо вид организаций в течение последнего года, 49 % — за последний месяц; 49 % объединились с сослуживцами для решения общей проблемы и 30 % связывались с избранным чиновником. Хотя эти уровни несколько ниже, чем средненациональ-ные, тут нет свидетельств гражданского разобщения.

[70] В рамках МОЦ был задан вопрос «Могли бы вы сказать, что в целом большинству людей можно доверять или что не следует быть слишком доверчивыми, имея дело с людьми?», сходный с вопросом Роперовского опроса, ОСО и других. Неожиданно обнаружился рост уровня доверия в период с 1981-го по 1990 год для многих индустриальных

стран, включая США. Уровень доверия упал только в Великобритании, Франции и Испании среди западных индустриальных стран. Это не согласуется с данными ОСО о США, которые показы

вают значительное падение доверия в этот период. Согласно данным ОСО, общее доверие среди американцев упало с 44,3 до 38,4 % с 1980-го по 1990 год.

[71] Этими странами были США, Бельгия, Великобритания, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Ирландия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швеция и бывшая Западная Германия.

[72] См. также: Inglehart, Ronald. Postmaterialist Values and the Erosion of Institutional Authority // Nye (1997), pp. 217—236.

[73] Из обзора исключены несколько вопросов об этических ценностях, связь которых с общим социальным доверием сомнительна или слаба, — например, курит ли респондент марихуану или гашиш и считает ли он, что гомосексуализм или аборты не могут быть оправданны.

[74] Патнам в своей книге «Боулинг в одиночестве» заявляет, что существует взаимосвязь между уровнем доверия и плотностью гражданского общества, если принять во внимание данные по разным странам. Эта взаимосвязь очень слаба, если учитывать не только межличностное доверие, но и доверие к общественным институтам, и совсем отсутствует в США. Данные МОЦ подтверждают часто упоминаемый факт, что для католических стран — в частности, Франции, Италии и Испании — характерен более низкий уровень общего доверия, чем для протестантских стран северной Европы. В этих странах в целом также наблюдается тенденция снижения уровня участия в добровольных организациях — побочный продукт (по крайней мере для Франции и Испании) имеющей в них место политической централизации и традиций унитарного бюрократического государства. С другой стороны, США отличаются намного более высоким уровнем участия населения в добровольных ассоциациях, чем какая-либо другая индустриальная страна, но уровень общего социального доверия там не выше, чем в некоторых европейских странах, а уровни недоверия к государственным институтам — значительно выше, чем в Европе.

[75] Pew Research Center for the People and the Press, Deconstructing Distrust: How Americans View Government. Washington, D.C.: Pew Research Center, 1998, pp. 53-54.

[76] Inglehart, Ronald; Abramson, Paul R. Value Change in Global Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995; см. также:

Inglehart, Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press,

1997 (Сокращенный русский перевод: Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.).*

[77] См.: Salamon Lester M.; Anheier, Helmut K. The Emerging Sector:

An Overview. Baltimore: Johns Hopkins Institute for Policy Studies, 1994;

а также: Salamon, Lester M. The Rise of the Nonprofit Sector // Foreign Affairs, 73 (1994), 109-122.

[78] Salomon, Lester M. Partners in Public Service: Government-Nonprofit Relations in the Modem Welfare State. Baltimore: John Hopkins University Press, 1995, p. 243.

[79] Ibid., p. 246.

[80] Ibid., p. 247.

[81] В качестве примера: многие годы я работал в корпорации РЭНД, которая была основана американскими ВВС в 1948 году как частный, некоммерческий исследовательский институт для разработки проблем национальной безопасности. РЭНД следовало бы классифицировать, по определению Саламона, как часть американского гражданского общества, однако это едва ли справедливо, поскольку большая часть работы корпорации выполняется по контракту для министерства обороны или вооруженных сил. Хотя то, что эти исследования ведутся в квазиавтономной некоммерческой организации, позволяет ей проявлять немного больше гибкости в отношении персонала, программы исследований и изоляции от политического давления, теоретически же те работы могут осуществляться непосредственно органами федерального правительства. То же верно и для всех некоммерческих исследовательских лабораторий в США, которые основаны Национальным научным фондом, Национальным институтом здоровья или министерством обороны.

[82] Проблемы измерения показателей, имеющие серьезный характер в развитых странах, становятся непреодолимыми в странах третьего мира — таких, как Индия или Филиппины, которым Саламон (1994) также приписывал участие в «революции ассоциаций». О новых НПО западного образца иностранные исследователи знают гораздо больше, потому что те являются точками контакта с внешним миром; но сколько традиционных деревенских сообществ, больших семей или кланов исчезает с появлением одного НПО?

[83] См.: Fukuyama, Francis. Falling Tide: Global Trends and United States Civil Society // Harvard International Review, 20 (1997), 60—64.

Глава 3. Причины — с точки зрения здравого смысла

' Lipset, Seymour Martin. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword. New York: W. W. Norton, 1995, pp. 46—51.

[2] Ross Ruth A.; Benson, George C. S. Criminal Justice from East to West // Crime and Delinquency (January 1979), 76—86.

[3] См., например: Lipset, American Exceptionalism, а также: Merton, Robert K. Social Structure and «Anomie» // American Sociological Review, 33 (1938): 672—682 (Русский перевод: Мертон К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. — *Примеч. пер.).* Этот аргумент недавно возрожден в несколько другой форме, см.: Messner Steven F.; Rosenfield, Richard. Crime and the American Dream, 2d ed. Belmont, Calif.: Wadsworth, 1997. См. также аргументы

об источниках преступности, связанных напрямую с американскими национальными меньшинствами в: Cloward, Richard; Ohiin, Lloyd. Delinquency and Opportunity. New York: Free Press, 1960.

[4] Stack, Steven. Social Structure and Swedish Crime Rates: A Time-Series Analysis, 1950—1979 // Criminology, 20 (November 1982): 499—513.

[5] Об уровне преступности см.: Crime in International Perspective // Wilson, James Q.; Petersilia, Joan, eds.. Crime. San Francisco: ICS Press,

1995. pp. 16, 36—37. О низших слоях общества за рубежом см.: Murphy, Cait. Europe's Underclass // National Interest, no. 50 (1997): 49—55.

[6] Этот аргумент был приведен недавно в: Bok, Derek. The State of the Nation: Government and the Quest for a Better Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997; см. также: Flora Peter; Albert, Jens. Modernization, Democratization, and the Development of Welfare States in Western Europe // Flora, Peter; Heidenheimer, Arnold J., eds. The Development of the Welfare State in Europe and America. New Brunswick, NJ: Transaction, 1987, pp. 37—80.

[7] U.S. Bureau of Census, Statistical Abstract of the United States,

1996. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1996, p. 448.

[8] Popenoe, David. Disturbing the Nest. New York: Aldine de Gruyter, 1988, p. 156, рассматривает отношения между шведской системой государственного социального обеспечения и кризисом семьи.

[9] Япония не имеет больших программ перераспределения доходов от зажиточной части населения к бедной, тем не менее там фактически осуществляется защита многих низкоквалифицированных производств при помощи ограничения конкуренции и фактического предоставления кредитов компаниям для сохранения их жизнеспособности.

[10] McLanahan, Sara; Casper, Lynne. Growing Diversity and Inequality in the American Family // Parley, Reynolds, ed. State of the Union: America in the

1990s, vol. 2, Social Trends. New York: Russell Sage Foundation, 1995, pp. 31-32.

" Tiger, Lionel. The Decline of Males. New York, Golden Books, 1999.

[12] Blau Judith R.; Blau, Peter M. The Cost of Inequality: Metropolitan Structure and Violent Crime // American Sociological Review, 47 (1982):, 114—129; Krahn, Harvey; Hartnagel, Timothy; Gartell, John W. Income Inequality and Homicide Rates: Cross-National Data and Criminological Theories // Criminology, 24 (1986): 269—295; Gartner, Rosemary. The Victims of Homicide: A Temporal and Cross-National Comparison // American Sociological Review, 55 (1990): 92—106; Rosenfeld, Richard. The Social Sources of Homicide in Different Types of Societies // Sociological Forum, 6 (1991): 51—70.

[13] Теория связи экономического неравенства и преступности не отличается ясностью: сравнивают ли себя люди, находящиеся на самом дне очень большого общества — такого, как общество США, — с теми, кто находится на самом верху (например, видя их по теле-

визору), или они сравнивают себя с теми, кого видят вокруг себя, в своих районах? Ведет ли к преступности абсолютная или относительная бедность, и если последняя, то какие виды относительных лишений наиболее значимы? Дискуссию на эту тему см. в следующих публикациях: Marshall, Ineke Haen; Marshall, Chris E. Toward a Refinement of Purpose in Comparative Criminological Research: Research Site Selection in Focus // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, 7 (1983): 89—97; Krahn, Harvey et al.. Income Inequality and Homicide Rates: Cross-National Data and Criminological Theories // Criminology, 24 (1986): 269—295; Neuman, W. Lawrence; Berger, Ronald J. Competing Perspectives on Cross-National Crime: An Evaluation of Theory and Evidence // Sociological Quarterly, 29 (1988): 281—313; Messner, Steven F. Income Inequality and Murder Rates: Some Cross-National Findings // Comparative Social Research, 3 (1980): 185—198; Tittle, Charles R. Social Class and Criminal Behavior: A Critique of the Theoretical Foundation // Social Forces, 62 (1983): 334—358.

[14] Wolfe, Alan. One Nation, After All. New York: Viking, 1998, pp. 234-250.

[15] См.: Yankelovich, Daniel. How Changes in the Economy are Reshaping American Values // Aaron, Henry J.; Mann, Thomas, eds. Values and Public Policy. Washington, D.C.: Brooldngs Institution, 1994.

к Этот довод приводится в: Murray, Charles. Losing Ground. New York: Basic Books, 1984. Ранее он приводился в: Becker, Gary. A Treatise on the Family. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.

[17] Ущемление прав замужних женщин закончилось во многих штатах в 80-х годах, особенно после принятия в 1988 году Акта о поддержке семьи. См.; Bryner, Gary. Politics and Public Morality: The Great American Welfare Reform Debate. New York: W. W. Norton, 1998, pp. 73-76.

[18] Описание реформы системы социальной помощи см. в: Blank, Rebecca M. Policy Watch: The 1996 Welfare Reform // Journal of Economic Perspectives, 11 (1997): 169—177.

[11)] Becker, Gary S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy, 76 (1968): 169—217.

[29] Defeating the Bad Guys // Economist, October 3, 1998, pp. 35—38.

[21] По данным личной беседы с чиновниками Бюро юридической статистики министерства юстиции США.

[22] Wilson, James Q. Criminal Justice in England and America // Public Interest (1997): 3—14.

[23] Обзор работ, посвященных этому вопросу, см. в: Moffitt, Robert. Incentive Effects of the United States Welfare System: A Review // Journal of Economic Literature, 30 (1992): 1—61.

[21] В обзоре существующих эмпирических исследовании взаимоотношений между выплатой пособий и внебрачной рождаемостью в США сам Марри отмечает, что связь оказалась слаба для второй

половины 70-х годов, когда средний уровень выплат в реальном выражении начал уменьшаться, и была менее выраженной для черных, чем для белых. См.: Murray, Charles. Welfare and the Family:

The United States Experience // Journal of Labor Economics, 11 (January 1993): S224-262.

[25] Подсчет этого показателя довольно сложен и зависит от того, включается ли в него скрытая стоимость бесплатной медицинской помощи в дополнение к выплатам по программе ПСНД. См.: Moffitt, «Incentive Effects»; Moffitt, Robert. The Effect of the United States Welfare System on Marital Status // Journal of Public Economics, 41 (1990): 101— 124; Duncan, Greg J.; Hoifman, Saul D. Welfare Benefits, Economic Opportunities, and Out-of-Wedlock Births Among Black Teenage Girls // Demography, 27 (1990): 519—535; Plotnick, Robert D. Welfare and Out-of-Wedlock Childbearing: Evidence from the 1980s // Journal of Marriage and the Family, 52 (1990): 735-746.

[26] См.: Galston, William A. Beyond the Murphy Brown Debate: Ideas for Family Policy (речь в: Institute for American Values, Family Policy Symposium, New York, 1993); а также: Rosenzweig, Mark R.; Wolpin, Kenneth J. Parental and Public Transfers to Young Women and Their Children // American Economic Review, 84 (1994): 1195—1212.

[27] Nolan, James L. The Therapeutic State: Justifying Government at Century's End. New York: NYU Press, 1998.

[28] Mead, Margaret. Coming of Age in Samoa: A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization. New York: William Morrow, 1928. (Сокращенный русский перевод: Мид М. Взросление на Самоа// Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. — *Примеч. пер.)*

[29] Collier, James L. The Rise of Selfishness in America. New York: Oxford University Press, 1991, pp. 141—142.

Глава 4. Причины — демографические, экономические и культурные

1 Wilson James Q.; Hermstein, Richard. Crime and Human Nature. New York: Simon & Schuster, 1985, pp. 104—147.

[2] Wilson, James. Thinking About Crime, rev. ed. New York: Vintage Books, 1983, p. 20.

[3] Deane, Glenn D. Cross-National Comparison of Homicide: Age/ Sex-Adjusted Rates Using the 1980s United States Homicide Experience as a Standard // Journal of Quantitative Criminology, 3 (1987): 215—227.

[4] Wilson, Thinking About Crime, p. 23.

[5] Gartner, Rosemary; Parker, Robert N. Cross-National Evidence on Homicide and the Age Structure of the Population // Social Forces, 69 (1990): 351—371. См. также: Martin Robert G.; Conger, Rand D. A Comparison of Delinquency Trends: Japan and the United States // Criminology, 18 (1980): 53-61.

[6] Shaw, Henry; McKay, Clifford. Juvenile Delinquency and Urban Areas. Chicago: University of Chicago Press, 1942.

[7] Stark, Rodney. A Theory of the Ecology of Crime // Cordelia, Peter; Siegel, Larry. Readings in Contemporary Criminological Theory. Boston: Northeastern University Press, 1996, pp. 128—142.

[8] См.: Butterfleld, Fox. Why America's Murder Rate Is So High // New York Times, July 26, 1998, p. WK1.

[9] См., например: Hansmann Henry B.; Quigley, John M. Population Heterogeneity and the Sociogenesis of Homicide // Social Forces, 61 (1982): 206-224.

[10] Cloward, Richard; Ohiin, Lloyd. Delinquency and Opportunity. New York: Free Press, 1960.

" См.: Yeager, Matthew G. Immigrants and Criminality: Cross-National Review// Criminal Justice Abstracts, 29 (1997): 143—171.

[12] Decline of Violent Crime Is Linked to Crack Market // New York Times, December 28, 1998, p. A16.

[13] Glueck, Eleanor; Glueck, Sheldon. Unraveling Juvenile Delinquency. New York: Commonwealth Fund, 1950.

[14] См.: Hirschi, Travis; Gottfredson, Michael. A General Theory of Crime. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990, esp. p. 103.

[15] Loeber, Rolf; Stouthamer-Loeber, Magda. Family Factors as Correlates and Predictors of Juvenile Crime Conduct Problems and Delinquency // Tonry, Michael; Morris, Norval. Crime and Justice, vol. 7. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

[16] Sampson, Robert J.; Laub, John H. Crime in the Making: Pathways and Turning Points Through Life. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993.

[17] Rankin J., Wells J. E. The Effect of Parental Attachments and Direct Controls on Delinquency // Journal of Research in Crime and Delinquency, 27 (1990); 140—165; Seydlitz, Ruth. Complexity in the Relationships Among Direct and Indirect Parental Controls and Delinquency // Youth and Society, 24 (1993): 243—275; Wells J.E., Rankin J. H. Direct Parental Controls and Delinquency // Criminology, 26 (1988): 263—285; Gartner, Rosemary. Family Structure, Welfare Spending, and Child Homicide in Developed Democracies // Journal of Marriage and the Family, 53 (1991): 231—240;

Shoham, Shiomo G.; Rahav, Giora. Family Parameters of Violent Prisoners // Journal of Social Psychology, 127 (1987): 83-91.

[18] Sampson, Robert J. Urban Black Violence: The Effect of Male Joblessness and Family Disruption // American Journal of Sociology, 93 (1987): 348-382.

[19] Wilson and Hermstein, Crime, pp. 213—218.

[20] Fox, Robin. The Red Lamp of Incest, rev. ed. South Bend, Ind.:

University ofNotre Dame Press, 1983, p. 76.

[21] Ricks, Thomas E. Making the Corps. New York: Scribners, 1997.

[22] Children's Defense Fund, The State of America's Children Yearbook, 1997. Washington, D.C.: Children's Defense Fund, p. 52.

[23] Sedlak, Andrea J.; Broadhurst, Diane D. Third National Incidence Study of Child Abuse and Neglect. Washington, D.C.: U.S. Department of Health and Human Services, September 1996, p. 3-3.

[24] Кроме того, стандарты того, что понимается под жестоким обращением с детьми, меняются с течением времени. Министерство здравоохранения и социальных служб сегодня регистрирует не только физическое или сексуальное насилие, но также и «эмоциональное насилие» — печально известную неточно определяемую категорию преступлений. Родители все реже прибегают к телесным наказаниям, а многие специалисты по воспитанию и развитию детей готовы признать простые шлепки равносильными жестокому обращению с детьми. В одном исследовании было установлено, что в США между 1988 и 1997 годами

число родителей, которые прибегали к шлепкам для дисциплинирования своих детей, упало с 62 до 46 % опрошенных. См.: National Commission to Prevent Child Abuse, Public Opinion and Behaviors Regarding Child Abuse Prevention: A Ten Year Review of NCPCA's Public Opinion Poll Research. Chicago: NCPCA, 1997, p. 5.

[25] Daly, Martin; Wilson, Margo. Homicide. New York: Aldine de Gruyter, 1988, p. 83; Daly, Martin. Child Abuse and Other Risks of Not Living with Both Parents // Ethology and Sociobiology, 6 (1985):

197-210.

[26] Whelan, Robert. Broken Homes and Battered Children: A Study of the Relationship Between Child Abuse and Family Type. Oxford: Family Education Trust, 1994, pp. 22—23.

[27] Sedlak and Broadhurst, Third Study, pp. 5-18—5-19, 5-28.

[28] Daly, Martin; Wilson, Margo. Children Fathered by Previous Partners:

A Risk Factor for Violence Against Women // Canadian Journal of Public Health, 84 (1993): 209-210.

[29] Согласно американскому Бюро переписи (U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States, 1997. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1997), в 1980 году за чертой бедности жили 13,0 % американцев, а в 1994-м — 14,5 %. Максимума в 15,2 % этот уровень достиг в 1983 году.

[30] Довольно пессимистический взгляд на способность семей адаптироваться к родителям-заместителям см. в: Cherlin, Andrew J.;

Furstenberg, Frank F., Jr., Stepfamilies in the United States: A Reconsideration // Annual Review of Sociology, 20 (1994): 359—381.

[31] Несмотря на наличие весомых биологических и эмпирических оснований считать, что жестокое обращение с детьми и распад семьи связаны, любопытно отметить, что эта связь не воспринимается как выраженная ни общественным мнением, ни профессионалами, занимающимися подобными проблемами. Отказ признавать существенные различия в поведении биологических родителей и родителей заменяющих отражается в сохраняющейся тенденции государства и юридических институтов, охраняющих интересы детей, не проводить различий между виновными в жестоком обращении с детьми, относя к одной категории натуральных и заменяющих родителей, а также прочих попечителей. Большинство обществоведческой литературы, посвященной жестокому обращению с детьми, имеет тенденцию не обращать внимание на биологические теории, которые могли бы помочь в понимании эволюционного основания современного поведения. См.: Jones, Owen D.

Law and Biology: Toward an Integrated Model of Human Behavior // Journal of Contemporary Legal Issues, 8 (1997):

167—208, их же: Evolutionary Analysis in Law: An Introduction and Application to Child Abuse // North Carolina Law Review, 75 (1997):

1117—1241, особенно pp. 1230—1231; а также: Coleman, Marilyn. Stepfamilies in the United States: Challenging Biases and Assumptions // Booth, Alan; Dunn, Judy. Stepfamilies: Who Benefits? Who Does Not? Hillsdale, N.J.: Eribaum, 1994.

[32] Putnam, Robert D. Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics (1995):

664-682.

[33] Usianer, Eric. The Moral Foundations of Trust (неопубликованная рукопись), 1999, chap. 7.

[34] Smith, Tom. Factors Relating to Misanthropy in Contemporary American Society // Social Science Research, 26 (1997): 170—196; Rahn, Wendy; Transue, John. Social Trust and Value Change (неопубликованная рукопись), 1997.

[35] Smith, Factors, p. 193. Принадлежность к меньшинствам, по-видимому, не объясняет рост недоверия, так как процент афроаме-риканцев — меньшинства с наибольшим уровнем недоверия — в населении США остается стабильным. Резкий рост притока иммигрантов действительно имел место в 1965—1995 годах, и часто высказывается мнение, что иммиграция, разрушая общие культурные нормы, порождает недоверие. Но недоверие лишь слабо связано со статусом иммигрантов, и США были в общем и целом довольно гостеприимны по отношению к иммигрантам. Возможно, что американцы, решительно настроенные против иммиграции, стали со временем более недоверчивыми. Однако враждебность к иммигрантам во многом связана с социально-экономическим статусом (от притока иммигрантов страдают в основном низкоквалифицированные рабочие), так что трудно разделить эти два фактора.

[36] Rahn and Transue, Social Trust. Для многих людей, по-видимому, тот факт, что главная фигура, олицетворяющая власть, покинула их семью, не обязательно влияет на их доверие и способность взаимодействовать с теми, кто не является их родственником. Эта способность отделять семейную жизнь от отношений с посторонними

на первый взгляд может показаться непонятной, но фактически она является весьма распространенной. Французский писатель Альбер Камю отвратительно вел себя с женщинами, которые любили его, и довел одну из жен до сумасшествия и самоубийства. Этот факт не помешал ему считаться одним из наиболее значительных моральных авторитетов своего поколения.

Когда президент Клинтон попал в неприятности из-за того, что лгал о некоторых своих любовных приключениях, большинство американцев посчитало, что это не имеет отношения к его надежности в качестве политического лидера; они гораздо меньше доверяли Ричарду Никсону, который, насколько известно, никогда не изменял своей жене.

[37] Lipset, Seymour Martin. American Exceptionalism. New York:

W. W. Norton, 1995, pp. 60-67.

[38] На этот счет см.: Seligman, Adam. The Problem of Trust. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Глава 5. Особая роль женщин

1 Becker, Gary. A Treatise on the Family, enl. ed. Cambridge, Mass.:

Harvard University Press, 1991, pp. 135—178.

[2] Ogawa, Naohiro; Retherford, Robert D. The Resumption of Fertility Decline in Japan: 1973—1992 // Population and Development Review, 19 (1993): 703-741.

[3] С точки зрения экономики имело место не просто изменение относительной стоимости воспитания ребенка и финансовых потерь неработающей матери, а независимое изменение в предпочтениях. Дети теперь просто не так желанны, как раньше.

[4] Цит. по: Specter, Michael. Population Implosion Worries a Graying Europe // New York Time, July 10, 1998, p. Al.

[5] Rossi, Alice. The Biosocial Role of Parenthood // Human Nature, 72 (1978): 75-79.

[6] Rossi, Alice. A Biosocial Perspective on Parenting // Daedalus, 106 (1977): 2-31.

[7] Tiger, Lionel; Fox, Robin. The Imperial Animal. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1971, p. 64.

[8] На самом деле хотя птицы образуют устойчивые пары, они часто не моногамны. См.: Infidelity Common Among Birds and Mammals, Experts Say // New York Times, September 27, 1998, p. A25.

[9] См.: Hamilton III, William J., Significance of Paternal Investment by Primates to the Evolution of Adult Male-Female Associations // Taub, David M. Primate Paternalism. New York: Van Nostrand Reinhold, 1984.

[10] Trivers, Robert. Social Evolution. Menio Park, Calif: Benjamin/ Cummings, 1985, p. 214.

11 Ibid., p. 215.

[12] Более подробное обсуждение этого вопроса см. в: Ridley, Matt. The Red Queen: Sex and the Evolution of Human Nature. New York: Macmillan, 1993, pp. 181-183.

[13] Tiger and Fox, Imperial Animal, p. 67.

[14] Ibid., p. 71.

[15] Исторический обзор того, как теории семьи менялись во времени, см. в: Popenoe, David. Disturbing the Nest. New York: Aldine de Gruyter, 1988, pp. 11—21.

[16] См.: Harrell, Stevan. Human Families. Boulder, Colo.: Westview, 1997, pp. 26-50.

[17] Kuper, Adam. The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, p. 174.

[18] Ibid., p. 170.

[19] См.: Laslett, Peter; Wall, Richard. Household and Family in Past Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1972; а также: Laslett, Peter; Wall, Richard. Family Forms in Historic Europe. Cambridge:

Cambridge University Press, 1983.

[20] Blankenhorn, David. Fatherless America: Confronting America's Most Urgent Social Problem. New York: Basic Books, 1995, p. 3.

[21] Mead, Margaret. Male and Female. New York: Dell, 1949, pp. 188—191. (Русский перевод соответствующей главы из этой книги;

Мид М. Отцовство у человека — социальное изобретение // Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Цитаты приводятся со с. 312—315. — *Примеч. пер.}* Этот момент отмечен многими обозревателями — см., например: Blankenhorn, David. Fatherless America.

[22] По этому поводу см.: Becker, Treatise, pp. 141—144.

[23] Я благодарен Лайонелу Тайгеру за указание на это.

[24] U. S. Department of Health and Human Services, Report to Congress on Out-of-Wedlock Childbearing (1995), p. 72.

[25] См.: Akerlof, George; Yellen, Janet; Katz, Michael L. An Analysis of Out-of-Wedlock Childbearing in the United States // Quarterly Journal of Economics, 111 (May 1996): 277-317.

[26] Becker, Treatise, pp. 347—361.

[27] Becker, Gary S.; Landes, Elisabeth M. An Economic Analysis of Marital Instability//Journal of Political Economy, 85 (1977): 1141—1187. См. также: Cready, Cynthia; Fossett, Mark A. Mate Availability and African American Family Structure in the United States Nonmetropolitan South, 1960—1990 // Journal of Marriage and the Family, 59 (1997): 192—203.

[28] Zuboff, Shoshana. In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. New York: Basic Books, 1984, p. 37.

[29] Katz, Lawrence F.; Murphy, Kevin M. Changes in Relative Wages, 1963—1981: Supply and Demand Factors // Quarterly Journal of Economics, 107 (February 1992): 35-78.

[30] O'Neill, June; Polachek, Solomon. Why the Gender Gap in Wages Narrowed in the 1980s // Journal of Labor Economics, 11 (1993): 205—228.

[31] Oppenheimer, Valeric K. Women's Rising Employment and the Future of the Family in Industrial Societies // Population and Development Review, 20 (1994): 293—342.

[32] Ibid.

[33] Bernhardt, Annette; Morris, Martina; Handcock, Mark S. Women's Gains or Men's Losses? A Closer Look at the Shrinking Gender Gap in Earnings // American Journal of Sociology, 101 (1995): 302—328.

[34] O'Neill and Polachek, Why the Gender Gap?

[35] Reardon, Elaine. Demand-Side Changes and the Relative Economic Progress of Black Men: 1940—1990 // Journal of Human Resources, 32 (Winter 1997): 69—97. По мнению автора, в то время как белые женщины заменили белых мужчин, черные мужчины были вытеснены белыми мужчинами — представителями среднего класса.

[36] Bernhardt, Morris, and Handcock, Women's Gains or Men's Losses, p. 314.

[37] Bound, John; Freeman, Richard B. What Went Wrong? The Erosion of Relative Earnings Among Young Black Men in the 1980s // Quarterly Journal of Economics, (1992): 201—232; Jeffries, John M.; Schaffer, Richard L. Changes in the Economy and Labor Market Status of Black Americans // National Urban League, The State of Black America, 1996. Washington, D.C.:

National Urban League, 1997.

[38] Reimers, Cordelia W. Cultural Differences in Labor Force Participation Among Married Women // ABA Papers and Proceedings, 75y no. 2 (1985): 251-255.

[39] Gutman, Herbert G. The Black Family in Slavery and Freedom, 1750-1925. New York: Vintage Books, 1977.

[40] См.: Wilson, William Julius. The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1988, а также его же: When Work Disappears: The World of the New Urban Poor. New York: Knopf, 1996.

[41] Lewin, Tamar. Wage Difference Between Men and Women Widens // New York Times, September 15, 1997, p. Al. Одно из предположений заключается в том, что более низкая квалификация бывших получательниц пособий, поступивших на работу вследствие реформы системы социальной помощи в середине 90-х годов, уменьшила заработки женщин в целом.

Глава б. Последствия Великого Разрыва

1. Уже сейчас в Италии людей старше 60 лет столько же, сколько в возрасте до 20. Согласно данным, полученным для варианта медленного

роста населения, Отделением Народонаселения ООН (оценки делаются начиная с 1997 года), коэффициент зависимости — число зависимых людей старше 65 лет в процентном отношении к работоспособному населению — в будущем значительно изменится. Сегодня он составляет 20 % для Запада в целом (один иждивенец напять работающих), но возрастет до 60 % в Германии, до 65 % в Японии и до невероятных 80 % в Италии к 2050 году. В отсутствие иммиграции средний возраст населения также увеличится: до 55 лет в Германии, 53 в Японии и 58 в Италии. Эти оценки основаны на предположении, что уровни рождаемости будут сохранять тенденцию к падению, прежде чем достигнут самого низкого уровня, и что не будет большого увеличения иммиграции. Мы, конечно, не знаем, не произойдет ли неожиданный рост рождаемости в следующие 50 лет. Однако оценки значительного уменьшения и старения населения Европы и Японии не требуют героических предположений об изменениях в будущем поведении; они исходят из паттернов рождаемости, сложившихся во время Великого Разрыва. См.: Eberstadt, Nick. «World Population Implosion?» // Public Interest, no. 129 (1997): 18.

[2] Fourastie, Jean. De la vie traditionelle & la vie tertiaire // Population (Paris), 14 (1963): 417-432.

[3] Eberstadt, «World Population Implosion?», p. 21.

[4] Tiger, Lionel. The Decline of Males. New York: Golden Books, 1999.

[5] Coleman, James S.; et al. Equality of Educational Opportunity. Washington, D.C.: U.S. Department of Health, Education and Welfare, 1966.

[6] Moynihan, Daniel P. The Negro Family: A Case for National Action. Washington, D.C.: U.S. Department of Labor, 1965.

[7] См., например: Stack, Carol. All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community. New York: Harper & Row, 1974; см. также: Bennett, William J. America at Midnight: Reflections on the Moynihan Report // American Enterprise, 29 (1995).

[8] Одними из первых этот аргумент использовали: Herzog, Elizabeth;

Sudia, Cecilia E. Children in Fatherless Families // Caldwell B., Ricciuti, H. H., eds. Review of Child Development Research, vol. 3. Chicago:

University of Chicago Press, 1973. Более современную версию этого аргумента смотрите в: Katz, Michael. The Undeserving Poor: From the War on Poverty to the War on Welfare. New York: Pantheon, 1989, pp. 44-52.

[9] См. обзор: McLanahan, Sara; Sandefur, Gary. Growing Up with a Single Parent. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994, pp. 79—94.

[10] Ibid., pp. 24—25; Duncan, Greg J.; Hoffman, Saul D. A Reconsideration of the Economic Consequences of Marital Disruption // Demography, 22 (1985): 485-498.

" О недостаточности исследований о влиянии отцов на детей см. в: Bianchi, Suzanne M. Introduction to the Special Issue, «Men in Families» // Demography, 35 (May 1998): 133.

[12] Одна из лучших работ на эту тему — Popenoe, David. Life Without Father. New York: Free Press, 1996. См. также: Cohen, Patricia. Daddy Dearest: Do You Really Matter? // New York Times, July 11, 1998, p. A13.

[13] См., например: Blankenhorn, David. Fatherless America. New York: Basic Books, 1995.

[14] Putnam, Robert. Tuning In, Tuning Out // PS (1995).

[15] Wilson, James Q. Thinking About Crime, rev. ed. New York: Vintage Books, 1983, p. 26.

[16] Среди ее работ: Rabinowitz, Dorothy. Kelly Michaels's Orwellian Ordeal // Wall Street Journal (WSJ), April 15, 1993, p. A14; A Darkness in Massachusetts // WSJ, January 30, 1995, p. A20; A Darkness in Massachusetts II // WSJ, March 14, 1995, p. A14; A Darkness in Massachusetts III // WSJ, May 12, 1995; Wenatchee: A True Story // WSJ, September 29, 1995, p. A14; Wenatchee: A True Story — II // WSJ, October 13, 1995, p. A14; Wenatchee: A True Story - III // WSJ, November 8, 1995, p. A20; Verdict in Wenatchee // WSJ, December 15, 1995, p. A14;

The Amiraults: Continued // WSJ, December 29, 1995, p. A10; Justice and the Prosecutor // WSJ, March 21, 1997, p. A18; The Amiraults' Trial Judge Reviews His Peers // WSJ, April 10, 1997; Justice in Massachusetts // WSJ, May 13, 1997, p. A22; The Snowden Case, at the Bar of Justice // WSJ, October 14, 1997; Through the Darkness // WSJ, April 8, 1998, p. A22; From the Mouths of Babes to a Jail Cell // Harper's (May 1990); 52—63.

[17] Kronholz, June. Chary Schools Tell Teachers, «Don't Touch, Don't Hug» // Wall Street Journal, May 28, 1998, p. Bl.

[18] Wilson, James Q.; Kelling, George. Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety // Atlantic Monthly, 249 (1982): 29—38.

[19] Материалы по общественному надзору см. в: Trojanowicz, Robert; Kappeler, Victor E.; Gaines, Larry K.; Bucqueroux, Bonnie. Community Policing: A Contemporary Perspective, 2d ed. Cincinnati, Ohio: Anderson Publishing, 1996.

[20] «Проблема, с которой сталкивается полиция, добывая информацию, заключается в том, что у населения должен иметься некоторый уровень доверия для сотрудничества с полицией» (Ibid., p. 10).

[21] Skogan, Wesley G. Disorder and Decline: Crime and the Spiral of Decay in American Neighborhoods. New York: Free Press, 1990, p. 15.

[22] Kelling, George; Coles, Catherine. Fixing Broken Windows. New York: Free Press, 1996, pp. 12—13.

[23] Описание этого процесса см. в: Lemann, Nicholas. The Promised Land: The Great Black Migration and How It Changed America. New York: Alfred A. Knopf, 1991, pp. 347—348.

Глава 7. Был ли Великий Разрыв неизбежен?

1 См.: Wilson James Q., Thinking about Crime Wilson, Thinking About Crime, rev. ed. New York: Vintage Books, 1983.

[2] Davis, Kingsley; Van den Oever, Pietronella. Demographic Foundations of New Sex Roles // Population and Development Review, 8 (1982): 495-511.

[3] См., например: Zakaria, Farced. A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs, 73 (1994): 109—127.

[4] См.: Fukuyama, Francis. Asian Values and the Asian Crisis // Commentary, 105 (1998): 23-27.

[5] В Японии и Корее происходят изменения в социальных нормах, которые в определенных отношениях похожи на имеющие место на Западе. Например, по данным МОЦ, для обеих стран в 1981— 1990 годах был характерен спад доверия к основным институтам, начиная с правительства, что неудивительно для Японии, где имел место ряд скандалов, и Кореи, демократические институты которой были сформированы не полностью и которым к 1990 году было менее трех лет. В Японии упало доверие к церкви, армии, образовательной и юридической системам, профсоюзам и полиции, а повысилось к прессе, парламенту (очень незначительно), гражданским службам и крупным компаниям. В Корее доверие ко всем институтам, кроме профсоюзов, упало. Как и на Западе, тенденции членства в организациях противоречивы: в Японии число различных объединений немного падает, а в Корее — повышается (особенно это касается религиозных групп). В обеих странах и особенно в Японии рождаемость значительно упала за последнее поколение. Структура семьи также изменилась: на смену семьям из представителей нескольких поколений пришли нуклеарные (процесс, который начался значительно раньше в Японии, чем в Корее). Изменения в структуре семьи в Азии и на Западе похожи и в других отношениях, включая работу вне дома, образование в институционализированной форме и больший доступ детей к экономическим ресурсам. См.: Thomton, Arland; Fricke, Thomas E. Social Change and the Family: Comparative Perspectives from the West, China, and South Asia // Sociological Forum, 2 (1987): 746—779.

[6] Отчет ОЭСР по занятости населения (Париж, июль 1996 г.), а также личная переписка автора.

[7] Kaminski, Marguerite; Paiz, Judith. Japanese Women in Management: Where Are They? // Human Resource Management, 23 (1984): 277—292.

[8] Shinotsuka, Eiko. Women Workers in Japan: Past, Present, Future // Gelb, Joyce; Palley, Marian Lief, eds. Women of Japan and Korea. Philadelphia:

Temple University Press, 1994; Pollack, Andrew. For Japans Women, More Jobs and Longer and Odder Hours // New York Times, July 8, 1997, p. Dl.

[9] Shinotsuka, Women Workers, p. 100.

[10] Mihye, Roh. Women Workers in a Changing Korean Society // Gelb and Paley, Women of Japan.

" Так бывает не всегда. На Западе, в Японии и в современной Азии легкая промышленность (например, текстильная) является важным источником занятости для молодых женщин. См.: Goldin, Claudia. The Historical Evolution of Female Earnings Functions and Occupations // Explorations in Economic History, 21 (1984): 1—27.

[12] Ogino, Miho. Abortion and Women's Reproductive Rights: The State of Japanese Women, 1945—1991 // Gelb and Paley, Women of Japan, pp. 72—75; см. также: Ogawa, Naohiro; Retherford, Robert. The Resumption of Fertility Decline in Japan // Population and Development Review, 19 (1993): 703-741.

[13] Rindfuss, Ronald R.; Morgan, S. Philip. Marriage, Sex, and the First Birth Interval: The Quiet Revolution in Asia // Population and Development Review, 9 (1983): 259—278.

[14] Jones, Gavin W. Modernization and Divorce: Contrasting Trends in Islamic Southeast Asia and the West // Population and Development Review, 23 (1997): 95-114.

[15] Существуют свидетельства того, что эти проблемы уже имеют место. См.: Jord, Mary; Sullivan, Kevin. In Japanese Schools, Discipline in Recess // Washington Post (January 24, 1999): Al, A22.

[16] Во многих странах, в особенности католических, часто случается так, что, хотя семья сохраняется как формальный и юридический институт, мужчина имеет любовницу на стороне. Несмотря на то что такая ситуация более лицемерна, у нее есть преимущество: юридические права иждивенцев оказываются лучше защищены по сравнению с правами детей от многочисленных сменяющих друг друга браков, практикуемых в странах с пуританскими традициями — таких, как США.

Глава 8. Откуда появляются нормы?

1 Этот обзор основан на: Lawrence, Lee. On the Trail of the Slug: A Journey into the Lair of an Endangered Species //Washington Post, August 10, 1997, p. 1 («Style» section).

[2] Хотя практика «грузиков» не была создана государством, государство впоследствии вмешалось, когда столичная полиция округа Колумбия предприняла попытку разогнать очередь «грузиков» на Четырнадцатой улице. В ответ член палаты представителей Джеймс Моран

из Виргинии представил законопроект в защиту интересов «грузиков». Неформальные правила были таким образом трансформированы в формальные при вмешательстве иерархической власти. См.: Slugfest // Washington Post, August 2, 1998, p. C8.

[3] Hayek, Friedrich A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. Chicago: University of Chicago Press, 1988 (Русский перевод: Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М., 1992. — *Примеч. пер.},* p. 5; см. также его книгу: Law, Legislation and Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1976.

[4] См. дискуссию по этому поводу в: Kelly, Kevin. Out of Control:

The New Biology of Machines, Social Systems, and the Economic World. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1994, pp. 5—7. См. также: Holland, John H. Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. Reading, Mass.:

Addison-Wesley, 1995.

[5] Это тема книги: Dawkins, Richard. The Blind Watchmaker. New York: W. W. Norton, 1986.

[6] Описание истории Института Санта-Фе см. в: Waldrop, M. Mitchell. Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. New York: Simon & Schuster, 1992.

[7] См.: Dulkheim, Emile. The Rules of Sociological Method. Glencoe, 111.: Free Press, 1938 (Русский перевод: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. — *Примеч. пер.),* pp. 23—27. См. также: Neu, Dean. Trust, Contracting and the Prospectus Process // Accounting, Organizations, and Society, 16 (1991): 243-256.

[8] Weber, Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Alien and Unwin, 1930. (Русский перевод: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. — *Примеч. пер.)*

[9] Wrong, Dennis. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review, 26 (1961): 183—196.

[10] Vanberg, Viktor. Rules and Choice in Economics and Sociology // Hodgson, Geoffrey M., ed. The Economics of Institutions. Aldeishot^ Edward Elgar Publishing Co., 1993.

" Heiner, Ronald A. The Origin of Predictable Behavior // American Economic Review, 73 (1983): 560—595; а также его же: Origin of Predictable Behavior: Further Modeling and Applications // American Economic Review, 75 (1985): 391—396.

[12] Описание нового институционализма и того, чем он отличается от более ранних вариантов, см. в: Hodgson, Geoffrey M. Institutional Economics: Surveying the «Old» and the «New» // Metroeconomica, 44 (1993): 1-28.

[13] North, Douglass C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press, 1990. ':

[14] Классическое социологическое описание поведения маленьких групп — Horaans, George C. The Human Group. New York: Harcourt, Brace, 1950.

[15] По этому поводу см.: Kuper, Adam. The Chosen Primate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, pp. 98—99.

[16] Основы этой дисциплины заложены в книге: Neumann, John von; Morgenstern, Oskar. Theory of Games and Economic Behavior. New York: John Wiley, 1944.

[17] По поводу исходной концепции либерального «изолированного носителя прав» см.: Glendon, Mary Ann. Rights Talk: The Impoverishment of Political Discourse. New York: Free Press, 1991, pp. 67—68.

[18] Обсуждение методологического индивидуализма и некоторую его критику см. в: Arrow, Kenneth J. Methodological Individualism and Social Knowledge // AEA Papers and Proceedings, 84 (1994): 1—9.

[19] Кто-то может задать вопрос: следует ли законы, принятые посредством демократических политических процедур, помещать в иерархическую категорию, если демократии по определению являются проявлением избирательного равенства и выражают, при условии адекватного функционирования, желания широкой общественности? Однако термин «иерархическая» в данном случае относится к

тому способу, каким законы издаются и проводятся в жизнь, а не к процессу их принятия. Демократически принятый закон тем не менее действует сверху вниз и использует все принудительные функции государства.

Глава 9. Человеческая природа и социальный порядок

1 Историю того, как взгляды социальных конструкционистов развились из критики дарвинизма XIX века, см. в: Degler, Carl N. In Search of Human Nature: The Decline and Revival of Darwinism in American Social Thought. New York: Oxford University Press, 1991, pp. 59—83. См. также: Fukuyama, Francis. Is It All in the Genes? // Commentary, 104 (Sept. 1997): 30—35.

[2] Критическое описание данной модели см. в: Barkow J. H.;

Cosmides, Leda; Tooby, John. The Adapted Mind. New York: Oxford University Press, 1992, p. 23.

[3] Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973, chap. 1.

[4] Fox, Robin. The Red Lamp of Incest. New York: Button, 1983. См. также его статью: Sibling Incest // British Journal of Sociology, 13 (1962):

128-150.

[5] См. в частности: Degler, In Search of Human Nature, pp. 245— 269; Kuper, Adam. Chosen Primate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, pp. 156—166; Ridley, Matt. The Red Queen. New York:

Macmillan, 1993, pp. 282-287.

[6] Degler, In Search of Human Nature, pp. 258—260.

[7] Rox, Red Lamp, p. 76.

[8] Levi-Strauss, Claude. The Elementary Structures of Kinship. Boston:

Beacon Press, 1969.

[9] Wilson, Edward 0. Resuming the Enlightenment Quest // Wilson Quarterly, 22 (1998); 16—27.

[10] Примеры исследований экономистов, обращавшихся к биологии за моделями и данными, см. в: Hirshleifer, Jack. Economics from a Biological Viewpoint // Journal of Law and Economics, 20 (1977): 1—52;

Becker, Gary S. Altruism, Egoism, and Genetic Fitness: Economics and Sociobiology // Journal of Economic Literature, 14 (1976): 817—826;

Nelson, Richard E.; Winter, Sidney G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge: Belknap/Harvard University Press, 1982; а также:

Frank, Robert H. Passions Within Reason: The Strategic Role of the Emotions. New York: Norton, 1988.

11. О роли методологического индивидуализма в социальных науках см.: Arrow, Kenneth. Methodological Individualism and Social Knowledge // ABA Papers and Proceedings 84 (1994): 1—90. См. также:

Coleman, James. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994, p. 5.

[12] Характеристика человека Карлом Марксом как «родового существа» предполагает наличие естественного альтруизма по отношению к виду как целому.

[13] См.: Wyhne-Edwards, Vero C. Animal Dispersion in Relation to ocial Behavior. New York: Hafner Publishing, 1967; а также его же:

volution Through Group Selection. Oxford: Blackwell Scientific, 1986. .эитику Уинн-Эдвардса см. в: Trivers, Robert. Social Evolution. Menio irk. Calif.: Benjamin/Cummings, 1985, pp. 79—82. См. также: Ridley, Lid Queen, pp. 32—33.

[14] Williams, George C. Adaptation and Natural Selection: A Critique f Some Current Evolutionary Thought. Princeton, N.J.: Princeton Jniversity Press, 1974.

[15] Джек Хиршлейфер указывает на основополагающие выводы i'-носительно человеческой природы, которые могут быть сделаны ia

основании новых открытий в биологии, но ему не удается развить к дальше. Hirshleifer, Jack. Natural Economy Versus Political Economy // oumal of Social Biology, 1 (1978): 319—337.

[16] Waal, Frans de. Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.

[17] Wrangham, Richard; Peterson, Dale. Demonic Males: Apes and the origins of Human Violence. Boston: Houghton Mifflin, 1996, p. 191.

[18] Ibid.

[19] Tiger, Lionel. Men in Groups. New York: Random House, 1969.

[20] Джон Л. Локк (нейрофизиолог, а не философ XVII века) пред-"юлагает, что у приматов уход за шерстью друг друга служит целям, "юхожим на те, которым служат разговоры у людей. См.: Locke, John L The De-voicing of Society: Why We Don't Talk to Each Other Anymore. New York: Simon & Schuster, 1998, pp. 73—75.

[21] По этому вопросу см.: Keeley, Lawrence H. War Before Civilization. New York: Oxford University Press, 1996, chap. 2.

[22] Glendon, Mary Ann. Rights Talk. New York: Free Press, 1991, pp. 47-75.

[23] Политика, книга I, 1253a.

[24] Аристотель основывает суждение о том, что люди являются политическими животными, частично на том факте, что только они имеют язык, при помощи которого могут выражать мнения о хорошем и плохом, правильном и неправильном, и на том, что высшие формы добродетели могут иметь место только в полисе. Политика, книга I,1253b.

Глава 10. Происхождение сотрудничества

1. См.: Hamilton, William D. The Genetic Evolution of Social Behavior// Journal of Theoretical Biology, 7 (1964): 17—52. Общий обзор развития теории выбора родства см. в: Cosmides, Leda; Tooby, John. Cognitive Adaptations for Social Exchange // Barkow J. H.; Cosmides, Leda; Tooby, fohn, eds. The Adapted Mind. New York: Oxford University Press, 1992, pp. 167-168.

[2] Dawkins, Richard. The Selfish Gene. New York: Oxford University Press, 1989.

[3] Необычайный социальный альтруизм, проявляемый такими гаплодиплоидными видами, как муравьи и пчелы, у которых индивиды отказываются от репродукции, чтобы помочь вырастить своих сестер, обусловлен тем любопытным фактом, что сестры у подобных общественных насекомых видов фактически имеют три четверти общих генов.

[4] Sherman P. W. Nepotism and the Evolution of Alarm Calls // Science, 197 (1977): 1246-1253.

[5] См. Trivers, Robert L. Parental Investment and Sexual Selection // Campbell, Bernard, ed. Sexual Selection and the Descent of Man. Chicago:

Aldine, 1972, pp. 136—179.

[6] Daly, Martin; Wilson, Margot. Homicide. New York: Aldine de Gruyter, 1988, chap. 1.

[7] Ibid.; Jones, Owen D. Evolutionary Analysis in Law: An Introduction and Application to Child Abuse // North Carolina Law Review, 75 (1997):

1117—1241; а также: Jones, Owen D. Law and Biology: Toward an Integrated Model of Human Behavior // Journal of Contemporary Legal Issues, 8 (1997): 167-208.

[8] Cosmides and Tooby, Cognitive Adaptations, p. 169.

[9] Это описано в: Trivers, Robert. Social Evolution. Menio Park, Calif.:

Benjamin/Cummings, 1985, pp. 47—48.

[10] Fukuyama, Francis. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995, pp. 83—95 (Сокращенный русский перевод: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе, М,, 1999. — *Примеч. пер.).*

11 По этому пункту см.: Trivers, Robert. The Evolution of Reciprocal Altruism // Quarterly Review of Biology, 46 (1971): 35—56; а также: Trivers, Social Evolution, pp. 47—48.

[12] См.: Ridley, Matt. The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation. New York: Viking, 1997, p. 61.

[13] Axelrod, Robert. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984.

[14] См.: Klein, Daniel B., ed. Reputation: Studies in the Voluntary Elicitation of Good Conduct. Ann Arbor; University of Michigan Press, 1996.

[15] Trivers, Social Evolution, p. 386.

[16] Ridley, The Origins of Virtue, pp. 96—98.

17 Kuper, Adam. The Chosen Primate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, p. 228.

18 Alexander, Richard D. How Did Humans Evolve? Reflections on the Uniquely Unique Species. Ann Arbor: Museum of Zoology, University of Michigan, 1990, p. 6,

[19] Об «оборонительной модернизации» см.: Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992, pp. 74—76.

[20] Humphrey, Nicholas K. The Social Function of Intellect // Bateson P. P. G.; Hinde R. A., eds. Growing Points in Ethology. Cambridge:

Cambridge University Press, 1976, pp. 303—317; Alexander, How Did Humans Evolve? pp. 4—7; Alexander, Richard. The Evolution of Social

Behavior//Johnston, Richard F.; Frank, Peter W.; Michener, Charles D., eds. Annual Review of Ecology and Systematics, vol. 5. Palo Alto, Calif:

Annual Reviews, 1974, pp. 325—385. См. кроме того: Pinker, Steven;

Bloom, Paul. Natural Language and Natural Selection // Barkow et al. (1992); а также: Fox, Robin. The Search for Society: Quest for a Biosocial Science and Morality. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1989, pp. 29-30.

[21] Ridley, Matt. The Red Queen. New York, Macmillan, 1993, pp. 329-331.

[22] Locke, John L. The Role of the Face in Vocal Learning and the Development of Spoken Language // Boysson-Bardies B. de, ed. Developmental Neurocognition: Speech and Face Processing in the First Year of Life. Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1993.

[23] Это было предметом специального интереса Дарвина, который написал по этому поводу книгу. См.: The Expression of Emotion in Man and Animals. New York and London: D. Appleton and Co., 1916.

[24] Некоторые биологи предполагают, что язык развился из ухода гоминид за шерстью друг друга. См.: Dunbar, Robin. Grooming, Gossip, and the Origin of Language. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

[25] Общее описание мозга и его функций см. в: Pugh, George E. The Biological Origin of Human Values. New York: Basic Books, 1977, pp. 140-143.

[26] Locke (1998), pp. 48-57.

[27] Ridley, Red Queen, p. 338.

[28] См. ссылку о мужских и женских стимулах в первой части книги.

[29] См.: Daly, Martin; Wilson, Margo. Male Sexual Jealousy // Ethology and Sociobiology, 3 (1982); 11—27, См. также: Ridley (1993), pp. 243—244.

[30] Gazzaniga, Michael S. Nature's Mind: The Biological Roots of Thinking, Emotions, Sexuality, Language, and Intelligence. New York:

Basic Books, 1992, pp. 60—61, 113—114. Другие биологи считают, что существуют иные формы врожденного знания: Эдвард О. Уилсон предполагает, что боязнь змей может передаваться скорее генетически, чем на культурном уровне. Это утверждение нельзя доказать или опровергнуть, исходя из данных Уилсона. Wilson, Edward O. On Human Nature. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978, chap. 1.

[11] Общий обзор этих исследований см. в: Gazzaniga, Michael S. The Social Brain: Discovering the Networks of the Mind. New York: Basic Books, 1985, а также его же: The Split Brain Revisited // Scientific American, 279 (1998): 50—55.

[32] Tooby and Cosmides, Cognitive Adaptations, pp. 181—185.

[33] Платон, Государство, 359d. ;

[34] Frank, Robert. Passions Within Reason. New York: Norton, 1988, pp. 18-19.

[35] Pugh, Biological Origin, p. 131.

[36] Damasio, Antonio R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York: G.P. Putnam, 1994; а также: Damasio, Antonio R.; Damasio H.; Christen Y., eds. Neurobiology of Decision-Making. New York: Springer, 1996.

[37] Damasio, Descartes' Error, pp. 34—51; Adophs R., Tranel D., Bechara A., Damasio H., Damasio A.R. Neuropsychological Approaches to Reasoning and Decision-making // Damasio, Damasio, and Christen, Neurobiology, pp. 157—179.

[38] Churchland P.S. Feeling Reasons // Damasio, Damasio, and Christen, Neurobiology, p. 199.

[39] Axelrod, Robert. An Evolutionary Approach to Norms // American Political Science Review, 80 (1986): 1096—1111; См. также его: The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

[40] Trivers, Robert. The Evolution of Reciprocal Altruism // Quarterly Review of Biology, 46 (1971): 35-56.

[41] Frank, Passions, pp. 4—5.

Глава 11. Самоорганизация

1 Ellickson, Robert C. Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991, pp. 138—140.

[2] Комментарии по поводу Института биономики Майкла Ротшильда (Michael Rothschild's Bionomics Institute) см. в: Krugman, Paul. The Power of Biobabble: Pseudo-Economics Meets Pseudo-Evolution // Slate, October 23, 1997.

[3] Alchian, Armen A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy, 58 (1950): 211—221; Vany, Arthur de. Information, Chance, and Evolution: Alchian and the Economics of Self-Organization // Economic Inquiry, 34 (1996): 427-443. См. также:

Hirshleifer, Jack. Natural Economy versus Political Economy // Journal of Social Biology, 1 (1978): 320-321.

[4] Общий обзор см. в: Opp, Karl-Dieter. Emergence and Effects of Social Norms — Confrontation of Some Hypotheses of Sociology and Economics // Kyklos, 32 (1979): 775-801.

[5] Hardin, Garrett. The Tragedy of the Commons// Science, 162 (1968):

1243-1248.

[6] См., например: Hardin, Russell. Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.

[7] Критику Гаррета Хардина см. в: Dahlman, Carl. The Tragedy of the Commons that Wasn't: On Technical Solutions to the Institutions Game // Population and Environment, 12 (1991): 285—295.

[8] Olson, Mancur. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965.

[9] Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review, 57 (1967): 347—359.

[10] North Douglass C.; Thomas, Robert P. An Economic Theory of the Growth of the Western World // Economic History Review, 2d ser., 28 (1970): 1—17; а также: North Douglass C.; Thomas, Robert P. The Growth of the Western World. London: Cambridge University Press, 1973.

" Строго говоря, сам Коуз не постулировал «теорему Коуза». Coase, Ronald H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics, 3 (I960): 1—44. Это единственная наиболее часто цитируемая сегодня статья в юридической литературе.

[12] Sugden, Andrew. Spontaneous Order // Journal of Economic Perspectives, 3 (1989): 85—97; а также: The Economics of Rights, Cooperation and Welfare. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

[13] Ellickson, Order Without Law, p. 192.

[14] Ibid., pp. 143ff.

[15] Ostrom, Elinor. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

[16] Ibid., pp. 103-142.

Глава 12. Технология, сети и социальный капитал

[1] Mises, Ludwig von. Socialism: An Economic and Sociological Analysis. Indianapolis: Liberty Classics, 1981; Hayek, Friedrich A. The Use of Knowledge in Society // American Economic Review, 35 (1945): 519—530.

[2] Продолжение обсуждения проблем иерархического управления см. в: Miller, Gary J. Managerial Dilemmas: The Political Economy of Hierarchy. New York: Cambridge University Press, 1992.

[3] Azrael, Jeremy R. Managerial Power and Soviet Policy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.

[4] См.: Chandler, Alfred D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977, а также: Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press/Belknap, 1990.

[5] Coase, Ronald H. The Nature of the Firm // Economica, 6 (1937);

386—405 (Русский перевод: Коуз Р.Г. Природа фирмы // Теория фирмы. СПб., 1995. — *Примеч. пер.).* См. также работы Оливера Уиль-

ямсона, включая: Nature of the Finn: Origins, Evolution and Development. Oxford: Oxford University Press, 1993.

[6] Теория Коуза относительно фирм не была принята всеми. Али-ан и Демзец утверждают, что фирмы могут быть адекватно поняты на основании рыночных взаимоотношений. Alchian, Armen; Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization // American Economic Review, 62 (1972): 777—795.

[7] См., например: Grabber, Gernot. The Embedded Firm: On the Sodoeconomics of Industrial Networks. London: Routledge, 1993; Nohria,

Nitin; Eccles, Robert, eds. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Boston: Harvard Business School Press, 1992; Powell, Walter W. Neither Market Nor Hierarchy: Network Forms of Organization // Research in Organizational Behavior, 12 (1990): 295—336; Casti, John L. et al. Networks in Action: Communications, Economies and Human Knowledge. Berlin: Springer-Verlag, 1995; Best, Michael. The New Competition: Institutions of Industrial Restructuring. Cambridge, Mass.:

Harvard University Press, 1990.

[8] Malone Thomas W. Yates, Joanne. Electronic Markets and Electronic Hierarchies // Communications of the ACM, 30 (1987): 484—497.

[9] См., например: Nohria, Nitin. Is a Network Perspective a Useful Way of Studying Organizations // Nohria, Nitin; Eccles, Robert. Networks and Organizations. Boston: Harvard Business School Press, 1992.

[10] Malone, Thomas et al.. Electronic Markets; См. также: Malone, The Interdisciplinary Study of Coordination // ACM Computing Surveys, 26 (1994); 87-199.

11. Granovetter, Mark S. The Strength of Weak Ties // American Journal' of Sociology, 78 (1973): 1360-1380.

[12] Weber, Max. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

[13] См.: Arrow, Kenneth J. Classincatory Notes on the Production and Transmission of Technological Knowledge // American Economic Review, 59 (1969): 29-33.

[14] Это сформулировано в: Aoki, Masahiko. Toward an Economic Model of the Japanese Firm // Journal of Economic Literature, 28 (March 1990): 1-27.

[15] См., например: Arrow, Kenneth J. Classificatory Notes on the Production and Transmission of Technological Knowledge // American Economic Review, 59 (1969): 29—33.

16 Katz, Harry. Shifting Gears: Changing Labor Relations in the United States Automobile Industry. Cambridge, Mass,: MIT Press, 1985.

[17] Nevins, Allan with Hill, Frank E. Ford: The Times, the Man, the Company. New York: Scribners, 1954; p. 517.

[18] См.: Womack, James P. et al., The Machine That Changed the World: The Story of Lean Production. New York: Harper Perennial, 1991.

[19] Saxenian, Annalee. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.

[20] В этом отношении я ошибочно придал слишком большое значение размеру фирмы в своей книге о доверии. Большой размер фирмы может отражать наличие социального капитала, если он предполагает готовность индивидов доверять людям вне своей семьи; он также может отражать отсутствие социального капитала, так как можно организовать большие фирмы на низком уровне доверия, в духе тейлоризма. Размер фирмы намного менее значим, чем существование социальных норм, связывающих индивидов. Эти нормы могут существовать внутри отдельной организации, но они также могут выходить за ее границы.

[21] Kash, Don E.; Ryecroft, Robert W. The Complexity Challenge:

Technological Innovation for the 21st Century. London: Pinter, 1999.

[22] Saxenian, Regional Advantage, pp. 32—33.

[23] Ibid., p. 33.

[24] См., например: Huberman, Bernardo A.; Hogg, Tad. Communities of Practice: Performance and Evolution // Computational and Mathematical Organization Theory, 1 (1995): 73—92; а также: Brown, John Seely; Duguid, Paul. Organizational Learning and Communities-of-Practice: Toward a Unified View of Working, Learning, and Innovation // Organization Science, 2 (February 1991): 40-57.

[25] Aoki, Masahiko — препринт (Samsung Economic Research Institute, June 1996).

[26] Porter, Michael E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review (November—December 1998): 77—90. См. также его же: On Competition. Boston: Harvard Business Review Books, 1998, pp. 197-287.

Глава 13. Границы спонтанности и неизбежность иерархии

1. Ostrom, Elinor. Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 90.

[2] Sampson, Robert J. et al. Neighborhoods and Violent Crime // Science, 277 (1997).

[3] Spring Breakers Drink in Cancun's Excess // Washington Post, April 3, 1998, p. Al.

[4] Fukuyama, Francis. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995 (Сокращенный русский перевод: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.),* p. 28.

[5] Эта формулировка «аморальной семейственности» дана в;

Banfield, Edward. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, 111.: Free Press, 1958.

[6] Weber, Max. The Religion of China. New York: Free Press, 1951, p. 237.

[7] См., например, введение к: Buchanan, James. The Limits of Liberty. Chicago; University of Chicago Press, 1975.

[8] Для углубленного изучения этого предмета см.: Strauss, Leo. Natural Right and History. Chicago: University of Chicago Press, 1953.

[9] См.: Roe, Mark J. Chaos and Evolution in Law and Economics // Harvard Law Review, 109 (1996): 641—668.

[10] Ibid.

11. Arthur, W. Brian. Increasing Returns and the New World of Business // Harvard Business Review, 74 (1996): 100—109; Positive Feedbacks in the Economy // Scientific American (1990): 92—99.

[12] Hayek, Friedrich. Law, Legislation, and Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1976, pp. 88-89.

[13] Simison, Robert L; Rose, Robert L. In Backing the UAW, Ford Rankles Many of Its Parts Suppliers // Wall Street Journal, February 6, 1997.

[14] Этот эксперимент описан в: Kelly, Kevin. Out of Control. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1994, pp. 8—11.

[15] Описание проблем «Sears» см. в: Miller, Gary. Managerial Dilemmas. New York: Cambridge University Press, 1992, pp. 90—94. " Ibid., p. 99.

[17] См.: Schein, Edgar H. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 1988, pp. 228—253.

[18] Wilson, James Q. Bureaucracy: What Government Agencies Do and Why They Do It. New York: Basic Books, 1989, pp. 96—98.

[19] См.: Frank, Robert H. Choosing the Right Pond. Oxford: Oxford University Press, 1985, pp. 21—25.

[20] Raleigh M.; McGuire M.; Melega W.; Cherry S.; Huang S.-C.;

Phelps M. Neural Mechanisms Supporting Successful Social Decisions in Simians // Damasio, Antonio et al. Neurobiology of Decision-Making. New York: Springer, 1996, pp. 68—71.

[21] В западной политической философии существует давняя традиция, подчеркивающая значение гордости в политической жизни. Платон

понимал лежащие в основе психологические феномены как thymos, или воодушевленность, которую он считал отдельной частью души, независимой от частей, связанных с рассуждениями и желаниями. По Гегелю, борьба за признание является главным двигателем человеческой истории. Более полное обозрение см. в: Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992, pp. 143-161.

[22] Smith, Adam. The Theory of Moral Sentiments. Indianapolis: Liberty Classics, 1982 (Русский перевод: Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. — *Примеч. пер.),* pp. 50—51.

[23] Frank, Choosing the Right Pond, pp. 96—99.

[24] Ibid., pp. 26-30.

Глава 14. За пределами Пещеры 76

1. Этот пункт отмечен в: Wilson, James Q. The Moral Sense. New York: Free Press, 1993, pp. 121-122.

[2] Единственные животные, которые умеют создавать иерархии более высоких уровней, — дельфины.

[3] Masters, Roger D. The Biological Nature of the State // World Politics, 35 (1983): 161-193.

[4] Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. (Сокращенный русский перевод: Хантингтон Р. Столкновение цивилизаций и пре-

образование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.}*

[5] См., например: Berger, Peter L. Secularism in Retreat // National Interest (1996): 3-12.

[6] Общие положения данной тематики см. Martin, David. A General Theory of Secularization. New York: Harper & Row, 1978. Мартин пересмотрел свои взгляды с тех пор — см. его: Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America. Oxford: Basil Blackwell, 1990, а также:

Fundamentalism: An Observational and Definitional Tour d'Horizon // Political Quarterly, 61 (1990): 129—131.

[7] Lipset, Seymour Martin. American Exceptionalism. New York:

Norton, 1995, pp. 60-67.

[8] Martin, Tongues of Fire, chap. 1.

[9] См.: Fukuyama, Francis. Trust. New York: Free Press, 1995 (Сокращенный русский перевод: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.),* особенно pp. 61—67.

[10] Curtis, James E.; Baer, Douglas E.; Grabb, Edward G. Voluntary Association Membership in Fifteen Countries: A Comparative Analysis // American Sociological Review, 57 (1992): 139—152.

11 В некоммерческом секторе работает 6,8 % от общего числа занятых в США; Франция, следующая по этому показателю страна, насчитывает только 4,2 %; производительность сектора — 6,3 % от ВВП; в следующей по этому показателю стране, Великобритании, — 4,8 % (Salamon, Lester; Anheier, Helmut. The Emerging Sector. Baltimore:

Johns Hopkins Institute for Policy Study, 1994, pp. 32, 35). Однако виды объединений, в которые входят американцы, довольно отличны от других стран и показывают, что религия продолжает влиять на американское общество. Следующие страны с наиболее высоким уровнем религиозного соучастия — Южная Корея, Нидерланды и Канада — имеют более низкие показатели в этом отношении. С другой стороны, в США, Великобритании и Канаде количество членов разнообразных союзов в 1981 году было значительно меньше, чем в континентальной Европе или, в частности, в Скандинавии, и постоянно падало в течение последующих десяти лет; в скандинавских странах это количество фактически росло в течение того же периода.

[12] Gambetta, Diego. The Sicilian Mafia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, pp. 18—22.

Глава 15. Истощает ли капитализм социальный капитал?

1. Hirschman, Albert O. Rival Interpretations of Market Society:

Civilizing, Destructive, or Feeble // Journal of Economic Literature, 2ft (1982): 1463-1484.

[2] Gray, John. Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modem Age. London: Routledge, 1995.

[3] Цит. по: Hirschman, Rival Interpretations, p. 1466.

[4] Schumpeter, Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper Brothers, 1950.

[5] Bell, Daniel. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York:

Basic Books, 1976; См. также: Galbraith, John K. The Affluent Society. Boston: Houghton Mifflin, 1958.

[6] Sandel, Michael J. Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996, особенно pp. 338—340; Wolfe, Alan. Whose Keeper? Social Science and Moral Obligation. Berkeley: University of California Press, 1989, pp. 78—' 104; Bennett, William J. Getting Used to Decadence // Vital Speeches, 60, no. 9 (February 15, 1994), p. 264. См. также: Reibstein, Larry. The Right Takes a Media Giant to Political Task // Newsweek 125 (June 12, 1995), p. 30.

[7] Защиту коммерческого общества с позиций культуры см. в:

Cowen, Tyier. In Praise of Commercial Culture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

[8] Montesquieu, The Spirit of the Laws, Book 20, chap. 1.

[9] Цит. по: Hirschman, Rival Interpretations, p. 1465.

[10] Smith, Adam. The Theory of Moral Sentiments. Indianapolis: Liberty Classics, 1982 (Русский перевод: Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. — *Примеч. пер.),* pt. 1, 1.4.7; pt. 7, IV, 25; Lectures on Jurisprudence. Indianapolis: Liberty Press, 1982, pt. B 326; An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Indianapolis: Liberty Classics, 1981, Book 1, VIII, 41—48. Я благодарен Чарльзу Грисводду за эти идеи.

" Griswold, Charles L., Jr. Adam Smith and the Virtues of Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 17—21.

1[2] Hirschman, Albert 0. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.

[13] Smith, Theory, pt. VI.

[14] Coleman (1988).

[15] Dasgupta, Partha. Economic Development and the Idea of Social Capital (неопубликованная рукопись), March 1997.

[16] См., например: Schein, Edgar. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 1988.

17 См., например: Rohlen, Thomas P. «Spiritual Education» in a Japanese Bank // American Anthropologist, 75 (1973): 1542—1562.

[18] Miller, John J. The Unmaking of Americans: How Multiculturalism Has Undermined the Assimilation Ethic. New York: Free Press, 1998.

[19] См., например: Williamson, Oliver E. Calculativeness, Trust, and Economic Organization // Journal of Law and Economics, 36 (1993): 453— 502, где утверждается, что категория доверия теряет смысл, если вычесть явно заслуживающее доверия поведение, которое может быть объяснено на основе рационального личного интереса.

Глава 16. Реконструкция: прошлое, настоящее и будущее

1. Gurr, Ted Robert. On the History of Violent Crime in Europe and America // Bittrer, Egon; Messinger, Sheldon L. Criminology Review Yearbook, vol. 2. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1980.

[2] Collier, James. The Rise of Selfishness in America. New York: Oxford University Press, 1991, p. 5.

[3] Ibid., p. 5.

[4] Wilson, James Q. Thinking About Crime. New York: Basic Books, 1975, p. 232.

[5] Rorabaugh, William J. The Alcoholic Republic. New York: Oxford University Press, 1979, pp. 14—15.

[6] Collier, Rise of Selfishness, p. 6.

[7] Gurr, Ted Robert. Contemporary Crime in Historical Perspective // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 434 (1977): 114-136,

[8] Gurr, Ted Robert; Grabosky, Peter N.; Hula, Richard C. The Politics of Crime and Conflict: A Comparative History of Four Cities. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1977.

[9] Collier, Rise of Selfishness, pp. 6—7.

'"Johnson, Paul E. A Shopkeeper's Millennium: Society and Revivals in Rochester, New York, 1815-1837. New York: Hill and Wang, 1979.

" Hofstadter, Richard. Anti-Intellectualism in American Life. New York: Vintage Books, 1963, p. 89.

[12] Wilson, Thinking About Crime, p. 233.

[13] Singleton, Gregory H. Protestant Voluntary Organizations and the Shaping of Victorian America // Howe, Daniel W., ed. Victorian America. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976, p. 50.

[14] Ibid., p. 52.

[15] См. также: Gurr, Grabosky, and Hula, Politics, pp. 109—129.

[16] Gurr in Bittner and Messinger, eds. (1980), p. 417.

[17] Wilson, Thinking About Crime, p. 225. " Himmelfarb, Gertrude. The De-Moralization of Society: From Victorian Virtues to Modem Values. New York: Knopf, 1995, pp. 222—223.

[19] Skogan, Wesley. Disorder and Decline. New York: Free Press, 1990.

[20] Hunter, James Davison. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991.

[21] Whitehead, Barbara Dafoe. Dan Quayle Was Right // Atlantic Monthly, 271(1993): 47-84.

[22] Goldsmith, Stephen. The Twenty-First Century City: Resurrecting Urban America. Lanham, Md.: Regnery Publishing, 1997.

[23] Один из наиболее важных моментов реформы государственной системы социального обеспечения 1996 года, за который ее подвергали критике, заключается в том, что эта реформа поощряет матерей-одиночек, получающих пособия, работать, пока их дети маленькие. Нужна же, но пока отсутствует государственная политика, которая способствовала бы возвращению отцов к этим детям, что благоприятствовало бы укреплению материальной базы семьи.

[24] Это намного сокращенный вариант аргумента, который я привел в: The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

ЛИТЕРАТУРА

Aaron, Henry J., et al., eds. Values and Public Policy. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1994.

Akerlof, George A., et al. An Analysis of Out-of-Wedlock Childbearing in the United States // Quarterly Journal of Economics, 111 (1996): 277-317.

Alchian, Armen A Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy, 58 (1950): 211—221.

Alchian, Armen A.; Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization //American Economic Review, 62 (1972):

777-795.

Alexander, Richard D. How Did Humans Evolve? Reflections on the Uniquely Unique Species. Ann Arbor: Museum of Zoology, University of Michigan, 1990.

Aoki, Masahiko. Toward an Economic Model of the Japanese Firm // Journal of Economic Literature, 28 (March 1990): 1—27.

Archer, Dane; Gartner, Rosemary. Violence and Crime in Cross-National Perspective. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984.

Archer, Dane; Gartner, Rosemary. Violent Acts and Violent Times:

A Comparative Approach to Postwar Homicide Rates // American Sociological Review, 41 (1976): 937—963.

Arrow, Kenneth J. Classificatory Notes on the Production of Transmission of Technological Knowledge // American Economic Review, 59 (1969): 29-33.

Arrow, Kenneth J. Methodological Individualism and Social Knowledge // AEA Papers and Proceedings, 84 (1994): 1—9.

Arthur, W. Brian. Increasing Returns and the New World of Business // Harvard Business Review, 74 (1996): 100—109.

Arthur, W. Brian. Positive Feedbacks in the Economy// Scientific American (1990): 92—99.

Australian Bureau of Statistics. Births. Catalog No. 3301.0. Canberra: Australian Government Publishing Service, 1995.

Australian Bureau of Statistics. Marriages and Divorces. Catalog No. 3301.0. Canberra: Australian Government Publishing Service, 1995.

Austrian Central Statistical Office. Republik Osterreich 1945—1995.

Axelrod, Robert. An Evolutionary Approach to Norms // American Political Science Review, 80 (1986): 1096—1111.

Axelrod, Robert. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Axelrod, Robert. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984.

Axelrod, Robert, and Hamilton, W.D. The Evolution of Cooperation // Science, 211 (1981); 1390-1396.

Azrael, Jeremy R. Managerial Power and Soviet Policy. Cambridge:
Harvard University Press, 1966.

Banfield, Edward C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, 111.: Free Press, 1958.

Barkow J.H.; Cosmides, Leda; Tooby, John, eds. The Adapted Mind. New York: Oxford University Press, 1992.

Bateson, P.P.G.; Hinde R.A., eds. Growing Points in Ethology. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Becker, Gary S. A Treatise on the Family. Enl. ed. Cambridge:
Harvard University Press, 1991.

Becker, Gary S. Altruism, Egoism, and Genetic Fitness:
Economics and Sociobiology // Journal of Economic Literature, 14 (1976): 817—826.

Becker, Gary S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy, 76 (1968): 169—217.

Becker, Gary S., et al. An Economic Analysis of Marital Instability// Journal of Political Economy, 85 (1977): 1141—1187.

Becker; Howard S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. Glencoe, 111;: Free Press, 1963.

Beime, Piers. Cultural Relativism and Comparative Criminology // Contemporary Crises, 7 (1983): 371—391.

Bell, Daniel. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973. (Русский перевод: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. — *Примеч. пер.)*

Bell, Daniel. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York:
Basic Books, 1976.

Bennett, William J. America at Midnight: Reflections on the Moynihan Report // American Enterprise, 29.

Bennett, William J. Getting Used to Decadence // Vital Speeches, 60, no. 9 (February 15, 1994), p. 264.

Berger, Peter L. Secularism in Retreat // National Interest (1996): 3-12.

Bemhardt, Annette, et al. Women's Gains or Men's Losses? A Closer Look at the Shrinking Gender Gap in Earnings // American Journal of Sociology, 101 (1995): 302—328.

Best, Michael. The New Competition: Institutions of Industrial Restructuring. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Bianchi, Suzanne M. Introduction to the Special Issue, «Men in Families» // Demography, 35 (1998): 133.

Bittner E.; Messinger S.L. Criminology Review Yearbook. Vol. 2. Beverly Hills: Sage, 1980.

Blank, Rebecca M. Policy Watch: The 1996 Welfare Reform // Journal of Economic Perspectives, 11 (1997): 169—177.

Blankenhom, David. Fatherless America: Confronting America's Most Urgent Social Problem. New York: Basic Books, 1995.

Blau, Judith R.; Blau, Peter M. The Cost of Inequality:

Metropolitan Structure and Violent Crime // American Sociological Review, 47 (1982): 114—129.

Bok, Derek. The State of the Nation: Government and the Quest for a Better Society. Cambridge: Harvard University Press, 1997'.

Booth, Alan; Dunn, Judy. Stepfamilies: Who Benefits? Who Does Not? Hillsdale, N.J.: Eribaum, 1994.

Bound, John; Freeman, Richard B. What Went Wrong? The Erosion of Relative Earnings and Employment Among Young Black Men in the 1980s // Quarterly Journal of Economics (1992): 201—232.

Bowman, Karlyn; Ladd, Everett. What's Wrong: A Study of American Satisfaction and Complaint. Washington: AEI Press and the Roper Center for Public Opinion Research, 1998.

Braithwaite, John. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge:

Cambridge University Press, 1989.

Brown, John Seely; Daguid, Paul. Organizational Learning and Communities-of-Practice: Toward a Unified View of Working, Learning, and Innovation // Organization Science, 2 (1991): 40—57.

Bryner, Gary. Politics and Public Morality: The Great American Welfare Reform Debate. New York: W.W. Norton, 1998.

Buchanan, James M. The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

Buchholz, Erich. Reasons for the Low Rate of Crime in the German Democratic Republic // Crime and Social Justice, 29 (1986): 26—42.

Bumpass, Larry L.; Sweet, James A. National Estimates of Cohabitation // Demography, 26 (1989): 615—625.

Burgess, Ernest W.; Park, Robert E.; McKenzie, Roderick D., eds. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

Bums, Ailsa; Scott, Cath. Mother-Headed Families and Why They Have Increased. Hillsdale, N.J.: Eribaum, 1994.

Caldwell B.; Ricciuti H.H. Review of Child Development Research. Vol. 3. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Campbell, Bernard, ed. Sexual Selection and the Descent of Man. Chicago: Aldine, 1972.

Castells, Manuel. The Rise of the Network Society. Maiden, Mass.:

Blackwell, 1996. (Сокращенный русский перевод: Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер)*

Casti, John L., et al. Networks in Action: Communications, Economies and Human Knowledge. Berlin: Springer-Verlag, 1995.

Central Statistical Office and Ireland. Statistical Abstract, various annual editions (Cork).

Chandler, Alfred D. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge: Harvard University Press/Belknap, 1990.

Chandler, Alfred D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge: Harvard University Press, 1977.

Cherlin, Andrew J. Marriage, Divorce, Remarriage, 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.

Cherlin, Andrew J.; Furstenberg, Frank F., Jr. Stepfamilies in the United States: A Reconsideration // Annual Review of Sociology, 20 (1994): 359-381.

Children's Defense Fund. The State of America's Children Yearbook 1997. Washington, DC.: Children's Defense Fund, 1998.

dark, John. Shifting Engagements: Lessons from the «Bowling Alone» Debate // Hudson Briefing Paper. No. 196, October 1996.

Cloward, Richard; Ohiin, Lloyd. Delinquency and Opportunity. New York: Free Press, 1960.

Coase, Ronald H. The Nature of the Firm // Economica, 6 (1937):

386—405. (Русский перевод: Коуз Р.Г. Природа фирмы // Теория фирмы. СПб., 1995. — *Примеч. пер.)*

Coase, Ronald H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics, 3 (I960): 1—44.

Coleman, James S. Foundations of Social Theory. Cambridge:

Harvard University Press, 1990.

Coleman, James S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology Supplement, 94 (1988):

S95-S120.

Coleman, James S. The Creation and Destruction of Social Capital:

Implications for the Law//Journal of Law, Ethics, and Public Policy, 3 (1988): 375—404.

Coleman, James S., et al. Equality of Educational Opportunity. Washington, D.C.: U.S. Department of Health, Education and Welfare, 1966.

Collier, James L. The Rise of Selfishness in America. New York:

Oxford University Press, 1991.

Cordelia, Peter; Siegel, Larry. Readings in Contemporary Criminological Theory. Boston: Northeastern University Press, 1996.

Cowen, Tyier. In Praise of Commercial Culture. Cambridge:

Harvard University Press, 1998.

Cready, Cynthia, et al. Mate Availability and African American Family Structure in the US Nonmetropolitan South, 1960—1990 // Journal of Marriage and the Family, 59 (1997): 192—203.

Curtis, James E., et al. Voluntary Association Membership in Fifteen Countries: A Comparative Analysis // American Sociological Review, 57 (1992): 139-152.

Dahlman, Carl. The Tragedy of the Commons That Wasn't: On Technical Solutions to the Institutions Game // Population and Environment, 12 (1991): 285-295.

Dahrendorf, Ralf. Life Chances: Approaches to Social and Political Theory. Chicago: University of Chicago, 1979.

Daly, Martin. Child Abuse and Other Risks of Not Living with Both Parents // Ethology and Sociobiology, 6 (1985): 197—210.

Daly, Martin; Wilson, Margot. Children Fathered by Previous Partners: A Risk Factor for Violence Against Women // Canadian Journal of Public Health, 84 (1993): 209—210.

Daly, Martin; Wilson, Margot. Homicide. New York: Aldine de Gruyter, 1988.

Daly, Martin, et al. Male Sexual Jealousy // Ethology and Sociobiology, 3 (1982): 11-27.

Damasio, Antonio R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York: G.P. Putnam, 1994.

Damasio, Antonio R., et al. Neurobiology of Decision-Making. New York: Springer, 1996.

Darwin, Charles. The Expression of Emotion in Man and Animals. New York: Appleton and Co., 1916.

Dasgupta, Partha. Economic Development and the Idea of Social Capital (Unpublished paper, 1997).

Davis, Kingsley; Van den Oever, Pietronella. Demographic Foundations of New Sex Roles // Population and Development Review, 8 (1982): 495-511.

Dawkins, Richard. The Blind Watchmaker. New York: W.W. Norton, 1986.

Dawkins, Richard. The Selfish Gene. New York: Oxford University Press, 1989.

de Boysson-Bardies B., ed. Developmental Neurocognition: Speech and Face Processing in the First Year of Life. Netherlands: Kluwer, 1993.

de Vany, Arthur. Information, Chance, and Evolution: Alchian and the Economics of Self-Organization // Economic Inquiry, 34 (1996): 427-443.

de Waal, Frans. Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.

Deane, Glenn D. Cross-National Comparison of Homicide: Age/ Sex-Adjusted Rates Using the 1980s US Homicide Experience as a Standard // Journal of Quantitative Criminology, 3(1987): 215—227.

Degler, Carl N. In Search of Human Nature: The Decline and Revival of Darwinism in American Social Thought. New York: Oxford University Press, 1991.

Demsetz, H. Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review, 57 (1967): 347—359.

Denzau, Arthur; North, Douglass C. Shared Mental Models:

Ideologies and Institutions // Kyklos, 47 (1994): 3—31.

Diamond, Lany. Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy, 5 (1994); 4—17.

Dunbar, Robin I.M. Grooming, Gossip, and the Origin of Language. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

Duncan, Greg J.; Hoffman, Saul D. A Reconsideration of the Economic Consequences of Marital Disruption // Demography, 22 (1985): 485-498.

Duncan, Greg J.; Hoifman, Saul D. Welfare Benefits, Economic Opportunities, and Out-of-Wedlock Births Among Black Teenage Gins // Demography, 27 (1990): 519-535.

Durkheim, Emile. The Rules of Sociological Method. Glencoe, 111: Free Press, 1938. (Русский перевод: Дюркгейм Э. Метод социологии //Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. — *Примеч. пер.)*

Eberstadt, Nicholas. Asia Tomerrow: Gray and Male // National Interest, No. 53 (Fall 1998): 56-65.

Eberstadt, Nicholas. World Population Implosion? // Public Interest, No. 129 (1997): 3-22.

Ellickson, Robert C. Order Without Law. How Neighbors Settle Disputes. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Eurostat. Demographic Statistics. New York: Haver Analytics/ Eurostat Data Shop, 1997.

Parley, Reynolds. State of the Union: America in the 1990s. Vol. 2:

Social Trends. New York: Russell Sage Foundation, 1995.

Federal Bureau of Investigation and Uniform Crime Reporting Program. Crime in the United States. Washington, D.C.

Flora, Peter; Heidenheimer, Arnold J. The Development of the Welfare State in Europe and America. New Brunswick, N.J.:

Transaction, 1987.

Fourastie, Jean. De la vie traditionelle a la vie tertiaire // Population, 14 (1963): 417-432.

Fox, Robin. Reproduction and Succession: Studies in Anthropology, Law, and Society. New Brunswick, N.J.:

Transaction, 1997.

Fox, Robin. Sibling Incest // British Journal of Sociology, 13 (1962): 128-150.

Fox, Robin. The Red Lamp of Incest, rev. ed. South Bend, Ind:

University ofNotre Dame Press, 1983.

Fox, Robin. The Search for Society: Quest for a Biosocial Science and Morality. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1989.

Frank, Robert H. Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status. Oxford: Oxford University Press, 1985.

Frank, Robert H. Passions Within Reason: The Strategic Role of the Emotions. New York: Norton, 1988.

Fukuyama, Francis. Asian Values and the Asian Crisis // Commentary, 105 (1998): 23—27.

Fukuyama, Francis. Capitalism and Democracy: The Missing Link // Journal of Democracy, 3 (1992): 100—110.

Fukuyama, Francis. Falling Tide: Global Trends and US Civil Society// Harvard International Review, 20 (1997): 60—64.

Fukuyama, Francis. Is It All in the Genes? // Commentary (1997):

30-35.

Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

Fukuyama, Francis. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995. (Сокращенный русский перевод: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.)*

Galbraith, John K. The Affluent Society. Boston: Houghton Mifflin, 1958.

Galston, William A. Beyond the Murphy Brown Debate: Ideas for Family Policy // Speech to the Institute for American Values, Family Policy Symposium. New York, 1993.

Gambetta, Diego. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

Gambetta, Diego. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: Blackwell, 1988.

Gartner, Rosemary. Family Structure, Welfare Spending, and Child Homicide in Developed Democracies // Journal of Marriage and the Family, 53 (1991): 231-240.

Gartner, Rosemary. The Victims of Homicide: A Temporal and Cross-National Comparison // American Sociological Review, 55 (1990); 92-106.

Gartner, Rosemary, and Parker, Robert N. Cross-National Evidence on Homicide and the Age Structure of the Population // Social Forces, 69 (1990): 351—371.

Gazzaniga, Michael S. Nature's Mind: The Biological Roots of Thinking, Emotions, Sexuality, Language, and Intelligence. New York:

Basic Books, 1992.

Gazzaniga, Michael S. The Social Brain: Discovering the Networks of the Mind. New York: Basic Books, 1985.

Gazzaniga, Michael S. The Split Brain Revisited // Scientific American, 279 (1998): 50—55.

15-4

Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.

Gelb, Joyce; Palley, Marian Lief. Women of Japan and Korea. Philadelphia: Temple University Press, 1994.

Gellner, Ernest. Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. London: Hamish Hamilton, 1994. (Русский перевод: Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. — *Примеч. пер.)*

Glendon, Mary Ann. Rights Talk: The Impoverishment of Political Discourse. New York: Free Press, 1991.

Glueck, Eleanor; Glueck, Sheldon. Unraveling Juvenile Delinquency. New York: Commonwealth Fund, 1950.

Goldin, Claudia. The Historical Evolution of Female Earnings Functions and Occupations // Explorations in Economic History, 21 (1984): 1-27.

Goldin, Claudia. Understanding the Gender Gap: An Economic History of American Women. New York: Oxford University Press, 1990.

Goldsmith, Stephen. The Twenty-first Century City: Resurrecting Urban America. Lanham, Md.: Regnery Publishing, 1997.

Goode, William J. World Changes in Divorce Patterns. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1993.

Government of Japan and Ministry of Justice. Summary of the White Paper on Crime (Tokyo, ежегодник).

Grabber, Gemot. The Embedded Firm: On the Socioeconomics of Industrial Networks. London: Routledge, 1993.

Granovetter, Mark S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology, 78 (1973): 1360—1380.

Gray, John. Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modem Age. London: Routledge, 1995.

Griswold, Charles L., Jr. Adam Smith and the Virtues of Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Gurr, Ted Robert. Contemporary Crime in Historical Perspective:

A Comparative Study of London, Stockholm, and Sydney // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 434 (1977):

114-136. -

Gurr, Ted Robert, et al. The Politics of Crime and Conflict: A Comparative History of Four Cities. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1977.

Gutman, Herbert G. The Black Family in Slavery and Freedom, 1750—1925. New York: Vintage Books, 1977.

Hamilton, William D. The Genetic Evolution of Social Behavior // Journal of Theoretical Biology, 7 (1964): 7—52.

Hanifan, Lyda Judson. The Rural School and Community Center // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 67 (1916):

130-138.

Hansmann, Henry B.; Quigley, John M. Population Heterogeneity and the Sociogenesis of Homicide // Social Forces, 61 (1982): 206-224.

Hardin, Garrett. The Tragedy of the Commons // Science, 162 (1968): 1243-1248.

Hardin, Russell. Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.

Harrell, Stevan. Human Families. Boulder, Colo.: Westview, 1997.

Harrison, Lawrence E. Underdevelopment Is a State of Mind:

The Latin American Case. New York: Madison Books, 1985.

Hayek, Friedrich A. Fatal Conceit: The Errors of Socialism. Chicago: University of Chicago Press, 1988. (Русский перевод: Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М., 1992. — *Примеч. пер.)*

Hayek, Friedrich A. Law, Legislation and Liberty. Chicago:

University of Chicago Press, 1976.

Hayek, Friedrich A. The Use of Knowledge in Society // American Economic Review, 35 (1945): 519-530.

Heiner, Ronald A. Origin of Predictable Behavior: Further Modeling and Applications//American Economic Review, 75 (1985):
391-396.
Heiner, Ronald A. The Origin of Predictable Behavior // American Economic Review, 73 (1983): 560—595.
Himmelfarb, Gertrude. The De-Moralization of Society: From Victorian Virtues to Modem Values. New York: Knopf, 1995.
Hirschi, Travis; Gottfredson, Michael. A General Theory of Crime. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990.
Hirschman, Albert 0. Rival Interpretations of Market Society:
Civilizing, Destructive, or Feeble // Journal of Economic Literature, 20 (1982): 1463-1484.
Hirschman, Albert 0. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph. Princeton, N.J.:
Princeton University Press, 1977.
Hirshleifer, Jack. Economics from a Biological Viewpoint // Journal of Law and Economics, 20 (1977): 1—52.
Hirshleifer, Jack. Natural Economy Versus Political Economy // Journal of Social Biology, 1 (1978): 319—337.
Hodgson, Geoffrey M. Institutional Economics: Surveying the «Old» and the «New» // Metroeconomica, 44 (1993): 1—28.
Hodgson, Geoffrey M., ed. The Economics of Institutions. Aldershot: Edward Elgar Publishing Co., 1993.
Hofstadter, Richard. Anti-Intellectualism in American Life. New York: Vintage Books, 1963.
Holland, John H. Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1995.
Homans, George C. The Human Group. New York: Harcourt, Brace, 1950.
Home Office. Criminal Statistics: England and Wales. London:
Her Majesty's Stationery Office, various years.
Howe D.W., ed. Victorian America. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976.
Huang, W.S. Wilson. Are International Murder Data Valid and Reliable? Some Evidence to Support the Use of Interpol Data // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, 17 (1993): 77-89.
Huang, W.S. Wilson. Assessing Indicators of Crime Among International Crime Data Series // Criminal Justice Policy Review, 3 (1989): 28-48.
Hubennan, Bemardo A.; Hogg, T. Communities of Practice:

Performance and Evolution // Computational and Methodological Organizational Theory, 1 (1995): 73—92.

Hunter, James Davison. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991.

Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996. (Сокращенный русский перевод: Хантингтон Р. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе, М., 1999. — *Примеч. пер.)*

Huntington, Samuel P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma City: University of Oklahoma Press, 1991.

Inglehart, Ronald. Modernization and Postmodemization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.:

Princeton University Press, 1997. (Сокращенный русский перевод:

Инглехарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. — *Примеч. пер.)*

Inglehart, Ronald, andAbramson, Paul R. Value Change in Global Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

Jacobs, Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York: Vintage Books, 1992.

Johnson, Paul E. A Shopkeeper's Millennium: Society and Revivals in Rochester, New York, 1815—1837. New York: Hill and Wang, 1979.

Johnston, Richard F., et al. Annual Review of Ecology and Systematics, vol. 5. Palo Alto, Calif.: Annual Reviews, 1964.

Jones, Elise F. Teenage Pregnancy in Industrialized Countries. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986.

Jones, Gavin W. Modernization and Divorce: Contrasting Trends in Islamic Southeast Asia and the West // Population and Development Review, 23 (1997): 95-114.

Jones, Owen D. Evolutionary Analysis in Law: An Introduction and Application to Child Abuse // North Carolina Law Review, 75 (1997): 1117-1241.

Jones, Owen D. Law and Biology: Toward an Integrated Model of Human Behavior // Journal of Contemporary Legal Issues, 8 (1997):

167-208.

Judkins, Calvert J. National Associations of the United States. Washington, D.C.: U.S. Department of Commerce, 1949.

Kaminski, Marguerite; Paiz, Judith. Japanese Women in Management: Where Are They? // Human Resource Management, 23 (1984): 277-292.

Kash, Don E.; Ryecroft, Robert W. The Complexity Challenge:

Technological Innovation for the 21st Century. London: Pinter, 1999.

Katz, Harry. Shifting Gears: Changing Labor Relations in the U.S. Automobile Industry. Cambridge: MIT Press, 1985.

Katz, Lawrence P.; Murphy, Kevin. Changes in Relative Wages, 1963—1987: Supply and Demand Factors // Quarterly Journal of Economics, 107 (February 1992): 35—78.

Katz, Michael. The Undeserving Poor: From the War on Poverty to the War on Welfare. New York: Pantheon, 1989.

Keeley, Lawrence H. War Before Civilization. New York: Oxford University Press, 1996.

Kelling, George; Coles, Catherine. Fixing Broken Windows:

Restoring Order and Reducing Crime in Our Communities. New York:

Free Press, 1996.

Kelly, Kevin. Out of Control: The New Biology of Machines, Social Systems, and the Economic World. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1994.

Kerjosse, Roselyn; Tamby, Irene. The Demographic Situation in 1994: The Movement of the Population. Paris: National Institute of Statistics and Economic Studies, 1994.

Klein, Daniel B., ed. Reputation: Studies in the Voluntary Elicitation of Good Conduct. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

Krahn, Harvey, et al. Income Inequality and Homicide Rates: Cross-National Data and Criminological Theories // Criminology, 24 (1986); 269-295.

Krugman, Paul R. The Power of Biobabble: Pseudo-Economics Meets Pseudo-Evolution // Slate, October 23, 1997.

Kuper, Adam. The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

Ladd, Everett C. Silent Revolution: The Reinvention of Civic America. New York: Free Press, 1999.

Ladd, Everett C. The Data Just Don't Show Erosion of America's «Social Capital» // Public Perspective (1996): 4—22.

Ladd, Everett C. The Myth of Moral Decline // The Responsive Community, 4 (1993—1994): 52—68.

Laslett, Peter; Wall, Richard. Family Forms in Historic Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Laslett, Peter; Wall, Richard. Household and Family in Past Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Leavitt, Gregory C. Relativism and Cross-Cultural Criminology:

A Critical Analysis // Journal of Research in Crime and Delinquency, 27 (1990): 5-29.

Lemann, Nicholas. The Promised Land: The Great Black Migration and How It Changed America. New York: Alfred A. Knopf, 1991.

Levi-Strauss, Claude. The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969.

Light, Ivan H. Ethnic Enterprise in America. Berkeley: University of California Press, 1972.

Lipset, Seymour Martin. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword. New York: W.W. Norton, 1995.

Locke, John L. The De-voicing of Society: Why We Don't Talk to Each Other Anymore. New York: Simon & Schuster, 1998.

Maine, Henry. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. Boston:

Beacon Press, 1963.

Malone, Thomas W. The Interdisciplinary Study of Coordination // ACM Computing Surveys, 26 (1994): 87—199.

Malone, Thomas W., et al. Electronic Markets and Electronic Hierarchies // Communications of the ACM, 30 (1987): 484—497.

Marshall, Inkeke Haen; Marshall, Chris E. Toward Refinement of Purpose in Comparative Criminological Research: Research Site Selection in Focus // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, 7 (1983): 89-97.

Martin, David. A General Theory of Secularization. New York:

Harper & Row, 1978.

Martin, David. Fundamentalism: An Observational and Definitional Tour d'Horizon // Political Quarterly, 61 (1990): 129—131.

Martin, David. Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Martin, Robert T.; Conger, Rand D. A Comparison of Delinquency Trends: Japan and the United States // Criminology, 18 (1980): 53—61.

Masters, Roger D. The Biological Nature of the State // World Politics, 35 (1983): 161-193.

Mayhew, Pat; White, Philip. The 1996 International Crime Victimization Survey. London: Home Office Research and Statistics Directorate, 1997.

McLanahan, Sara S.; Sandefur, Gary D. Growing Up with a Single Parent: What Hurts, What Helps. Cambridge: Harvard University Press, 1994.

Mead, Margaret. Coming of Age in Samoa; A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization. New York: William Morrow, 1928. (Сокращенный русский перевод: Мвд М. Взросление на Самоа // Мвд М. Культура и мир детства. М., 1988. — *Примеч. пер.)*

Mead, Margaret. Male and Female. New York: Dell, 1949.

Merton, Robert K. Social Structure and «Anomie» // American Sociological Review, 33 (1938): 672—682. (Русский перевод: Мер-тон К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. — *Примеч. пер.)*

Messner, Steven F. Income Inequality and Murder Rates: Some Cross-National Findings // Comparative Social Research, 3 (1980):

185-198.

Messner, Steven F.; Rosenfeld, Richard. Crime and the American Dream, 2d ed. Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing Co., 1997.

Miller, Gary J. Managerial Dilemmas: The Political Economy of Hierarchy. New York: Cambridge University Press, 1992.

Miller, John J. The Unmaking of Americans: How Multiculturalism Has Undermined the Assimilation Ethic. New York: Free Press, 1998.

Ministry of Families. Senior Citizens, and Women, and Youth. Federal Republic of Germany. Die Familie im Spiegel der Amtlichen Statistik: Aktual und Erweiterte Neuauflage 1998. Bonn, 1998.

Mitchell, B.R. International Historical Statistics: Europe 1750— 1988. New York: Stockton Press, 1992.

Moffitt, Robert. Incentive Effects of the US Welfare System: A Review // Journal of Economic Literature, 30 (1992): 1—61.

Moffitt, Robert. The Effect of the US Welfare System on Marital Status // Journal of Public Economics, 41 (1990): 101—124.

Moynihan, Daniel P. The Negro Family; A Case for National Action. Washington, D.C.: U.S. Department of Labor, 1965.

Mukherjee, Satyanshu; Dagger, Dianne. The Size of the Crime Problem in Australia. 2d ed. Canberra: Australian Institute of Criminology, 1990.

Mukherjee, Satyanshu; Scandia, Anita. Sourcebook of Australian Criminal and Social Statistics. Canberra: Australian Institute of Criminology, 1989.

Murphy, Cait. Europe's Underclass // National Interest, No. 50 (1997): 49-55.

Murray, Charles. Losing Ground. New York: Basic Books, 1984.

Murray, Charles. Welfare and the Family: The US Experience // Journal of Labor Economics, 11 (1993): S224—S262.

National Center for Health Statistics. Births, Marriages, Divorces and Deaths for 1996. Washington, DC.: Public Health Service, 1997.

National Center for Health Statistics. Vital Statistics of the United States, 1992. Vol. 1: Natility. Washington, DC.: Public Health Service, 1995.

National Commission on Civic Renewal. A Nation of Spectators:

How Civic Disengagement Weakens America and What We Can Do

About It. College Park, Md.: National Commission on Civic Renewal, 1998.

National Commission on Civic Renewal. The Index of National Civic Health. College Park, Md.: National Commission on Civic Renewal, 1998.

National Commission to Prevent Child Abuse. Public Opinion and Behaviors Regarding Child Abuse Prevention: A Ten Year Review ofNCPCA's Public Opinion Research. Chicago: NCPCA, 1997.

National Statistical Office and Republic of Korea. Social Indicators in Korea 1995. Seoul: National Statistical Office, 1995.

National Urban League. The State of Black America 1996. Washington, DC.: National Urban League, 1997.

Nelson, Richard E.; Winter, Sidney G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge: Belknap/Harvard University Press, 1982.

Neu, Dean. Trust, Contracting and the Prospectus Process // Accounting, Organizations and Society, 16 (1991): 243—256.

Neuman, W. Lawrence; Berger, Ronald J. Competing Perspectives on Cross-National Crime: An Evaluation of Theory and Evidence // Sociological Quarterly, 29 (1988): 281—313.

Nevins, Allan, with Frank E. Hill. Ford: The Times, the Man, the Company. New York: Scribner's, 1954.

Nohria, Nitin, and Eccles, Robert. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Boston: Harvard Business School Press, 1992.

Nolan, James L. The Therapeutic State: Justifying Government at Century's End. New York: NYU Press, 1998.

North, Douglass C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press, 1990.

North, Douglass C.; Thomas, Robert P. An Economic Theory of the Growth of the Western World // Economic History Review, 2d ser. 28 (1970): 1—17.

North, Douglass C.; Thomas, Robert P. The Growth of the Western World. London: Cambridge University Press, 1973.

Nye, Joseph S., Jr., ed. Why People Don't Tmst Government. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

O'Neill, June; Polachek, Solomon. Why the Gender Gap in Wages Narrowed in the 1980s // Journal of Labor Economics, 11 (1993):

205-228.

Ogawa, Naohiro; Retherford, Robert D. The Resumption of Fertility Decline in Japan: 1973—1992 // Population and Development Review, 19 (1993): 703-741.

Olson, Mancur. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

Olson, Mancur. The Rise and Decline of Nations. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1982.

Opp, Karl-Dieter. Emergence and Effects of Social Norms — Confrontation of Some Hypotheses of Sociology and Economics // Kyklos, 32(1979): 775-801.

Oppenheimer, Valerie K. Women's Rising Employment and the Future of the Family in Industrial Societies // Population and Development Review, 20 (1994): 293—342.

Organization for Economic Cooperation and Development. Employment Outlook. Paris, July 1996.

Ostrom, Elinor. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Ostrom, Elinor; Walker, J. Rules, Games and Common-Pool Resources. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.

Pew Research Center For the People and the Press. Deconstructing Distrust: How Americans View Government. Washington, D.C.: Pew Research Center, 1998.

Pew Research Center For the People and the Press. Trust and Citizen Engagement in Metropolitan Philadelphia: A Case Study. Washington, DC.: Pew Research Center, 1997.

Plotnick, Robert D. Welfare and Out-of-Wedlock Childbearing:

Evidence from the 1980s // Journal of Marriage and the Family, 52 (1990): 735-746.

Popenoe, David. Disturbing the Nest: Family Change and Decline in Modern Societies. New York: Aldine de Gruyter, 1988.

Popenoe, David. Life Without Father: Compelling New Evidence that Fatherhood and Marriage are Indispensable for the Good of Children and Society. New York: Free Press, 1996.

Porter, Michael E. Clusters and the New Economics of Competition// Harvard Business Review (November-December 1998):

77-90.

Porter, Michael E. On Competition. Boston: Harvard Business Review Books, 1998.

Posner, Richard A.; Landes, Elisabeth M. The Economics of the Baby Shortage // Journal of Legal Studies, 323.

Powell, Walter W. Neither Market Nor Hierarchy: Network Forms of Organization // Research in Organizational Behavior, 12 (1990):

295-336.

Pugh, George E. The Biological Origin of Human Values. New York: Basic Books, 1977.

Putnam, Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, 6 (1995); 65—78.

Putnam, Robert D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

Putnam, Robert D. Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics (1995): 664-682.

Rabinowitz, Dorothy. From the Mouths of Babes to a Jail Cell // Harper's (1990): 52-63.

Rahn, Wendy; Brehm, John. Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // American Journal of Political Science, 41 (1997): 999—1023.

Rahn, Wendy; Transue, John. Social Trust and Value Change:

The Decline of Social Capital in American Youth, 1976—1995 (Unpublished paper, 1997).

Rankin, J.; Wells, J.E. The Effect of Parental Attachments and Direct Controls on Delinquency // Journal of Research in Crime and Delinquency, 27 (1990): 140—165.

Reardon, Elaine. Demand-Side Changes and the Relative *"'Щ* Economic Progress of Black Men: 1940—1990 // Journal of Human Resources, 32 (1997): 69-97.

Reimers, Cordelia W. Cultural Differences in Labor Force Participation Among Married Women // ABA Papers and Proceedings 75, no. 2 (1985): 251-255.

Republic of China and Directorate-General of Budgeting, Accounting and Statistics. Statistical Yearbook of the Republic of China 1992. Taipei: Directorate General of Budgeting, Accounting and Statistics, 1992.

Rey, Marcella. Pieces to the Association Puzzle (Paper presented to the annual meeting of the Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action, November 1998).

Ricks, Thomas E. Making the Corps. New York: Scribner's, 1997.

Ridley, Matt. The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation. New York: Viking, 1997.

Ridley, Matt. The Red Queen: Sex and the Evolution of Human Nature. New York: Macmillan, 1993.

Rindfuss, Ronald R.; Morgan, S. Philip. Marriage, Sex, and the First Birth Interval: The Quiet Revolution in Asia // Population and Development Review, 9 (1983): 259—278.

Roe, Mark J. Chaos and Evolution in Law and Economics // Harvard Law Review, 109 (1996): 641—668.

Rohlen, Thomas P. «Spiritual Education» in a Japanese Bank // American Anthropologist, 75 (1973): 1542—1562.

Rorabaugh, William J. The Alcoholic Republic. New York: Oxford University Press, 1979.

Rosenfeld, Richard. The Social Sources of Homicide in Different Types of Societies // Sociological Forum, 6 (1991): 51—70.

Rosenzweig, Mark R.; Wolpin, Kenneth J. Parental and Public Transfers to Young Women and Their Children // American Economic Review, 84 (1994): 1195—1212.

Ross, Ruth A.; Benson, George C.S. Criminal Justice from East to West // Crime and Delinquency (1979): 76—86. - ;

Rossi, Alice. A Biosocial Perspective on Parenting // Daedalus, 106 (1977): 2-31.

Rossi, Alice. The Biosocial Role of Parenthood // Human Nature, 72 (1978): 75-79.

Roussel, Louis. La famille incertaine. Paris: Editions Odile Jacob, 1989.

Salamon, Lester M. America's Nonprofit Sector: A Primer. New York: Foundation Center, 1992.

Salamon, Lester M. Government and the Voluntary Sector in an Era of Retrenchment: The American Experience // Journal of Public Policy, 6 (1986): 1-19.

Salamon, Lester M. Partners in Public Service: Government-Nonprofit Relations in the Modem Welfare State. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.

Salamon, Lester M. The Rise of the Nonprofit Sector// Foreign Affairs, 73 (1994): 109-122.

Salamon, Lester M., and Anheier, Helmut K. The Emerging Sector: An Overview. Baltimore: Johns Hopkins Institute for Policy Studies, 1994.

Sampson, Robert J. Urban Black Violence: The Effect of Male Joblessness and Family Disruption // American Journal of Sociology, 93 (1987): 348-382.

Sampson, Robert J.; Laub, John H. Crime in the Making: Pathways and Turning Points Through Life. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

Sampson, Robert J., et al. Neighborhoods and Violent Crime:

A Multilevel Study of Collective Efficacy// Science, 277 (1997):

918-924.

Sandel, Michael J. Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Sardon, Jean-Paul. General Natality. Paris: National Institute of Demographic Studies, 1994.

Saxenian, Annalee. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Cambridge: Harvard University Press, 1994.

Schein, Edgar H. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 1988.

Schudson, Michael. What If Civic Life Didn't Die? // American Prospect (1996): 17—20.

Schumpeter, Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy, New York: Harper Brothers, 1950.

Scott, James C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Conditions Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.

Sedlak, AndreaJ.; Broadhurst, Diane D. Third National Incidence Study of Child Abuse and Neglect. Washington, DC.: U.S. Dept of Health and Human Services, 1996.

Seligman, Adam B. The Problem of Trust. Princeton, N.J.:

Princeton University Press, 1997.

Seydlitz, Ruth. Complexity in the Relationships among Direct and Indirect Parental Controls and Delinquency // Youth and Society, 24 (1993): 243-275.

Shaw, Henry; McKay, Clifford. Juvenile Delinquency and Urban Areas. Chicago: University of Chicago Press, 1942.

Sherman P.W. Nepotism and the Evolution of Alarm Calls // Science, 197 (1977): 1246-1253.

Shoham, Shiomo G.; Rahav, Giora. Family Parameters of Violent Prisoners // Journal of Social Psychology, 127 (1987): 83—91.

Skogan, Wesley G. Disorder and Decline: Crime and the Spiral of Decay in American Neighborhoods. New York: Free Press, 1990.

Smith, Adam. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. (Русский перевод:

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1982. — *Примеч. ред.)*

Smith, Adam. Lectures on Jurisprudence. Indianapolis: Liberty Press, 1982.

Smith, Adam. The Theory of Moral Sentiments. Indianapolis:

Liberty Classics, 1982. (Русский перевод: Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. — *Примеч. ред.)*

Smith, Tom W. Factors Relating to Misanthropy in Contemporary American Society // Social Science Research, 26 (1997): 170—196.)

Stack, Carol. All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community. New York: Harper and Row, 1974.

Stack, Steven. Social Structure and Swedish Crime Rates: A Time-, Series Analysis, 1950—1979 // Criminology, 20 (1982): 499—513. .

Stack, Steven; Kowalski, Gregory S. The Effect of Divorce on Homicide //Journal of Divorce and Remarriage, 18 (1992): 215—218,

Statistics Canada. Canadian Crime Statistics 1995. Ottawa, Ontario:

Canadian Center for Justice Statistics, 1995.

Statistics Denmark. Kriminalstatistik (Criminal Statistics). Copenhagen, 1996.

Statistics Finland. Crime Nomenclature. Helsinki: Statistics Finland, 1996.

Statistics Finland. Yearbook of Justice Statistics 1996. Helsinki:

Statistics Finland, 1997.

Statistics Norway and Statistik Sentralbyra. Crime Statistics 1995. Oslo-Kongsvinger: Statistics Norway, 1997.

Statistics Norway. Historic Statistics 1994. Oslo: Statistics Norway, 1995.

Statistics Sweden and Statistika Centralbyran. Kriminalstatistik 1994. Stockholm: Statistics Sweden, 1994.

Statistics Sweden. Population Statistics 1996. Part 4, Vital Statistics. Stockholm: Statistics Sweden, 1997.

Stets, Jan E. Cohabiting and Marital Aggression: The Role of Social Isolation // Journal of Marriage and the Family, 53 (1991): 669-680.

Strauss, Leo. Natural Right and History. Chicago: University of Chicago Press, 1953.

Sugden, Andrew. Spontaneous Order // Journal of Economic Perspectives, 3 (1989): 85—97.

Sugden, Andrew. The Economics of Rights, Cooperation and Welfare. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

Sutherland, Edwin; Cressy, Donald. Criminology. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1970.

Tannenbaum, Frank. Crime and the Community. New York:

Columbia University Press, 1938.

Taub, David M. Primate Paternalism. New York: Van Nostrand Reinhold, 1984.

Teitelbaum, Michael S.; Winter, Jay M. The Fear of Population Decline. Orlando, Fla.: Academic Press, 1985.

Thornton, Arland; Fricke, Thomas E. Social Change and the Family: Comparative Perspectives from the West, China, and South Asia // Sociological Forum, 2 (1987): 746—779.

Tiger, Lionel. The Decline of Males. New York: Golden Books, 1999.

Tiger, Lionel. Men in Groups. New York: Random House, 1969.

Tiger, Lionel; Fowler, Heather T. Female Hierarchies. Chicago:

Beresford Book Service, 1978.

Tiger, Lionel; Fox, Robin. The Imperial Animal. New York: Holt, Rinehart, andWinston, 1971.

Tittle, Charles R. Social Class and Criminal Behavior: A Critique of the Theoretical Foundation // Social Forces, 62 (1983): 334—358.

Tofller, Alvin. The Third Wave. New York: William Morrow, 1980. (Русский перевод: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. — *Примеч. пер.)*

Tomasson, Richard F. Modem Sweden: The Declining Importance of Marriage // Scandinavian Review (1998): 83-89.

Tonnies, Ferdinand. Community and Association. London:

Routledge and Kegan Paul, 1955.

Tonry, Michael; Morris, Norval. Crime and Justice. Vol. 7. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

Trivers, Robert. Social Evolution. Menio Park, Calif.: Benjamin/ Cummings, 1985.

Trivers, Robert. The Evolution of Reciprocal Altruism // Quarterly Review of Biology, 46 (1971): 35—56.

Trojanowicz, Robert et al. Community Policing: A Contemporary Perspective. Cincinnati, Ohio: Anderson Publishing Company, 1998.

U.S. Bureau of the Census. International Database, Population. Washington, DC.: International Programs Center, 1998.

U.S. Bureau of the Census. Statistical Abstract of the United States,

1996. Washington, DC.: U.S. Government Printing Office, 1996. U.S. Bureau of the Census. Statistical Abstract of the United States,

1997. Washington, DC.: U.S. Government Printing Office, 1997.

U.S. Department of Health and Human Services. Report to Congress on Out-of-Wedlock Childbearing. Hyattsville, Md.: U.S. Government Printing Office, 1995.

U.S. Department of Health and Human Services. Vital Statistics of the United States. Vol. 1: Natality. Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1996.

U.S. Department of Justice. Criminal Victimization, 1973—1995. Washington, DC.: BJS National Crime Victimization Survey, 1997.

United Nations. Demographic Yearbook, 1995. New York: United Nations Publications, 1995.

United Nations. World Population Prospects: The 1996 Revision-Annex 1 — Demographic Indicators. New York: United Nations Publications, 1996.

United Nations Department for Economic and Social Information and Policy Analysis. Demographic Yearbook, 1990. New York: United Nations Publications, 1990.

Van Dijk, Jan J.M., et al. Experiences of Crime across the World. Deventer, Netherland: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1991.

Ventura S.J. Births to Unmarried Mothers: United States, 1980— 1992. Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1995.

Ventura S.J.; Martin J.A.; Mathews T.J.; Clarke S.C. Advance Report of Final Natility Statistics, 1994. National Center for Health Statistics, 1996.

Ventura S.J.; Martin J.A.; Mathews T.J.; Clarke S.C. Report of Final Natility Statistics, 1996. Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1998.

Viccica, Antoinette D. World Crime Trends // International Journal of Offender Therapy, 24 (1980): *ПО—277.*

von Mises, Ludwig. Socialism. An Economic and Sociological Analysis. Indianapolis: Liberty Classics, 1981.

von Neumann, John; Moigenstem, Oskar. Theory of Games and Economic Behavior. New York: John Wiley, 1944.

Waldrop, M. Mitchell. Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. New York: Simon & Schuster, 1992.

Wallace P.A.; LeMund A. Women, Minorities, and Employment Discrimination. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1977.

Warner, W. Lloyd, et al. Yankee City. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1963.

Weber, Max. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

Weber, Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London: Alien and Unwin, 1930. (Русский перевод: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. — *Примеч. пер.)*

Weber, Max. The Religion of China. New York: Free Press, 1951.

Wells J.E.; Rankin J.H. Direct Parental Controls and Delinquency // Criminology, 26 (1988): 263-285.

Whelan, Robert. Broken Homes and Battered Children: A Study of the Relationship Between Child Abuse and Family Type. Oxford:

Family Education Trust, 1994.

Whitehead, Barbara Dafoe. Dan Quayle Was Right // Atlantic Monthly, 271 (1993): 47—84.

Williams, George C. Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974.

Williamson, Oliver E. Calculativeness, Trust, and Economic Organization //Journal of Law and Economics, 36 (1993): 453—502.

Williamson, Oliver E. The Nature of the Firm: Origins, Evolution and Development. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Wilson, Edward 0. On Human Nature. Cambridge: Harvard University Press, 1978.

Wilson, Edward 0. Resuming the Enlightenment Quest // Wilson Quarterly, 22 (1998): 16-27.

Wilson, James Q. Bureaucracy: What Government Agencies Do and Why They Do It. New York: Basic Books, 1989.

Public Interest (1997): 3—14.

Wilson, James Q. The Moral Sense. New York: Free Press, 1993.

Wilson, James Q. Thinking About Crime. Rev. ed. New York:

Vintage Books, 1983.

Wilson, James Q.; Abrahamse, Allan. Does Crime Pay? //Justice Quarterly, 9 (1993): 359-378.

Wilson, James Q.; Hermstein, Richard. Crime and Human Nature. New York: Simon & Schuster, 1985.

Wilson, James Q.; Kelling, G. Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety // Atlantic Monthly, 249 (1982): 29-38.

Wilson, James Q.; Petersilia, Joan, eds. Crime. San Francisco:

ICS Press, 1995.

Wilson, William Julius. The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass, and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Wilson, William Julius. When Work Disappears: The World of the New Urban Poor. New York: Knopf, 1996.

Wolfe, Alan. One Nation, After All: What Middle-Class Americans Really Think About God, Country, Family, Racism, Welfare, Immigration, Homosexuality, Work, The Right, The Left, and Each Other. New York: Viking, 1998.

Wolfe, Alan. Whose Keeper? Social Science and Moral Obligation. Berkeley: University of California Press, 1989.

Womack, James P., et al. The Machine That Changed the World:

The Story of Lean Production. New York: Harper Perennial, 1991.

Wrangham, Richard; Peterson, Dale. Demonic Males: Apes and the Origins of Human Violence. Boston: Houghton Mifflin, 1996.

Wrigley, E.A. Nineteenth-Century Society: Essays in the Use of Quantitative Methods for the Study of Social Data. Cambridge:

Cambridge University Press, 1972.

Wrong, Dennis. The Oversocialized Conception of Man in Modem Sociology // American Sociological Review, 26 (1961): 183—196.

Wynne-Edwards, Vero C. Animal Dispersion in Relation to Social Behaviour. New York: Hafner Publishing, 1967.

Wynne-Edwards, Vero C. Evolution Through Group Selection. Oxford: BlackweU Scientific, 1986.

Yeager, Matthew G. Immigrants and Criminality: A Cross-National Review // Criminal Justice Abstracts, 29 (1997): 143—171.

Zakaria, Fareed. A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs, 73 (1994): 109-127.

Zuboff, Shoshana. In the Age of the Smart Machine: The Future of Work and Power. New York: Basic Books, 1984.

Об авторе

Биография Фрэнсиса Фукуямы не отличается богатством событий. Родился он в Чикаго 27 октября 1952 года. В 1974 году окончил Корнелльский университет, а в 1977 году защитил в Гарварде докторскую диссертацию по политическим наукам. Затем в течение ряда лет (1979—1980, 1983—1989, 1995—1996) Фукуяма работал в политологическом отделе корпорации РЭНД* — частного института, созданного ВВС США для разработки проблем национальной безопасности, — а в промежутках участвовал в деятельности группы по политическому планированию госдепартамента США, был заместителем директора отдела Ближнего Востока и бывшего СССР, преподавал в разных университетах.

В настоящее время Фукуяма является деканом факультета международной политической экономии Школы перспективных международных исследований Пола Нитце университета Джонса Хопкинса. Кроме того, Фукуяма входит в состав Президентского совета по биоэтике, в попечительские советы Национального фонда демократии и фонда «Новая Америка», а также — в консультативные советы журналов «Нэйшнл Интерест» и «Джорнэл оф демокреси».

Широкую известность Фукуяма получил благодаря своей вышедшей в 1989 году статье «Конец истории?», которая вызвала бурные дискуссии. К 1992 году он расширил и переработал ее в книгу «Конец истории и последний человек» (русский перевод готовится к печати). В 1995 году выходит его книга «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния», в которой исследуется зависимость социальных связей и экономического развития. В 1999 году публикуется книга «Великий разрыв. Человеческая природа и воспроизводство социального порядка», посвященная радикальным общественным изменениям последних десятилетий. Наконец, в 2002 году появляется последняя на сегодняшний день книга Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции» (русский перевод готовится к печати).

* См. примечание 81 ко второй главе этой книги.

Василий Кузнецов

ФРЕНСИС ФУКУЯМА
ВЕЛИКИЙ РАЗРЫВ
Подписано в печать 21.12.2003.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Тираж 1240 экз. Заказ №9578.
Отпечатано с готовых диапозитивов.

Электронная библиотека AzbukNET 2003-2004гг http://azbuk.net